

ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН ВОСТОКА

ИСТОРИОГРАФИЯ СТРАН ВОСТОКА

(проблемы феодализма)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1977

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Редакционная коллегия:
*Ф. М. Ацамба, М. С. Иванов, Э. Г. Лапина, В. И. Павлов,
М. Н. Пак, М. Ф. Юрьев*

Рецензенты:
доктор исторических наук В. Н. Никифоров,
профессор Р. М. Бродский

И $\frac{10601-128}{077(02)-76}$ БЗ 27—32—1976

© Издательство Московского университета, 1977 г.

ВВЕДЕНИЕ

Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» выдвинуло перед советскими учеными задачу «вести систематическую наступательную борьбу против антикоммунизма, давать обстоятельную критику современной буржуазной философии, социологии, историографии... ярче раскрывать всеобщее интернациональное значение марксизма-ленинизма, показывать... превосходство коммунистической идеологии перед идеологией буржуазной, всепобеждающую силу идей научного коммунизма»¹.

Революционные перемены в жизни народов Востока оказывают огромное влияние на идеологические и социально-политические процессы в молодых независимых государствах. Одним из новых явлений идеологической жизни в этих странах является прогресс общественных наук, в том числе исторических исследований. Буржуазное востоковедение, еще недавно претендовавшее на монополию в этой области, ныне вынуждено считаться с появлением национальных исторических школ и новых концепций, порожденных борьбой народов бывших колоний за свое национальное и социальное освобождение.

Важным моментом идейной борьбы в странах Востока является растущее влияние марксизма-ленинизма, ощущаемое не только в революционных преобразованиях в сфере экономики или общественной жизни, но и в развитии собственной исторической науки. Успехи национально-освободительной и антиимпериалистической борьбы, крах колониальной системы, широкое распространение идей научного коммунизма стали причиной серьезного кризиса буржуазного востоковедения, и прежде всего одной из его главных отраслей, занимающейся историей народов Востока. Проходившая в Лондоне в 1956 г. Международная конференция по историографии стран Азии констатировала, что в исследованиях необходимо переходить от характеристик людей и описания событий к разработке истории обществ-

¹ «Коммунист», М., 1967, № 13, с. 9.

венной мысли, социальных и экономических институтов стран Азии. Свидетельством перемен в буржуазном востоковедении является растущий интерес к марксистской востоковедческой литературе и к историографии стран Азии и Африки. Вместе с тем следует отметить и стремление американских и других буржуазных историков вести активную борьбу против растущего влияния марксистских концепций развития стран Востока, противопоставлять им подновленные варианты теорий, прославляющих капиталистической строй. Значение подобных усилий нельзя недооценивать, ибо буржуазное востоковедение еще оказывает определенное влияние на формирование общественного мнения стран Востока, в частности на становление и развитие национальных исторических школ. С историками-антикоммунистами смыкаются представители мелкобуржуазно-националистической историографии стран Востока.

В отечественном востоковедении традиции историографических исследований были заложены академиком В. В. Бартольдом, издавшим в начале 20-х годов курс «Изучение истории Востока в Европе и России». Развивая эти традиции, советские историки проделали большую работу по исследованию истории русского и советского востоковедения. Ее итоги нашли свое отражение в «Очерках по истории отечественного востоковедения» и в соответствующих разделах «Очерков истории исторической науки в СССР», а также в ряде монографий, статей и докладах на конференциях по историографии и источниковедению, проводимых Ленинградским университетом. В 60—70-х годах вышел ряд историографических сборников, которые были посвящены разоблачению реакционных концепций, насаждавшихся в востоковедении идеологами империализма, анализу исторических школ и направлений в странах Востока, освещению позиций марксистской исторической науки по важнейшим проблемам истории Востока.

Созванная по инициативе востоковедов Московского университета в декабре 1966 г. Межвузовская конференция по вопросам историографии стран Азии и Африки в своих решениях отметила необходимость введения историографических спецкурсов и рекомендовала шире внедрять элементы историографии в общие курсы по истории стран Азии и Африки. Сознвая важность разработки историографических вопросов как при решении современных идеологических проблем, так и для определения актуальных задач науки на основе обобщения ее исторического опыта, коллектив исторического отделения Института стран Азии и Африки при МГУ определил изучение современной историографии по истории стран Востока как одно из главных направлений своей научно-исследовательской деятельности. Сборник «Историография Востока», выпущенный в 1969 г., стал первым итогом этой работы².

² Некоторые материалы сборника использованы в данной работе.

Настоящая книга представляет собой первую попытку создания коллективной монографии по проблемам историографии средневековой истории Востока. Основные цели работы состояли в том, чтобы рассмотреть характерную для определенных эпох и направлений проблематику исследований и соответствующие ей концепции исторического развития Востока в средние века, определить теоретико-методологические (философские) принципы, присущие различным направлениям востоковедения и национальной исторической науки в странах Азии и Африки. При выполнении этих задач авторы стремились прежде всего показать те сдвиги в изучении средневекового Востока, которые произошли на современном этапе. Поэтому главный упор был сделан на раскрытие социально-политической основы новых течений и школ, характеристику новых методов исследований.

Основное внимание авторский коллектив обратил на достижения советского востоковедения в разработке с марксистских позиций наиболее важных проблем средневековой истории и выявлении общих закономерностей социально-экономического развития стран Востока в эпоху феодализма. В книге показан выдающийся вклад первых советских востоковедов — В. В. Бартольда, А. Е. Крымского, В. А. Гордлевского, Н. И. Конрада и их учеников — Е. А. Беляева, М. М. Дьяконова, Б. Н. Заходера, Е. М. Жукова, И. М. Рейснера, Н. В. Пигулевской, И. П. Петрушевского и других — как в разработку общих вопросов восточного средневековья, так и в систематическое изучение истории отдельных регионов и стран.

При характеристике национальной исторической науки авторы стремились осветить особенности становления марксистской историографии в странах социалистической системы. Они отмечают, что под влиянием работ советских востоковедов исследователи КНДР, Вьетнама, а также историки КНР в работах 50-х годов выдвинули важные теоретические проблемы и собрали большой фактический материал по истории своих стран в средние века. В книге прослеживается также создание в послевоенный период историко-материалистической школы в ряде стран Востока, в частности в Японии и Индии.

Развитие марксистской историографии по средневековой истории Востока не могло не оказать своего влияния и на буржуазную историческую науку. Авторы книги обращают внимание читателей на выявившуюся в буржуазном востоковедении тенденцию к пересмотру основных представлений о восточном феодализме. Вместе с тем для современной буржуазной историографии характерна и другая тенденция, проявляющаяся во множестве попыток опровергнуть марксистские концепции по истории Востока. Об этом свидетельствует появление работ У. Ростоу, Э. Рейшауэра, Д. Фербенка, К. Витфогеля и других западных авторов.

Авторский коллектив представлял себе трудности создания сводной работы, учитывая многообразие аспектов историографии

и недостаточную разработанность их применительно к истории Востока. Имеющиеся исследования по историографии стран Востока посвящены лишь отдельным проблемам, изучавшимся в разных странах и в различные периоды, поэтому их явно недостаточно, чтобы представить сколько-нибудь полную картину изучения средневековой истории как в самих странах Азии, так за их пределами. При выборе тематики и соответствующей литературы было решено сосредоточить внимание на нескольких узловых проблемах научной литературы, изданной в послевоенный период.

В историографии стран Востока в средние века центральное место занимают проблемы возникновения и развития феодализма. Особенности генезиса феодальных отношений на Востоке раскрываются на материалах по Ирану, Арабскому халифату, Индии, Японии, Китаю, Корее. Авторы этих разделов анализируют различные взгляды исследователей по таким важнейшим вопросам, как периодизация эпохи раннего феодализма, характер производственных отношений в обществе, где зарождается феодализм, возможность перехода к феодализму, минуя рабовладельческую формацию, формы социальной и политической организации раннефеодального общества.

Проблемы развитого феодализма рассмотрены в историографических обзорах по Китаю, Вьетнаму, Индии, Османской империи, частично по Японии и Ирану. В них прослежено развитие представлений историков об эволюции аграрных отношений, роли государственной и частнофеодальной собственности на землю, трансформации социально-политической структуры общества, изменениях форм и методов эксплуатации крестьянства.

Треть книга посвящена позднему феодализму. В обзорах по Японии, Китаю, Корее, частично Индии в центре внимания оказалось экономическое развитие отдельных регионов Востока в предколониальный период, факторы, способствовавшие или замедлявшие разложение феодализма, генезис капиталистических отношений.

В написании коллективной монографии наряду с преподавателями Института стран Азии и Африки при МГУ участвовали ученые Института востоковедения АН СССР, Ленинградского университета и Липецкого педагогического института.

Авторский коллектив благодарит доктора исторических наук В. Н. Никифорова (Институт Дальнего Востока АН СССР) и профессора Р. М. Бродского (Львовский государственный университет) за ценные замечания и рекомендации, сделанные при рецензировании этой работы.

Научно-техническую работу провели Л. А. Жильцова, А. Г. Гаврилова, Е. И. Бармина.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ФЕОДАЛЬНОМ КИТАЕ¹

Феодалная китайская историография уделяла исключительно большое внимание освещению хозяйственного положения страны, земледелия и аграрных вопросов. Как официальные, так и частные исторические сочинения обычно содержали сведения экономического характера.

Ученые, специально занятые подбором и хранением архивных материалов, их обработкой или написанием истории Китая в период царствования различных династий (так называемых династийных историй), а также отдельные лица, по собственному почину работавшие над историческими сочинениями, отводили значительное место вопросам сельского хозяйства и управления государственными органами.

Издревле в летописях, а затем в разделах «Бэнь цзи» (Основные анналы) династийных историй отмечались урожай и неурожай, стихийные бедствия, губившие посевы, размеры обработанных массивов земли и пр. Отдел «Чжи» (Описание) включал главы «Ши хо» (Продовольственные товары), непосредственно посвященные аграрным отношениям. Традиция составления таких историко-экономических разделов соблюдалась вплоть до написания последней «Цинской истории» (Цин ши гао), изданной в XX в.

Для отделов «Ши хо» подбирали материалы по данным Ху бу (ведомства финансов), в функции которого входил учет населения и земли, распределение полей, обложение и взимание налогов. В «Ши хо» учитывались и материалы Гун бу (ведомства работ), занятого организацией трудовой повинности податных, используемой для нужд казны. Источниками для «Ши хо» служили доклады и отчеты чиновников с мест, обработанные в столице, статистические сведения и сводки учета, тексты императорских указов и официальных распоряжений. Вся эта работа отражала экономическое положение страны с правительственной точки зрения и в масштабах всего государства.

¹ В работе использованы материалы исследований Н. П. Свистуновой и А. Ю. Тюрина.

Сведения об организации хозяйств отдельных феодалов, чиновников, буддийских и даосских монастырей, о положении крестьян-держателей их земель в «Ши хо» отсутствовали.

Главы «Продовольствие и товары» в династийных историях и разделы частных историй содержат также сообщения о военных походах, постройках дворцов и храмов, сооружении каналов, мероприятиях, имевших те или иные экономические последствия. Все важнейшие акты и события датированы циклическими знаками китайского календаря и годами правлений императоров.

В средневековых энциклопедических сборниках помещены аналогичные материалы. Так, в энциклопедии «Тун дьянь», составленной ученым Ду Ю и в «Вэньсянь Тункао» (автор Ма Дуань-линь XIV в.), включены главы, посвященные описанию аграрных порядков, системе податей и повинностей, сельским административным объединениям. Но если труд Ду Ю приближается по содержанию к отделам «Ши хо» династийных историй, то Ма Дуань-линь значительно больше комментировал официальные документы. Для своих разъяснений автор использовал работы различных ученых, а некоторые комментарии составлял сам. В целом труды Ду Ю, Ма Дуань-линя и других ученых средневековья отражают официальные конфуцианские концепции.

В Китае — обширной земледельческой стране — высокая культура полеводства требовала до крайности напряженного труда крестьян. Результаты этого труда обеспечивали господствующему классу богатые условия жизни. Государственная организация была призвана следить за состоянием ирригации и земледелия, дабы не иссякли источники доходов феодалов. Известную зависимость состояния на Востоке земледельческого хозяйства от хорошего или дурного правления отметил К. Маркс: «...земледелие приходит в упадок при одном правительстве и снова возрождается при каком-либо другом...»².

Обязанность властей уделять максимум внимания полеводству была издавна осязана традициями. Конфуцианская мораль строго предписывала народу трудиться на полях, не покладая рук, и аккуратно платить подати. Чиновникам полагалось контролировать этот труд, взимать налоги, следить за правильностью учета, отчитываться перед начальством. Сам император был обязан заботиться о сельском хозяйстве. Конфуцианское требование учиться на дурных и хороших примерах прошлого ставило перед историками особую задачу: писать исторические труды для того, чтобы уметь управлять страной. Императоры должны были учиться лучшим методам правления государством и распоряжения хозяйственной деятельностью. В связи с этим в «Вэй шу» (составлено в VII в.) можно встретить такой отрывок: «В управлении государством и семьей основу составляют зерно и другие продукты... Все мудрые правители древности следили, чтобы люди занима-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 133.

лись земледелием и обращали главное внимание на выращивание зерновых... Сами правители вспахивали 100 му земли и собирали подати... Если же кто-либо из мужчин не вспахивал землю, а кто-нибудь из женщин не пряд, то их преследовали голод и холод. Голод и холод доводили их до того, что они не могли даже уберечь своих детей. Тогда они начинали сеять смуту и заниматься грабежами. Тем самым они преступали закон и подвергались смертной казни. Если попытаться выяснить причины этого, то окажется, что виной всему — [дурное] правление вана (государя). В случае же если те, у кого есть 100 му земли, будут вовремя ее обрабатывать, и если подати не будут слишком велики, то народ станет богаче. А если народ сыт и богат, то будут соблюдаться принципы *жэнь* (гуманность), *и* (справедливость) и *ли* (порядок). Если будет достаточно пищи и одежды, то каждый будет придерживаться установленных правил поведения»³.

Те же мысли высказывались и в более позднее время. Так, в известном труде «Синь Тан шу» (Новая Танская история), выполненном под руководством выдающегося ученого, поэта и государственного деятеля Оуян Сю в XI в., записано наставление: «В древности тот, кто искусно управлял государством и с любовью воспитывал свой народ, обычно придерживался простых законов. Император заботился о том, чтобы накормить народ. Народ старательно работал, поэтому у императора всего было вдоволь, и народ не испытывал трудностей. Поля давали людям в зависимости от их возможностей, и налоги в казну собирали в зависимости от того, чего и сколько давала земля. Император подсчитывал расход и доход, и, исходя из результатов, делал новые расходы. Все эти три момента взаимосвязаны, и ни один из них нельзя упускать из виду: упустишь один — будут потеряны и два других.

Когда же правитель жесток и глуп, предается излишней роскоши, а чиновники следуют его примеру и соответственно духу времени меняют порядок в государстве с тем, чтобы заслужить милость императора, и начинают совершать расходы без меры и без всяких ограничений обирать народ, тогда народ уже не может работать старательно и обеспечить доход государству. Поэтому император начинает испытывать недостаток [в средствах], а народ сталкивается с трудностями. Тогда появляются предложения, чтобы чиновники больше собирали с народа, обеспечивая тем самым высокие доходы»⁴. Таким образом, древнее учение о должном равновесии в хозяйстве и в обществе отразилось в концепциях средневековых ученых. Историки считали также естественным рассматривать земельный фонд страны как государственное достояние, находящееся в распоряжении императора, который мог наделять народ полями или жаловать их своим родственникам и приближенным. В течение

³ Вэй шу (Вэйская история). Шанхай, «Тунвэнь шуцзюй», цз. 110, лл. 1а—1б.

⁴ Синь Тан шу (Новая Танская история). Шанхай, «Тунвэнь шуцзюй», 1884, цз. 51, лл. 1а—1б.

многих веков подобного представления оставались господствующими и почти не подверглись изменениям в исторических трудах.

На исходе древних веков в китайском обществе распространилась идея уравнивания землепользования. В первые столетия новой эры идея эта нашла отражение в докладах трону, в указах императоров и в трудах историков. В условиях складывания феодальных отношений идея равномерного, фиксированного казной распределения земли приобрела весьма своеобразную форму. В официальных историях, в различных сборниках сообщается о существовании в империи строгой системы наделения крестьян государственной землей с неременным обязательством ее возделывать и платить налоги. Историки подробно записали размеры наделов, установленных для крестьян разных возрастов, деление земли на поля временного пользования и наследственные, правила учета населения, обложения повинностями и податями и, наконец, размеры налогов. Кроме того, они собрали немало сведений об отклонениях от официальных правил.

Относительно господствующего класса историки отметили, что аристократы и чиновники пользовались земельными владениями, которые по своим размерам соответствовали ступени, занимаемой данным лицом на длинной лестнице социальной иерархии.

Конфуцианские ученые назвали раннефеодальные земельные отношения «цзюнь тянь чжи» (система равных полей), что вовсе не соответствовало фактам, ими самими приводимыми. Даже официальные труды изобилуют сведениями о мероприятиях государственной власти, направленных против захватов земли крупными феодалами, незаконной купли-продажи полей.

Жалобами на «поглощение» (цзяньбин) и «захват» (чжань) земли полны экономические отделы династийных и других историй. Ученые фиксировали борьбу правительства против этих явлений. Однако в их трудах нигде не отмечались заметные результаты правительственной политики в этом вопросе.

В IX—XIV вв. в Китае получило большое распространение местное землевладение, а значительная часть крестьян держала земли частных лиц и зависела от хозяев. Однако историки по-прежнему игнорировали сведения об устройстве и порядках в частных землевладениях и продолжали рассматривать все аграрные вопросы с общегосударственных позиций. Они жаловались на захваты феодалами земли; осуждали эти захваты и считали их причиной как экономических затруднений, так и народных восстаний. Перераспределение земли, по их мнению, приводило к искажению налоговых реестров, ухудшению положения землевладельцев. В «Сунской истории» специально отмечено: «Налоги и повинности распределены неравномерно. Сильные дома и знатные фамилии, имеющие необозримые владения земли в сотни и тысячи му, в большинстве своем не платят налогов с полей. Бедные двory из-за этого разоряются»⁵.

⁵ Сун ши (Сунская история). Ксилограф, цз. 173, л. 17.

Историки считали само собой разумеющейся опеку правительства над полеводством и всей жизнью деревни. В экономическом отделе «Сун ши» нашли отражение регламентация посадок тутовых деревьев и других растений, учет всех обрабатываемых в стране полей, учет податного населения по возрастным группам, приказы о поимке беглых и сведения о налоговой системе и трудовых повинностях. В этих же отделах сообщалось о назначении особых лиц в деревне, которые проверяли плодородие полей, определяли наиболее выгодные для посева в данной местности злаки, руководили переделами земли, доносили о ленивых и пьяницах, плохо исполняющих свои обязанности. Нередко историки записывали сведения о тяжелом положении жизни деревни.

В условиях высокого (для средневековья) развития городской культуры, ремесла, торговли, земледелие по-прежнему официально признавалось главным занятием, священным для народа. Обращение к другим видам деятельности подвергалось осуждению. Приверженец преобразований Оуян Сю сетовал на то, что государственный аппарат мало заботится о полеводстве. Он писал: «В «Мэн-цзы» говорится: «Обеспечивать живых, провонять мертвых—сущность хорошего правления». В «Гуань-цзы» говорится: «Когда амбары наполнены, обряды соблюдаются. Поэтому земледелие есть основа Поднебесной... В древности правители никогда не осмеливались это игнорировать. Ныне же чиновники не таковы. Занимаются лишь реестрами и решениями судебных дел. Когда услышат, что кто-либо рассуждает о земледелии, то сообщают смеются над ним... Знают лишь вымогать налоги... не знают того, что занятие земледелием предшествует всему, что это начало и конец порядка»⁶.

В XVI—XVII вв. историописание достигло значительных успехов, но официальная историография не изменила прежним принципам освещения аграрных отношений. О землевладении казенном и частном говорилось лишь вскользь. Экономические отделы содержали общие сведения по учету полей и населения. Очень много внимания уделялось так называемым поселенческим землям и очень мало — частным хозяйствам. Было еще больше жалоб на поглощение и захваты владений частных лиц: «В Минское время было чрезвычайно много случаев захвата частных хозяйств под пастбища и луга, но все же ничто не приносило больше вреда народу, чем императорские поместья и поместья князей, родственников императорского дома и придворных евнухов». В той же «Минской истории» отмечено: «... от середины до конца царствования династии поместья поглощали частную собственность народа»⁷.

Наиболее подробно историки останавливались на налоговой системе, проблеме перевозок налогового зерна, трудовой повинно-

⁶ Оуян юншу цзи, в сер. «Госюэ цзибэнь цун шу», кн. 3, цз. 9. Шанхай, 1958, стр. 62, Мат-лы и пер. З. Г. Лапиной.

⁷ Мин ши (Минская история). Ксилограф, цз. 77, лл. 11, 14а.

сти. В их трудах отчетливо прослеживается мысль о вреде повышения налогообложения, о необходимости экономить государственные средства и больше внимания уделять сельскому хозяйству.

Ученые открыто писали о народных бедствиях: «Народ разбегается и гибнет», — отмечали они неоднократно. Но о формах и размерах ренты, о характере личной несвободы крестьян и их зависимости от хозяина земли историки чаще всего умалчивали. И хотя после завоевания Китая маньчжурами в Цинской империи окончательно оформилась частная феодальная собственность на землю, на характер исторического освещения экономических и социальных вопросов продолжали оказывать влияние сложившиеся в историописании традиции.

Ранние труды западноевропейских авторов содержали лишь общие описания сельского хозяйства Срединной империи или же сведения об отдельных отраслях хозяйства, как шелководство и пр.⁸

Лишь в начале XIX в. синологи стали делать попытки исследовать отдельные проблемы из области аграрных отношений. Появились статьи французского ученого Био, посвященные истории развития земельной собственности в Китае, а также военно-земледельческим поселениям⁹.

В то же время выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин, (Иакинф), работая над китайскими источниками, оставил несколько трудов о сельском хозяйстве Срединной империи. В книге «Земледелие в Китае»¹⁰ он подробно описал сельскохозяйственные орудия китайских крестьян, осветил эволюцию ирригационных сооружений, способы обработки полей в различной местности. Кроме того, Н. Я. Бичурин писал о поземельном налоге¹¹ и об амбарной системе.

Очерк истории аграрных отношений в Китае с древних времен до XVIII в. включительно впервые опубликовал профессор Петербургского университета И. И. Захаров. В двух больших статьях «Поземельная собственность в Китае»¹² и «Историческое обозрение народонаселения в Китае»¹³ собран громадный материал, почерпнутый в китайских источниках. В своих работах И. И. Захаров полностью отразил китайскую историческую традицию освещения и толкования фактов. Поэтому ученый назвал надельную

---

⁸ Например, Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie. Paris, 1735.

⁹ Ed. Biot. Mémoire sur la condition de la propriété territoriale en Chine depuis les temps anciens. — «Journal Asiatique», 1838, ser. 3, vol. VI; Biot. Mémoire sur les colonies militaires et agricoles de Chinois. — «Journal Asiatique», 1850, vol. XV.

¹⁰ См. О. Иакинф. Земледелие в Китае. Спб., 1844.

¹¹ «Москвитянин», 1841, № 12.

¹² «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», 1853, т. II.

¹³ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», 1852, т. I.

систему «уравниванием поземельной собственности» и крайне преувеличил роль государственной организации в распоряжении землей и крестьянами. Как и китайские феодальные авторы, он также отмечал бедственное положение крестьян.

Работа И. И. Захарова использовалась историками на Западе, которые вслед за ним повторяли концепцию земельного строя, созданную в феодальном Китае официальной историографией. Убедительным примером может служить четырехтомный труд французского синолога Кордье, который непосредственно ссылаясь на статьи Захарова¹⁴.

О наличии единственной формы собственности на землю — собственности императора — писали и другие исследователи истории Китая на Западе, решительно отвергавшие какую бы то ни было собственность на землю частных лиц (типа аллодиальной собственности или другие формы)¹⁵.

Это дало право немецкому историку Китая О. Франке отметить: «Еще и поныне остается всеобщим мнением, что вся почва и вся земля на территории китайского государства принадлежат в качестве собственности императору, олицетворяющему абсолютную государственную власть, и что эта так называемая верховная власть исключает какую бы то ни было частную земельную собственность»¹⁶. Сам же этот автор стремился показать, что в Китае, как и в других странах, шло развитие от общественной земельной собственности к частной.

В своем фундаментальном труде по истории Китая О. Франке высказал мысль, что с древности до середины VIII в. землевладение имело тенденцию к равномерности распределения по едокам и податным. С середины VIII в. и по «сегодня» основой стали арендные отношения. Крестьяне, особенно на юге, потеряли землю и превратились в арендаторов, а эквивалентом при налогообложении стала денежная стоимость¹⁷. Утверждая незыблемость арендной системы и частного землевладения на протяжении всех последующих веков, Франке упустил из виду резкое расширение государственных земель, переданных крестьянам в конце XIV в.

Большая книга Ли Пин-хуа, вышедшая в свет на английском языке, посвящена аграрной истории Китая с древних веков¹⁸. Книга содержит переводы текстов императорских указов и исто-

---

¹⁴ H. Cordier. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers depuis les temps les plus anciens jusqu' à la chute de dynastie Mandchoue. Paris, 1920.

¹⁵ W. Williams. Middle Kingdom. — «Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society», vol. II, p. 1.

¹⁶ O. Franke. Die Rechtsverhältnisse am Grundeigentum in China. Leipzig, 1903, S. 5.

¹⁷ O. Franke. Die Geschichte des Chinesischen Reiches, Bd II. Berlin—Leipzig, 1903, S. 556—557.

¹⁸ Lee Ping-hua Mabel. The Economic history of China, with special Reference to Agriculture. N. Y., 1921.

рических записей разных эпох. Но полнейшее доверие к государственно-юридическим и декларативным материалам привело автора к сильнейшему искажению реальной обстановки. Ли Пин-хуа трактует надельную систему как эпоху равномерного распределения земли и придает абсолютизирующее значение государственной собственности на землю в истории Китая.

Исследования О. Франке и Ли Пин-хуа продолжили другие буржуазные ученые. О надельной системе как попытке уравнительного землепользования говорится в монографии М. Лоив «Императорский Китай. Историческая основа современного века»¹⁹ и многих других. Истории надельной системы в Танскую эпоху посвящены монография английского историка Д. Твичетта «Финансовая администрация при династии Тан» и его отдельные статьи. Роль и значение надельной системы автор оценивает, основываясь главным образом на материалах подворных списков из Дуньхуана и Турфана, где широко представлены арендные договоры. Видимо, поэтому Твичетт трактует надельную систему как аренду крестьянами земли, находившейся в собственности государства²⁰.

В современной западной историографии заметна та же тенденция некритического восприятия материалов и передача концепции феодального китайского историописания с той разницей, что эта концепция используется для доказательства неспособности китайского общества к развитию. Однако в большинстве современных фундаментальных трудов, чаще всего посвященных проблемам истории китайской цивилизации, аграрные проблемы вообще не находят освещения²¹. Исключением могут служить лишь работы небольшого числа авторов. Наиболее интересны среди них работы сиолога Э. Балаша, который уделил внимание исследованию положения крестьян²². В Сунский период им отмечено расширение поместных хозяйств, а также и характер крестьянских держаний как своеобразных арендных отношений.

Некоторые исследователи сосредоточили свое внимание на отдельных вопросах или отдельных периодах аграрной истории Китая²³.

Китайская буржуазная историография формировалась на основе конфуцианской исторической концепции и частично под влия-

---

¹⁹ M. Loewe. Imperial China. The historical background to the modern age. L., 1966.

²⁰ D. C. Twitchett. Financial administration under the Tang dynasty. Cambridge, 1963, p. 1.

²¹ Например, J. C. Goodrich. A short history of the Chinese people. N.Y., 1943; L., 1957; W. E. Soothill. A history of China. L., 1950; K. Wittfogel. Oriental despotism. A comparative study of total power. New Haven, 1957.

²² E. Balaz. Etude sur la société et l'économie de la Chine médiévale. Leiden, 1953—1954.

²³ Например, H. F. Schurmann. Economic structure on the Yüan Dynasty. — «Harvard-Yenching inst. Studies», 1956, vol. XVI.

нием трудов западных авторов. Поэтому в отдельных монографиях, как, например, «Аграрный строй в Китае» Чэнь Дэн-юаня, или в статьях, публиковавшихся в журнале «Ши хо»²⁴, господствовала средневековая традиция историописания, толкования, подобная «уравнительному землепользованию», и другие теории, имевшие целью доказать отсутствие классовых противоречий в китайской истории.

Проникновение элементов марксистской теории в Китай нашло свое отражение в попытках ученых анализировать исторический материал и дать характеристику производственным отношениям и их принадлежности к различным социально-экономическим формациям. Примером таких, довольно все же неудачных, попыток может служить книга Вань Го-дина «История аграрного строя Китая»²⁵. Этот автор находит два типа социально-экономических отношений, существовавших в Китае одновременно: феодальный и рабовладельческий.

В КНР ученые, которые стремились так или иначе освещать историю своей страны с марксистских позиций, обращались к аграрной проблематике. Естественно, что они не могли пройти мимо вопросов, возникающих в связи с характером надельной системы. Хоу Вай-лу, Хань Го-пань, Тан Чан-жу и другие разделяли мнение о том, что надельная система была средством укрепления и расширения феодальной земельной собственности. Однако поскольку они датируют возникновение и складывание феодальных отношений на много веков раньше, чем советские историки (т. е. IX или V в. до н. э.), то и видят в такой системе только способ укрепления государственной собственности.

Напротив, историки Ху Жу-лэй, Дэн Гуан-мин и Тань Ху-чжун доказывали, что надельная система — средство укрепления частной надельной собственности. Хань Го-пань обнаружил в ней продукт синтеза феодальных аграрных отношений внутри китайской земледельческой общины и феодализирующегося общества кочевых племен. Большинство ученых отказались от трактовки надельной системы как уравнительного землепользования.

В многочисленных статьях историки осветили коренные вопросы аграрных отношений более поздних периодов. Много внимания они уделили положению различных групп крестьян в X—XIII вв.²⁶, а также условиям аренды и субаренды²⁷. Им удалось

---

²⁴ Чэнь Дэн-юань. Чжунго туди чжиду (Аграрный строй в Китае). Шанхай, 1934; Чжунго шэхуй ши чжуаньгун кань'у (Специальное издание по социальной истории Китая). «Ши хо», Нанкин—Шанхай, 1934—1937.

²⁵ Вань Го-дин. Чжунго тяньжи ши (История аграрного строя Китая). Нанкин, 1937.

²⁶ Ли Цзин-линь. Первоначальное исследование владения землей в период династии Северных Сун. — «Лиши цзяосюэ», 1956, № 4; статьи Хуа Шань и др.

²⁷ Хуа Шань. К вопросу о «кэху» в период Сун. — «Лиши яньцзюэ», 1960, № 1—2.

собрать немало сведений о тяжелом положении крестьян в условиях монгольского ига²⁸, а также и в более поздние эпохи²⁹.

В КНР возникла и затянулась на многие годы дискуссия в связи с оценкой аграрной истории страны, пониманием общих законов и их специфического проявления в феодальном обществе Китая³⁰. Спор велся вокруг определения характера эксплуатации непосредственных производителей, выяснения содержания и направления классовой борьбы, социальной структуры средневекового Китая.

Одним из главных в дискуссии стал вопрос о форме феодальной собственности на землю. Видный ученый Хоу Вай-лу³¹ высказал мнение, что для феодального Китая была характерна «азиатская форма земельной собственности». Верховным собственником земли признавался император (иначе, государство), который передавал земледельцам право пользования землей и помещики имели лишь право владения. Они вели с правительством ожесточенную борьбу за землю и рабочие руки. Государственная земельная собственность принимала различные конкретные формы, выступала под многими названиями и прошла в своем развитии два этапа; до середины VIII в. — первый и до начала династии Цин — второй. «На первом этапе эта форма земельной собственности была основана на военно-политическом господстве» и главной формой эксплуатации была отработочная рента, хотя она и выступала под видом продуктовой. «На последнем этапе эта форма земельной собственности была основана на экономической форме собственности», отработочная рента в то время уступила место продуктовой, сохраняясь лишь на землях поселений³².

Историк Ли Янь³³ писал, что государственная земельная собственность сосуществовала с частной крупной земельной собственностью феодалов, которую они в основном приобретали не через пожалования, а покупая и захватывая крестьянские и казенные земли. Феодальное законодательство гарантировало право распоряжения этой собственностью. При наличии казенных земель в феодальной империи монарх, по мнению Ли Яня, являл-

---

²⁸ Например, Цай Мэй-бяо. Наньдай байхуа бэйцзилу (Сб. надписей на стенах юаньского времени на языке байхуа). Пекин, 1955.

²⁹ Ван Юй-цюань. История и особенности системы военных поселений в период Мин. — «Лиши яньцзю», 1959, № 1 и др.

³⁰ Чжунго фэнцзянь шэуэй туди соючжи синши вэньти таолунь цзи (Сборник статей дискуссии по вопросу о формах феодальной собственности на землю в Китае), тт. I, II. Пекин, 1962.

³¹ Хоу Вай-лу. К вопросу о форме земельной собственности в китайском феодальном обществе. (К обсуждению развития феодального общества Китая). — «Лиши яньцзю», 1954, № 1.

³² Хоу Вай-лу. Указ. соч.

³³ Ли Янь. О феодальной государственной земельной собственности в нашей стране. «Лиши яньцзю», 1956, № 8. Близок к упомянутой точке зрения историк Хэ Чан-цюнь (см. Хэ Чан-цюнь. Несколько соображений по вопросу о системе феодальной государственной собственности на землю. — «синь цзяньшэ», 1960, № 2).

ся верховным собственником этих земель, так как он имел право раздарить их своим родственникам и приближенным, оставить в непосредственном распоряжении правительства или превратить в свое частное имущество. Ли Янь утверждал, что император одновременно выступал и как частный владелец государственных земель и как их верховный собственник.

Возникновение и длительное существование государственной собственности на землю оба автора связывали с необходимостью поддерживать сеть искусственного орошения.

Особенно подробно этот тезис обосновал Ли Янь. Он указывает, что при небольшом количестве крайне неравномерно выпадающих осадков и легко размываемой почве сельское хозяйство в бассейне Хуанхэ было невозможно без создания сложной системы водозащитных сооружений и оросительных каналов. При низком уровне развития производительных сил эту задачу могли выполнить лишь центральные и местные правительства, что вело к концентрации земли в руках государства.

Переход государственных земель в бассейне Хуанхэ к частным лицам вел к разрушению ирригации, превращению возделанных земель в залежные, наводнениям и ухудшению положения крестьянства. Именно поэтому Северный Китай был ареной крупных народных движений, которые наносили удар помещицкой собственности на землю.

Сторонники второй точки зрения признают определяющее значение частной помещицкой собственности в феодальном Китае, хотя и не отрицают наличия государственной земельной собственности.

В статьях Хуа Шаня и Гао Миня утверждается, что среди господствующего класса шла борьба за землю и в определенных исторических условиях государственная собственность занимала господствующее положение. Таким временем Хуа Шань считает эпоху «уравнительного землепользования» (Суй—Тан)³⁴ и Гао Минь — весь дотанский период³⁵.

Главным эксплуататором крестьянства тогда выступало феодальное государство и именно против него, а не против помещиков направлялся удар крестьян. С конца Тан и начала Сун вслед за изменением формы собственности изменился и характер крестьянской борьбы, которая направлялась уже против всего класса феодалов в целом.

По мнению Ху Жу-лэй, помещиков в стране было много и к ним поступала большая часть прибавочного продукта³⁶. Отсюда

---

³⁴ Хуа Шань. Некоторые соображения относительно феодальной системы земельной собственности в нашей стране. — «Гуанмин жибао», 31/III 1960.

³⁵ Гао Минь. Отсутствовала ли частная собственность на землю в нашей стране в период феодального общества? — «Гуанмин жибао», 31/III 1960.

³⁶ Ху Жу-лэй. О форме земельной собственности в феодальном обществе Китая. Обсуждение мнения Хоу Вай-лу. — «Гуанмин жибао», 13/X 1956.

делается вывод, что распределение ренты подтверждает преобладание помещичьей собственности на землю в Китае. Даже в период «уравнительного землепользования» (Суй—Тан), когда площадь государственных земель превосходила частную, надельные земли крестьян, по мнению Ху Жу-ляя, по закону или вопреки ему поступали в продажу и становились частной феодальной собственностью. Многочисленные записи в исторических сочинениях о предложениях ограничить землевладение феодалов появились в связи с тем, что господствующее положение занимала помещичья собственность.

Историк Цзян Цюань пытался, привлекая косвенные данные, установить удельный вес государственных земель в общем количестве пахотных полей³⁷, невзирая на то, что источники не содержат статистических данных об их соотношении.

Ян Чжи-цзю³⁸ и Тянь Цзэ-бинь³⁹ утверждали, что в периоды надельного и «уравнительного землепользования» государственная собственность лишь юридически занимала господствующее положение, фактически же она простиралась только на бесхозные земли и не затрагивала крупной частной собственности.

Мнение еще двух участников дискуссии, Ци Ци-чжана и Шу Ши-чэна, практически сводится к отрицанию наличия государственной собственности на землю. Ци Ци-чжан, основываясь на отрывке из письма В. И. Ленина к Скворцову-Степанову, утверждает, что в Китае еще в период Цинь-Хань созрела помещичья собственность на землю⁴¹.

---

³⁷ Цзян Цюань. О формах собственности на землю в период Хань. — «Вэнь ши чжэ», 1957, № 9.

³⁸ Ян Чжи-цзю. Общее исследование вопросов теории и исторических фактов, касающихся земельной собственности в китайском феодальном обществе. — Гуаньюй чжунго фэнцзянь шэхуй туди соючжи лилунь хэ шиши вэньтиды ибянь каоча (Сб. статей дискуссии по вопросу о формах феодальной собственности на землю в Китае), т. I, стр. 183—208.

³⁹ Тянь Цзэ-бинь. Относительно обсуждения вопросов феодальной собственности на землю. (Замечания на статью Хэ Чан-цюня. Несколько замечаний по вопросу о системе феодальной государственной собственности на землю). — «Лиши яньцзю», 1960, № 6. Автор пишет, что если бы действительно существовала государственная собственность на землю, носителем которой был император, то это означало бы, что: 1) государство существовало для защиты интересов одного человека—монарха; 2) основные противоречия развивались бы между чиновниками, состоявшими на службе у императора, и прочим населением; 3) первая же крестьянская война, уничтожив правящую династию, привела бы к ликвидации феодального землевладения.

⁴¹ Ци Ци-чжан. О форме феодальной собственности в нашей стране — «Шисюэ юэкань», Кайфын, 1958, № 1. Ци Ци-чжан имел в виду замечание В. И. Ленина: «Буржуазное развитие России к 1905 году было уже вполне зрело для того, чтобы требовать немедленной ломки устаревшей надстройки — устаревшего, средневекового землевладения. (Вы, конечно, понимаете, почему я здесь из всей надстройки беру одно землевладение?)» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 230).

Предметом острой полемики китайских историков стал «вопрос о праве земельной собственности, являющийся основным содержанием земельной собственности».

Хоу Вай-лу писал, что в Китае в период феодализма не существовало частной собственности на землю в полном смысле этого слова, что «частная собственность имела относительный характер». Право собственности не было гарантировано, поэтому выморочное имущество переходило в казну, правительство могло конфисковать земли любого землевладельца, император мог отобрать прежние пожалования, помещикам не возвращались земли, занятые восставшими крестьянами. Купля-продажа земли также подвергалась ограничениям и контролю со стороны центрального правительства. Наконец, право пользования землей имело регламентации, что выражено в запрете выращивать одни сельскохозяйственные культуры и в приказе возделывать другие. Хоу Вай-лу объяснял эти явления как «отсутствие юридического представления о частной земельной собственности, отсутствие права частной собственности на землю».

Новое обоснование этого тезиса было сделано Хань Го-панем в статье «Некоторые соображения о системе феодальной собственности на землю в Китае». Автор писал, что государственная собственность на землю, занимая господствующее положение юридически, занимала его и экономически, так как законы, будучи надстройкой над базисом феодального общества, отражали реальные экономические отношения. Далее автор привел примеры, которые, по его мнению, свидетельствуют о том, что в периоды надельного землепользования признавалась собственность государства и императора. Сохранившиеся реестры показывают, что даже земля, приобретенная путем покупки, включалась казной в число земель, полученных от государства. Следовательно, при продаже перемещалось лишь право владения, поэтому наличие купли-продажи земли еще не означает существования частной собственности.

Сторонники концепции ведущей роли государственной собственности указывают на неправильное понимание их оппонентами термина «верховная собственность», носителем которой было государство, а отнюдь не император, сам являвшийся всего лишь одним из частных собственников. А сторонники частной собственности на землю акцентируют внимание на том, что классики марксизма считали куплю-продажу земли важнейшим критерием собственности. В Китае купля-продажа земли удостоверялась особыми документами, выдававшимися правительственными чиновниками, что было юридическим признанием, юридической гарантией этой частной земельной собственности. Именно покупки и захваты, а не пожалования и дарения были основным средством приобретения земли представителями господствующего класса. Вмешательство государства в право личной собственности отнюдь не было особенностью феодального Китая, оно было при-

сущее и другим странам, и другим формациям. Особенно подробно этот тезис развивает Тан Тао-хуа⁴².

Остановившаяся на вопросах крестьянского землевладения и землепользования, многие историки считают, что основной производитель обладал лишь правом пользования. Хань Го-пань отметил, что после распада наделной системы (VIII в.) государство признало своих бывших арендаторов владельцами их наделов, более того, приобретенное ими право владения содержало и некоторые элементы права собственности. В период господства наделной системы непосредственный производитель получил право пользования на личный надел (коу фэнь) и право владения другой частью надела (ши е), которую он мог передавать по наследству, отчуждать или закладывать. Но если при недостаточном количестве пашни крестьянин пускал наследственный надел (ши е) под зерновые, то он терял в отношении него какое-либо право распоряжения⁴³.

Историк Гао Гуан-цзин выдвинул оригинальную концепцию, суть которой в том, что государство при наделной системе никогда не давало крестьянам наследственных наделов (ши е). По его мнению, «гутовые поля» в период Северных Вэй были частной собственностью. При введении системы «уравнительного землепользования» правительство ограничило размер этой собственности двадцатью му на душу. Когда в начале VII в. крестьяне захватили часть помещичьей земли, танское правительство санкционировало эти захваты, объявив их наследственными наделами. Залежные земли закреплялись за крестьянами в качестве подушных наделов⁴⁴.

Значительное внимание исследователей в КНР привлек вопрос о формах эксплуатации крестьянства. Некоторые из них, как Хой Вай-лу, выдвинули мысль, что до VIII в. главной была отработочная рента, которая соединялась с продуктовой. Непосредственный производитель должен был сверх надела обрабатывать определенное количество земли. Кроме того, он платил промышленную подать и выполнял государственные повинности. Обложение представляло собой законодательно закрепленное отчуждение прибавочного продукта земледелия и домашнего ремесла. Хань Го-пань в статье «Переход от наделной системы к поместным хозяйствам» сделал попытку по-новому объяснить смысл предоставления крестьянам двух наделов: наследственного и душевого. Сохранившиеся фрагменты подворных списков населения Тан-

⁴² Тан Тао-хуа. Вопросы к сторонникам теории феодалной государственной собственности на землю в Китае. — «Лиши яньцзю», 1960, № 6.

⁴³ Хань Го-пань. Переход от наделной системы к поместным хозяйствам. — «Лиши яньцзю». 1959, № 5.

⁴⁴ Гао Гуан-цзин. Соображения относительно некоторых вопросов, выдвинутых в статье Хань Го-паня «Переход от наделной системы к поместным хозяйствам». — «Шисюэ юэкань», 1959, № 10.

ского времени из Дуньхуана показывают, что у большинства крестьянских дворов наследственные наделы превышали душевые. А если исходить из правительственных предписаний, согласно которым наследственный надел должен был использоваться под посадки тутовых деревьев, то это означает, что технические культуры занимали площадь большую, чем продовольственные. С точки зрения практики китайского сельского хозяйства Хань Го-пань считает такое положение совершенно недопустимым. Он приходит к выводу, что и при Танах действовал северовэйский закон, по которому в случае недостаточного количества пахотных земель наследственный надел можно было пустить под зерновые. Различие между наследственным и душевым наделом заключалось не в том, что первый давался для посадки деревьев, а второй для зерновых, а в том, что подушные наделы оставались государственной землей и закреплялись за непосредственным производителем для того, чтобы выжать из него весь прибавочный продукт. А наследственный надел должен был обеспечить существование крестьянину, а государству — рабочие руки. Этот надел не отбирался у него с потерей трудоспособности и приобретал некоторые черты владения (право наследования и при определенных условиях заклада и отчуждения).

Критикуя концепцию Хань Го-паня, Гао Гуан-цин отметил, что при Танах не существовало законов, регламентирующих, сколько времени крестьянин должен был работать на своем наделе и сколько на земле, оставшейся у государства. Более того, дуньхуанские реестры свидетельствуют, что многие крестьяне получали далеко не полную норму надела, а другие не получали вовсе подушных наделов (некоторые не имели наследственных). Значит, работа крестьян на государственной земле вовсе не являлась обязательной. Далее он показывает, что схема Хань Го-паня противоречит существовавшей тогда практике налогового обложения. Согласно источникам, каждый крестьянский двор должен был вносить два даня зерна, два чжана⁴⁵ ткани и выполнять двадцатидневную трудовую повинность. Если бы душевой надел действительно был землей, оставленной государством у себя, то сборы с нее должны были колебаться в урожайные и неурожайные годы. Твердо фиксированной ренты не должно было бы существовать.

Хоу Вай-лу, Хань Го-пань и Хэ Чан-цюнь считают, что государственная собственность на землю была связана с крайне жесткой эксплуатацией крестьянства. По мнению Ли Яня, держатели государственных земель терпели гнет много меньший, чем частнозависимые крестьяне.

Возражая Ли Яню, Ци Ци-чжан заявил, что государственная собственность на землю была «основой деспотизма», а фактиче-

---

⁴⁵ Дань — в X в. 66,41 л, чжан — 3,07 м.

ская эксплуатация на казенных землях должна была быть выше, чем на частных, отчего крестьяне бежали с государственных земель, переходя под патронат феодалов.

Многие ученые в своих трудах пытались доказать, что основным эксплуататором крестьянства в средневековом Китае были помещики, а не государство; именно с укреплением помещичьей собственности на землю, по их мнению, связано разделение ренты и налога. Ведь земельные налоги государству составляли $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{30}$, $\frac{1}{10}$, а «могущественным лицам» крестьяне отдавали половину урожая. Именно юридическим оформлением этой практики ученые считают записи ряда династийных историй о том, что государственные земли дают налог, частные земли несут ренту. Несовпадение ренты и налога, по мнению Хуа Шаня, Гао Гуан-цина, Ян Чжи-цзю, Тянь Цзэ-бина и других, является неопровержимым доказательством существования частной собственности на землю.

В своих трудах Хоу Вай-лу первый выдвинул (позже развитую Ли Янем) идею, что монополярная собственность государства на землю была экономической основой централизованной деспотической империи.

Ян Чжи-цзю и Хуа Шань возразили, считая, что централизованное государство создано в связи с развитием частной помещичьей собственности. В качестве доказательства ими приводилось то обстоятельство, что во время Цинской династии, когда был силен деспотизм, государственная собственность на землю уже не существовала. Между тем в начале правления Северных Сун, когда было немало казенных земель, государство день ото дня становилось все слабее.

Историки Ху Жун-лэй, Гао Минь и другие утверждают, что концепция сторонников государственной собственности на землю ведет к отрицанию классового антагонизма, основой которого является частная собственность, и не дает возможности отграничить эксплуататоров от эксплуатируемых.

Наиболее развернутый ответ на эти замечания дал Хань Го-пань. Он писал, что при системе государственной собственности правительство в интересах помещиков осуществляло перераспределение ренты. Предоставляя чиновникам должностные земли, оно непосредственно переуступало им свою ренту. На землях рядовых помещиков крестьяне выступали как субарендаторы государственной земли, поэтому рента с них опять же шла помещикам, которые лишь часть ее в виде налога передавали в казну.

Таким образом историки КНР в работах 1950-х и начала 1960-х годов выдвинули важные теоретические проблемы и отыскали новые фактические сведения.

Труды советских историков основаны на исследовании китайских памятников. С развитием марксистской историографии в нашей стране все расширяется круг привлекаемых для научной работы источников, иногда редких или используемых впервые.

Однако в ранних работах советских авторов вопросам аграрных отношений прошлых веков еще уделялось мало внимания⁴⁶. Советские исследователи занимались больше изучением положения класса крестьян в XX в. Исследования, осуществленные Китаеведами, находили свое отражение в работах общего характера: различных очерках, главах книг и учебных пособий⁴⁷. Путем анализа материалов средневековых источников синологи пришли к оценке китайского общества в прошлом как феодального и опровергли утверждение об извечной застойности этого общества. Изучая формы эксплуатации крестьян, они открыли существование всех видов докапиталистической ренты в Китае; сосредоточили свое внимание на выяснении форм земельной собственности и особенностях крестьянских держаний в разные периоды феодальной эпохи. Политическая история страны рассматривалась на фоне развития феодальных аграрных отношений.

Что касается раннего феодализма, то советские синологи не согласны с трактовкой земельных порядков того времени как «уравнительное землепользование». За правительственными актами о «равных полях» ученые увидели конкретные формы складывания феодальных отношений. Эксплуатация земледельцев выступала как результат двуединого процесса прикрепления к земле и обложения повинностями, которые включали все три формы феодальной ренты. Историки выявили особенность феодализма в Китае, господство ренты продуктами и отсутствие барской запашки. Труд рабов, хотя и находил свое применение, но в незначительных размерах.

А. Ю. Тюрин исследовал деревенские организации, подчеркнув сложное сплетение патронимии, оставшейся от древности, соседской общины и административно-подворных объединений. Он показал, что большую социальную группу земледельцев составляли самостоятельные хозяева — государственные податные. Их общинные организации боролись за независимость⁴⁸. Однако вся система предопределила возможность роста эксплуатации до размеров, замедливших нормальное развитие китайского общества. Свое освещение получили особенности складывания земельной

---

⁴⁶ Даже в такой ценной работе, как статья П. А. Гриневича (см. П. А. Гриневич. К вопросам истории китайского феодализма. — «Проблемы Китая», 1935, № 14), освещению истории класса крестьян в эпоху феодализма почти не нашлось места.

⁴⁷ См. Л. И. Думан. Очерк истории Китая. (Китай. История, экономика, культура и пр. М.—Л., 1940); Л. В. Симоновская. Древний и средневековый Китай. — В сб.: Л. В. Симоновская, Г. Б. Эренбург, М. Ф. Юрьев. Очерк истории Китая. М., 1956; Н. И. Конрад. Развитие феодальных отношений в Китае. Китай в период развитого феодализма. — В кн.: Всемирная история, т. III. М., 1957.

⁴⁸ См. А. Ю. Тюрин. К вопросу о формах эксплуатации земледельцев в Китае в III—VIII вв. — «Вестн. Моск. ун-та, сер. востоковедение», 1970, № 1; его же: К вопросу о социальной организации сельского населения в Китае. Научная конференция. «Общество и государство в Китае», вып. 2. М., 1970.

нерархии класса феодалов⁴⁹. Советские китаеведы отметили изменения в феодальных аграрных отношениях, хорошо прослеживающиеся по материалам X—XII вв.⁵⁰. Характерной чертой перемен был рост поместных владений не только крупных, но и мелких и средних. Изменилось и соотношение социальных групп крестьян: уменьшилось число самостоятельных хозяйств, выросло количество держателей частных земель. Г. Я. Смолин собрал и проанализировал значительный материал об изменениях в социальном составе общества, об усилении гнета крестьян. Ему удалось показать, как усиливалось личное закрепощение держателей земли вместе с распространением кабалы на членов их семей, как происходило юридическое оформление положения зависимых крестьян. Ограничивалось не только право перехода, но и осуществлялась продажа земли вместе с крестьянами, т. е. держателями, которые ее обрабатывали. Особенность китайского общества заключалась в том, что при такой продаже держатели земли непосредственно не становились собственностью нового хозяина земли⁵¹.

Историки показали изменения в аграрных порядках в условиях монгольского ига и оценили их как явления регрессивного характера. Л. А. Боровкова собрала сведения о новом перераспределении землевладений, о захватах обширных массивов пахотных полей и других угодий монгольскими феодалами и буддийскими монастырями, особенно в Северном и Центральном Китае⁵². Л. И. Думан указал на раздачу делов, т. е. права на сбор налога с определенного количества дворов в Южном Китае⁵³. Оба исследователя считают, что около половины населения было обращено в рабство или полурабское состояние. Отмечают они также и рост эксплуатации. Налогами были обложены и мелкие представители господствующего класса: «Во время завоевания Северного Китая монголы превратили половину покоренного населения в своих рабов», — пишет Л. А. Боровкова, прослеживая изменения в положении этих рабов⁵⁴.

---

⁴⁹ История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957; История стран зарубежной Азии в средние века. Л., 1970.

⁵⁰ В. М. Штейн. Китай в X—XI вв. — «Советское востоковедение», 1945, вып. III; З. Г. Лапина. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970; Г. Я. Смолин. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. Автореф. канд. дисс. Л., 1971; его же: К вопросу о причинах локальных масштабов антифеодальных восстаний в Китае конца X—XIII вв. — «Вестн. Ленингр. ун-та», сер. истории, 1966, № 14.

⁵¹ См. Г. Я. Смолин. Особенности внеэкономического принуждения земледельцев в Китае X—XIII вв. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.

⁵² См. Л. А. Боровкова. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971.

⁵³ См. Л. И. Думан. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII—XIV вв. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

⁵⁴ Л. А. Боровкова. Восстание «красных войск» и возвышение Чжу Юань-чжана. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 3.

Двойственная политика минского правительства в аграрном вопросе в XIV в. освещена в исследованиях Н. П. Свистуновой⁵⁵. Расширению государственного землевладения сопутствовало увеличение и укрепление социального слоя государственных податных крестьян, т. е. самостоятельных хозяйств. Вместе с тем происходило прикрепление держателей к земле и восстановление всей прежней системы угнетения. Автор детально рассмотрел способы передачи больших массивов земли отдельным феодалам и чиновникам. Так, под видом общегосударственных интересов и временных уступок крестьянам первому минскому императору удалось восстановить старые порядки, частично нарушенные народным антимонгольским восстанием. Спорным в работах Г. Я. Смолина и Н. П. Свистуновой осталось утверждение о существовании свободной крестьянской собственности. В исследованиях других советских авторов данный тезис пока не получил подтверждения.

Аграрные отношения в XVI—XVII вв. нашли свое освещение в исследовании Л. В. Симоновской по истории крестьянских востаний⁵⁶. В работе показаны особенности разных видов феодальной собственности на землю, их юридический статут и практическое состояние, а также две тенденции в борьбе за перераспределение землевладений. Автор рассматривает захваты земель крупными феодалами как явление глубоко регрессивное. Им противопоставляется укрепление владений частных лиц, заинтересованных во введении новых форм эксплуатации и некоторой хозяйственной эмансипации. Вскрыт механизм налогового гнета и использования системы налогообложения для разорения крестьян и мелких помещиков. Отчасти освещено положение крестьян-держателей частных земель. Автор приводит сведения об организации деревни, о дифференциации и массовом обезземелении крестьян в XVI—XVII вв.

Изменениям, которые возникли в положении крестьян в период маньчжурского завоевания, особое внимание уделил К. В. Лепешинский (Цзо Ши)⁵⁷. В небольшом исследовании ему удалось осветить историю порабощения массы китайских земледельцев, остановиться на проблеме использования рабочих рук новых рабов и характеризовать влияние политики маньчжурских феодалов (и всего реакционного блока) на общественную жизнь Китая.

---

⁵⁵ См. Н. П. Свистунова. Аграрная политика минского правительства во второй половине XVI в. М., 1966; ее же. Материалы из «Свода законов династии Мин» о социально-экономических отношениях в Китае XIV—XVII вв. — «Народы Азии и Африки», 1962, № 3; ее же. О свободной крестьянской собственности в начале правления династии Мин. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 3.

⁵⁶ См. Л. В. Симоновская. Антифеодалная борьба китайских крестьян в XVII в. М., 1966.

⁵⁷ См. К. В. Лепешинский. О некоторых социально-экономических последствиях маньчжурского завоевания Китая. — В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

Проблемам истории аграрных отношений в XVIII в. посвящено исследование Л. И. Думана⁵⁸. В его книге анализируется аграрный строй в завоеванных цинскими войсками Джунгарии и Кашгарии. На основе исследования китайских источников рассматриваются проблемы собственности на землю, условия крестьянских держаний, положение различных групп крестьян. Очень убедительно дан военно-аграрный режим, установленный маньчжурскими завоевателями на оккупированных западных территориях: военные поселения, возникшие в давние века в Китае, были доведены Цинами до совершенства, как особая система тяжелого угнетения крестьян.

Историю феодальных аграрных отношений конца XVII и до середины XIX в. исследует А. Н. Хохлов⁵⁹. На основе привлечения материала, почерпнутого в цинском законодательстве, исторических трудах, описании административных районов, свидетельства иностранцев, автор осветил формы землевладения и процесс концентрации земли частными собственниками, изучил процесс дифференциации крестьян, формы и особенности наемного труда в деревне.

Особое внимание этот исследователь уделил социальным категориям крестьян и степени их личной зависимости. Большую ценность представляет изучение арендных отношений, которые, как констатирует автор, были опутаны феодальными пережитками. Важным вкладом является и освещение методов особого контроля над некитайским населением в Цинской империи⁶⁰. Зарождению капиталистических отношений в сельском хозяйстве Китая посвящена книга О. Е. Непомнина⁶¹.

Большой заслугой советских востоковедов следует считать перевод и опубликование ими историко-экономических материалов средневековых китайских сочинений и документов. Именно в СССР впервые был осуществлен перевод глав о земельной системе и налогообложении из отдела «Ши хо» «Минской истории», части «Ши хо» «Сунской истории» и др.⁶²

---

⁵⁸ См. Л. И. Думан. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.—Л., 1936.

⁵⁹ См. А. Н. Хохлов. Землевладение восьмизнаменных войск в Китае и причины его разложения. — «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», № 55. М., 1962; его же. Аграрные отношения в Китае во второй половине XVIII—начале XIX в. Там же, № 53; его же. О характере арендных отношений в Китае в конце XVIII — первой половине XIX в. — «Вопросы истории и историографии Китая». М., 1968; его же. Характер сельскохозяйственного найма в Китае в конце XVIII — первой половине XIX в. — «Народы Азии и Африки», 1968, № 3.

⁶⁰ См. А. Н. Хохлов. Свод законов династии Цин как источник по аграрной истории Китая середины XII — начала XIX в. Автореф. канд. дисс. М., 1971.

⁶¹ См. О. Е. Непомнин. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. М., 1966.

⁶² Хрестоматия по истории Китая в средние века (XV—XVII вв.). М., 1960; Хрестоматия по истории средних веков, т. 1. М., 1961; т. 2. М., 1963.

В работах синологов-марксистов изучаются такие вопросы, как расширение частной феодальной собственности на землю и процесс превращения самостоятельных земледельцев — государственных податных в зависимых держателей-издольщиков и субдержателей земли. Сложилось мнение, что этому процессу сопутствовал рост эксплуатации в деревне.

Накопление советскими историками сведений о развитии производительных сил в земледелии Китая показало всю несостоятельность тезиса буржуазных ученых об извечной его застойности, так же как и теории движения китайского общества по кругу. Вместе с тем оказалась бесплодной попытка провести знак равенства между древним рабовладельческим и позднейшим феодальным обществами.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

Историки Китая периода феодализма, в отличие от западноевропейских коллег, всегда вносили в труды сведения о сколь угодно значительных крестьянских движениях. Этот обычай, ставший в средние века законом, возник еще в древнем мире и нашел яркое отражение в «Исторических записках» Сыма Цяня, который включил в свой труд не только сведения о народном восстании, но и биографию одного из вождей. Превращение в VII в. истории описания в официальное занятие не изменило этой традиции.

В так называемых династийных историях в отделах основных летописей (Бэньцзы) год за годом и месяц за месяцем отмечены крупные восстания, вспыхивающие в различных районах империи. Под разными датами записаны сведения о походах крестьянских войск, штурмах городов и взятии некоторых из них, о действиях карательных правительственных войск, докладах начальников трону, о мероприятиях правительства.

Кроме того, в отделе жизнеописаний (Лечжуань) помещались биографии крестьянских вождей, которым удавалось достигнуть значительных побед и быть провозглашенными князьями или даже императорами. Так, «Цзю Тан шу» содержит биографию главы крестьянского движения в Шаньдуне в VII в. Доу Цзянь-дэ¹. В обеих «Танских историях» (Цзю Тан шу и Синь Тан шу) есть биография повстанческого полководца Хуан Чао, провозглашенного в 881 г. императором². «Минская история» (Мин ши) включает жизнеописание вождей крестьянской войны XVII в. Ли Цзы-чэна и Чжан Сянь-чжуна³.

В других официальных историях типа «Цзычжи тунцзянь ганму» (Всепроникающее зеркало, управлению помогающее)⁴, где факты записаны в хронологическом порядке, и типа Циши бэньмо

¹ Цзю Тан шу (Старая Танская история), цз. 54, лл. 5—7.

² Синь Тан шу (Новая Танская история), цз. 225, лл. 1—12.

³ Мин ши, цз. 309.

⁴ Труд, составленный в XI в. под руководством выдающегося историка Сыма Гуана, позднее продолженный, переработанный и изданный в XVIII в.

(Исторические записи от их начала до конца), состоящих из тематических исторических повествований, содержатся довольно подробные сведения о борьбе крестьян и об их предводителях.

С развитием исторических знаний в феодальном Китае ученые создавали новые работы, предпринятые по их собственной инициативе и не отмеченные особой санкцией императоров, так называемые записки и частные истории. Среди них много сочинений с конкретной узкой тематикой, дневников разных лиц, отдельных записей событий, наконец, сборников документов, посвященных истории народных движений. Средневековые труды содержали не только записи фактов, но и сведения о методах борьбы, планах и намерениях восставших, а косвенно — и об их политических взглядах. Господствовавшая идеология не препятствовала этому. Более того, конфуцианская историческая традиция строго требовала фиксации фактов народной борьбы и не умалчивала о поражениях правительственных военных сил, о бегствах или гибели императоров и феодалов. Подобные повествования были как бы назидательным предостережением правителям о возможных пагубных последствиях их деятельности, призывом к бдительности и осторожности в политике. Эта традиция была столь сильна, что при общем просмотре литературы XVIII в. сведения о крестьянских восстаниях не были уничтожены.

Разумеется, исторические сочинения отражали всю классовую враждебность авторов — представителей интересов феодалов. Повстанцы всегда именовались разбойниками и бандитами (цзэй и пр.), они обязательно «свирепствовали», «убивали и грабили». Численностью их войска превосходили правительственные силы, и все же они терпели частые поражения. Вождей наделяли самыми отрицательными качествами и отталкивающей наружностью. Их упрекали в жестокости и коварстве, в непочтении к родителям и других тягчайших преступлениях. В качестве примера можно привести описание вождя крестьянской войны XVII в.: «Ли Цзычэн имел выдающиеся скулы, глубокие глазницы, ястребиный взгляд. Нос его походил на скорпиона, а голос был подобен голосу шакала. По природе своей он был подозрителен и жесток; ежедневно убивал людей, отрубал им ноги, вырезал сердца, развлекался таким образом»⁵. Подобное описание не мешало затем упоминать о высокогуманных поступках этого человека.

Религия и мистика были характерны для средневековой идеологии. Это нашло свое отражение и в историографии крестьянских движений. Большую роль в объяснении событий играли приметы, предзнаменования, гадания, таинственные явления. Все, что оставалось непонятным для авторов, — а чаще всего это был подъем движения, блестящие победы, стойкость вождей, боеспособность и энтузиазм крестьянских масс — все это приписывалось вмешательству потусторонних сил.

---

⁵ Мин ши, цз. 309.

Помимо конфуцианского учения о том, что небо может даровать или менять власть и что восстание есть кара за дурное поведение, вероятно, играло определенную роль и буддийское учение о возмездии. Таким образом, по мнению средневековых историков, не восставший народ творил суд и расправу над своими угнетателями, а небо карало последних за нарушение принципов конфуцианского учения и правил морали. Подобная трактовка сводила к нулю значение народной борьбы и самого народа как субъекта истории. Конфуцианская идеология требовала освещения негативных явлений, чтобы их осуждать, и историки продолжали следовать этой традиции и в XIX в.

В Западной Европе первые сообщения о борьбе китайских крестьян появились в сочинениях, письмах и переводах католических миссионеров. Так, о крестьянской войне IX в. писал Гобиль⁶. События XVII в. имели живых свидетелей, которые подобно миссионеру Мартини и секретарю посольства Ост-Индской компании Нейхофу⁷ зафиксировали их. Сведения о восстаниях, отмеченных в истории Китая, содержит перевод одного из вариантов «Цзычжи тунцзянь ганму», выполненной миссионером Майя⁸. Сочинения того времени насыщены многими историческими фактами, в них есть и описания некоторых мероприятий повстанцев, перечень боевых действий, краткая характеристика обстановки.

Западноевропейские историки, следом за миссионерами, легко принимали на веру китайское толкование событий, интерпретацию восстаний и свержение династий как «божью кару»; они полностью присоединялись к мистической трактовке, данной китайскими феодальными историками.

В условиях борьбы европейской буржуазии против феодализма крестьянским восстаниям в Китае стали уделять все больше внимания буржуазные историки. Колл, французский переводчик книги Палафокса «История завоевания Китая татарами», писал, что крестьянская война XVII в. в Китае — это «одна из наибольших революций, которые происходили в мире»⁹. Миссионер А. Родес отметил: «Вся Европа знала о великом несчастье, случившемся в этом обширном государстве в 1643 г.»¹⁰. Миссионер Хюк восклицал: «Где было бы самолюбие наших наиболее заме-

⁶ Goubil. Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Many. Memoire conc. les chinois XVI, p. 2.

⁷ M. Martini. Historische Beschreibung des Tartarischen Kriegs in Sina. Amsterdam—München, 1654; J. Neuchof. Die Gesantschafte der Ostindischen Gesellschaft in den Vereinigten Niederlanden an den tartarischen Chan und nunmehr auch chinessischen Kaiser. Amsterdam, 1666.

⁸ J. A. Mailla. Histoire général de la Chine. P., 1799. Майя, живший в Пекине в 1703—1748 гг., трудился над китайским и маньчжурским текстами, которые еще не подвергались «литературной инквизиции» Цянь Луна.

⁹ J. P. Lafox. Histoire de la conquête de la Chine par les Tartares. Amsterdam, 1723.

¹⁰ A. Rhodes. Voyages et missions du père A. de Rhodes en la Chine et autres royaumes de l'Orient avec son retour en Europe par la Perse et l'Armenie. Lille, 1884 (1-ère ed. 1633).

чательных революционеров в Европе, если бы им сказали, что они лишь школьники, дети рядом с китайцами в искусстве потрясать общество»¹¹.

Выдающиеся мыслители XVIII в. во Франции, обдумывая социально-политические проблемы своего времени, обращались к истории Китая, однако давали чаще всего упрощенное, а часто искаженное ее толкование. Монтескье утверждал, что главная причина случившихся якобы 22 общих революций в Китае — голод. Именно группы голодных встают на борьбу, постепенно превращаются в целое войско, случается, что и захватывают столицу империи¹². Представитель демократического крыла просветителей Мабли именовал китайских повстанцев бандами, шайками разбойников и воров¹³.

Французские просветители считали китайское общество застойным. Крестьянские движения казались им лишь методом свержения плохих правителей и династий и замены их новыми. Монтескье предположил, что движение в истории Китая происходило по определенному циклу: от подъема и могущества к оскудению и упадку, а затем к новому подъему. Эта концепция стала основополагающей для западных буржуазных ученых.

Авторы, не понимая закономерности антагонизма в классовом обществе, писали о «человеколюбии китайцев», об их верной любви к монархам.

В буржуазной историографии Запада упоминания о народной борьбе в Китае сводились чаще всего к перечню событий, связанных с народными движениями. Нередко историки не упоминали вовсе о борьбе китайского народа в феодальную эпоху.

Большинство историков, приводивших сведения о военных действиях, о мероприятиях правительства и т. п., черпали их в китайских официальных источниках, усваивая заодно и общие характеристики и оценки этих материалов. Когда же дело касалось восстаний, поднятых тайными обществами, то буржуазные ученые освещали главным образом религиозно-мистическую направленность движений, рассматривали их как чисто религиозный бунт¹⁴. Совершенно умалчивалось о политических мотивах и классовом характере народной борьбы.

В объемистом труде Д. Росса «Маньчжуры»¹⁵ на первый план выдвигается грубое соперничество между крестьянскими вождями, рассказы о таинственных явлениях и предзнаменованиях.

---

¹¹ М. Нус. *Le christianisme en Chine, en Tartarie et en Thibet*, vol. II. P., 1857.

¹² См. Ш. Монтескье. *Дух законов*, ч. I. Спб., 1862, стр. 223.

¹³ G. Mably. *Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*. P., 1768.

¹⁴ См., например, M. Groot. *The sectarianism and religious persecution in China*. Amsterdam, 1910; J. Fairbank, E. Reishour, A. Craig. *A history of East Asian civilization*, vol. 2. East Asia. The Modern Transformation. Boston, 1965, p. 116—118.

¹⁵ I. Ross. *The Manchus or the reigning dynasty of China*. L., 1880.

В книге Бэкхауза и Блэнда «Маньчжурские императоры»¹⁶, изданной с предисловием видного французского синоведа А. Масперо, говорится, что вождь движения радовался тому, что лишился глаза, памятуя предсказание, что одноглазый завоюет империю. О крестьянской войне IX в. много фактического материала содержит труд Кордые¹⁷. Автор этой книги, как и другие ученые, видит причины восстания в том, что плохая администрация привела к крайней нищете народа. «История китайского государства» О. Франке содержит подробнейшие сведения о крестьянской войне IX в., почерпнутые в китайских и арабских источниках. Вместе с тем работа лишена какого-либо анализа.

Стремление опорочить народное движение сквозит в труде немецкого синоведа Клапрота «Завоевание Китая маньчжурами» и книге А. Ваккербарта «История последней великой революции в Китае в 1644 г.»¹⁸. Ваккербарт пытается очернить повстанцев и идеализировать предателя У Сань-гуя, который якобы был единственной опорой своего народа. Крестьянскую войну XVII в. автор называет «ужасной и действительно трагикомической революцией»¹⁹. Главная мысль Ваккербарта кроется в стремлении доказать, что только в отсталом Китае возможно свержение династий и уж никак не в Германии, ибо «так безнадежно дурно не поступил бы даже самый жалкий среди германцев»²⁰. Авторы, упоминающая об истории восстаний, спешили выразить свое осуждение повстанцам.

Однако большинство синоведа в Западной Европе и в США совсем замалчивают борьбу крестьян. Даже в самых объемистых трудах народные движения оставлены вне поля зрения. Внимание ученых направлено на иные сюжеты: история культуры, история сношения империи со своими соседями²¹ и пр. Все, что может привлечь интерес к истории народных масс, как бы признается не заслуживающим внимания²².

Русские синоведа почти не занимались народными движениями. Лишь события из истории крестьянской войны XVII в. нашли

---

¹⁶ E. Backhouse and J. Bland. *Le empereurs manchous, mémoires de la cour de Pekin*. P. 1934.

¹⁷ H. Cordier. *Op. cit.*, vol. 1, p. 518—527.

¹⁸ O. Franke. *Geschichte des chinesischen Reiches*, Bd. II. Berlin, 1936; Y. Klaproth. *Eröberung von China durch die Mantchen im Jahre 1644*. — «*Asiatisches Magazin*», 1802; A. Wackerbarth. *Die Geschichte der letzten Grossen Revolution von China im Jahre 1644*. Hamburg, 1821.

¹⁹ A. Wackerbarth. *Op. cit.*, S. 123.

²⁰ Там же, S. 77.

²¹ E. Reischauer, J. Fairbank. *East Asia, the great tradition*. Boston, 1960; I. Needham. *Science and civilization in China*, vol. I. Cambridge, 1954; vol. II, 1956; O. Lattimore. *Inner Asian frontiers of China*. N.Y., 1940.

²² Исключение представляют немногие труды. Например: W. Eichhorn. *Zur Vorgeschichte des aufstandes von Wang Hsiao-po und Gi Shun in Szuchuan*. *Zeitschrift des Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 105. Berlin, 1955; I. B. Parsons. *The peasant rebellions of late Ching dynasty*. Tucson, Univ. of Arizona press., 1970.

освещение в литературе XIX в. Интересен труд — перевод М. Храповицкого дневников, сделанных в Пекине весной 1644 г. очевидцами событий²³. Крупнейший русский китаевед В. П. Васильев прошел мимо истории борьбы народных масс. Даже Н. Я. Бичурин, так много внимания уделивший социальным и экономическим проблемам, едва упоминал о восстаниях. Распространение марксистской теории и переход передовой мысли в России на позиции материалистического понимания истории не оказали ни малейшего влияния на работы русских китаеведов конца XIX — первого десятилетия XX в.

При гоминьдановском владычестве в Китае вместе с так называемым «движением за новую жизнь» происходило укрепление конфуцианских традиций в буржуазно-феодальной историографии. Официально признанные исторические труды включали сведения о крестьянских восстаниях, почти копируя старинные династийные истории. В общих работах эта тема подавалась в крайне сокращенном виде, также сохраняя средневековую трактовку²⁴. В прямо враждебном духе составлена биография Ли Цзы-чэна, помещенная в труде, отрецензированном Ху Ши²⁵. Что касается китайских буржуазных авторов, писавших на английском языке, то они вообще не уделяли внимания сюжетам народных восстаний.

Между тем распространение марксистских взглядов в Китае оказывало свое влияние на формирование интересов передовых ученых страны. Некоторые из них начали уделять все больше внимания истории народных масс и экономическим проблемам. Определенный интерес в этом свете представляет двухтомный труд Се Нун-шаня «Исследование истории крестьянских войн в Китае» и статья У Ханя о свержении династии Юань и создании империи Мин²⁶, где это движение рассматривается как национально-освободительная война, и другие работы. В 1944 г. в связи с 300-летием взятия повстанцами Пекина серию статей в газете «Синьхуа жибао» написал Го Мо-жо²⁷.

Некоторые труды, созданные еще во время гражданской войны, были опубликованы в КНР. «Очерк общей истории Китая», написанный Фань Вэнь-ланем²⁸, в тяжелых условиях 40—50-х годов выдержал много изданий. Фань Вэнь-лань, как и другие ав-

²³ См. М. Храповицкий. События в Пекине при падении Минской династии (1644 г. по Р. X.). — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», 1857, т. III.

²⁴ Ван Тун-лин. Чжунго ши. (История Китая). Пекин, 1934; Чжан Цинь. Чжунхуа тун ши. (Общая история Китая). Шанхай, 1935.

²⁵ Eminent Chinese of the Ching period, vol. I. Washington, 1934.

²⁶ Се Нун-шань. Чжунго нунминь чжаньчжэн шиди яньцзю (Исследование по истории крестьянских войн в Китае). Шанхай, 1935; У Хань. Падение империи Юань и создание империи Мин. — «Цинхуа сюэбао», 1963, т. XI, № 2.

²⁷ Го Мо-жо. Цзяшэнь саньбай нянь цзи (Столетняя годовщина со времени Цзяшэнь). — «Синьхуа жибао», 20/III 1944 и др.

²⁸ Фань Вэнь-лань. Чжунго тунши цзяньбянь (Очерк всеобщей истории Китая). Шанхай, 1950.

торы, пытался с марксистских позиций изложить историю своей страны, уделив значительное внимание экономическим процессам и классовой борьбе. Но, исходя из тезиса о возникновении феодальных отношений в Китае более чем за 1000 лет до н. э., Фань Вэнь-лань не увидел существенных изменений в базе китайского общества. Поэтому восстания, которые возникали от III в. до н. э. и до XVII в. включительно, имели, по его мнению, почти одни и те же причины, связанные с тяжелым положением крестьян. Кроме того, освещение восстаний оставалось у этого автора формально описательным, напоминающим официальные династийные истории, хотя тон совсем другой, насыщенный сочувствием к повстанцам. Иное толкование истории пытался дать Люй Чжэнь-юй в большой работе, именуемой «Краткие очерки истории Китая»²⁹. В этот труд включены сведения о многих локальных восстаниях, редко упоминаемых в исторической литературе: малые восстания VII в., восстания в Сычуани и Шаньдуне в X в. и др. Люй Чжэнь-юй пытался дать периодизацию феодальной эпохи и характеризовал минское правление как время развития капиталистических отношений. Характер восстаний он связывал с характером эпохи. Книга его вызвала резкую критику в Китае.

Ученые в КНР уделили большое внимание истории классовой борьбы. Они использовали много новых, ранее неизвестных фактов, извлекая их из самых разнообразных трудов: средневековых энциклопедий, сборников исторических и географических материалов, частных записей и частных историй. Им удалось почерпнуть интересные сведения в сочинениях, казалось бы не имеющих никакого отношения к теме. В научный оборот были введены новые, иногда очень ценные факты, что дало возможность полнее освещать историю крестьянских войн. Были опубликованы сборники документов и материалов³⁰. Историческая наука в КНР имеет немалые достижения в изучении истории крестьянских войн. Так, по-новому освещена крестьянская война XVII в. Особое внимание историки Ма Шао-цяо и другие уделили идеологии восставших, религиозным учениям, деятельности сект³¹. Серьезный вклад в изучение антимонгольской борьбы XIV в. внес У Хань, подготовивший книгу, посвященную биографии Чжу Юань-чжана. Историк Ван Чун-у дал анализ социально-экономической обстановки, в которой происходило восстание³².

---

²⁹ Люй Чжэнь-юй. Цзяньмин чжунго тунши (Краткие очерки истории Китая). Пекин, 1959.

³⁰ Например, Чжэн Тянь-тин, Сун Юэ и др. Мин мо нунминь цин шиляо (Материалы по истории крестьянских восстаний в Китае). Пекин, 1957.

³¹ Ли Сюнь. Мин Цин ши (История Мин и Цин). Пекин, 1956; Ма Шао-цяо. О религиозной секте в восстании Чжун Сяна и Ян Яо в начале Южных Сун. — «Вэнь ши чжэ», 1959, № 8.

³² Ван Чун-у. Об общественном фоне крестьянских восстаний в конце правления Юаней. — «Лиши яньцзю», 1954, № 1.

Специальные небольшие исследования были посвящены крестьянской войне XVII в., а также антиманьчжурской борьбе китайских крестьян. В этом плане особенно интересны работы Се Го-чжэня³³, доказывавшие большую роль крестьян-повстанцев в антицинской борьбе. Деятельность общества «Белого лотоса» и история организованных им восстаний также привлекли интерес некоторых китайских историков. Однако в исторических трудах преувеличивалась роль крестьянских движений. Истолкование китайского общества как феодального на протяжении двух с половиной или даже трех тысячелетий мешало вскрыть объективные причины и характер народных выступлений.

Стремясь исходить из марксистских позиций, историки выдвинули много важных теоретических проблем. В различных статьях, в разное время обсуждались причины восстаний, особенности крестьянских войн в Китае, периодизация крестьянской борьбы, цели движений, влияние религиозной идеологии, характер власти, созданной крестьянами, связь классовой борьбы с национальным движением, характер крестьянских войн, причины их поражений и историческое значение.

Исследователь истории идеологии Китая Хоу Вай-лу впервые сделал попытку периодизировать крестьянские восстания, исходя из идеологии повстанцев, общей направленности движений и главных лозунгов. Хоу Вай-лу высказал предположение об отсутствии сколько-нибудь ясных целей в восстаниях ранних периодов. Развитие класса крестьян и рост сознательности, по мнению Хоу Вай-лу, сказались в выдвигании лозунга уравнивания имущества бедных и богатых в восстаниях X в. и особенно во время крестьянской войны XVII в., когда повстанцы выдвинули лозунг земельного равенства³⁴. Несмотря на резкую критику взглядов Хоу Вай-лу, его идеи повторялись и развивались многими историками.

В конце 50-х и первой половине 60-х годов споры вокруг главных методологических вопросов приняли резкий характер и острые формы выражения. Историки не могли договориться по вопросу об общем характере крестьянских движений. Некоторые авторы доказывали, что в древнем мире и в первые века новой эры восстания не были антифеодальными³⁵. Другие утверждали, что борьба крестьян вообще никогда не носила антифеодального характера. А историки Бай Шоу-и и Ци Ся³⁶ высказали мнение, что

---

³³ Се Го-чжэнь. Цин чу нунминь цин цзыляо цзилу (Сборник материалов о крестьянских восстаниях в начале Цин). Шанхай, 1956.

³⁴ Хоу Вай-лу. Чжунго фэнцзянь шэхуэй цяньхоу циди нунминь чжаньчжэн цзи ци ганлин коухаоди фачжянь (Крестьянские войны на раннем и позднем этапах китайского феодализма и эволюция их программ и лозунгов). — «Лиши яньцзю», 1959, № 4.

³⁵ Жу н Шэ н. Шилунь миндай хоу ти нунминь цзеци доучжэнди син чжи хэ тэдянь (О характере и особенностях классовой борьбы крестьян в позднеминский период). — «Лиши яньцзю», 1958, № 10.

³⁶ «Лиши яньцзю», 1961, № 1; «Гуанмин жибао», 18/II 1960.

борьба крестьян всегда, с глубокой древности, была антифеодальной. Убедить друг друга ученые не могли.

Спор возник и в связи с вопросом о сущности класса крестьян и его движений. Одни выдвинули мысль, что крестьяне боролись за свои интересы как мелкие собственники, другие настаивали на том, что крестьяне выступали как основной класс угнетенных и эксплуатируемых.

Много внимания было уделено программным требованиям и лозунгам повстанцев. Все большее число ученых склонялось к мысли, что в X в. крестьяне сумели выдвинуть лозунг уравнивания имущества бедных и богатых, в XI в. — лозунг уравнивания знатных и незнатных, в XVII в. — уравнивания землевладения. Но некоторые историки вообще отрицали наличие подобных лозунгов в движениях крестьян. Так, Ван Шоу-и³⁷ доказывал, что требование «цзюнь тянь» — равных полей, выдвинутое повстанцами XVII в., вовсе не было лозунгом уравнивания землевладения, а означало уравнивание налогов, т. е. равномерное их распределение. Были и такие, которые утверждали, что об этом лозунге вообще не упоминается в источниках. Что же касается историка Лю Чжун-жи³⁸, то он считал, что требование уравнивания землевладения действительно проводилось в жизнь повстанцами в XVI—XVII вв. Отдельные историки относили борьбу крестьян за установление равенства в обществе еще к началу новой эры. Многие (подобно Бай Шоу-и) считали, что восстания, начиная с III в. до н. э., имели прямую цель захвата власти.

Предметом острых споров стали вопросы создания восставшими крестьянами государственной организации и характера повстанческой власти. Если одни считали, что крестьяне вообще не могли и не умели создать власть, то другие находили и описывали построенный восставшими крестьянами аппарат политической власти. В противоположность оценке повстанческой власти, ничем не отличавшейся от прежнего феодального правления, выдвигалась мысль, что государственный аппарат, создаваемый восставшими, хотя и не мог долго существовать, был подлинной организацией подавления феодалов крестьянами.

Переоценка роли крестьянских движений при феодализме достигла таких размеров, что некоторые ученые прямо называли восстания социальными революциями, а власть крестьян «диктатурой крестьянства»³⁹. Чжэн Чан-гань характеризовал власть повстанцев как важнейшее средство борьбы крестьян против фео-

---

³⁷ Ван Шоу-и. Мин мо нунминь цзюнь «цзюнь тянь» коухао чжин (Консультация о лозунге «равные поля» крестьянского войска в конце Мин). — «Лиши яньцзю», 1962, № 2.

³⁸ Лю Чжун-жи. «Цзюнь тянь» коухао чжиниди чжин (По поводу статьи о лозунге «равные поля»). — «Лиши яньцзю», 1962, № 5.

³⁹ Е Сяо-синь. Дуй чжунго фэнцзянь шэжухэй «нунминь чжэнцюань» сичжи вэньтиди шанцюэ (К вопросу о характере «крестьянской власти» в китайском феодальном обществе). — «Лиши яньцзю», 1962, № 1.

дальней эксплуатации, доказывал, что органы власти крестьян подавляли помещиков. Историк Цай Мэй-бяо возражал против признания власти повстанцев их диктатурой и соглашался лишь с возможностью воссоздания ими власти феодального типа⁴⁰. Ци Ли-хуан в статье «Двойственный характер крестьянской власти в феодальном обществе Китая и неизбежность ее перерождения в феодальную власть»⁴¹ писал об условиях, при которых правительство повстанцев не может не превращаться в новую феодальную государственную организацию.

Большой спор возник вокруг вопроса о монархичности крестьянских движений, в связи с чем историк Бай Шоу-и возражал против каких-либо параллелей с царистскими иллюзиями участников движений крестьян в России, поскольку восстания в Китае, как он считал, были направлены против самого императора. Сунь Цзо-минь в статье «К вопросу о монархической идеологии крестьянских войн в Китае» решительно с этим не соглашался.

Иногда споры принимали и вовсе отвлеченный характер. В поисках общих закономерностей были выдвинуты три основных тезиса: а) причины восстаний заключались в условиях эксплуатации и политического гнета; б) поражения движений использовали помещики в своих интересах; в) восстания были движущей силой развития общества.

Дискуссии, поднимая важнейшие теоретические проблемы, не приводили к их выяснению. Попытки разрешить серьезные вопросы на сравнительно небольшом материале не давали положительных результатов. Широкий обмен мнениями велся зачастую вне плана исторической конкретности.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции и под влиянием работ В. И. Ленина совершился коренной перелом в изучении всего прошлого человеческого общества. Марксизм поднял научные знания на настоящую научную основу и вооружил ученых эффективным методом исследования общественной жизни. Среди советских востоковедов утверждались марксистские взгляды на законы развития общества. Возник интерес к истории народных масс как подлинных творцов истории; Китаеводами была воспринята марксистская оценка классовой борьбы как движущей силы исторического процесса. Поэтому и проблемам крестьян

---

⁴⁰ Цай Мэй-бяо. Дуй чжунго нунминь чжаньчжэн ши таолунь чжун цигэ вэньтиди шанцюэ (Относительно некоторых вопросов, возникших в ходе обсуждения истории крестьянских войн в Китае). — «Лиши яньцзю», 1961, № 4.

⁴¹ Ци Ли-хуан. Чжунго фэнцзянь шэхуэй «нунминь чжэнцюань» ди лян чжун вэй цзи цисян фэнцзянь син чжэнцюань чжуаньхуади бижэнь син. (Двойственность «крестьянской власти» в феодальном обществе Китая и неизбежность перерождения ее в феодальную власть) — «Лиши яньцзю», 1962, № 3.

янских движений при феодализме придавалось все большее значение. В различных работах и очерках истории Китая появились сообщения о крестьянских войнах в этой стране. Но записи эти были еще очень лаконичны ⁴⁴.

В 30-е годы впервые специальному исследованию, основанному на материалах средневековых китайских источников, подверглась история крестьянской войны XVII в. ⁴⁵. Ценные сведения о восстании в Сычуани в конце X в. содержала статья В. М. Штейна ⁴⁶. Историю крестьянских движений при феодализме включали труды общего характера ⁴⁷. Изучение восстаний всегда связано с проблемами социально-экономического строя и положения масс в конкретных исторических условиях.

Целая серия исследований, осуществленных в последние два десятилетия, нашла свое отражение в статьях, диссертационных работах, отдельных книгах. Характерная черта советских публикаций — это привлечение к исследованию широкого круга разнообразных источников на старокитайском языке, отдельных памятников и сочинений, оставленных современниками событий.

Цель трудов, естественно, не ограничивается лишь воссозданием подлинных событий крестьянской борьбы. В работах советских китаеведов-историков рассматриваются коренные вопросы китайской истории: характер и историческое значение крестьянских войн, движущие силы, расстановка классов в стране, лозунги и мероприятия повстанцев, особенность идеологии крестьянских движений. Обращаясь к изучению социальных отношений и экономики страны, советские историки стремятся вскрыть причины взрывов народной борьбы, причины большого размаха движений или их локальности, наконец, причины и последствия поражений. Ведется большая работа по «очистке» истории китайского крестьянства и его борьбы от искажений и последующих напластований, созданных феодальными историками.

Труд историков-марксистов дал возможность опровергнуть мнение буржуазных ученых, считавших и считающих, что выступления крестьян связаны всякий раз лишь с массовым голодом и несовершенным правлением и происходят в условиях застойного азиатского общества.

Но и до сих пор далеко не все крестьянские движения эпохи феодализма изучены советскими авторами. Так, например, нет ра-

---

⁴⁴ См. Г. И. Сафаров. Очерки по истории Китая. М., 1933; П. Гриневич. К вопросам истории китайского феодализма. — «Проблемы Китая». М., 1935, № 14; Л. И. Думан. Очерк истории Китая. — В сб.: Китай. М.—Л., 1940.

⁴⁵ См. Л. В. Симоновская. Восстание Ли Цзы-чэна (Из истории крестьянской войны). Тезисы. Л., 1935; е е же: Крестьянская война в Китае. — «Исторический журнал», 1937, № 5.

⁴⁶ См. В. М. Штейн. Китай в X и XI вв. — «Советское востоковедение», 1945, т. III.

⁴⁷ История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957; Всемирная история, тт. III и IV, В. М., 1964.

бот по истории восстаний начала VII в., мало написано о великой крестьянской войне IX в.

Народные движения X—XII вв. оставались неизученными и даже малоизвестными. Значительный вклад в историю вопроса внес труд Г. Я. Смолина, который исследовал восстания в Сычуани, Центральном и Юго-Восточном Китае и на севере страны⁴⁸. Г. Я. Смолин особо осветил идеологию повстанцев, их мистические верования и деятельность тайных сект. Автор выделил специфические черты каждого из этих восстаний, участие и роль представителей разных социальных групп. Глубоко анализируя причины и характер восстаний, исследователь, однако, не учел противоречий между городом и деревней при феодализме⁴⁹.

Исследование истории восстаний китайского народа против тяжелого гнета и ига монгольских феодалов осуществлено Л. А. Боровковой⁵⁰. Особое внимание в нем уделено проблеме сочетания антифеодального и освободительного направлений борьбы. Прослежена деятельность «красных войск», лозунги и идеология тайных организаций религиозного типа. Л. А. Боровкова противопоставляет народную борьбу на севере страны движению в Центральном Китае, которое нанесло последний удар монгольским правителям. Впоследствии имя вождя движения, ставшего императором, служило символом борьбы против маньчжур. Гоминьдановские авторы превозносили его как национального героя и крестьянского императора. Против их буржуазно-националистических концепций главным образом и направлена критика. Учение тайной секты освящено в специальной статье⁵¹.

В исследовании истории великой крестьянской войны XVII в., осуществленном Л. В. Симоновской⁵², прослежены изменения в составе движущих сил на разных этапах борьбы, опровергаются утверждения, что восстание было лишь «разбойной вольницей» и что произошло феодальное перерождение вождей. На материалах того времени показаны организационные мероприятия повстанцев, их лозунги, способность крестьян управлять обществом.

---

⁴⁸ См. Г. Я. Смолин. Крестьянское восстание в провинциях Хунань и Хубэй в 1130—1135 гг. М., 1961; его же. Из истории крестьянского восстания 993—997 гг. под руководством Ван Сяо-бо, Ли Шуя и Чжан Юя. — В сб.: Вопросы истории стран Азии. Л., 1965; После смерти автора данной статьи вышла монография Г. Я. Смолина. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1974. (Прим. ред.)

⁴⁹ См. Г. Я. Смолин. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в.; История стран Зарубежной Азии в средние века, М., 1970, стр. 239.

⁵⁰ См. Л. А. Боровкова. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971; ее же. Восстание «красных войск» и возвышение Чжу Юань-чжана. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 3 и др.

⁵¹ См. Л. А. Боровкова. «Байлянь цзяо» в XIV в. («Тайные общества в старом Китае»). М., 1970, стр. 28—37.

⁵² См. Л. В. Симоновская. Великая крестьянская война в Китае (1628—1645). М., 1958; ее же. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в. М., 1966.

Движение это, по утверждению автора исследования, отличалось отсутствием направленности. Последнему этапу борьбы армии Ли Цзы-чэна посвящен труд Б. Г. Доронина⁵³.

Восстание XVIII в., поднятое тайным религиозным обществом «Белый лотос» (Байлянь цзяо), освещалось в нашей исторической литературе лишь в общих чертах и впервые было исследовано Е. Б. Поршневым. Используя разнообразный материал китайских источников, автор доказывает, что восстание было движением широких народных масс, что оно имело антифеодалную и национальную направленность и возникло в условиях укрепления феодального строя в Цинской империи. Уделяя самое серьезное внимание анализу религиозного учения тайных братств, их лозунгам и методам борьбы, Е. Б. Поршнева собрала убедительные сведения о стремлении повстанцев решить аграрный вопрос. Анализ деятельности восставших вскрывает причины поражения и показывает бесперспективность народного движения, возглавленного тайной религиозной сектой⁵⁴.

Таким образом, советские историки, с большим вниманием изучая условия существования и борьбы народных масс в Китае, не допускали преувеличения исторической роли крестьянских вооруженных выступлений в эпоху феодализма.

---

⁵³ См. Б. Г. Доронин. Борьба армии Ли Цзы-чэна против установления маньчжурского господства в Китае. — Уч. зап. Лeningr. гос. ун-та, сер. востоковедение, 1959, № 281, вып. 10.

⁵⁴ См. Е. Б. Поршнева. Народное восстание 1796—1804 гг. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 1962, № 53; ее же. Верования «Байлянь цзяо» как идеология восставшего крестьянства. — В сб.: «Тайные общества в старом Китае». М., 1970; ее же. Учение «Белого лотоса» — идеология народного восстания 1796—1804 гг. М., 1972.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ ГОРОДОВ, РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛИ

Феодальная китайская историография. История городов и городского производства почти не привлекала внимание официальных историков феодального Китая. В государственном аппарате отсутствовали какие-либо учреждения, специально ведавшие ремеслом. Управление осуществляли финансовое, военное ведомство и ведомство работ. Официальная историография по существу игнорировала сведения о социальном строе городов и их экономике.

Городской тематике посвящали свои сочинения частные лица, писавшие по собственной инициативе. Иногда авторы этих трудов оставались анонимными¹.

Первые записи о городах, составленные в VII—VIII вв., принадлежат ученому Вэй Шу, который собрал сведения о столицах Танской империи Чаньань и Лоян и описал дворцы, городские стены и пр.².

С развитием в XI—XII вв. крупных торгово-ремесленных центров сочинения о городах и их истории стали более многочисленны. В 1127 г. вышло в свет описание г. Кайфына «Дунцзин мэнхуа лу» (Записи ярких снов о Восточной столице), а затем появились описания Ханчжоу — «Дучэн цзишэнь» (1235) (Записки о процветании столицы), «Мэн лян лу» (1274) (Записи снов, приснившихся, пока варилась просяная каша), принадлежащее перу У Цзыму, «Улинь цзюши» (1290) (Старые предания из Улиня) Чжоу Ми³, описание Сучжоу — «У цзюнь чжи», сделанное известным сунским ученым Фань Чэн-да⁴ и др. Эти сочинения представляют начальный этап в историографии города. Они основаны не на офи-

¹ Чжоу Ми (1232—1299) известный писатель и патриот — участник восстания против монгольского ига, назвал себя «отшельником», а свое описание Ханчжоу «старыми историями из Улиня», Фань Чэн-да называл себя «ученым, не занимающим должности», и т. п.

² Лянцзин синьци (Новое описание обеих столиц). Ксилограф.

³ Перечисленные четыре описания вошли в сборник под общим названием «Дунцзин мэнхуа лу (вай сы чжун)» [Записи ярких сновидений о Восточной столице (и четыре других трактата)]. Шанхай, 1956.

⁴ Фань Чэн-да. У цзюнь чжи (Описание округа У), цз. 1—50,—Цуншу цзычэн, чу бьянь (Библиотека, сер., отд. I), вып. 3147—3152.

циальных данных, а на личных наблюдениях. Авторы этих сочинений были выходцами из городских слоев. С большой тщательностью и любовью описали они каналы, мосты, сады, улицы, лавки, проезжие пути, увеселительные заведения в городах. Свои труды они писали языком, близким к разговорному, используя много бытовых и жаргонных словечек. В трудах их содержался перечень рынков и ремесел.

Сунские неофициальные авторы с чрезвычайной обстоятельностью описали то новое, чем был отмечен современный им город: обширную рисоторговлю, многочисленность торгово-ремесленных рядов, ценную утварь богатых ресторанов, пестрые празднества в увеселительных кварталах, организацию службы по тушению пожаров и очистке города. Но авторы XII—XIII вв. не уделили специального внимания городскому производству, а при описании социального устройства городов они лишь вскользь упоминали о том, как устроены торгово-ремесленные корпорации, кто является хозяевами ремесленных мастерских.

Ученые рассматривали город как сумму административных районов. Сучжоу, например, долгое время описывался как три административных района, Ханчжоу — как два. Эта особенность средневековой литературы о городах проявилась в «Географических описаниях», возникших в Сунское время как особый научный жанр. Даже там, где составители попытались дать описание собственно города («Сянчунь Линъань чжи») ⁵, четкие границы между городом и соседней округой у авторов отсутствовали. А при исчислении населения приводились лишь поездные и поокружные данные; таким образом, город объединен с сельскохозяйственной округой.

В то же время появились труды о городах прошедших веков. Сунский автор Сун Мэй-цю создал книгу о танской столице Чанъань ⁶, содержащую интересные данные об экономической жизни города. Описывая Западный и Восточный рынки города, он перечислил названия торгово-ремесленных организаций — ханов, привел сведения о торговле продовольствием и т. д.

С развитием товарно-денежных отношений в феодальном Китае некоторое внимание ремеслу и торговле уделялось в исторических трудах, написанных по традиционной схеме.

В середине XIII в. в Южно-Сунском государстве историк Ли Синь-чуань создал труд под названием «Различные записи о неофициальных событиях в государстве со времени правления Цзяньянъ» ⁷. В нем уделено значительное место ремеслу, торговле, добыче соли, организации соляных промыслов, способам полу-

---

⁵ Сянчунь Линъань чжи (Описание Линъаня в годы правления Сянчуня). Рукопись. Рукописный отдел Государственной библиотеки им. Ленина. Скачковский фонд, ф. 274, № 61 (389). Ксилограф.

⁶ Сун Мэй-цю. Чанъань чжи (Описание Чанъани), из. 1—20.

⁷ Труд Ли Синь-чуаня «Цзяньянъилай чаоецзази» вошел в серию «Цуншу цизчэн» под номером 0837.

чения меди, добыче полезных ископаемых, литью монеты, а также использованию в торговле векселей и бумажных денег.

Для Ли Синь-чуаня характерно пристальное внимание к числовым материалам, что дает нам пример интереса к средневековой статистике. Другая важная его особенность — строгое разграничение по районам и выделение территориальной специализации. Главы его работы называются «Гуандунская соль», «Железные деньги Сычуани и Шэньси».

Ли Синь-чуань изучал мероприятия правительства, направленные на установление пропорций между частным и казенным производством, на изменение налоговой политики. При описании различных производств он неизменно выделял казенный и частный компоненты. В своем труде он высказывался за допущение частной добычи соли и торговлю ею по фиксированным ценам, но выступал против бесконтрольности частного производства⁸. Его чрезвычайно интересовали такие вопросы, как соотношение между стоимостью металлов и отливаемой монеты, пропорции между запасами серебра и количеством выпускаемых бумажных денег. Как сторонник прогрессивных, экономически-рациональных мероприятий в области ремесла и торговли, он стоял за замену цеховых повинностей денежным налогом, за широкое использование в торговле векселей и бумажных ассигнаций.

XVI—XVII вв. были отмечены значительным развитием исторических знаний и выходом в свет многочисленных исторических трудов. Заметно изменилось и отношение китайских ученых к вопросам городской экономики.

Изучению тем о ремесле и торговле посвятили свои труды люди прогрессивных взглядов. Среди них были и сторонники группы Дунлинь (Чжу То-чжэнь), и видные ученые (Сюй Гуан-ци) и управители императорских казенных мастерских (Сунь Пэй и Тан Инь). Сюй Гуан-ци (1562—1635) высказывался за расширение торговли, за внедрение в Китае достижений европейской науки и техники, впервые перевел европейские книги и популяризировал в своей стране достижения европейской науки. Им подробно описан и иллюстрирован процесс шелкомотания, прядения, очистки хлопка, ткачества, крашения. В книге содержатся интересные сведения о расширении рынка и развитии экономических связей между севером и югом Китая⁹.

Труды авторов XVI—XVIII вв. отличаются ярко выраженным прагматизмом; городская жизнь изображается в них реалистично, отводится много внимания ремеслу, технике, самому процессу производства. В работах собраны сведения о том, что производится, где и какие механизмы применяются, сколько в предприятии занято людей, какие выгоды извлекает государство из разных промыслов.

⁸ Ли Синь-чуань. Цзяньньилай..., т. 2, стр. 193—194.

⁹ Сюй Гуан-ци. Нунчжэн цюаньшу (Сочинение о сельском хозяйстве), тт. 1—2. Шанхай, 1956.

Наиболее значительное из этих сочинений — труд цзянсийского ученого Сун Ин-сина, законченный к 1637 г.¹⁰. Он содержит громадный материал о ремесленном производстве, свидетельствующий об уровне развития производительных сил в Китае в XVII в. Подробно описаны добыча полезных ископаемых, выплавка и обработка металлов, прядение и ткачество, изготовление бумаги, фарфора, керамики, взрывчатых веществ, шлифовка драгоценных камней и жемчуга. Труд этот лишен влияния средневековых суеверий и некоторые оценки автора противоречат официальной традиции. Сочинения конца XVII и XVIII вв. освещали, как правило, только одну отрасль производства. В книге Сунь Пэя «Описание ткацкого управления в Сучжоу», написанной в 50-е годы XVII в.¹¹, изложена история нанкинских и сучжоуских шелкоткацких казенных мастерских. В ней отчетливо отражены изменения, происходившие в экономике, в системе повинностей, в усилении связи казенного ремесла с рынком.

Сочинения Тан Иня «Иллюстрации и объяснения к производству фарфора»¹², Лань Пу «Записки о цзиндэчжэньском фарфоре»¹³, Чжу Яня «Разъяснения о фарфоре»¹⁴, Гун Юэ «Песнь о цзиндэчжэньском фарфоре»¹⁵ и многие другие обстоятельно описывают процесс изготовления фарфора.

Возросло количество сочинений частных лиц о городах, ремеслах, торговле. В них выразилось формирование новых экономических взглядов, являвшихся отражением процессов в экономике, разложения цехового ремесла, зарождения мануфактуры, расширения рынка.

Наиболее полно новые экономические взгляды выражены в «Тянься цзюньго либин шу» (Книге о пользе и убытках в Поднебесной) — обширном сочинении Гу Янь-у, одного из прогрессивных ученых, участника борьбы против маньчжурского владычества¹⁶. В центре внимания автора — мысль о необходимости развития ремесел, внутренней и внешней торговли. Через все главы

¹⁰ Сун Ин-син. Тянь гун кай у (Совершенствою природу, открываем вещь, [XVIII в.]. Ксилограф. Шанхай, 1954. Созданная в период политических потрясений книга Сун Ин-сина осталась в Китае незамеченной и вскоре была почти утрачена. Однако списки книги попали в Японию и уже с XVIII в. стали предметом изучения и комментирования. В Китае это сочинение под названием «Тянь гун кай у» было опубликовано в начале XX в.

¹¹ Сунь Пэя. Сучжоу чжицаоцзюй чжи (Описание ткацкого управления в Сучжоу). Наньцзин, 1959.

¹² Книга Тан Иня «Таочжи тушо» (Иллюстрации и объяснения к производству фарфора), написанная в 1743 г., не дошла до нас, но была целиком включена Лань Пу и Чжу Янем в их сочинения.

¹³ Лань Пу. Цзиндэчжэнь таолу (Записки о цзиндэчжэньском фарфоре). Пекин, 1815. Ксилограф.

¹⁴ Чжу Янь. Тао шо (Разъяснения о фарфоре), 1914. Ксилограф.

¹⁵ Гун Юэ. Цзиндэчжэнь таогэ (Песнь о цзиндэчжэньском фарфоре), 1823

¹⁶ Гу Янь-у (Гу Тин-лин). Тянься цзюньго либин шу (Книга о пользе и убытках в Поднебесной). Ксилограф, 1823. Характерно, что и заглавие, и содержание книги сходно с русской книгой Ивана Посошкова «О скудости и богатстве» XVIII в.

книги проводится взгляд, что лишь развитие частной инициативы, ликвидация тяжелых налогов и внешнеторговых запретов, поощрительная политика в торговле и горнодобывающей промышленности могут обеспечить выгоды государства, развитие хозяйства, благоденствие подданных.

Гуандунец Цюй Да-цзюнь в книге «Новое слово о Гуандуне»¹⁷ описал частное железоплавильное производство с детальным разделением труда. Гу Чжэнь-тао в книге «Описание явлений в Умэне, на которые никто не обращал внимания»¹⁸, вскрыл проникновение капитала крупных торговцев в мелкотоварное ремесло.

Зарождавшиеся в китайской историографии новые взгляды на проблемы экономики отражали позиции господствующего класса, предшествующего буржуазии. Они противоречили традиционной доктрине: земледелие — ствол (основное), торговля и ремесло — ветви (второстепенное). Их сторонники связывали обогащение государства с развитием ремесла и торговли, с поощрением частной инициативы. Однако по причине слабости городских элементов в феодальном Китае новая экономическая школа не сложилась. В историографии XVIII в. новые идеи были представлены еще более скрыто и осторожно. Труды принимали все более описательный характер. Таковы сочинения Янь Жу-и «Краткое описание трех провинций»¹⁹, Цзинь Ао-цзэ «Собрание различных сведений о Наньцзине»²⁰ и т. д.

Европейская литература. В Западной Европе сведения о китайских городах и их истории появились в дневниках и письмах католических миссионеров. Гаспар да Круз, Галеот Перейра²¹, Маттео Риччи²² и другие сделали описания торговых городов, рынков, мастерских и сообщили некоторые секреты китайского ремесла. В 1712 г. миссионеру д'Антреколю удалось тайно проникнуть в «святая святых» китайского фарфора — Цзиндэчжэнь, и его «Письма» явились первым достоверным свидетельством европейца о производстве фарфора²³. Свидетельства миссионеров Ж. Б. дю Гальд включил в обширное сочинение о Китае.

¹⁷ Цюй Да-цзюнь. Гуандун синьюй (Новое слово о Гуандуне), 1700.

¹⁸ Гу Чжэнь-тао. Умэнь бяоннь бянь (Описание явлений в Умэне, на которые никто не обращал внимания), XVIII в.

¹⁹ Янь Жу-и. Саньшэнь бяньфан бэйлань. [Краткое описание трех провинций (Шэньси, Сыгуани, Хубэй)]. 1802—1804. Ксилограф.

²⁰ Цзинь Ао-цзэ. Цзиньлинь дайчжэньлу (Собрание различных сведений о Наньцзине), [XVIII в.]. Ксилограф. XVIII в.

²¹ South China in the sixteenth century. Being the narrative of J. Pereira, Gaspar da Crus, Martin de Rada (1550—1575). by C—R. Boxer, L., 1953.

²² Ricci Matteo. China in the 16-th century, 1586—1610. The Journal of M. Ricci, 1583—1610. Translated from Latin by Gagallagher. N. Y., 1953.

²³ F. N. Entrecolles. D'arts metiers et cultures de la Chine. P., 1814—1815. Письма переведены на английский и русский языки. См. подробное описание: 1) «как китайцы делают фарфор, 2) как китайцы разводят и кормят шелковых червей». Перевел с французского языка студент медицинского факультета Гавриил Смирнов. Печатана в Москве у Ф. Гиппиуса, 1790; Burton William. Porcelain: a sketch of its nature, art and manufacture. L., 1906.

Еще более пристальным стало внимание европейцев к китайскому ремеслу после французской буржуазной революции. Владельцев фаянсовых мануфактур и лионских фабрикантов интересовали секреты изготовления фарфора и шелковых тканей. В середине XIX в. французский синолог Станислав Жюльен предпринял попытку перевода «Тянь гун кай у» и «Цзиндэчжэнь таолу»²⁴. Однако трудность текста, специфика средневековой технической терминологии, большое количество вышедших из употребления иероглифов и диалектных слов не позволили С. Жюльену довести работу до конца.

Западные историки, занимавшиеся городской проблематикой в XX в., рассматривали историю развития города и ремесла в рамках концепций «традиционного застойного общества». Поэтому не обращалось внимание на динамику социальных институтов, на развитие экономической структуры восточных городов. Кроме того, специфика формирования городов, особенности функционирования торгового капитала и др. не становились центральными в исследованиях «городской» и «торгово-ремесленной» тематики.

Поэтому внимание иностранных историков в течение долгого времени было занято либо подготовительными работами, переводом и комментированием источников по истории города и ремесла, либо изучением продукции ремесленных мастерских как прикладных видов искусства.

Весьма характерна для западной историографии статья американского историка Эдварда Н. Шафера «Последние годы Чанъаня»²⁵. Автор ставит Чанъань в ряд величайших городов мира вместе с Лондоном, Римом, Вавилоном и называет в истории города три периода — чжоуский, ханьский и танский.

Э. Шафер не рассматривает город как социально-экономический организм и поэтому не находит никаких существенных различий между Чанъанем в древности и в средневековье.

Поступательное развитие города автор видит в том, что в VI в. (при Суй) появилась строгая планировка, а при Тан, когда город стал столицей и началось строительство императорских дворцов и домов знати, была разрушена симметрия суйского города. В IX в. возросло иностранное население Чанъаня и в районе западного рынка появились их колонии-поселения.

В статье Э. Шафера содержатся сведения и о социально-экономической структуре города. Он пишет, что в городе функционировали постоянные рынки — Восточный, Западный и Персидский, но ночная торговля была запрещена указом императора Вэньцзуня.

---

²⁴ Histoire et fabrication de la porcelaine chinoise par M. Stanislas Julien. P., 1856. Industries anciennes et modernes de l'empire Chinoise d'après notices du père Stanislas Julien. P., 1859. Три главы «Цзиндэчжэнь таолу» не переведены совсем, а в остальных семи сделаны пропуски. «Тянь гун кай у» вышла как частичный перевод и пересказ фрагментов книги.

²⁵ Edward H. Schafer. The last years of Ch'ang-an. — «Oriens extremus», October, 1963.

на в 840 г. Существовали специальные кварталы торговцев и ремесленников. Эти сведения сообщаются мимоходом, поскольку находятся за пределами интересов автора. Зато чрезвычайно обстоятельно излагается история строительства императорских дворцов и домов феодалов, приводится перечень храмов и культовых сооружений, описаны декоративные посадки деревьев, разведение цветов. По мнению Э. Шафера, две причины определили упадок китайского города после двух тысяч лет процветания: «преступления на почве ксенофобии» — религиозные преследования 40-х годов IX в.; гонения на буддистов и манихеев, секуляризация имущества, пожары и разрушения в результате занятия столицы отрядами Хуан Чао.

Ни слова не говорится в статье о перемещении экономических центров в другие районы Китая, об упадке сухопутной торговли.

Проблему урбанизации китайского общества в XIII в. выдвинул французский историк Жак Жерне в книге «Повседневная жизнь Китая накануне вторжения монголов. 1250—1276 гг.»²⁶. Автор повествует о превращении Ханчжоу в столицу, о градостроительстве, населении, об административном управлении и положении различных общественных слоев. В основу книги положены описания Ханчжоу у Марко Поло. Вопросы городской экономики, социальной организации городского общества не привлекли внимания и этого историка.

Исключение представляют работы Э. Балаша и Р. Хармвелла. Целью исследования этих ученых стало решение социально-экономических проблем. Этьен Балаш опубликовал в 50-х годах серию статей²⁷. В работах Балаша использовано небольшое количество источников, но они интересны постановкой новых проблем, смелыми гипотезами. Э. Балаш выделяет несколько типов феодальных городов в Китае, а определяющим фактором он считает не территорию и не количество городского населения, а степень урбанизации, «наличие специфически городского класса, который может быть свободно определен как буржуазия»²⁸.

Две важнейшие проблемы поставлены в работах Балаша — отличие китайских городов от европейских и причины задержки развития городов и третьего сословия в Китае. Согласно концепции Э. Балаша, существенным признаком китайского средневекового города является подчинение феодальным властям, отсутствие эмансипации и городских «свобод». Даже деревня была более автономна, чем город.

---

²⁶ Jacques Gernet. *La vie Quotidienne en Chine à la veille de l'invasion mongole. 1250—1276*. P. 1959.

²⁷ После смерти историка часть их была включена в сборник его работ *Chinese civilization and bureaucracy*. New Haven and London, 1964. Наиболее полно его взгляды выражены в статьях «Китайские города», «Марко Поло в столице Китая», «Ярмарки в Китае», «Рождение капитализма» и во вступительной статье к «Экономической карте Китая XI века».

²⁸ E. Balazs. *Chinese civilization...*, p. 66.

В числе факторов, относящихся к замедлению развития городов, автор называет отсутствие хартий и легализованных статутов (Уставы китайских цехов были впервые опубликованы только в конце 50-х годов), юриспруденции, кодекса гражданских законов, надежных привилегий, автономии городской администрации.

«Поэтому-то города,— пишет Балаш,— в противоположность городам Запада, не стали магнитом для деревни, были не способны выполнить роль социального катализатора... их жизнь, как и весь социальный организм, находилась под доминантой всемогущего, вездесущего государства...»²⁹. Не оправдано и не подтверждается фактами противопоставление города и «свободной» деревни; не обоснована датировка оформления цехов и гильдий VII—VIII веками.

Не видя различий между понятиями «буржуазия» и «торгово-ремесленное население средневековых городов», автор пишет о буржуазии применительно к периоду глубокого средневековья.

Однако Балаш в своих работах ввел в научный оборот новые материалы о торговле и рынках.

Одному из важнейших элементов развития производительных сил — добыче железа и каменного угля в X—XII вв. — посвятил свою статью американский социолог Роберт Хармвелл³⁰. Это единственное исследование производительных сил средневековья в западной литературе.

В области изучения внешней торговли Китая работали Б. Морзе, создавший фундаментальную «Хронику торговли Ост-Индской компании в Китае. 1635—1844»³¹, английский синолог Д. Г. Филиппс, изучавший торговлю фарфором³², японский ученый Кувабара Кокисо, подготовивший публикацию китайских источников VII—XIII веков о системе «шибосы».

Западные ученые обратились к переводу источников. В США переведен текст «Тянь гун кай у». В Англии в 1951 г. Сайер издал комментированный перевод «Цзиндэчжень таолу».

Японская литература. В 20-е—30-е годы в Японии ученый Като Сигэси написал серию исследований, освещающая различные вопросы экономической структуры Китая в VII—XII вв.: «Развитие городских рынков в Сунское время» (1931), «Рынки Танского и Сунского времени» (1933), «О танско-сунских торговых организациях «хан» и хуйгуанях цинского времени» (1935) и другие³³. Работы

²⁹ E. Balazs. Chinese civilization., p. 78.

³⁰ Robert Harwell. A revolution in the Chinese Iron and Coal Industries during the Northern Sung. 960—1126. — «The Journal of Asian Studies», 1962, vol. XXI, N 2, p. 153—163.

³¹ Ballou Morse Hosea. The chronicles of the East India Company trading to China. 1635—1884. Cambridge and Oxford, 1926—1929.

³² John Philips Goldsmith. China trade porcelain. Harvard University Press. Cambridge—Massachusetts, 1956.

³³ Эти статьи вместе с другими работами Като Сигэси, извлеченными из китайских и японских довоенных журналов, вошли в сборник «Чжунго цзинциши каочжэн» (Исследования по истории китайской экономики). Пекин, 1960

Като Сигэру носят историко-этнографический характер. Рассматривая вопросы градостроительства, изменения городской планировки, топонимики, автор пришел к выводу, что города XI—XII вв. отличались от более ранних обширностью территории и системой открытых улиц и переулков, пришедшей на смену замкнутым кварталам, а также новой системой организации торговли.

В одной из своих работ автор выясняет вопрос о различии между цеховыми организациями разных периодов средневековья и приходит к выводу, что возникновение наряду с ханами (цехогильдиями) земляческих организаций (хуйгуаней) явилось прямым результатом роста межобластных торговых связей.

На основе изучения текста «Тянь гун кай у» японские историки исследовали уровень развития многих китайских ремесел и степень воздействия китайского ремесла на японское (работы Миэ Хирото, Ота Эйдо и др.)³⁴. Они занимались также проблемами экономики и социальной структуры китайских средневековых городов, особенно VII—XIII вв.

Ряд исследований посвящен товарно-денежным связям, формам торговли, экономической и социальной жизни городов. Историк Ёсисин Сиба в работе «Анализ рисовых рынков в Сунское время»³⁵ исследовал движение основного продукта тогдашнего рынка — риса, изучил товарные связи, возникавшие между различными провинциями. В другой своей работе — «Деревенские и прихрамовые рынки в Цзяннани в Сунское время»³⁶ — он собрал и проанализировал большой материал о торговле привозными ремесленными изделиями на деревенских и прихрамовых ярмарках.

Историк Ясуси Кусано ставит в своей работе проблемы пополнения городского населения³⁷.

Хидео Кикиути, полемизируя с историками КНР, которые оценивают всякий наемный труд как категорию капиталистического общества, рассматривает в своей статье характер найма при феодализме.

Для историков, объединяющихся вокруг журнала «Тоё гакухо», характерно стремление решать важные вопросы экономической и социальной жизни средневековья через тематику, которая на первый взгляд кажется узкой и локальной. В работе Томи Саеки о местных финансах³⁸ рассматриваются такие важные вопросы, как отношения частных купцов, предпринимателей и государства, налоговые поступления от чайной, винной, соляной торговли.

³⁴ Сб. статей по изучению «Тянь гун кай у», 1959.

³⁵ Ёсисин Сиба. Анализ рисовых рынков в период династии Южных Сун. — «Тоё гакухо», 1956, т. 39, № 1—3.

³⁶ «Тоё гакухо», 1961, т. 44, № 2, стр. 89—97.

³⁷ Кэху, чжуху, дяньху Сунского времени. — «Тоё гакухо», 1963, т. 46, кн. 1, №№ 1, 2.

³⁸ Томи Саеки. Относительно гунищянь в Сунское время. — «Тоё гакухо», 1964, т. 47, № 1, 6.

В 1960 г. японский синолог Сен Вада опубликовал перевод и исследование трех экономических глав «Сун ши»³⁹.

Исследования буржуазных китайских историков 1930-х годов основывались на незначительной источниковедческой базе. Их основной тезис базировался на признании извечности всех явлений. Поэтому историк Цюань Хань-шэн уже в древнем Китае находил цеховую систему, а в Китае XI—XIII веков видел капиталистическое общество⁴⁰.

Другой историк, Цзюй Цинь-юань, считал, что в городах VII—VIII вв. была сложившаяся цеховая организация⁴¹, а город XI—XIII в. он рассматривал как систему, в которой зарождались капиталистические отношения⁴².

В России первые сведения о столичном городе Пекине были записаны в конце XVII в. главой русского посольства в Цинскую империю Николаем Спафарием (Милеску)⁴³. После учреждения Российской духовной миссии в Пекине ее участники собрали значительный материал о шелковом и фарфоровом производстве, о жизни городов и осуществили несколько переводов. В XVIII в. секретарь коллегии иностранных дел Алексей Леонтьев перевел на русский язык сочинения о городах и ремеслах феодального Китая, содержавшие статистические сведения. Его перевод цинского законодательства содержит сведения о положении купцов и ремесленников⁴⁴.

Изучению феодального китайского города XVIII—XIX вв. уделил значительное внимание выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин⁴⁵.

Примечательно, что в представлении Бичурина город — это прежде всего социально-экономическое понятие, средоточие ремесла и торговли. Он так рисует китайский город начала XIX столе-

³⁹ Treatise on the economy and finance of the Sung. Ed. by Dr. Sei Wada. Tokyo, 1960. The toyo bunko publications, ser A, N 44.

⁴⁰ Цюань Хань-шэн. Чжунго ханхуэй чжидуши (История цеховой организации в Китае). Шанхай, 1934.

⁴¹ Цзюй Цинь-юань. Тодай кэйдзайси (История танской экономики). Токио, 1941.

⁴² Цзюй Цинь-юань. Тан Сун гуань сы гунъе ши (История казенного и частного производства в Танское и Сунское время), [б. м.], 1934.

⁴³ См. Н. Г. Спафарий. Описание первые части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань. 1910.

⁴⁴ См. А. Леонтьев. Кратчайшее описание городов, доходам и протечему Китайского государства, а притом и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы. Спб., 1778; его же. Уведомление о чае и шелке. Спб., 1775. См. «Тайцин гурунь и ухери коли», т. е. все законы и постановления китайского (ныне маньчжурского) правительства. Перевел с маньчжурского на российский язык Коллегии иностранных дел надворный советник А. Леонтьев, тт. 1—3. Спб., 1771.

⁴⁵ См. Н. Я. Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. Спб., 1842; его же. Китай, его жители, нравы и обычаи, просвещение. Спб., 1840; его же. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Спб., 1848, стр. 24; его же. Описание Пекина. Спб., 1829.

тия: «В Китае каждый город по буквальному значению этого слова должен быть обнесен стеною и служить средоточием управления промышленности и торговли на известном пространстве. По сему определению каждый город там, в полном европейском смысле, есть гостинный двор, который тем только отличается от гостинных дворов в Европе, что между торговыми лавками в каждой улице найдете и гостиницы, и монастыри, и аптеки, и мануфактуры, и магазины, и разные ремесленные заведения, и пр.»

Бичурин, занимаясь проблемой соотношения внутренней и внешней торговли в Китае, отметил отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной статистики. Его труды содержат глубокий анализ торговли, внутренней и внешней, классификацию китайских товаров по степени их распространенности на внутренних и внешних рынках. Автор делает вывод о главенствующем значении торговли хлопчатобумажными и шелковыми тканями, а затем и чаем. Несмотря на то, что Бичурин употребляет в своих книгах термины «фабрика», «капиталисты», эта терминология вовсе не означает, что автор переоценивает степень промышленного развития китайского города. Он пишет об отсутствии в Китае предприятий европейского типа, о мастерских и мелких заведениях, где труд крайне дифференцирован, особенно при изготовлении сложных художественных изделий⁴⁶. Констатируя низкий уровень ремесленной техники, Бичурин отметил: «Судя по чрезвычайному многолюдству, введение многосложных европейских машин можно за верное полагать несбыточным»⁴⁷.

В своих трудах Бичурин исследовал торговые налоги, организацию маклерского дела, отметил значительное имущественное неравенство среди купечества. К миллионерам он причислил соляных откупщиков.

Во второй половине XIX — начале XX в. проблемы городской жизни и ремесла не привлекали внимания русских исследователей.

После образования КНР многие китайские ученые стремились применить в своих исследованиях марксистско-ленинскую методологию. Большое влияние на их труды оказывало и развитие исторической науки в СССР. Историки приступили к изучению и анализу коренных проблем городского производства и социального строя городов.

Постановка этих проблем стала возможна благодаря изданию и переизданию источников, необходимых для изучения социально-экономического строя городов. В КНР были переизданы наиболее ценные географические описания, частные сочинения о городах и ремеслах, разысканы и опубликованы уставы цехов, эпиграфиче-

---

⁴⁶ См. Н. Я. Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии, стр. 50.

⁴⁷ Там же, стр. 51.

ские документы⁴⁸, составлен четырехтомный сборник документов по истории кустарного производства⁴⁹ и др. В 50—60-е годы вышли в свет несколько монографий и множество (свыше 200) статей, заметок и материалов дискуссий о «городской» и «ремесленной» проблематике. Часть работ посвящена конкретным исследованиям истории ремесла, торговли, экономической структуры города. Другую часть составляют статьи, в которых подняты вопросы характера китайского общества и уровня его социально-экономического развития на разных этапах феодализма.

Значительное место в историографии 50-х годов отведено ремесленному производству средневековья: выделены наиболее развитые отрасли ремесла, крупнейшие центры производства, изучена специализация различных районов на производство ремесленных изделий, ремесленная техника, подчеркивается факт развития горнодобывающей промышленности в XI—XII вв. и ее влияние на развитие экономики страны.

В работах историка Ши Хун-да исследована техника текстильного производства в XI—XVII вв., уровень ее развития и эволюция⁵⁰. Коллективная монография о цзиндэчжэньском фарфоре и книга Тун Шуя посвящены технике и технологии производства фарфора⁵¹. Историк То И-куй описал простейшие механизмы, применявшиеся в XI—XII вв. при обрушивании риса, обработке чая.

Удачная попытка определить степень развития техники предпринята в книге Янь Чжун-пина «Очерки истории текстильного производства в Китае»⁵².

Исследуя организацию ремесленного производства, некоторые историки (Цзи Цзы-я, например) смешивают такие явления, как дробность ремесел, множественность ремесленных специальностей, с разделением труда в процессе производства и на этом основании делают выводы о раннем возникновении мануфактур.

Многие историки средневекового города (Чэнь Чан-юань, Шу Ши-чэн, Кэ Чан-цзи и др.)⁵³ преувеличивают масштабы и зна-

⁴⁸ Цзянсушэн Мин Цин илай бэйкэцзыляо сюаньцзи (Сборник надписей на каменных стелах, установленных в провинции Цзянсу в Минское и Цинское время). Пекин, 1959.

⁴⁹ Чжунго цзиньдай шоугунье ши цзыляо. 1840—1949. (Сборник материалов по истории кустарного производства Китая в новое время), тт. 1—4. Пекин, 1957.

⁵⁰ Ши Хун-да. Об эволюции орудий хлопчатобумажного производства в периоды Сун, Юань, Мин. — «Лиши яньцзю», 1957, № 4, стр. 19—42; Хлопчатобумажное производство в районах Фуцзяни и Гуандун—Гуанси при Южных Сунах. — «Шисюэ юэкань», 1958, № 5, стр. 242.

⁵¹ Сб.: Цзиндэчжэнь таоци шигао (Очерк истории цзиндэчжэньского фарфора). Пекин, 1959.

⁵² Янь Чжун-пин. Чжунго мяньфанчжи шигао (История текстильного производства в Китае). Пекин, 1955.

⁵³ См. Шу Ши-чэн. Относительно производства при капиталистических отношениях в Северо-Сунское время. — «Хуадун шифаньдасюэ сюэбао», 1956, № 3; Кэ Чан-цзи. Первоначальное исследование наемных отношений в Сунское время. — «Лиши яньцзю», 1957, № 2; Чэнь Чан-юань. Расцвет экономики г. Кайфына в Северо-Сунское время. — «Шисюэ юэкань», 1959, № 6.

чение применения наемного труда в городском ремесле, оценивают этот наем как свидетельство возникновения капиталистических отношений. Их оппоненты считают, что и наем и дифференциация труда существовали в рамках среднего и позднего феодализма (Цзи Цзы-я)⁵⁴.

Несколько работ посвящено изучению отдельных средневековых городов, преимущественно столичных: Кайфына, Ханчжоу, Пекина⁵⁵. В работе Сюй Да-лина, наиболее значительной из этой серии, рассматривается развитие Пекина после перенесения туда столицы в 1421 г. Социальный состав городского населения, расширение торгово-ремесленной деятельности горожан, работа казенных ремесленных мастерских и другие вопросы нашли в ней место⁵⁶.

Историк удалось на совершенно новых и весьма обширных материалах изучить процесс превращения феодальной столицы в крупнейший торгово-ремесленный город, крупнейший рыночный центр, где самостоятельно функционировали частные торговые объединения.

Почти все историки, занимавшиеся городской экономикой, пишут о цеховой организации. Однако от внимания исследователей нередко ускользали специфические особенности китайских цехов — их торгово-ремесленный характер, полная подчиненность феодальным властям. Историк Чэнь Су-ло выделяет два типа цехов в XI—XII вв. — ремесленный и торговый⁵⁷, тогда как в это время преобладали организации смешанного типа.

Более глубоко исследована цеховая система позднего феодализма. На основании документов выделены типы цеховых организаций, изучена их эволюция, связь новых организаций-филиалов — «землячеств» (баны, хуйгуани) с развитием рынка⁵⁸, проанализированы цеховые уставы⁵⁹.

Вопросу об уровне социально-экономического развития средневекового Китая посвящено множество работ (обзоры этих работ опубликовались в советской литературе)⁶⁰. Для доказательства

---

⁵⁴ Цзи Цзы-я. Краткое исследование состояния Сунского ремесла. — «Лиши цзяосюэ», 1955, № 4.

⁵⁵ См. Чэнь Чан-юань. Расцвет экономики г. Кайфына в Северо-Сунское время. — «Шисюэ юэкань», 1959, № 6, стр. 27—30; Чэнь Су-ло. Обзор городской экономики в Сунское время. — «Лиши цзяосюэ», 1956, № 5.

⁵⁶ Сюй Да-лин. Экономическая жизнь Пекина в Минское время. «Бэйцзиндасюэ». «Жэньвэнькэсюэ», 1959, № 4, стр. 41—46.

⁵⁷ См. Чэнь Су-ло. Обзор городской экономики в Сунское время. — «Лиши цзяосюэ», 1956, № 5.

⁵⁸ Лю Юн-чэн. К вопросу о цеховом строе в ремесле Сучжоу в период династии Цин. — «Лиши яньцзю», 1959, № 11.

⁵⁹ Сун Бо-ин. Исследование сучжоуских гунсо в Цинское время. — «Цзян хай сюэкань», 1958, № 5.

⁶⁰ См. Р. А. Миrowsкая. Обсуждение китайскими учеными проблемы генезиса капитализма в Китае. — «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 210—218; Ю. М. Парфионович. Китайские историки о зарождении капитализма в Китае. — «Советское востоковедение», 1957, № 4, стр. 107—124; Э. П. Стужн-

высокого экономического развития Китая использовались главным образом данные о наиболее развитых городах, передовых отраслях ремесла и торговли. Поэтому в научный оборот было вовлечено сравнительно мало сведений, одни и те же примеры развития мануфактуры или применения наемного труда приводились во множестве работ.

Десятки китайских историков были втянуты в спор о том, когда появились «ростки» или «зачатки» капитализма в Китае⁶¹.

В ходе дискуссии в научный оборот было введено значительное число фактических данных о развитии городов, о формировании и разложении цехов, о складывании рынка, о возникновении различных типов кооперации и мануфактуры. Все это опровергало буржуазные концепции о «застойном традиционном обществе» и свидетельствовало о поступательном, хотя и медленном развитии и начале процессов разложения феодального строя.

Дискуссия поставила перед китайскими учеными такие важные проблемы, как проблема первоначального накопления, складывания национального рынка, возникновение мануфактуры, проблемы характера классовой борьбы в городах позднего средневековья, которые ждут еще своего решения.

Советская историография. К углубленному изучению проблем городского строя и производства советские историки обратились довольно поздно. Хотя в работах 20—30-х годов был собран некоторый материал о ремесле и торговле, но над авторами тяготела концепция торгового капитализма, что нашло отражение в книге Г. И. Сафарова⁶².

П. Гриневич в статье «К вопросам истории китайского феодализма» писал о раннем отделении города от деревни и сравнительно высоком развитии промыслов и торговли. Как важнейшую особенность китайского феодализма он выделял «относительно крупную роль товарно-денежных отношений», а важнейшим этапом в развитии китайских гильдий и цехов считал Сунский период. Хотя П. А. Гриневич и отрицал наличие в Китае XII в. революции «торгового капитализма»⁶³, он все же видел зарождение мануфактур, «...усиление и самоопределение буржуазных элементов», и все это

н а. Вопрос о зарождении капиталистических отношений в Китае в работах современных китайских историков. — В сб.: «Средние века», 1958, вып. 12, стр. 132—137; е е же. Современная китайская историческая наука о проблемах социально-экономической истории Китая в поздние средневековья (XVI—XVIII вв.). — «Современная историография стран зарубежного Востока», вып. 1, 1963, стр. 102—122; е е же. Проблемы экономической и социальной структуры города и ремесленного производства Китая XI—XIII вв. в современной историографии. — В сб.: «Историография стран Востока», М., 1969.

⁶¹ Гуаньюй чжунго цзыбэньчжуи мэнья таолунь цзи (Сборник материалов дискуссии о зарождении капиталистических отношений в Китае), тт. I—II. Пекин, 1957.

⁶² Г. И. Сафаров. Очерки истории Китая. М., 1933.

⁶³ «Проблемы Китая». 1935, № 14, стр. 217.

в условиях монгольского ига. Однако историк сумел характеризовать китайский средневековый город не только как центр торговли и ремесла, но и как опору военно-политического могущества феодалов.

В течение многих лет история китайского ремесленного производства интересовала Н. В. Кюнера, который подбирал в источниках материал для монографии⁶⁴.

Проблематикой средневекового города занимался также В. М. Штейн. В статье «Китай в X—XI вв.»⁶⁵ он характеризовал китайский город как высокоразвитую структуру, содержащую явления капиталистического характера: торговые организации и мануфактуры капиталистического типа. В поздних своих работах В. М. Штейн высказывался более умеренно и осторожно. «Подавляющая часть крупных и мелких предприятий не была капиталистическими мануфактурами», — писал он⁶⁶. Явлениями, характерными для сунской экономики, В. М. Штейн считает разделение труда и применение вольнонаемного труда на казенных мануфактурах. По мнению Штейна, в XIII в. существовала связь китайского крестьянина с рынком. Что же касается проблемы возникновения капиталистических отношений, то относя их к более позднему периоду, автор считает бесспорным появление их до вторжения европейцев.

В 1946 г. ленинградским искусствоведом М. Н. Кречетовой была завершена и защищена кандидатская диссертация на тему «Китайский фарфор для экспорта в Европу».

М. Н. Кречетова одна из первых в советской синологии специально занялась изучением ремесла; ею были переведены источники о цзиндэжэньском производстве (разделы «Цзянси тунчжи», письма д'Энтреколла), изучена структура этого производства, формы применения наемного труда. Тщательное изучение Эрмитажной коллекции фарфора позволило автору работы частично восстановить картину внешнеторговых связей Китая в XVIII в.⁶⁷

Истории книгопечатания в Китае посвятил свой большой труд К. К. Флуг. Исследователь рассматривал книгопечатание в Китае как одну из развитых отраслей ремесла, определил районы распространения этого производства и книжной торговли. К. К. Флуг считал, что сунская книга была источником самых разнообразных знаний. Им выдвинута также проблема влияния книгопечатания на систему образования.

---

⁶⁴ Н. В. Кюнер. Материалы к монографии по истории китайского ремесла. — Музей этнографии АН СССР, 1, № 262.

⁶⁵ «Советское востоковедение», 1945, № 3, стр. 85—88.

⁶⁶ См. В. М. Штейн. Были ли в экономике стран Востока элементы капитализма до вторжения европейских держав? — В сб.: О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). М., 1962, стр. 196—211, 225.

⁶⁷ См. Э. Х. Вестфаллен, М. Н. Кречетова. Китайский фарфор. Л., 1947.

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда помешали К. К. Флугу закончить свое исследование, и оно было подготовлено к печати З. И. Горбачевой⁶⁸.

В статьях и главах учебников⁶⁹, написанных Л. В. Симоновской, выделены особенности социального строя городов, развития внутреннего рынка, специфики формирования цеховых организаций. VIII—XIV вв. автор рассматривает как период развитого феодализма, для которого характерен расцвет ремесла и торговли, усиление феодальных городов как торгово-ремесленных центров, оформление цеховой системы в торговле и ремесле, развитие городской культуры. В поздний период феодализма отмечается развитие производительных сил в ремесле, возникновение мануфактур, а также появление новых земляческих организаций в городе.

Тот же автор посвятил специальную главу в монографии⁷⁰ проблемам развития городов, мануфактур, использованию рабочей силы, сочетанию частного и казенного предпринимательства. В ней очерчена специфика китайского города, отличающегося полным подчинением властям и феодальной регламентацией всей жизни горожан. Фактически в города были перенесены феодальные порядки, созданные для эксплуатации деревни. В книге исследовано соотношение городов и промыслово-ремесленных посадов — чжэней, высказано предположение о том, что в чжэнях, где контроль феодальных властей был слабее, существовали более благоприятные условия для развития производства. На основе анализа социальной структуры городов выдвинута мысль об особенностях формирования городской оппозиции. Подчеркнуты слабость и консервативность зажиточных слоев горожан, связанных с аппаратом феодального государства и обладавших правом покупки земли.

Проблемы формирования и развития городской культуры в средние века поставлены в многочисленных работах академика Н. И. Конрада. Исследуя литературу и философию Танского и Сунского периодов, Н. И. Конрад считает, что культура китайских городов схожа с культурой эпохи европейского Ренессанса. Тема Ренессанса VIII—XI вв. проходит через множество работ академика Конрада: «Средние века» в исторической науке», «Хань Юй и начало китайского Ренессанса», «Об эпохе Возрождения» и др. Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу, по мнению исследователя, были прово-

---

⁶⁸ См. К. К. Флуг. История китайской печатной книги Сунской эпохи. М.—Л., 1959.

⁶⁹ Л. В. Симоновская. Основные черты истории средневекового Китая. — «Преподавание истории в школе», 1951, № 4, стр. 49—50; Две тенденции в феодальном обществе Китая позднего периода феодализма. XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960; Л. В. Симоновская, Г. Б. Эренбург, М. Ф. Юрьев. Очерки истории Китая. М., 1956; История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957; История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968.

⁷⁰ См. Л. В. Симоновская. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в. М., 1966.

вестниками эры гуманизма, а эпоха, в которой они жили,— одним из переломных моментов в жизни человечества.

Н. И. Конрад выделяет несколько периодов в эпохе китайского Ренессанса. Первый период он связывает с Хань Юем, т. е. 2-й половиной VIII — началом IX в.; Китай послетанский определяет как 2-й период Ренессанса.

По мнению Н. И. Конрада, китайское Возрождение зиждилось на серьезной экономической и социальной основе — источником его, почвой и опорой были города, ставшие уже в VII в. центрами производства и торговли: «...они жили интенсивной, разносторонней жизнью. Росло число и значение организаций ремесленников и торговцев — цехов и гильдий. Ремесленное и торговое население в городах увеличивалось в числе, укреплялось в экономических позициях, росли и культурные требования»⁷¹.

Н. И. Конрад полагает даже, что базис Ренессанса в Китае был столь устойчив, что его не могли остановить иноземные нашествия: киданьское, чжурчэньское и монгольское.

Вопросы городской торговли VII—IX вв. рассмотрены в статье И. С. Ермаченко⁷², которая исследовала группу источников, характеризующих торговлю танской столицы — Чанъаня, и использовала в работе материалы музейных экспозиций и археологических экспедиций. В статье убедительно доказано, что в VII—IX вв. торговля производилась в строго фиксированных правительством местах — на постоянно действующих городских рынках: тогда уже функционировали торгово-ремесленные ханы со строгим разделением по специальностям и существовали особые правила торговли на столичных рынках.

История китайского средневекового города⁷³ подвергалась специальному исследованию в работах Э. П. Стужиной⁷⁴. Ею освещены основные черты городской экономики времени развитого и позднего феодализма, социальный строй городов. Исследования Э. П. Стужиной опираются на обширный круг источников, из ко-

⁷¹ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966, стр. 156, 172, 197.

⁷² См. И. С. Ермаченко. Рынки Чанъаня — Западной столицы империи Тан. — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 66. М., 1963, стр. 3—9.

⁷³ Раздел о работах Э. П. Стужиной написан Г. Я. Смолыным.

⁷⁴ См. Э. П. Стужина. Китайское ремесло в XVI—XVIII вв. М., 1970; ее же. О характере цеховой организации в Китае в XVII — первой половине XIX в. — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1; ее же. Ткацкое производство в Китае со второй половины XVI по первую половину XVIII в. — В сб.: О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). М., 1962; ее же. Городское ремесленное производство и торговля в области Сучжоу (Китай, вторая половина XVI—XVIII в.). — В сб.: Генезис капитализма в промышленности. М., 1963; ее же. Некоторые вопросы экономики Китая XI—XII вв. в сунском законодательстве. — В сб.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки, вып. II. Л., 1968; ее же. Экономическое содержание терминов найма и формы оплаты труда в городском ремесленном производстве феодального Китая (XI—XVIII вв.). — В сб.: Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968.

торых значительное число ранее не привлекалось, а некоторые, как, например, отдельные цеховые статуты, надписи на каменных стелах и т. д., выявлены автором в музеях и архивах в период пребывания в КНР и впервые введены в научный оборот⁷⁵. В монографии и статьях этого исследователя подробно рассмотрено состояние техники и технических приемов в важнейших отраслях производства, специализация видов ремесел.

Особенно обстоятельно рассмотрена цеховая система, существовавшая в китайских городах с конца VI — начала VII в. Предприятия и цехи являлись, как правило, торгово-ремесленными организациями (цехо-гильдиями); отделение ремесла от торговли, некоторые симптомы которого исследовательница усматривает в городах XI—XIII вв., не завершилось вплоть до XX в.

Э. П. Стужина отмечает, что в целом для цехов на протяжении всей их истории характерны крайне узкая, сугубо внутренняя юрисдикция и политическая бесправность. Автор объясняет это тем, что китайская цеховая система, в отличие от европейской, окончательно оформилась в условиях существования централизованного государства и сильной деспотической власти, не нуждавшейся в опоре на горожан. Китайский феодальный город, обретая экономическую мощь, всегда оставался политически слабым, бесправным, зависимым.

Э. П. Стужина прослеживает каналы воздействия феодального государства на ремесленное производство и торговлю и приходит к выводу, что основным рычагом этого воздействия был строжайший режим всеохватывающей правительственной монополии в области ремесла, сбыта и денежного обращения и вытекающие из него государственно-правовые нормы. Наиболее подробно данный аспект раскрывается в сообщении «Некоторые вопросы экономики Китая XI—XII вв. в сунском законодательстве», которое построено автором преимущественно на материалах «Свода законов, изданных в годы правления Цинъюань» (Цинъюань тяофа шилэй). Анализ «Свода...» и других законодательных актов дает представление о том, как и в каких направлениях происходило в XI—XII вв. юридическое оформление политики феодального государства в важнейших сферах экономической жизни страны.

Э. П. Стужина выявила различные социальные категории горожан, зафиксировала довольно пеструю номенклатуру лиц, связанных с ремесленным производством и торговлей, обнаружила первые признаки внутрицеховой имущественной дифференциации и разложения цеховой системы в пору позднего средневековья. Детальный разбор источников позволил ей установить наличие в

---

⁷⁵ Переводы четырех прежде не публиковавшихся цеховых уставов напечатаны: «Проблемы востоковедения», 1961, № 1. Фрагменты из официальных и частных сочинений, освещающих жизнь китайского города в X—XVIII вв., помещены в переводе Э. П. Стужиной в «Хрестоматии по истории Китая в средние века», М., 1960, стр. 38—68 и «Хрестоматии по истории средних веков», т. II. X—XV вв. М., 1963.

китайском городе XVI—XVIII вв. всех видов деятельности торгового капитала, различных форм посредничества и комиссионерства в торговле.

Значительное место отведено в работах Э. П. Стужиной вопросам мануфактурной формы организации городской ремесленной экономики в Китае XVI—XVIII вв. Эти вопросы рассматриваются в тесной связи с характеристикой роста производительных сил, совершенствования техники и технологии, повышения эффективности труда, улучшения производственных навыков ремесленников, наметившегося территориального разделения труда.

Э. П. Стужина открыла возникновение в позднефеодальном Китае частного предпринимательства в различных формах (кооперация, рассеянная и централизованная мануфактура). Одной из таких форм являлись предприятия, создававшиеся, как правило, по договоренности между купцами на объединенных паях. Подобные предприятия — специфическая для Китая форма мануфактурной кооперации — зародились в весьма затрудненных для процесса первоначального накопления капитала условиях. При соответствующих исторических условиях, отмечает Э. П. Стужина, на основе этих предприятий мог бы развиваться капиталистический уклад. Однако новые формы производства возникли рядом с цехом и постоянно испытывали его влияние, в них господствовал купеческий капитал, наемный труд, применявшийся на таких предприятиях, обычно не был полностью свободным⁷⁶.

Прогресс передовых форм городской экономики сковывался экономической политикой феодального государства, особенно с приходом к власти маньчжурских завоевателей. Немаловажным фактором, тормозившим развитие частнопредпринимательских форм, был постоянный избыток рабочей силы в городах, крайняя дешевизна рабочих рук.

Большой материал о городской экономике и жизни городов был собран русскими учеными XIX в. Часть их работ осталась неопубликованной. В наше время А. Н. Хохлов отыскал в архивах эти работы и подготовил сообщение о различных типах мануфактур, формах найма рабочей силы и оплате труда, о влиянии феодальных властей на развитие цехового ремесла и мануфактур⁷⁷.

Работы советских историков опровергли созданную на Западе концепцию извечной застойности китайского общества, а также утверждения китайских авторов о раннем развитии капитализма в Китае.

---

⁷⁶ Разбор социально-экономического содержания терминов, употреблявшихся в средневековых китайских источниках для обозначения найма работников в мастерские, см. в статье: Е. Stuzhina. The economic meaning of some terms in chinese feudal handicrafts. — «Archiv Orientalni», 1967, N 35.

⁷⁷ См. А. Н. Хохлов. О характере частной мануфактуры в Китае. — В сб.: Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. История и экономика. М., 1967.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

Политическая борьба, возникавшая в средневековом Китае в связи с направлением государственной политики и попытками реформ, казалось, должна была бы привлекать внимание летописцев. Ведь клубок политических конфликтов того времени сходился при императорском дворе, а историографы были обязаны тщательно фиксировать все события, там происходившие. А между тем, именно эта область крайне скудно освещена китайскими историками.

Средневековому мышлению было не под силу вскрыть истинный смысл формирования политических группировок, оно схватывало лишь то, что было на поверхности явлений. Причину борьбы историки видели лишь в столкновении личных, корыстных интересов, а политическая борьба в феодальной историографии неизбежно выступала в форме столкновений беспринципных группировок.

Конфуцианская традиция веками воспитывала предосудительное отношение ко всякого рода объединениям. Образование группировок (клик) при императорском дворе рассматривалось как посягательство на священную власть «сына неба». Термины «дан» «пэн дан», «би», «пэн би» (группировки, клики) имели осуждающий, позорящий смысл. Осуждение любых проявлений политической борьбы выражал и термин «дан хо» — бедствие от клик.

Политические дебаты, разгоравшиеся в средние века, записывались языком лаконичным и стереотипным. Привычные обороты письменной речи скрывали напряженную и ожесточенную борьбу и подоплеку обстоятельств политической жизни. Раскрыть смысл политических битв возможно лишь в контексте, учитывая ситуацию и позиции участников.

В Китае, где историописание рассматривалось как дело государственной важности, в исторических трудах выражалось мировоззрение правящего класса, строго отвечавшее требованиям конфуцианских социальных концепций. На первый план всегда выдвигались субъективные качества личности как решающего фактора в развитии политической истории. Это конкретизировалось в догме о конфуцианском идеале благородного мужа — цзюньцзы. Благо-

родный муж у Конфуция — образец поведения, человек, которому обязаны подражать жители Поднебесной, обладатель многих качеств, прежде всего моральных.

Антиподом этого идеала личности в представлении конфуцианцев выступали сяожэнь — недостойные, низкие люди, в отличие от цюньцзы руководствовавшиеся в своих поступках лишь корыстными побуждениями.

Историографы объясняли политическую борьбу исключительно различиями нравственного облика ее участников. Как правило, они называли людей прогрессивных — сяожэнь — лживыми, лукавыми, злодеями, коварными, а их противников — благородными, мудрыми, справедливыми. В развитии древнего учения о благородном муже возникло требование неприсоединения его к группировкам. Средневековые авторы, обвиняя сторонников движения за реформы в причастности к кликам, объявляли их на этом основании низкими людьми.

Пристрастно изображая действия противников старого порядка, историки подчас искажали описание хода событий, создавая ложные связи между фактами. Используя конфуцианскую догму о том, что небо определяет судьбу людей и оказывает воздействие на развитие событий, летописцы интерпретировали явления природы как кару неба за действия политиков, усугубляя таким образом еще более их вину.

История феодального Китая знает два крупных движения за реформы: в XI и в XV—XVII вв. Сведения о них историографы внесли в династийные истории (Сун ши и Мин ши), включив в разделы лэчжуань (жизнеописаний) биографии видных политических деятелей¹. В тексты этих биографий включены выдержки из докладов и сочинений реформаторов и описания их поступков. Кроме того, история политических столкновений при дворе, а также биографии или отдельные события записаны в общих трудах официальных историков², в энциклопедиях³ и в собраниях частных лиц⁴.

Судьба изучения двух движений не одинакова. Политическая борьба XI в. стала предметом острой полемики, длившейся столетия. История реформаторского движения XV—XVII вв. оказалась малоосвещенной, так как нашествие, а затем пересмотр книг,

---

¹ Сун ши. Ксилограф. Биография Ван Ань-ши, цз. 327, лл. 1—12; Биография Фань Чжун-яня, цз. 314, лл. 1—11 и др.; Мин ши. Ксилограф. Биография Чжан Цзюй-чжэна, цз. 213, лл. 14—25; Биография Ли Сянь-цая, цз. 232; Биография Гу Сянь-чэна, цз. 231, лл. 1—8 и т. д.

² Сюй цзычжи тунцзянь (Продолжение «Всепроникающего зеркала, правлению помогающее»). Пекин, 1957; Сунши цзиши бэньмо (Запись исторических событий Сунского периода от их начала до конца). Шанхай, 1955.

³ Вэньсянь тункао (Энциклопедия). Сост. Ма Дуань-линь. Ксилограф [б. м.], [1747].

⁴ Сюй цзычжи тунцзянь чанбянь (Черновик, продолжающий «Всепроникающее зеркало, правлению помогающее»). Сост. Ли Тао. [Ханчжоу], 1881 и др.

осуществленный маньчжурами, привел к уничтожению многих материалов.

Исторические сочинения о реформаторском движении XI в. появились вскоре после его поражения. Конфуцианские догмы о вреде группировок и о цзюньцзы, обязанном стоять вне их, оказывали свое воздействие на изображение исторических событий. Еще в Сунское время историография политической борьбы сводилась к описанию деятельности реформатора Ван Ань-ши, и это направление осталось преобладающим до наших дней. Историки спорили преимущественно о личных качествах этого государственного деятеля⁵. Одни характеризовали его как злодея и хитреца, другие обвиняли его в неразборчивом выборе сторонников⁶.

Спор между историками по поводу преобразований, продолжавшийся в первые два-три столетия, утих на несколько веков.

Лишь в начале XIX в. появились работы по систематизации и свертке материалов биографии Ван Ань-ши⁷. Среди этих работ особенно выделялся капитальный труд историка Цай Шан-сяна «Критическое исследование биографии Ван Цзин-гуна»⁸ (1804). В нем автор восхвалял реформатора как мудрого чиновника и великого человека и критиковал его противников.

Реформаторскому движению XV—XVII вв. и его деятелям средневековые историки дали двойственную характеристику. Если приводимые о ком-либо из них сведения создавали впечатление разумных и полезных стране и народу мероприятий, проводимых данным лицом, то в конце биографии резко осуждались личные качества этого деятеля⁹. Требования и политические взгляды с трудом можно выявить по отрывочным цитатам сочинений или докладов реформаторов, рассеянных в разных исторических трудах.

Открытое обращение к сюжету борьбы группировок было опасным: правительство жестоко расправлялось с реформаторами и подозрительно относилось даже к намекам на политическую борьбу в прошлом. Еще больше сковала деятельность историков «ли-

⁵ Борьба мнений отразилась и в художественной литературе, в частности, в повестях, созданных вскоре после поражения реформаторского движения, где содержались прямо противоположные мнения. (Упрямый министр, — «Пятнадцать тысяч монет». Средневековые китайские рассказы. Пер. с кит. М., 1962, стр. 99—122; Три промаха поэта или о том, как Ван Ань-ши трижды пристыдил Су Дун-по, — «Проделки праздного дракона». Пер. с кит. М., 1966. Об оценке этих повестей см. Л. Д. Позднеева. Лу Синь и памфлет эпохи Возрождения (VIII—XII вв.). Доклады, представленные на XX Международный синологический конгресс в Праге. М., 1968).

⁶ Ван Ань ши, «будучи благородным, — утверждал Лу Цзю-юань, — приближал к себе низких людей» (Лу Цзю-юань. Сяншань сяньшэн цюаньцзи (Полное собрание сочинений учителя Сян Шаня), сер. «Сыбу цункань». Шанхай, 1930, т. 146, вып. 5, цз. 19, стр. 86—9а).

⁷ Довольно полное жизнеописание Ван Ань-ши (Ван цзинговэньгун няньпу) составил историк и философ Гу Дун-гао (1679—1759).

⁸ Цай Шан-сян. Ван цзингунняньпу каолюэ (Критическое исследование биографии Ван Цзин-гуна). Шанхай, 1959.

⁹ Например, Мин ши. Биография Ли Сань-цай, цз. 232.

тературная инквизиция» Цянь луна в XVIII в., т. е. пересмотр книг, уничтожение многих сочинений, казни авторов и хранителей запрещенной литературы.

Первые в Европе упоминания о движении за реформы в XI в. в Китае появились в XVII—XVIII вв. и принадлежали перу католических миссионеров. Главное внимание их было сосредоточено на самом Ван Ань-ши. Некоторые авторы восприняли враждебные оценки китайских феодальных историков. Другие вкладывали в свои описания собственные представления.

Книги и письма миссионеров были использованы при составлении большого труда Ж. Гальда¹⁰, изданного на нескольких языках, в котором реформатор был назван «творцом нового любомудрия, безбожником и еретиком»¹¹. В русском переводе записано: «Сей Ван Ань-ши тщился ввести во империю многие новости. Но славный Сыма Гуан с отменной твердостью духа сопротивлялся всем замыслам сего хитрого и дерзкого человека»¹².

Новые сведения о Ван Ань-ши появились на Западе, когда Грозье опубликовал перевод многотомной истории Китая, выполненный Майя¹³. На основании работ миссионеров в европейской историографии возникла концепция, преувеличивавшая роль мероприятий Ван Ань-ши.

Решающее воздействие на возвеличивание деятельности реформатора оказал метод произвольной аналогии между преобразованиями в феодальном Китае и эпизодами из политической жизни Западной Европы и России XIX и даже XX в. Основоположителем искаженной трактовки истории реформ XI в. стал французский миссионер и известный путешественник Э. Р. Хюк (1813—1860). Сравнивая их с буржуазной революцией 1848 г. во Франции, он истолковал программу Ван Ань-ши как призыв к социальной революции и попытку национализации земли, стремясь доказать, что революционное движение во Франции — не переворот в общественной жизни, а всего лишь продолжение «китайских утопий», представлявших, по мнению Э. Р. Хюка, «отброс китайской цивилизации»¹⁴.

Пример Э. Р. Хюка оказался заразительным. Французский географ и социолог Э. Реклю (1830—1905), ссылаясь на исторический прецедент, якобы имевший место в Средней империи, пытался подкрепить свои анархистские взгляды в борьбе против марксистов I Интернационала¹⁵.

¹⁰ Du Halde. Description géographique historique, chronologique, politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie. P., 1735.

¹¹ «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии китайския, снабденное разными чертежами и разными фигурами, сочиненное Ж. Б. Дюгальдом, а с французского переведенное Игнатъем де Теильсом». Спб., 1774, 1777, стр. 202.

¹² Там же, стр. 203.

¹³ J. Mailla. Histoire générale de la Chine. P., 1779.

¹⁴ E. R. Huc. L'Empire Chinois, t. 1—2. P., 1879.

¹⁵ Э. Реклю. Восточная Азия, Китайская империя, Корея и Япония. — «Земля и люди. Всеобщая география», т. VII. Спб., 1885.

Политическая суть и цель аналогий, к которым прибегал Э. Реклю, была блестяще вскрыта Г. В. Плехановым (1856—1918). Но сам Г. В. Плеханов, в поисках аргументации в пользу меньшевистской программы передела земли, накануне IV съезда РСДРП сослался на пример неудачи якобы предпринятой «национализации» земли в средневековом Китае¹⁶.

Критикуя непоследовательность Г. В. Плеханова, В. И. Ленин писал о несостоятельности и антинаучности попыток искать сходство русской истории XX в. и общества средневекового Китая: «Если бы Россию XX века можно было сравнить с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России».

В. И. Ленин показал непригодность построенного на антиисторической параллели довода Г. В. Плеханова: «Товарищ Плеханов в № 5 «Дневника» предостерегает Россию от повторения опытов Ван Ган-че (Ван Ань-ши.— З. Л.) (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению. Натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине qui proove trop, ne proove rien (кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает)... свое положение (о невозможности для социал-демократов выдвигать требование национализации земли при определенных политических условиях) Плеханов не только ничем не доказал, но даже особенно ослабил своей утрированно натянутой аргументацией»¹⁷.

Критика В. И. Лениным позиций Г. В. Плеханова имела принципиальное значение. Тем более, что и в дальнейшем буржуазные ученые не перестали подобным образом «подкреплять» свои теории.

В 20-х годах XX в. внимание буржуазных авторов вновь привлекла концепция Э. Р. Хюка, когда англичанин Ф. Р. Мартин издал часть работы французского миссионера под претенциозным названием «Коммунизм в Китае в XI столетии»¹⁸.

Невежественно трактуя идеалы научного коммунизма, Ф. Р. Мартин осовременил старую концепцию с тем, чтобы тенденциозно истолковать происхождение коммунистической идеологии. Изобразив «китайский коммунизм» в качестве истока Великой Октябрьской социалистической революции, Ф. Р. Мартин особо подчеркивал неудачи «коммунистического» эксперимента в средневековом Китае, предсказывая тем самым и непрочность победы революции в России.

---

¹⁶ См. Г. В. Плеханов. К аграрному вопросу в России. — «Дневник социал-демократа», 1906, № 5, стр. 13.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 253.

¹⁸ Communism in China in the XI century. L., 1927.

Эта линия была продолжена в популярных работах В. С. Мортон, Дж. Джекееса, А. Фецова и др.¹⁹

В буржуазной историографии появились работы, посвященные отдельным проблемам борьбы за преобразования. Отдавая дань своим либеральным симпатиям, авторы видели в перипетиях истории XI в. столкновение либерального и консервативного направлений²⁰.

Новый этап в изучении на Западе политической борьбы XI в. был связан с накоплением и освоением труднодоступных средневековых источников. Это подготовило выход в свет двухтомной монографии Х. Р. Вильямсона: «Ван Ань-ши — китайский государственный деятель и просветитель Сунской династии»²¹. С одной стороны, Вильямсон испытал значительное влияние феодальной китайской историографии, оценивая государственных деятелей лишь по их личным качествам, с другой — механически переносил категории буржуазного общества XX в. на Сунскую империю, осуждая борьбу группировок. Автор считал реформы XI в. политической «государственного социализма»²² в обществе, где от господства и могущества класса капиталистов страдали бедные фермеры и торговцы и уменьшались доходы казны.

В том же духе в работе американского автора Линь У-тана «Веселый гений. Жизнь и время Су-Дун-по» реформы Ван Ань-ши расценивались как эксперимент «государственного капитализма», направленный на борьбу с частным капиталистическим предпринимательством²³.

В 1940—1960 гг. впервые получило освещение реформаторское движение в XI в. в целом. Программа Фань Чжун-яня (989—1052), предшественника Ван Ань-ши, рассматривалась в статьях П. Олбрихта, Д. Фишера, П. Бурикса²⁴.

¹⁹ W. S. Morton. Nationalization in the Sung Dynasty. — «Asiatic Review», 1951, N 172, p. 327—333; J. H. Jacques. Wang An-shih. The Story of early Experiment in Socialism. — «Eastern World», 1952, vol. 6, N 3, p. 33—34; A. Fet-zov. Wang An-shih o l'esperimento Socialista dell XI secolo. — «Idea», Roma, 1945, N 11, p. 50—53.

²⁰ H. Kopsh. Wang An-shih. The Innovator. — «China Review», 1873—1874, vol. II. Hongong, p. 29—33, 74—80; J. C. Ferguson. Political Parties of the Northern Sung Dynasty. — «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», 1927, vol. LVIII, p. 35—36; R. Wilhelm. Geschichte des Chinesischen Kultur. München, 1923, S. 256—257; O. Franke. Der Bericht Wang Nganschis von 1058 über Reform des Beamtentums. Berlin, 1932, S. 369.

²¹ H. R. Williamson. Wang An-shih, a Chinese Statesman and Educationalist of the Sung Dynasty. London, vol. I, 1935; vol. II, 1937.

²² Там же, стр. 98—143, 159—163.

²³ Lin Yutang. The Gay Genius. The Life and Times of Su Tungpo. N. Y., 1947, p. 88.

²⁴ P. Olbricht. Für die Leit der Herrschaft Lü I-chien's und für seine heftigen Auseinander Setzungen mit Fan Chung-yen siene: «Von der Einstellung des Herrschers zu Seinen Beratern». Berlin, 1939, S. 31—43; I. Fischer. Fan Chung-yen (989—1052). Das Lebensbild eines chinesischen Staatsmannes (Fortsetzung und Schlus). — «Oriens Extremus», 1955, N 2; P. Buriks. Fan Chung-yen's Versuch einer Reform des chinesischen Beamtentums in den Jahren 1043—1044. — «Oriens Extremus», 1956, N 1, S. 57—80.

Профессор истории Питтсбургского университета США Джеймс Лю подготовил фундаментальное исследование «Реформы в сунском Китае. Ван Ань-ши и его новая политика»²⁵. В работе использован большой круг источников и обобщены результаты исследований ученых мира. Автор отметил, что в современную эпоху, «насыщенную националистическим и революционным духом», появились тенденции превозносить Ван Ань-ши и отождествлять его учение с современными политическими течениями, а различные интерпретации реформ, как правило, представлять как ретроспективную оценку деятельности реформатора в зависимости от политических взглядов авторов. Он разделял точку зрения японских исследователей о размежевании «консерваторов» и реформаторов по социально-экономическому принципу. Но выразил неудовлетворение по поводу того, что многие ученые ограничиваются рассмотрением лишь этой проблемы. Дж. Лю сделал основной темой своего исследования политические и философские взгляды реформатора и его деятельность в области реорганизации административного аппарата.

Автор исследовал вопрос о влиянии легистских концепций на реформаторскую идеологию Ван Ань-ши. По мнению Дж. Лю, реформатор, ценя моральные категории конфуцианства, в равной степени разделял и некоторые легистские утилитарные взгляды. Американский исследователь характеризовал Ван Ань-ши как радикального конфуцианца и бюрократического идеалиста, хотя даже современники обвиняли реформатора лишь в некотором отходе от конфуцианских догм, не ставя под сомнение конфуцианскую сущность его учения. Автор обратился к анализу поведения чиновников—участников политической полемики, чтобы выяснить причины «возвышения и падения новой политики» (реформ.— *З. Л.*)²⁶. В своем исследовании Дж. Лю основывался на теоретических построениях модного на Западе и особенно в США «бихевиоризма» — господствующего направления в буржуазной психологии. Согласно теории «социального бихевиоризма» поведение людей проявляется лишь в процессе общения. Главная же задача исследователя — лишь фиксировать результаты непосредственного внешнего наблюдения, не вдаваясь в изучение внутренних побуждений, познаваемых опосредованно. Автор выделил три основные группы чиновников: идеалистов, карьеристов и бесчестных. Такая классификация, считает Дж. Лю, даст возможность понять, как «историческая тенденция — политическое перерождение в данном случае — обнаруживает себя в фактической деятельности людей»²⁷.

Особенно четко выражены взгляды Дж. Лю в статье, посвященной Фань Чжун-яню²⁸, где борьба враждующих группировок

²⁵ J. Liu. Reform in Sung China. Wang An-shih (1021—1086) and his New Policies. Cambridge, 1959, p. 114.

²⁶ Там же, стр. 70.

²⁷ Там же, стр. 79.

²⁸ J. Liu. An Early Sung Reformer: Fan Chung-yen. — «Chinese Thought and Institutions». Chicago, 1957.

Люй И-цзяня и Фань Чжун-яня представлена как столкновение между бюрократами, карьеристами и идеалистами. В другой статье Лю доказывает безупречность поведения Фань Чжун-яня²⁹.

В поисках нового критерия для выяснения закономерностей политической борьбы американский ученый по существу осовременил традиционную концепцию феодальной историографии об определяющем влиянии нравственных качеств людей на ход борьбы за реформы.

В числе работ о реформаторском движении XI в. выделяется сборник «Был ли Ван Ань-ши реформатором-практиком?»³⁰, содержащий в переводе некоторые произведения реформатора, выдержки из докладов его политических противников, а также извлечения из работ историков, живших в разное время и в различных странах.

Борьбе за реформы конца XV—XVII вв. западные синологи уделяли значительно меньше внимания. Эта тема привлекла их главным образом в плане изучения традиционных китайских теорий и институтов. Так, Ч. О. Хукер в статье «Движение Дун линь в позднеминский период»³¹ поставил цель рассмотреть движение на «фоне исторических, конституционных и интеллектуальных условий» Минской империи. Считая это движение большим, чем столкновение части ученых-бюрократов с евнухами, автор выделил в нем два направления: философское и политическое. Вместе с тем, сравнивая деятельность Дун линя с борьбой за преобразование в Сунское время, Ч. О. Хукер сделал вывод, что дунлинцам не хватало четко выраженных политических требований. Поэтому дунлинскую группировку и евнухов-современников, по его мнению, разделяли скорее моральные проблемы, чем политические. Как и все без исключения западные авторы, Ч. О. Хукер не видел социальной направленности и социальной базы движения.

Проблемы реформаторского движения в XVII в. в идеологическом аспекте затронуты и в статье Ф. Уэкмэна «Цена автономии: интеллектуалы в Минской и Цинской политической системе»³², посвященной китайской интеллигенции позднего средневековья.

Автор определяет движение, возглавляемое членами академии Дунлин, как результат противоречия между интеллектуалами и тронем, которые находились в зависимости друг от друга: власть нуждалась в конфуцианском узаконении, а интеллектуалы — в

²⁹ Лю Цзы-цзянь (Liu J.), Фань Чжун-янь, Мэй Яо-чэнь и поведение чиновников в политической борьбе в Северо-Сунский период. — «Тōхō гаку», 1957, № 14.

³⁰ Wang An-shih practical reformer? — «Problems in Asian Civilizations». Boston, 1963.

³¹ Такая же оценка характерна и для Х. Буша (H. Bush. The Tung-lin shu—yüan and its Political and Philosophical Significance. — «Monumenta Serica», 1949—1955, vol. 14, p. 76—86).

³² F. Wakeman. The price of autonomy: intellectuals in Ming and Ching politics. — «Daedalus», Cambridge (Mass.), 1972, vol. 101, N 2, p. 35—70.

защите со стороны императора от крестьянских мятежей. Автор пишет, что даже в благоприятных условиях, когда Чжай Цзюй-чжэн в 1627 г. возглавил правительство и начал проводить реформы, разногласия среди интеллектуалов оказались сильнее, чем стремление к объединению. Этот вывод Уэкмана справедлив. Однако, как и его соотечественник Дж. Лю применительно к событиям XI в., автор данной статьи исходит из бихевиористского истолкования истории Минского периода. Он делит интеллектуалов того времени в зависимости от их поведения на пять групп: гражданских государственных деятелей; реформаторов практиков и администраторов; нравственных идеалистов; эстетов; анахоретов или отшельников.

Активными участниками академии Дунлинь, по мнению Уэкмана, были первые две группы интеллектуалов, чья идеология и легла в основу доктрины академии.

Сущность борьбы Дунлинь, по мнению автора, сводилась лишь к стремлению оказать влияние на политический курс правительства, но при всех обстоятельствах интеллектуалы демонстрировали верность трону. Эту особенность Уэкман связывает с традиционностью идеологии интеллектуалов, которые считали себя посредниками между местной и центральной властью — воплощением союза всего общества и императора.

Дунлиньцы, по мнению Уэкмана, потерпели поражение вследствие узости своих теоретических и практических взглядов, так и не сумев ничего противопоставить идеалу гармонии семейных отношений, который выдвигался государством с целью осудить борьбу группировок.

В статье содержится заслуживающий внимания тезис о том, что со временем движение вышло из узкоакадемических рамок и стало общественным по своему характеру.

Внимание ученых Запада привлекали философские и этические воззрения идеологов дунлиньской группировки. Так, В. Т. Бари характеризовал их как предшественников просветителей в Китае. Отмечая, что движение приобрело политический характер, он подчеркивал ограниченность мировоззрения идеологов реформ, которые, борясь против неоконфуцианства, ратовали за возвращение к традиционным стандартам нравственности: «Их реформаторство в политике основывалось на консерватизме в этике и философии»³³.

С зарождением буржуазной историографии в Китае, у истоков которой стоял Лян Ци-чао (1873—1929), движение за реформы вновь привлекло внимание ученых. Известный идеолог реформ, политический деятель, историк Лян Ци-чао впервые объяснил причину борьбы группировок различием политических взглядов. Крайне преувеличивая роль преобразований XI в., Лян Ци-чао назвал их «самой знаменитой социальной революцией в истории Китая и

³³ Sources of Chinese tradition, ed. W. T. Bary. Columbia University Press. New York, 1960, p. 584.

во всем мире»³⁴ и находил в них сходство с мерами, осуществляемыми некогда в древней Греции и Риме, с политикой капиталистических государств, с социализмом и с «государственным социализмом»³⁵. Подобные аналогии отражали влияние западной историографии на китайского ученого.

Лян Ци-чао пытался опровергнуть пристрастную, по его мнению, оценку инициатора реформ в «Сун ши». Он стал родоначальником «критического» направления в оценке средневековых источников.

Однако Лян Ци-чао не опровергал концепцию феодальных историографов в своей сущности, оперируя конфуцианскими понятиями и терминами, он лишь спорил о частностях. Он считал Ван Ань-ши истинным цзюньцзы, вынужденным опираться на низких людей лишь из-за отказа благородных поддерживать реформы. Подобно феодальным историкам, Лян Ци-чао пытался объяснить причину неудачи реформ различием нравственных качеств реформатора и его окружения. Ученый полностью принимал конфуцианское толкование политической борьбы как «бедствия от группировок». «Читая историю Запада,— писал он,— я восхищаюсь тем, какую великую пользу приносят партии государству. Читая же историю Китая периода Сун и Мин, я скорблю, что группировки наносят вред государству»³⁶.

Лян Ци-чао пытался доказать преимущество метода реформ перед революцией и возвеличить движение за реформы, в котором он принимал непосредственное участие.

Историки гоминьдановского периода шли по пути своих феодальных предшественников. Их работы были описательны. Детальное изложение фактического материала, связанного прежде всего с биографиями, было главной их темой, а политические движения освещались попутно. Отсутствие научного аппарата, ссылок на источники снижало ценность фактических данных, приводимых в их трудах³⁷.

В 1922 г. появилась монография Ван Тун-лина «История борьбы партий». Ее автор, пытаясь отрицать связь иностранных держав с милитаристами, объяснял причины внутренних войн своеобразием истории Китая, засильем военных и политиканов. По его мнению, клики, возникавшие в XI и XVII вв.³⁸, были прообразом милитаристских клик 20-х годов XX в.

Для гоминьдановского деятеля и философа Ху Ши (1891—1962) побудительным мотивом изучения политических событий прошлых веков стало «открытие» в воззрениях Ван Ань-ши и его пред-

³⁴ Лян Ци-чао. Ван Цзин-гун (Ван Ань-ши). Собрание произведений из кабинета Инь Бин. Шанхай, 1936, стр. 34, 62, 64, 68, 141.

³⁵ Там же, стр. 68.

³⁶ Там же, стр. 144.

³⁷ Типичной работой такого рода являлась книга Кэ Дунь-по (Кэ Дунь-по. Ван Ань-ши. [б. м.], [б. г.].

³⁸ Ван Тун-лин. Чжунго лидай данчжэнши (История борьбы партий в Китае), 3-е изд. Пекин, 1931, стр. 177, 207, 208.

шественника Ли Гоу (1009—1059) истоков прагматизма, теоретиком которого был сам Ху Ши³⁹.

Хотя исходные позиции гоминьдановских историков в рассмотрении реформаторского движения XI в. были иные, чем у средневековых летописцев, манера подачи материала, постановка основных проблем политической истории средневековья, система аргументации во многом оставались конфуцианскими.

Проникновение марксистских идей в Китай отразилось в трудах передовых китайских историков, которые пытались по-новому освещать историю своей страны. Однако влияние традиций феодальной и буржуазной историографии продолжало сказываться на теоретическом уровне исследований и на выборе тематики. Так, Го Мо-жо в лекции, прочитанной им в 1947 г. в Чунцине и посвященной Ван Ань-ши, крайне модернизировал исторические условия Сунского Китая: Восхищаясь реформатором, он называл Ван Ань-ши «великим политическим деятелем, равного которому трудно найти в истории Китая», человеком, чьи интересы «были интересами народа»⁴⁰.

Первую попытку всесторонне осветить деятельность Ван Ань-ши сделал в 1953 г. известный специалист по истории Сунского Китая профессор Пекинского университета Дэн Гуан-мин. Автор пытался с марксистских позиций подойти к исследуемому вопросу. Он характеризовал реформатора как выдающегося и дальновидного представителя класса феодалов. Основная сущность политики Ван Ань-ши, по мнению автора, состояла в частичном ограничении привилегий крупных помещиков, в защите экономических и политических требований класса средних и мелких феодалов, заботе об экономических интересах мелких торговцев и зажиточных крестьян. Дэн Гуан-мин поставил вопрос о классовой борьбе как стимуляторе реформ, писал о вынужденном характере преобразований, с помощью которых господствующий класс Китая пытался выйти из кризиса⁴¹.

В 50-х годах в КНР усилился интерес к изучению политических движений средневековья. Проблемам возникновения реформаторского движения XI в. посвятили свои статьи историки Ци Ся и Гао Синь⁴², поставившие вопрос о социальном и политическом характере борьбы группировок 40-х годов XI в. Они доказывали, что проект реформ Фань Чжун-яня выражал интересы мелких и

---

³⁹ Ху Ши. Ци Лигоуды сюэшо (Записки об учении Ли Гоу). — «Ху Ши вэньцунь эрци (Сб. сочинений Ху Ши)», т. 2, 1925, Шанхай, стр. 43.

⁴⁰ Лекция Го Мо-жо «Ван Ань-ши» была позже включена как статья в сборник «Лиши жэнью» (Исторические личности). Шанхай, 1957.

⁴¹ Дэн Гуан-мин. Ван Ань-ши. Пекин, 1953, стр. 33—34.

⁴² Ци Ся. Фань Чжун-яньды лиши дивэй (Историческое место Фань Чжун-яня). — В сб.: Чжунго лиши жэнью (Исторические личности Китая). Пекин, 1957; Гао Синь. Бэйсун бяньфады кайдуаньцинли синьчжэн (Новая политика периода правления Цин-ли — начало реформ в период Северных Сун). — «Шисюэ юэкань», 1959, № 5.

средних помещиков, имевших связи с широкими социальными прослойками господствующего класса.

В 1959 г. вышло в свет исследование Ци Ся, неоспоримым достоинством которого было широкое привлечение источников. Ци Ся по традиции озаглавил свой труд «Реформы Ван Ань-ши», но поставил в нем и разработал целый комплекс проблем, связанных с движением за преобразования. Он предложил периодизацию борьбы за реформы, положив в основу изменения соотношения сил реформаторов и их противников. Много внимания уделил деятельности предшественников Ван Ань-ши — Фань Чжун-яня, Ли Гоу, Су Ши и др. Однако характеризуя преобразования XI века, автор проводил исторические аналогии, тем самым модернизируя освещение данного вопроса.

На страницах «Гуанмин жибао» с рецензией на работу Ци Ся выступил Ли Чун-пу⁴⁴, категорически возражая против модернизации характера реформ, против определения движения как реформистского. Анализируя исторические условия XI в. и основываясь на ленинском определении реформизма как идейного оружия буржуазии против революции, автор показал необоснованность оценки Ци Ся. Интересно, что, подкрепляя свою точку зрения, оппонент сослался и на другое ленинское высказывание, подчеркивая, что В. И. Ленин назвал Ван Ань-ши преобразователем, а не реформатором.

В 1965 г. на страницах «Гуанмин жибао» разгорелась дискуссия по вопросу о том, чьи интересы отражали реформы. Подавляющая часть ученых считала, что группировка Ван Ань-ши выражала интересы средних и мелких феодалов, крестьян, имевших самостоятельное хозяйство, мелких ремесленников и торговцев, по мнению некоторых — интересы народа⁴⁶.

Несколько меньше внимания историки КНР уделяли изучению движения за реформы в позднее средневековье. Ученые впервые в китайской историографии рассматривали реформаторское движение конца XVI в. и деятельность группировки Дунлинь в тесной связи с социально-экономическими изменениями в китайском обществе. Именно так осветил изучаемую проблему Ли Гуан-би в «Краткой истории Мин»⁴⁷. Характеризуя реформы, предпринятые Чжан Цзюй-чжэном, автор отметил, что они лишь на время ослабили социальные противоречия.

Положительным моментом следует считать то, что автор пытался вскрыть социальные силы, породившие борьбу группировки Дунлинь с кликой евнухов. Ли Гуан-би связал выступление

⁴⁴ Ли Чунь-пу. Ду Ван Ань-ши бяньфа (Читая [книгу Ци Ся] «Реформы Ван Ань-ши»). — «Гуанмин жибао», 28/VIII 1963.

⁴⁶ Ху Чжао-си. Гуаньюй пинцзя Ван Ань-ши бяньфады цзингвэньти (Несколько вопросов относительно оценки реформ Ван Ань-ши). — «Гуанмин жибао», 10/III 1965.

⁴⁷ Ли Гуан-би. Минчао цзяньши (Краткая история Мин). Ухань, 1957.

дунлиньцев с появлением зачатков элементов капитализма в экономике. По его мнению, идеологи Дунлинь представляли интересы части помещиков, богатых купцов и владельцев ремесленных мастерских. Автор оценил движение за реформы как прогрессивное, поскольку, по его мнению, члены Дунлинь стремились ослабить классовые противоречия, а их выступления против власти евнухов и феодальных грабежей отвечали интересам народа.

Историк Ци Гун-минь, исследуя характер антифеодальной борьбы горожан в период Мин, выявил совпадение их требований (протест против злоупотреблений чиновников, ограничений во внешней торговле, тяжелых налогов, монополии казны на разработку недр страны и т. п.) с отдельными пунктами программы реформаторов конца XVI — начала XVII в. ⁴⁸

Исследователь политической истории Минского времени Ли Сюнь в работе общего характера ⁴⁹ связывал реформаторское движение во второй половине XVI—XVII вв. с появлением ростков капитализма в экономике Китая, с развитием городского хозяйства. В одной из статей Ли Сюнь подробно характеризовал деятельность группировки дунлиньцев ⁵⁰. На большом фактическом материале он проследил предпосылки возникновения оппозиционных настроений: социальный кризис, концентрация земельной собственности, усиление классовой борьбы. Социальной опорой движения, по его мнению, были среднее и низшее чиновничество в центре и на местах, помещики и ученые южных районов страны. Автор выявил причину возникновения реформаторских настроений в Цзянсу, анализировал социальное происхождение идеологов академии Дунлинь.

В другой статье Ли Сюнь выделил характерные требования этой группировки: уничтожение всевластия аристократов, требование политических прав для феодалов юга, отмену монополии казны на разработку недр и добычу соли, снижение налогов и поборов, уничтожение системы слесжи и террора. Ли Сюнь показал процесс изменения политической программы реформаторов по мере того, как члены группировки завоевывали места в государственном аппарате ⁵¹.

Большой интерес для изучения предпосылок возникновения реформаторского движения средневековья представляет статья У Ханя ⁵², в которой автор поставил проблему влияния опере-

⁴⁸ Ци Гун-минь. Минмо шиминь фаньфэнцзянь доучжэн (Антифеодальная борьба городского населения в эпоху Мин). — «Вэньши чжэ», 1957, № 2, стр. 38—46.

⁴⁹ Ли Сюнь. Мин Цин ши. Пекин, 1956.

⁵⁰ Ли Сюнь. Шилунь минмо Дунлиньданды синчэн (К вопросу о формировании Дунлинь дан в конце Мин). — «Лиши цзяосюэ», 1955, № 10, стр. 21—24, 59.

⁵¹ Ли Сюнь. Дунлиньданды чжэнчжэ чжунтай (Политические взгляды группировки Дунлинь). — «Лиши цзяосюэ», 1957, № 1, стр. 8—13.

⁵² У Хань. Сун Мин цзянь тунчжи цзецзиди нэйбу маодунь (Внутренние противоречия в среде господствующего класса в Сунский и Минский периоды). — «Синьцзяньшэ», 1959, № 3.

жающего экономического развития юго-восточных районов Китая на формирование идеологии реформаторов. В отличие от гоминьдановских ученых У Хань видел причину размежевания на «северян и южан» в социально-экономических условиях разных районов страны. Другая важная причина появления политической программы реформаторов, по мнению У Ханя, состояла в привилегированном положении чиновников-северян по сравнению с южанами.

В 70-х годах появилась новая серия статей о деятельности Ван Ань-ши и событиях XI в.⁵³

*
*   *
*

В России специальное исследование о реформаторском движении XI в. появилось в начале XX столетия. В книге А. И. Иванова «Ван Ань-ши и его реформы XI в.» хотя и привлечен значительный материал китайских источников, но качество перевода не всегда удовлетворительное, а наиболее трудные места опущены. Вместе с тем монография крайне слаба в теоретическом плане. А. И. Иванов, следуя за феодальной и буржуазной историографией, определил программу реформатора как политику «государственного коммунизма».

А. И. Иванов свел сложную политическую борьбу к придворным интригам, считая, что «погубила реформатора его излишняя самоуверенность в своих силах и неумение выбирать людей»⁵⁴.

Политическая борьба в средневековом Китае и идеология реформаторов освещались в течение долгого времени советскими историками в самых общих чертах. Тем не менее в 20-х годах К. Харнский справедливо критиковал тех, кто называл Ван Ань-ши «китайским Лениным» и «первым социалистом»⁵⁵. П. А. Гриневич в статье «К вопросам китайского феодализма» писал: «Ван Ань-ши ограничивается вопросами ростовщичества, торговли и налогов и не затрагивает земельной собственности»⁵⁶.

Л. И. Думан высказал иное мнение, считая, что цель реформы была «в изыскании средств для выплаты большой дани тангутам и киданям, улучшении положения крестьянства в целях ослабления классовых противоречий»⁵⁷.

В общих работах историков МГУ, курсах лекций, учебниках, «Всемирной истории» в той или иной степени освещалась дея-

⁵³ Бэйсунды цзечуфаця Ван Ань-ши (Выдающийся сунский легист Ван Ань-ши). Сб. статей. Пекин, 1974.

⁵⁴ А. И. Иванов. Ван Ань-ши и его реформы XI в. Спб., 1909, стр. 1, 139.

⁵⁵ К. Харнский. Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск—Владивосток, 1927, стр. 189.

⁵⁶ «Проблемы Китая», 1935, № 14, стр. 216.

⁵⁷ Л. И. Думан. Очерки истории Китая. — В сб.: Китай. М.—Л., 1940, стр. 140.

тельность реформаторов, отмечалась тесная связь реформ Ван Ань-ши с идеологической борьбой⁵⁸.

Ленинградские авторы Р. Ф. Итс и Г. Я. Смолин подчеркивали верхушечный характер реформ и их ограниченность⁵⁹.

Специальное исследование истории борьбы за реформы в XI в. и деятельности Ван Ань-ши было предпринято В. М. Штейном. Автор критиковал оценки буржуазной историографии, показав несостоятельность антинаучного взгляда на реформы как осуществление политики «китайского коммунизма» и «государственного социализма». В деятельности Ван Ань-ши В. М. Штейн особо выделил проблему отношения реформатора к народным массам, «на стороне которых были все его симпатии». И именно в этом, а не в обогащении государства, утверждал автор, состояла главная задача реформ. В. М. Штейн даже утверждал, что «Ван Ань-ши вступил на путь раскрепощения трудящихся масс от обязательных повинностей и вообще хотел ослабить гнет крепостничества».

Реформаторская деятельность Ван Ань-ши, по В. М. Штейну, «прежде всего была направлена своим острием против разбогатевших кулаков, державших в своих руках все крестьянство и бедный люд городов». Применение термина «кулак» для характеристики одной из прослоек китайского общества XI в. отражало концепцию В. М. Штейна о развитии элементов капитализма в Сунское время. Им было высказано весьма спорное и совершенно неаргументированное положение о том, что усиление роли правительственной власти в экономике Китая родственно тому направлению, которое в европейской истории называется меркантилизмом⁶⁰. Специальное исследование истории политической борьбы в XI в. на материале многочисленных и разнообразных источников написано З. Г. Лапиной⁶¹.

Вместо освещения одной только деятельности Ван Ань-ши автор исследовала историю движения за реформы на протяжении нескольких десятилетий. З. Г. Лапина впервые в советской историографии подробно анализировала политические взгляды и деятельность предшественников Ван Ань-ши, в особенности Фань Чжун-яня и Ли Гоу, осветила формы, методы и цели борьбы участников движения. Это дало возможность выяснить причины раскола в лагере реформаторов, вскрыть социальный смысл проектов реформ, противоречивость деятельности Ван Ань-ши и причины ее неудачи.

На основе анализа реформ автор пришла к выводу о необходимости «пересмотреть оценку характера борьбы враждовавших

---

⁵⁸ История стран зарубежного Востока в средние века. Под ред. Ф. М. Адамба, Е. А. Беляева, И. М. Рейснера, Л. В. Симоновской. М., 1957; Всемирная история. М., т. III, 1957, т. IV, 1958.

⁵⁹ См. Р. Ф. Итс, Г. Я. Смолин. Очерки по истории Китая с древнейших времен до середины XVII в. М., 1961, стр. 141.

⁶⁰ «Советское востоковедение», 1945, вып. III, стр. 102, 107, 108.

⁶¹ Раздел о работе З. Г. Лапиной написан Л. В. Симоновской.

группировок и отвергнуть принятую современной историографией концепцию, что все, связанное с реформами Ван Ань-ши,— прогрессивно, а действия оппозиции во главе с Сыма Гуаном — реакционны»⁶².

Политическая борьба, возникавшая в конце XV и продолжавшаяся и в начале XVII в., оставалась в советской историографии неизученной. Советские историки упоминали в своих общих работах лишь группировку Дун линь. Так, П. А. Гриневиц характеризовал Дун линь как феодальную оппозицию, которая знаменовала собой «поиски выхода из кризиса на путях известного «оздоровления» феодального режима»⁶³.

В дальнейшем историки связали политическую борьбу в период позднего средневековья с экономическими изменениями в Китае, рассматривая ее как результат обострения противоречий в феодальном обществе в связи с зарождением новых производственных отношений⁶⁴.

Наиболее ярко это выразилось в исследованиях и сообщениях Л. В. Симоновской, в которых автор доказывала, что деятельность реформаторов XVI—XVII вв. явилась отражением новой тенденции в развитии позднефеодального общества⁶⁵.

Полнее реформаторское движение позднего средневековья рассмотрено в монографии Л. В. Симоновской «Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в.» (глава «Движение за реформы»), где большое внимание уделено так называемому «движению инспекторов», реформам Чжан Цзюй-чжэна и деятельности группы Дун линь. Автор показала, как в условиях консервативной государственной структуры Китайской империи, сохранявшей черты восточной феодальной деспотии, при отсутствии представительных органов и строжайшей регламентации общественной жизни действовали сторонники реформ. Социальную основу движения исследователь находит в связи реформаторов с горожанами, особенно с предпринимательской верхушкой городских слоев, с зажиточной деревенской прослойкой, с образованными кругами чиновников.

---

⁶² З. Г. Лапина. Политическая борьба в средневековом Китае (40—70-е годы XI в.). М., 1970, стр. 275.

⁶³ «Проблемы Китая», 1935, № 14, стр. 220—221.

⁶⁴ См. Л. В. Симоновская. Основные черты истории средневекового Китая. — «Преподавание истории в школе». М., 1958, № 1; Л. И. Думан. Всемирная история, т. IV. М., 1958, стр. 638—639; Р. Ф. Итс, Г. Я. Смолни. Очерки истории Китая с древнейших времен до середины XVII в., стр. 190—191.

Деятельность Дун линь была темой дипломной работы А. И. Коротковой «Политическая борьба в Китае в конце XVI и начале XVII веков». — Сб. статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952, стр. 99—107.

⁶⁵ См. Л. В. Симоновская. Две тенденции в феодальном обществе Китая позднего периода. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960; Особенности феодальных отношений и классовой борьбы в Китае. — Тезисы доклада на научной сессии университета. М., 1955.

В монографии собраны материалы, характеризующие политические и экономические взгляды, содержащие требования реорганизации войска и активизации внешней политики, а также критику господствующей идеологии.

Хотя государственных средневековых деятелей не удовлетворяла политическая линия государей, они обращались лишь к ненасильственным мерам воздействия на правительство. «Общей чертой, которая сближала всех сторонников реформ в феодальном Китае, было признание незыблемости монархического режима. От ранних реформаторов,— писала Л. В. Симоновская,— до Кан Ю-взя все они видели возможность осуществить свою цель лишь при непосредственном участии самого императора»⁶⁶. Сторонники преобразований требовали внимания к общественному мнению, выраженному в докладах с мест. Реформаторам был присущ способ доказывать правоту своих программ с ссылкой на то, что проведение их планов улучшит положение народа и укрепит финансовое положение правительства.

Феодальная и буржуазная историография сводила политическую борьбу в Китае в эпоху феодализма к личным склокам, к борьбе за власть, к борьбе «ученых и евнухов» и выхолащивала политическое содержание движений. Советские историки собрали сведения о политических требованиях, идеологических платформах реформаторов, методах их борьбы и рассмотрели каждое из движений в связи с конкретной социально-экономической обстановкой в стране.

---

⁶⁶ Л. В. Симоновская. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966.

М. Н. ПАК

К ПЕРИОДИЗАЦИИ РАННЕЙ ИСТОРИИ КОРЕИ

Обобщая многообразную в своем конкретном проявлении картину движения и смен социально-экономических формаций, составляющих основу исторического процесса любой страны, историческая периодизация должна выявить этапы проявления общих закономерностей в истории отдельных стран и народов. Поскольку такая периодизация требует самого глубокого и всестороннего марксистского исследования конкретной истории, многие вопросы периодизации в истории таких стран, как Корея, остаются до сих пор нерешенными и являются предметом научных обсуждений.

В данной статье вкратце рассмотрим лишь проблемы, связанные с определением времени возникновения классового общества и государственности в Корее, характера первой в ее истории антагонистической социально-экономической формации, с чем непосредственно связано и выяснение вопроса о генезисе феодализма. Названные проблемы являются трудными и нуждаются в теоретическом осмыслении не только применительно к истории Кореи. Неслучайно в последние годы проблемы, касающиеся характера ранних классовых обществ и докапиталистических формаций, стали предметом оживленных дискуссий и дальнейшего теоретического изучения в марксистской историографии¹.

Решение проблем научной периодизации ранней истории Кореи наталкивается на трудности, порожденные недостаточностью или неточностью фактической информации в сохранившихся письменных источниках, а равно и предрассудками или искаженными представлениями предшествующей историографии, особенно империалистической историографии колониального периода, которая служила целям оправдания экспансионистской политики и господства колонизаторов в стране. История изучения проблем ранней истории Кореи поучительна и в свете задач современной идеологической борьбы против различных буржуазных фальсификаций истории.

К постановке проблемы. Проблемы периодизации истории Кореи как задачи выявления этапов ее социально-экономического развития не существовало в домарксистской, феодальной и буржуаз-

¹ Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971 и др.

ной историографии. Что касается старой феодальной историографии², то она, исходя из представлений об извечном существовании государственной (монархической) власти, утвердившейся по божественному провидению (Неба и пр.), все изложение истории сводит к царствованию отдельных монархов или к правлению сменявшихся династий. Династический принцип периодизации истории Кореи практически сохранился и в буржуазной историографии, включая иностранную.

Автор самой значительной из общих работ по истории Кореи, написанных иностранцами, американский миссионер Х. Халберт³ впервые применил деление истории Кореи на древнюю, средневековую и новую, но сделал это чисто механически, путем полного сохранения династического принципа, заимствованного у авторов феодальной эпохи. Политическую историю всех династий до IX в. он включил в «древнюю историю», правление династии Корё (X—XIV вв.) назвал «средневековой историей», а период царствования династии Ли (с конца XIV в.) — «новой историей». Отрицание объективных критериев научной периодизации истории или признание ее необходимости только для удобства изложения исторических фактов характеризует методологию буржуазной историографии Кореи вплоть до наших дней. В многотомной «Истории Кореи», составленной южнокорейским историческим обществом «Чиндан хаххе», говорится, что «прибегая к сравнительно удобному способу изложения, мы устанавливаем... деление на: древний период от преисторической эпохи до конца Силла, на средний период династии Корё, на новый период от начала династии Ли до конца правления Чхольчжона (т. е. до 1863 г.— М. П.) и на новейший период, охватывающий все последующее время»⁴.

Несмотря на отрицательное отношение к делению истории по династическому принципу, сами авторы южнокорейской «Истории Кореи» не могут отойти далеко от традиционной периодизации, ибо они не в состоянии найти объективные критерии, основы научной периодизации истории.

---

² Наиболее ранними из сохранившихся памятников корейской историографии (а также и источниками по истории Кореи раннего периода) являются «Исторические записи трех государств» (Самгук саги) и «Дополнения к истории трех государств» (Самгук юса). Первое из этих сочинений относится к категории официальных (так называемых «истинных») историй, составлявшихся по королевскому повелению казенными историками. Оно было создано придворными учеными во главе с видным государственным деятелем XII в. Ким Бусиком и издано в 1145 г. «Самгук юса» было написано в конце XIII в. буддийским монахом Ирёном и относилось к категории частных («диких») историй. Автор этого сочинения поставил своей целью прославление деяний буддийской церкви. «Самгук саги» и «Самгук юса» нередко излагают в качестве исторических фактов записи старинных легенд и преданий, поэтому как исторические источники эти памятники нуждаются в серьезной научной критике.

³ Н. В. Hulbert. The history of Korea, vol. I—II. Seoul, 1905 (перездана в 1962 г.).

⁴ Ли Бёндон и Ким Чжэвон. Чиндан хаххе Хангук са «История Кореи», т. I. Сеул, 1967, стр. 21—22 (Общее введение).

Общезвестно, что только марксистское материалистическое понимание истории открыло такую основу в виде естественно сменяющихся социально-экономических формаций. Однако разработка научной периодизации истории Кореи потребует еще дальнейших исследований и дискуссий. На современном этапе изучения проблем периодизации ранней истории Кореи уже выявились различные точки зрения, порожденные как различным пониманием некоторых общих положений теории исторического материализма, так и разным истолкованием фактических сведений (часто очень скудных и противоречивых) из сохранившихся исторических источников. Важнейшим препятствием для утверждения марксистского понимания принципов периодизации истории Кореи служат предрассудки и догмы предшествующей историографии. В этом отношении обращает на себя внимание самая значительная по объему японская буржуазная литература по истории Кореи.

Японская колониалистская историография. Для японской буржуазной историографии по Корее с самого начала ее возникновения, т. е. с конца XIX в., было характерно противоречие между антинаучной апологией идеологических концепций шовинизма и колониализма и задачами научного изучения предмета для выяснения объективных закономерностей⁵.

Подлинно научное изучение ранней истории Кореи, включая и правильное решение проблем периодизации, возможно лишь в борьбе против фальсификаций и антинаучных искажений ее реакционной японской историографией, которая оказала влияние на буржуазную историографию и других капиталистических стран⁶.

Активный интерес к ранней истории Кореи совпал в Японии с началом экспансионистской политики ее правящих кругов в отношении Кореи в 80—90-х годах XIX в. Именно тогда стали возрождать старинные мифологические рассказы о японском «завоевании» Кореи в древности, чтобы обосновать «исторические права» Японии на экспансию и установление господства в Корее. Вышедшие в период японо-китайской войны 1894—1895 гг. трехтомная монография Кан Масатомо «Изучение Мимана», статьи Нака Митиё, Сиратори Куракити и других японских историков были посвящены проблеме Мимана, района в Южной Корее, который объявили древнейшим японским владением на территории Корейского полуострова.

Научная ценность этих «исследований» весьма сомнительна; они откровенно служили целям идеологического обоснования захватнической политики.

Кубо Токудзи во время русско-японской войны опубликовал «Историю Кореи», в которой, вопреки историческим фактам, заяв-

⁵ Общие тенденции развития современной японской историографии и трактовка в ней ранней истории Кореи показаны в книге Рю Хакку «Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии». М., 1975.

⁶ В этом плане обращает внимание такая работа, как К. Н. Gardiner. The Early History of Korea. Canberra, 1969.

лялось о том, что раннее корейское государство Силла якобы «изначально» являлось колонией японского племени идзумо⁷. В книге сотрудника генштаба японской армии Нисикава Гон «Скрытая сторона древней истории Японии и Кореи», вышедшей вскоре после аннексии Кореи, ставилась задача выявить истоки «великой миссии Японии». На основе фантастических мифов этот автор стремился доказать, что уже в первые века новой эры Япония якобы безраздельно господствовала на Корейском полуострове⁸. Вслед за Нисикава тезис о решающей роли соседей на судьбы Кореи и отрицание самостоятельного характера ее исторического пути проповедовал Фукуда Ёсиносукэ, сформулировавший лживую теорию о том, что история Кореи представляла лишь придаток к истории Японии⁹. Его колониалистская концепция истории Кореи, рассматривавшая Корею как вечную колонию, не раз повторялась последующими идеологами империализма.

В 20—30-х годах несомненный рост научного уровня японских исследований по ранней истории Кореи объяснялся прежде всего необходимостью использовать их как инструмент «культурного управления» и борьбы с поднимающимся национально-освободительным движением в новых условиях, когда требовалась большая научная аргументация против стремлений корейцев к национально-самоопределению и независимости¹⁰. И в дальнейшем идеологическая защита колониальных порядков («великой миссии Японии» в Корее) и агрессивной внешней политики составляла основу японской официальной историографии по Корее. В годы развертывания японской агрессии на Азиатском материке (после оккупации Маньчжурии) японское генерал-губернаторство в Корее издало брошюру Суэмацу Я. (без указания автора) под названием «На историческом пути Кореи», чтобы пропагандировать идею о неразрывном единстве Кореи и Маньчжурии, о самостоятельности исторического развития Кореи, о закономерности господства Японии в качестве «гегемона на Востоке», обеспечивающего корейцам якобы «условия высокой общественной безопасности и материального достатка» и приобщающего их к благам своей цивилизации¹¹. И в работах других японских историков, например, в исследованиях Мисина Сёэй¹², в тот период пропаган-

---

⁷ Кубо Токудзи (Тэндзуй). Чёсэн си (История Кореи). Токио, 1905, стр. 27.

⁸ Нисикава Гон. Никкан дзёкоси но римэн (Скрытая сторона древней истории Японии и Кореи), т. I. Токио, 1910.

⁹ Фукуда Ёсиносукэ. Сираги си (История Силла). Киото, 1913, стр. 27.

¹⁰ Так, например, один из казенных японских историков Инаба Ивакити в книге «Изучение истории корейской культуры» (Токио, 1925, Предисловие) старался сформулировать научные доводы для опровержения распространенной среди корейцев, как называл он, «легенды национального самоопределения».

¹¹ Тёсэн сино сирубэ (На историческом пути Кореи). Сеул, 1936, стр. 158.

¹² Мисина Сёэй. Тёсэн си гайсёцу (Краткий очерк истории Кореи). Токио, 1940 и др.

дировались концепции о едином происхождении японской и корейской наций, о примате внешних факторов в историческом развитии Кореи, об исторической обреченности Кореи на колониальное прозябание и т. п.

Рецидивы этих колониалистских концепций об историческом прошлом Кореи пережили японский колониальный режим в этой стране и дают знать о себе и в наши дни. Прежде всего они заметны в упорно протаскиваемых идеях о решающей роли Японии в определении судеб Кореи и о неспособности последней обеспечить самостоятельное развитие. Среди таких идей, явно вдохновляемых неоколониализмом японских монополий, фигурирует и так называемая теория «географического детерминизма», получившая распространение не только в японской буржуазной историографии¹³. Японский историк Сиката Хироси во время корейской войны (1950—1953 гг.) стал проповедовать идею о том, что на судьбы корейской нации «решающее, даже роковое влияние» оказало «то обстоятельство, что Корея представляет полуостров, сжатый между континентальной Азией — в частности, районом Маньчжурии, Монголии и основной частью Китая, — с одной стороны, и Японскими островами — с другой»¹⁴. Исходя из своей концепции о роли географического фактора, движущие пружины исторического развития Кореи Сиката видел не во внутренних силах корейского общества, а исключительно во внешних влияниях, поэтому, по его мнению, «Корее оставалось лишь сосредоточивать свои усилия на том, как приспособиться к этому и обеспечить самосохранение», и вся ее внутренняя политика представляла «продолжение дипломатии»¹⁵.

Лишенное законов внутреннего развития корейское общество изображалось как нечто застойное и неподвижное, поэтому Сиката вовсе отрицал даже существование в Корее феодализма как этапа в ее историческом развитии¹⁶. Для него практически не существовало проблемы периодизации внутренней истории Кореи.

Разновидностью теории географического фатализма была сочиненная историком Мисина С. версия об исконной противоположности исторических путей Севера и Юга страны, якобы обусловленной «сношениями с внешним миром» и противоборством внешних сил. Необоснованное противопоставление двух частей Кореи понадобилось Мисине только для того, чтобы одну из них (Южную Корею) представить входящей в сферу преобладающего влияния Японии. Повторяя старые концепции об исторической близости

¹³ Тезис об определяющей роли географического фактора в современных событиях в Корее см. в кн.: L. M. Goodrich. Korea: A study of U. S. policy in the United Nations. Council on foreign relations. New York, 1956, p. 7.

¹⁴ Сиката Хироси. Кюрай но тэсэн сякай но рэкиситэки сэйкаку ни цуйтэ (Об исторической сущности старого корейского общества). — «Тэсэн гакухо», 1951, № 1, стр. 195.

¹⁵ Там же, стр. 203.

¹⁶ См. Сиката Хироси. Op. cit. (ч. 2). — «Тэсэн гакухо», 1951, № 2, стр. 168—169.

сти между корейцами (особенно южнокорейцами) и японцами, Мисина стремится подвести своих читателей к выводу о том, что для разьединенной Кореи реальным путем к воссоединению явится лишь «выбор одного номинального сюзерена из двух противостоящих внешних сил»¹⁷. За этими рассуждениями нельзя не видеть интересов тех сил, которые стремятся к новой экспансии в Корею в качестве «сюзерена».

Прогрессивные японские ученые противопоставляют указанным тенденциям реакционной историографии новый взгляд на изучение истории Кореи, исходящий из понимания самостоятельного характера развития истории корейцев¹⁸. В будущем в японской историографии несомненно укрепится это направление, отражающее демократические устремления японского народа и опирающееся на методологию исторического материализма. Перед этой историографией стоит задача развития тех положительных научных достижений, которые имела буржуазная наука в исследовании отдельных сторон исторического процесса, например, в развенчивании теории «божественного происхождения» императорской власти в Японии.

Несмотря на классовую ограниченность и неспособность создать цельную научную концепцию, раскрывающую закономерности исторического развития Кореи, японские буржуазные ученые осуществили и ряд ценных исследований по вопросам социальной истории Кореи, имеющих отношение и к ее научной периодизации.

Научные проблемы в японской буржуазной историографии. Предметом длительного изучения в японской историографии был вопрос об институте «бу» в Когурё, который важен для выяснения уровня социально-экономического развития Когурё в период описания в «Саньго чжи» (III в. н. э.)¹⁹. Ограниченная информация источника послужила основанием для различных толкований характера этого института. Сообщение о том, что «первоначально было пять родов (? чжок), которые назывались Ённобу (или бу Ённо), Чольлобу (бу Чольло), Суннобу (бу Сунно), Кваннобу (бу Кванно) и Керубу (бу Керу)», что «раньше ванов выдвигал Ённобу, но он постепенно ослабел и теперь его сменил Керубу»²⁰, получило два разных толкования. Одно из них, принадлежавшее

¹⁷ Мисина Сээй. Хокусэн то нансэн (Северная и Южная Корея). Лекция № 5 по культуре Востока (Университет Досея). Киото, 1957, стр. 7, 29, 58.

¹⁸ Тёсэн си нюмон (Введение в историю Кореи). Сб. под ред. Хатада Т. Токио, 1966, стр. 11.

¹⁹ Описание восточных варваров (Дунъи чжуань) в китайской династийной истории «Саньго чжи» (История троецарствия) является основным источником для изучения социально-экономической истории корейского населения в первые века новой эры.

Русский перевод этого источника дан автором в работе «Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи)». — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 115—138.

²⁰ «Саньго чжи. Дунъи чжуань» (Описание Когурё). — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 120.

Нака Митиё²¹, считало «бу» родо-племенным институтом и всю историю Когурё с середины III в. до середины VII в. относило к родо-племенной стадии развития, а второе, принадлежавшее Сиратори Куракити²², относило «бу» к системе административного деления Когурё со столицей в Хвандо, предполагая существование территориально-административного деления (т. е. государства) уже ко II веку н. э. Стремясь преодолеть односторонность в толкованиях своих предшественников, Иманиси Рю в своих изысканиях пришел к выводу о неидентичности ранних и поздних когурёских «бу». Пять чжок (или «бу») в «Саньго чжи» он считал племенными группами (будзоку), а пять «бу» упоминаемые в более поздних комментариях к «Хоу Хань шу» (История поздней Ханьской династии) — единицами «административного деления ванской столицы и системой подразделения знатных людей по группам (кумибэцу)»²³. Обнаруживая более широкий исторический подход, Иманиси старался показать развитие Когурё «от племенного деления населения к территориальному делению». По его мнению, принцип территориального деления в Когурё осуществился не полностью, а ограничился лишь населением столичного города, что объяснял сильными остатками племенных отношений. Как подчеркивал Иманиси, господствующий класс Когурё вначале эксплуатировал население, сохранявшее еще свою родо-племенную организацию, но подчинявшееся государственному аппарату, сконструированному из аристократии господствующих племен (называвшихся «бу»). Сделанные еще в 20-х годах выводы Иманиси Рю основывались на тщательном изучении сведений «Саньго чжи» и корейских летописей «Самгук саги» и составили важную веху в изучении социальной истории Когурё и вообще Кореи раннего периода.

Японские историки последующего периода вносили те или иные поправки и дополнения в концепцию Иманиси, исходя, однако, из основной его предпосылки о стадийном рассмотрении института «бу» Икэути Хироси²⁴ при истолковании раннекогурёского «бу» считал необходимым понятие «племя» (tribe) заменить категорией «род» (clan), понимаемой как обозначение кровнородственного коллектива. Современный историк Ядзава Тосихико²⁵ попытался отойти от традиционных представлений об институте «бу» и охарактеризовал его как «военно-боевую организацию», но он не смог обосновать свою идею и практически повторил аргументацию сторон-

²¹ Нака Митиё. Исследование Когурё. — «Сигаку дзасси», 1894, т. V, № 1.

²² Сиратори Куракити. К вопросу о Хвандо и Кукнэсоне. — «Сигаку дзасси», 1914, т. XXV, № 4.

²³ Иманиси Рю. Изучение пяти «чжок» и пяти «бу» в Когурё. — В кн.: Тёсэн коси но кэнкю (Изучение древней истории Кореи). Сеул, 1937, стр. 407.

²⁴ Икэути Хироси. Пять «чжок» и пять «бу» в Когурё. — «Тоё гакухо», 1932, т. 16, № 1.

²⁵ Ядзава Тосихико. О пяти «бу» в Когурё. — «Труды университета Сайтама», сер. «Работы по гуманитарным и социальным наукам», 1954, вып. 3.

ников «племенной концепции», получившей дальнейшее развитие у Мисина Сээй²⁶. Уточняя идею Иманиси, Мисина полагал, что население Когурё, описанное в «Саньго чжи», находилось на «стадии объединения племен», но такой, когда усиленно шел процесс перехода к формированию «древнего королевского государства» во главе с Керубу. Отметив тенденцией к абсолютизации королевской власти в так- называемый период «прото-Когурё» («гэнси-Когурё»), он приходил к заключению, что к началу IV в. уже в основном завершилась «абсолютизация» королевской власти, что столетие с конца IV в. было «золотым веком» Когурёского королевства²⁷. В понятие «прото-Когурё» Мисина включал промежуточную ступень от союза племен к «королевскому государству», считая, что на этом этапе Когурё представляло варварское королевство или «племенное государство».

Для правильного решения вопроса о времени формирования классового общества и государственности в Корее исключительное значение имеет проблема датировки и точного истолкования фактов, содержащихся в «Описании восточных варваров» из «Саньго чжи», поэтому значительный интерес представляет попытка сопоставления китайских письменных известий с археологическими памятниками (в целях абсолютной датировки описанных фактов), что предпринял Миками Цугно в капитальном труде по изучению древних могил на территории Кореи и Маньчжурии²⁸. Рассматривая памятники мегалитической культуры (прежде всего дольмены), Миками пришел к заключению, что последний этап существования этих памятников совпадает с временем, к которому относятся известия «Саньго чжи» о корейских племенах. Понятием «дольменное общество» Миками обозначил общество, возникшее в результате разложения родового строя, называя его также «политическим обществом» (сэйдзидэки сякай), в котором велика была роль вождя, сосредоточившего большую земную власть и почитавшегося после смерти в качестве воплощения духа племенного коллектива. Миками полагал, что по мере возрастания светской власти этого вождя происходило укрупнение могил, но, касаясь причин появления дольменов, Миками, следуя традиции японской буржуазной историографии, придавал большое значение внешнему фактору (контактам с внешним миром) и явно недооценивал развитие производительных сил у самих местных племен, а в характеристике развития процесса имущественной и социальной дифференциации большое место отводил завоеваниям. Из так называемого «политического общества», по концепции Миками, вырастало «племенное государство» когурёсцев и ханцев, история которых непосредственно связывалась с распространением дольменов в различных частях Корейского полуострова и соседней Маньчжурии.

²⁶ Мисина Сээй. О пяти племенах Когурё. «Тёсен гакухо», 1954, № 6.

²⁷ Там же.

²⁸ Миками Цугно. Мансен гэнси фунбо но кэнкю (Изучение древних могил на территории Маньчжурии и Кореи). Токио, 1961.

В представлении Миками основным содержанием исторических событий в восточной Маньчжурии со II в. до н. э. до III в. н. э. было противоборство между когурёсцами и китайцами (ханьцами), в ходе которого постепенно росли могущество и консолидация когурёсцев. Указав, что правители «дольменного общества» участвовали в установлении власти в Когурё²⁹, Миками, однако, воздерживался от определения точной даты перехода дольменной культуры к когурёской. Зато Мисина, как уже отмечалось, считал, что «прото-Когурё», представлявшее объединение племен, постепенно развилось и превратилось (не ранее начала IV в.) в «древнее государство с абсолютистской королевской властью»³⁰.

Хатада Такаси склонен считать, что такой переход начался в I—II вв., когда стали появляться могильные курганы с огромными земляными насыпями, содержащими роскошный погребальный инвентарь когурёских ванов и знати. Известия «Саньго чжи» Хатада считает относящимися к III в. и более раннему периоду, полагая, что в описываемое время «когурёские племена переживали процесс разложения старого родового общества и вызревания общества власть имущих», когда утверждение власти вана сопровождалось разложением родо-племенного строя и выделением имущего класса, господствующего над закабаленными племенами и немущими соплеменниками. Этот этап развития Когурё Хатада относил еще к первобытному периоду, поскольку там сохранились черты, присущие племенным коллективам³¹.

Для суждений об историческом развитии ханцев, населявших южную часть Корейского полуострова, Миками привлекает археологические материалы района Тэгу, где было распространено большое число дольменов так называемого позднего (по классификации Миками) периода, которые по формам погребений непосредственно предшествуют выложенным из каменных блоков «древним могилам с высокой земляной насыпью», датируемым V—VI вв. н. э. Считая нижней границей существования дольменов III—IV вв. н. э., Миками относит дольмены района Тэгу (Тэбон) к могильникам правящей верхушки существовавшего здесь небольшого «племенного государства», вероятно, одного из 24 «государств» Чинхана и Пёнхана, упоминаемого «Саньго чжи»³².

По мнению Миками, и на юге Корейского полуострова дольменное общество эволюционировало в «племенное государство», а затем в результате объединения таких «племенных государств» возникли и государства Пэкче и Силла в IV в. При этом Миками совершенно не касается вопроса о политических или социально-экономических факторах, вызвавших такое объединение, считая необходимым ограничиться только истолкованием археологического ма-

²⁹ Миками Цугио. Мансен гэнси фунбо но кэнкю..., стр. 203—208.

³⁰ Мисина Сээй. О пяти племенах Когурё. — «Тёсэн гакухо». 1954, № 6, стр. 13—58.

³¹ Хатада Такаси. История Кореи. Токио, 1960, стр. 16, 18—19.

³² Миками Цугио. Указ. соч., стр. 221—248.

тернала и сравнением его с данными письменных источников. Справедливость выдвинутой Миками схемы социального развития корейских племен и датировки его этапов может быть выяснена только в процессе дальнейших исследований, но несомненное значение его работы состоит в попытке раскрыть сущность тех политических образований в Корее, которые в китайских известиях фигурируют как «государства» (или «страны»).

К проблеме периодизации ранней истории Кореи, связанной с определением уровня общественно-экономического развития населения Корейского полуострова в первые века н. э., прямое отношение имеет изучение упоминаемой в «Самгук саги» сословной системы «кольпхум» в Силла—деления на «кости» (коль) и «разряды» (тупхум или пхум), возникшей еще до появления государственных институтов (видимо, в виде первых социальных градаций при сохранении родоплеменных отношений) и закрепившейся в качестве сословно-классового деления в государстве Силла. Начиная с 20-х годов этой проблеме посвящались многочисленные исследования японских историков. Зачинатель изучения ее Иманиси Рю пришел к выводу о том, что «система «кольпхум» представляла своеобразную сословную иерархию («классов-сословий»), возникшую в процессе складывания государства Силла. При этом он исходил из представления о том, что «завоеватели составляли класс правителей», а «покоренные племена — классы зависимых»³³. Тот факт, что в качестве носителей королевской власти выступали не отдельные семьи, а целое сословие (из ряда влиятельных семей), Иманиси объяснял как результат завоевания одним племенем других еще при сохранении у завоевателей остатков родовой демократии. Предполагая такое выделение королевской власти во II—III вв. (видимо, судя по сообщениям о завоевательных войнах), Иманиси к этому времени относил и само «установление Силланского государства»³⁴. Конечно, можно усомниться в правильности вывода об установлении государственности по фактам завоеваний одним племенем других (при отсутствии данных о распаде родового строя или об обострении борьбы между общественными классами). По мнению Иманиси, в развитом виде сословно-классовая система в Силла имела восемь делений, в которые входили две «кости» — сонголь (священная кость) и чинголь (истинная кость) и шесть разрядов (тупхум): юктупхум (шестой разряд) или токнан (труднодостижимый), отупхум (пятый разряд), сатупхум (четвертый разряд) и т. п. При перечислениях «тупхум» источники обычно не называют третьего, второго и первого разрядов. Иманиси полагает, что они были заменены термином «пхёнбинпэксон» («простолюдины-стофамильцы»). В обоснование своего тезиса о существовании трех скрытых низших разрядов Иманиси ссылался на упоминание в «Самгук юса» «восьми разрядов личного

³³ Иманиси Рю. Очерк истории Силла. — В сб.: Сираги си кэнкю (Изучение истории Силла). Сеул, 1933, стр. 36, 39—40.

³⁴ Там же, стр. 22.

достоинства» (пхальпхум сонголь)³⁵. Иманиси признавал традиционную периодизацию «Самгук саги», которая относила 28 ванов *древней эпохи* (до 654 г., т. е. вплоть до вана — женщины Чиндок) к числу сонголь. Шесть разрядов (тупхум) без специальных наименований Иманиси связывал с существованием шести «бу» (племени, а затем округов) Силла и их возникновение относил к более позднему времени, чем появление двух первых делений на «кости», полагая, что разряды эти определенно существовали в позднюю эпоху Силла (780—935), по периодизации «Самгук саги»³⁶, и можно допустить их существование и в *среднюю эпоху* (654—780)³⁷. Эндогамия внутри высшего королевского сословия Иманиси объяснял стремлением правящего «класса» закрепить свои политические привилегии.

Развивая идеи Иманиси, его последователь Икэути Х. (в работе, опубликованной в 1941 г. под названием «Силланская система «кольпхум» и королевская генеалогия») дал определение системы «кольпхум» как специфической «системы кровнородственных классов (кэудзюкүтэки кайкүсэй), аналогичной индийской кастовой системе»³⁸. Из восьми сословных подразделений Икэути, как и Иманиси, различал разряды правителей (5 высших групп) и управляемых, между которыми существовала глубокая пропасть. Однако, рассматривая сословные разряды только как «кровнородственные классы», Иманиси и Икэути не смогли подняться до понимания их социально-классовой сущности, соответствующей достигнутому уровню исторического развития государства Силла, поэтому остались невыясненными такие вопросы социального развития Силла, как время существования и характер родовых коллективов, смена родового строя классовым обществом и пр. Тем не менее заслуживает серьезного внимания вывод Икэути о легендарном характере всех ванов Силла до Намуля (356—402), а следовательно, и сообщений «Самгук саги» о смене трех царствующих домов в этот легендарный период, о том, что в этих легендах нашли отражение события более позднего времени³⁹.

Таким образом, в период до второй мировой войны даже серьезные японские буржуазные исследователи социальных институтов ранней Кореи ограничивались лишь изучением фактических деталей и не поднимались до широких обобщений в целях выявления общесоциальных закономерностей развития Силланского общества. В послевоенное время эту ограниченность стали преодолевать те историки, чьи взгляды сформировались под влиянием идей исторического материализма. Систему «кольпхум» Хатада Такаси (в 1951 г.) объяснял тем, что «при сохранении традиций родового

³⁵ Иманиси Рю. Указ. соч., стр. 193—203.

³⁶ См. Ким Бусик. Самгук саги. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака. М., 1959, стр. 56.

³⁷ Иманиси Рю. Указ. соч., стр. 204—205.

³⁸ Икэути Х. Мансэнси кэню. Дзэсэй (Изучение истории Маньчжурин и Кореи. Древний период), т. II. Токио, 1960, стр. 553.

³⁹ Там же, стр. 553, 557, 561.

стройка складывались отношения господства и зависимости», что «процесс классового расслоения сопровождался сохранением старых традиций, приведших к установлению сословных градаций». Но в своей работе Хатада еще не выдвинул тогда ясного принципа периодизации, основывающейся на смене социально-экономических формаций, и не смог связать изучение института «кольпхум» с проблемой формирования государства Силла и его социально-экономической характеристикой. Так, по мнению Хатада, во второй половине IV в. н. э. из системы «кольпхум» вырос «деспотический чиновный аппарат», а в VI в. наступил «новый период» — период оформления различных государственных институтов. При этом Хатада не ответил на вопрос о том, какой «чиновный аппарат» сложился до оформления «государственных институтов», хотя и отметил, что в Силла VI в. «путь социального прогресса проходил через рост рабовладения». Но несомненная заслуга Хатада состоит в стремлении рассмотреть «эволюцию системы «кольпхум» в связи с процессами социальной и политической истории Силла, например, с борьбой центростремительных и центробежных тенденций»⁴⁰.

Своеобразную трактовку системы «кольпхум» и смены «эпох» в истории Силла дал известный японский исследователь Суэмацу Ясукадзу. Переход от «древней эпохи» к «средней эпохе» в истории Силла корейские летописцы представляли как прекращение царствования ванов, происходивших из рядов сонголь (священной кости) и начало правления ванов из чинголь (истинной кости). Суэмацу же истолковывал сообщение летописцев в том смысле, что так называемый переход от одной эпохи к другой означал лишь прекращение эндогамии царского сословия сонголь и слияние его с остальной аристократией чинголь (так, первый ван «средней эпохи» Тхэчжон Мурёль женился на сестре Ким Юсина, не принадлежавшего к исконно силланским родам) в условиях, когда политические интересы дальнейшего территориального расширения Силланского государства сделали неизбежным допущение в самое высшее сословие и родовой знати из покоренных или присоединяемых земель. Рассматривая систему «тупхум» как шестиступенчатую (судя по сохранившимся разрядам — «шестой тупхум», «пятый тупхум» и «четвертый тупхум») ⁴¹, Суэмацу связывал ее с шестью «бу», сложившимися в ходе завоеваний и присоединения земель иноплеменников первоначальным Силланским царством (общиной Саро). Исходя из этой гипотезы, он выдвинул и свою периодизацию развития системы «бу». По его предположениям, первоначально, т. е. в первой половине III в. н. э., произошло объединение двух «бу» (I этап), а затем, в начале VI в., к ним присоединилось третье «бу» (II этап), и в течение столетия после этого были присоединены еще три «бу» (III этап). Суэмацу высказал также пред-

⁴⁰ Хатада Такаси. Тёсэн си (История Кореи). Токио, 1951, стр. 36—37, 39, 47, 59—60.

⁴¹ Суэмацу Ясукадзу. Сираги си но сёмондай (Вопросы истории Силла). Токио, 1954, стр. 511—512.

положение о том, что выходцы из двух первоначальных «бу» занимали примерно одинаковое положение, члены третьего «бу» — более низкое, и самое низкое положение занимали представители остальных трех «бу». Согласно этой гипотезе в системе «тупхум» шестой и пятый разряды составляли члены двух первоначальных «бу». Что касается высших сословий королевских «костей», то они, по мнению Суэмацу, состояли из родоплеменной знати двух первых «бу», составивших ядро формирующегося Силланского государства. Складывание шести «бу», по его мнению, завершилось в начале VI в. в период юридического оформления бюрократического аппарата государства, когда на смену подразделению людей по «бу» пришли различия по рангам, в связи с чем система «бу» уступила место системе «кольпхум»⁴². Несмотря на гипотетический характер построений Суэмацу (из-за явного недостатка фактов), все же можно признать плодотворной идею о необходимости изучения «кольпхум» в сопоставлении с другими социальными институтами и общим ходом исторического развития Силла.

Продолжая эту линию в изучении системы «кольпхум», один из молодых представителей японской послевоенной историографии Такэда Юкио характеризует «кольпхум» как кастовую систему, регулируемую «фактором кровного родства по женской линии»⁴³. Оставляя в качестве задачи будущего исследование взаимосвязи этой сословной системы с классовой структурой силланского общества⁴⁴, Такэда пытается раскрыть социальное положение низших сословий, в чем нельзя не усмотреть новизны подхода к изучению проблемы «кольпхум».

Поскольку, согласно «Самгук саги», деревенские старосты в сословной иерархии Силла принадлежали к четвертому или пятому разряду (тупхум), Такэда считает логичным предположить, что в низшие разряды (III—I тупхум) входили рядовые жители деревень, «которые непосредственно несли военную службу и одно время получали солдатские наделы (чончжон)». Социальный статус их сплошь и рядом игнорировался, поэтому феодальные историки называли их одним общим термином — простонародье или «пэксон» (стофамильцы). Такэда также высказал гипотезу о существовании отдельных — столичной и провинциальной — сословных систем, явившихся следствием объединения множества разнообразных политических образований вокруг 6 собственно силланских «бу»⁴⁵.

С объединением трех государств под властью Силла, когда упразднялись провинциальные ранги и устанавливалась единая чиновная система, стирались различия между столичной и провинциальной сословными системами. Этим он объясняет переход Силла от «древней эпохи» к «средней эпохе», хотя и не указывает на социально-экономическое содержание происшедших перемен.

⁴² Суэмацу Ясукадзу. Указ. соч., стр. 291—307.

⁴³ Такэда Юкио. Сираги коппин тайсэй сякай (Силланское общество системы «кольпхум»). — «Рэксигаку кэнкю», 1963, № 299, стр. 8.

⁴⁴ Там же, стр. 1.

⁴⁵ Там же, стр. 8, 10.

Кризисные явления в японской буржуазной историографии. Особую позицию в изучении проблемы «кольпхум» занял в современной японской историографии Мисина Сээй, чья статья «Общество системы «кольпхум» свидетельствует о несомненном кризисе исследовательской мысли. Начав с признания о том, что изучение системы «кольпхум», затрагивающей основы социальной структуры и королевской власти в Силла, представляет «центральную задачу» в изучении ее истории, Мисина закончил пессимистическим выводом, что в исследовании этой проблемы он не видит «обнадеживающей перспективы на будущее»⁴⁶. Восприняв идеи Суэмацу об образовании системы «кольпхум» путем слияния двух отдельных сословных систем «коль» и «тупхум» (и возникновении деления на разряды «тупхум» от прежних «бу»), Мисина далее замечает, что «остается много неясностей относительно того, как ретроспективно расположить во временном соотношении эти две системы и как проанализировать сложную структуру комбинированной системы»⁴⁷. Пессимизм Мисина вызван не только скудостью фактических сведений в источниках, но и порочностью методологического подхода самого исследователя. Не выходя за пределы традиционной дискуссии о «королевских костях» и не связывая систему «кольпхум» с исследованием социальной структуры Силла в широком плане, Мисина ограничился лишь рассмотрением вопроса о кровнородственных связях, лежавших, по его мнению, в основе института «кольпхум», и пришел к выводу о невозможности доказать существование каких-либо родовых организаций в рассматриваемый период, а также к более общему заключению о том, что корейское общество никогда не знало родового строя, а отождествляемые им с «родом» экзогамные группы однофамильцев появились при династии Ли якобы в результате подражания Китаю⁴⁸. Это означает полный пересмотр собственных взглядов Мисина, который в своих прежних работах⁴⁹, придерживаясь идей «социального эволюционизма», считал, что родовое общество предшествовало классовому, и высказывал интересные идеи, касающиеся пережитков родо-племенных отношений в классовом обществе. Крутое изменение взглядов Мисина и пессимистическое отношение к исследованию социальных институтов Силла явились прямым результатом восприятия антикоммунистических идей западной школы этнографов (Дж. Мёрдока и др.), пытающихся объять устарелым и дискредитировать материалистическое понимание первобытной истории, утвердившееся в результате исследований Л. Моргана, марксистская трактовка которых была дана Ф. Энгельсом. Включившись в общий хор участников антикоммунистического похода

⁴⁶ Мисина Сээй. Коппин сэй сякай (Общество системы «кольпхум»). — В кн.: Кодайси кодза (Лекции по древней истории). Под ред. Исимода С. и др., т. 7. Токио, 1963, стр. 209.

⁴⁷ Там же, стр. 200—201.

⁴⁸ Там же, стр. 179.

⁴⁹ О пяти племенах Когурё. — «Тёсэн гакухо», «Вестник корееведения», 1954, № 6 и др.

против исторического материализма, Мисина объявляет устаревшими представление «о постепенном переходе древнейшего общества, основанного на связях кровного родства, в общество, основанное на связях территориальной общности», «понимание первобытной общины, как коллектива, основанного на кровном родстве», т. е. положения, которые, по его мнению, «служат, благодаря трудам Энгельса, главной опорой исторического материализма». И далее Мисина заявляет, что в современную эпоху, когда требуется «прогрессивность мышления», следует освободиться от якобы «закоснелой», унаследованной от прошлого века, схемы: «кровнородственная общность — территориальная общность»⁵⁰. Так, под соусом «прогрессивного мышления», якобы чуждого «консервативности», без всякой аргументации, мимоходом Мисина «опровергает» марксистское понимание исторического процесса как закономерного поступательного движения. Пример с Мисина ярко свидетельствует о полной научной несостоятельности антикоммунистической идеологии, о боязни, которую испытывают ее носители в связи с растущим влиянием марксизма-ленинизма и нарастанием прогрессивных тенденций в японской историографии, сказывающихся, в частности, во все большем интересе к социально-экономическим проблемам в историческом процессе.

Становление марксистской историографии в Корее и дискуссия по проблемам социально-экономического строя ранних государств. В борьбе против колонизаторских концепций японской буржуазной историографии и в тесной связи с национально-освободительным движением корейского народа происходило становление и укрепление прогрессивной корейской историографии, развивавшейся под влиянием проникших в Корею идей марксизма-ленинизма и поставившей в центр внимания исследование процессов социально-экономического развития Кореи, выявление объективных закономерностей истории корейского народа. Со времени своего возникновения в 30-х годах прогрессивная историко-материалистическая школа в корейской историографии поставила те проблемы, которые до сих пор остаются важными для правильного понимания всего исторического пути корейского народа. Особенно выросло марксистское направление в корейской историографии после освобождения страны Советской Армией и создания Корейской Народно-Демократической Республики. Продолжали свою деятельность историки, которые еще в годы колониального господства японских империалистов стремились на основе методологии исторического материализма изучить отечественную историю. Стало возможным и распространение опыта советской исторической науки в разработке важнейших исторических проблем. Научными центрами по изучению истории в освобожденной Корее стали сначала Комиссия по составлению истории Кореи (Чосон ёкса пхёнчхан вивон-хве), а затем институты Академии наук КНДР (с 1963 г. Академия обще-

⁵⁰ Мисина Сээй. Коппин сэй сякай (Общество системы «кольпхум»), стр. 187—188.

ственных наук КНДР), Университет им. Ким Ир Сена и другие высшие учебные заведения.

С проникновением марксизма в корейскую историографию история Кореи стала изучаться как история смен общественно-экономических формаций, а важнейшим вопросом периодизации ранней истории стало определение времени утверждения и характера первой антагонистической общественной формации, пришедшей на смену первобытнообщинному строю. В первых работах корейских историков, написанных с позиций исторического материализма, зарождение классового общества и государственности связывалось с периодом трех государств: Когурё, Пэкче и Силла, причем еще не сложилось единого мнения об исторических рамках существования антагонистической, рабовладельческой формации. Пэк Намун в своей работе, посвященной истории первобытнообщинного и рабовладельческого строя⁵¹, признавал три государства рабовладельческими и переход от рабовладельческого строя к феодальному относил ко второй половине VII в., когда произошло объединение страны государством Силла⁵². Другой историк, Ли Чхонвон, также признавал три государства рабовладельческими, но период существования рабовладельческого строя определил длительным временем до конца XIV в.⁵³ Историк Ким Кванчжин в своем исследовании, посвященном истории Когурё, считал, что когурёское общество, по крайней мере вплоть до конца IV в. (правления вана Квангэтхо) не являлось рабовладельческим, хотя и допускал возможность существования такого общества в более поздний период⁵⁴.

Различное понимание характера первого классового общества в Корее было связано с трактовкой упоминаемой в «Саньго чжи» категории эксплуатируемого населения, известного под названием «хахо», или «низших дворов». В соответствии с буквальным сообщением источника (в описании Пуё), называвшего в одном месте «хахо» рабами⁵⁵, Пэк Намун считал их рабами или основным классом в рабовладельческом обществе⁵⁶. Даже в тех случаях, когда «хахо» упоминаются в качестве данников или свободных людей, Пэк Намун все равно считал их категорией населения, которое «по преимуществу должно быть причислено к рабам»⁵⁷. На основе сообщений того же самого источника («Саньго чжи») о том, что «хахо» поставляли «большим домам» хлеб, рыбу и соль, Ким

⁵¹ Пэк Намун. Тёсэн сякай кэйдзайси (Социально-экономическая история Кореи). Токио, 1933.

⁵² Там же, стр. 431.

⁵³ Ли Чхонвон. Тёсэн сякайси токухон (Книга для чтения по истории Кореи). Токио, 1936, стр. 44—45. — Цит. по: Хангук мунхваса тэге (История корейской культуры), т. 2. Сеул, 1965.

⁵⁴ Ким Кванчжин. Способ производства в когурёском обществе. — В кн.: Почжон хахве нончжиб (Уч. зап. Посонского колледжа), 1937, вып. 3, стр. 764—765. — Цит. по: Хангук мунхваса тэге, т. 2.

⁵⁵ «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 120.

⁵⁶ Пэк Намун. Ук. соч., стр. 156—157, 166.

⁵⁷ Там же, стр. 138.

Кванчжин пришел к заключению, что «хахо», как можно полагать, являлись по преимуществу членами завоеванных родовых общин... Хотя Пэк Намун, определяя этих «хахо» в качестве рабов, стремился обосновать зрелость рабовладельческого строя, надо полагать, что такое мнение представляет явное преувеличение. Конечно, не подлежит сомнению факт появления в то время рабов в Когурё, но было бы преждевременно на основе данных о таких рабах утверждать о существовании рабовладельческой формации (кусон)⁵⁸.

Отрицая рабовладельческий строй в Когурё периода, описанного в «Саньго чжи», Ким Кванчжин представлял историю Когурё до III в. н. э. как время господства родового строя, а с III в. как период господства даннических отношений, когда завоеванное население эксплуатировалось на прежнем месте без изменения сложившегося способа производства. Тот факт, что завоеванное население целыми коллективами превращалось в зависимых людей (без отрыва от исконных мест жительств или превращения в рабов), для Ким Кванчжина служил основанием не считать тогдашнее общество Когурё рабовладельческим⁵⁹.

Обсуждение вопроса о характере социально-экономического строя Кореи в период трех ранних государств оживленно продолжалось уже после освобождения Кореи от колониального господства, когда особенно возрос интерес к проблемам социально-экономической истории Кореи. В одной из первых работ по истории, опубликованных после освобождения страны — в сборнике «Социально-экономическая история Кореи при династии Ли» (1946), Чон Соктам выступил против тезиса о рабовладельческом характере трех государств, считая, что невозможно установить роль или участие рабов в сельскохозяйственном производстве, а основной формой эксплуатации, применяемой господствующим классом, было взимание государственных налогов с крестьянства. Исходя из этих соображений, он полагал, что «будет правильным считать господствующей формой производства земледельческий труд обычного крестьянства в условиях, когда законом была утверждена общегосударственная собственность на землю⁶⁰. Однако многие историки продолжали по-прежнему признавать три государства рабовладельческими. Историк Хан Гирон даже утверждал (в 1947 г.), что историки Корейской Народно-Демократической Республики единогласно считают три государства рабовладельческими⁶¹.

Обоснованию тезиса о существовании рабовладельческого строя

⁵⁸ Ким Кванчжин. Способ производства в когурёском обществе, стр. 740—741. — Цит. по: Хангук мухваса тэге, т. 2, стр. 545.

⁵⁹ Ким Кванчжин. Указ. соч., стр. 749. См. «Хангук мухваса тэге», т. 2.

⁶⁰ Чон Соктам. Личжо нонмин кёнчжеса (Экономическая история крестьянства при династии Ли), стр. 2, 3. — В кн.: Личжо сахве кёнчжеса (Социально-экономическая история Кореи при династии Ли). Сеул, 1946.

⁶¹ Хан Гирон. Чосон кодэ кукка хёнсон квачжон (Процесс формирования древних государств в Корее). — В кн.: Чосон ёкса ёнгу нонмун чжиб (Сб. исследовательских статей по истории Кореи). Пхеньян, 1947, стр. 291—310.

в Корее была посвящена работа Ли Ынсу, вышедшая в 1949 году⁶². В «Древней истории Кореи», опубликованной в 1951 г., прямо утверждалось: «Мы не можем не признать, что во всех трех государствах с начала их возникновения вплоть до самого падения наблюдается не продолжение какого-либо общинного способа производства или беспримерно раннее созревание феодального строя, а в самом обычном смысле слова рабовладельческая система, которая встречается и во многих других странах»⁶³.

Тем не менее, вопреки этим утверждениям, дальнейшее развитие исторической науки в КНДР выявило недостаточность аргументации тезиса о рабовладельческом строе периода трех государств, поэтому многие историки стали считать, что Корея после разложения первобытнообщинного строя могла, минуя рабовладельческий строй, перейти к феодальному. Эта точка зрения высказывалась в ряде научных дискуссий, причем работы и выступления Ким Кванчжина содержали наиболее развернутую аргументацию⁶⁴.

Итоги многолетнего изучения корейскими историками проблем социально-экономического развития Кореи в ранний период подвела дискуссия, организованная Институтом истории АН КНДР в ноябре 1956 г. Результатом ее явился изданный в 1958 г. сборник статей по проблемам социально-экономического развития Кореи в период трех государств⁶⁵.

Как видно из этих материалов, идея о нерабовладельческом пути развития трех государств встретила на данной дискуссии возражения со стороны ряда историков. Объясняя тот факт, что после распада первобытнообщинного строя в Корее основную массу эксплуатируемых составляли зависимые от господствующего класса крестьяне, а не рабы, историк То Юхо считал это особенностью рабовладельческой формации в Корее⁶⁶.

⁶² Ли Ынсу. Чосон ное сидэ ёнгу (Исследование рабовладельческой эпохи в Корее). — «Ёкса чемунчжэ» («Вопросы истории»), Пхеньян, 1949, № 9, 10, 11.

⁶³ Чосон кодэса (Древняя история Кореи). Пхеньян, 1951, стр. 14.

⁶⁴ См. работы: Ким Кванчжин. Чосонэ иссосы понгон чедов пальсэн квачжон. Нос соючжачжок кусоны чонбу ёхаэ тэхан мунчжева квальёнхаё (Процесс возникновения феодального строя в Корее. К проблеме существования в Корее рабовладельческой формации). — «Ёкса квахак» («Историческая наука»), 1955, № 8, стр. 11—39; № 9, стр. 37—69; его же. Самгук сидэы сахве кёндже кусонэ кванхан мёт каджи мунджеэ тэхаё (О некоторых вопросах, касающихся социально-экономического строя периода трех государств). — «Ёкса квахак», 1956, № 5, стр. 1—24; № 6, стр. 10—40 и др.

⁶⁵ Самгук сигны сахве кёндже кусонэ кванхан тхорон чип (Дискуссия о социально-экономическом строе периода трех государств). Пхеньян, 1958. В дальнейшем: «Дискуссия...». Подробности об этой дискуссии и других социально-экономических проблемах ранней истории Кореи см. в работе «О возникновении и утверждении феодализма в Корее (некоторые проблемы современной корейской историографии)», опубликованной в кн.: Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока. М., 1969, стр. 222—305.

⁶⁶ То Юхо. Самгук сидэны понгон сидэга анида (Период трех государств не является феодальным). — «Дискуссия...», стр. 36.

Недостаток фактического материала, свидетельствующего о применении рабского труда в производстве, заставил сторонников рабовладельческой концепции (в том числе и Пэк Намуна⁶⁷) отказаться от выдвинутого в свое время Пэк Намуном тезиса о существовании в древней Корее развитого рабовладельческого общества греко-римского типа⁶⁸. Они теперь поддерживали идею о том, что рабовладельческое общество в древней Корее носило, вероятно, такой же характер, какой имела рабовладельческая формация в государствах древнего Востока — в Двуречье, Египте и др.⁶⁹. Лим Гонсан поставил задачу найти черты рабовладельческого общества древневосточного типа в период трех государств, возникновение которых он относил к I—III вв. н. э. Исходя из предположения о том, что рабовладельческая формация может основываться на патриархальном и домашнем рабстве⁷⁰, главными признаками рабовладельческой формации древневосточного типа он считал наличие эксплуатируемых общин («пугок» и «хян») и возвышающейся над ними деспотической государственной власти.

Перейдя к вопросу о времени существования рабовладельческого общества и возникновения феодальных отношений, Лим Гонсан считал, что элементы кризиса рабовладельческих порядков и зарождения феодальных отношений можно наблюдать не ранее V в. н. э., когда «происходили взаимные контакты и военные столкновения между тремя государствами, усиливались их торговые связи с Китаем». Зарождение феодальных отношений в трех государствах Лим Гонсан рассматривал как результат развития частной собственности и разложения общины, этой основы рабовладельческой деспотии. А временем утверждения феодализма в Корее он, как и Пэк Намун, считал период после объединения страны под властью государства Силла.

Попытку реконструирования рабовладельческого общества трех государств по образцу рабовладельческих деспотий древнего Востока предпринимали и другие историки, но в неспособности объяснить переход к феодализму видели слабую сторону «рабовладельческой концепции» ее оппоненты. Например, историк Чхэ Хигук резонно отмечал, что то, что в этой концепции называется рабовладельческим строем, принципиально ничем не отличается от феодального. Другие предлагали методологически четко различать положение раба от положения крепостного⁷¹. При конкретном рассмотрении фактов историки, отрицающие рабовладельческую формацию в трех государствах, большое значение придавали сообщениям «Саньго чжи», позволяющим судить о том, что главный эксплуатируемый класс этого периода («хахо») не был классом рабов⁷². Что же касается форм государственной организации этого

⁶⁷ «Дискуссия...», стр. 337—338.

⁶⁸ Предисловие к сборнику «Дискуссия...».

⁶⁹ «Дискуссия...», стр. 267—271.

⁷⁰ Там же, стр. 81—87, 120.

⁷¹ Там же, стр. 134, 263, 297—299.

⁷² Там же, стр. 5, 198, 238, 239, 312 и др.

периода, то они считали ничем не обоснованным тезис о деспотии древневосточного типа, так как в источниках можно найти факты, говорящие о следах выборного начала при возведении правителей, о центробежных тенденциях и других моментах, ослабляющих центральную власть трех государств⁷³. По конкретным данным источников, особенно «Сангю чжи», характеризующих положение классов, формы эксплуатации и поземельные отношения, эти историки признавали, что Корея могла, минуя стадию рабовладельческой формации, перейти к феодализму (после разложения первобытнообщинного строя).

Историки, отрицающие рабовладельческий характер трех государств, были довольно единодушны в своей аргументации тезиса о переходе Кореи к феодализму после разложения первобытнообщинного строя (через определенный переходный период), но у них не было единого мнения насчет точного времени такого перехода и возникновения трех государств. Эта дата колебалась от I в. до н. э. до III—IV вв. н. э.

Далее мы остановимся на трактовке этих проблем в наиболее значительных монографических исследованиях таких историков, как Ким Сокхён, Пак Сихён и Лим Гонсан⁷⁴, которые зарождение феодализма в Корее рассматривают в связи с изучением социально-экономического строя Кореи в период трех государств.

Трактовка историками КНДР вопроса о времени возникновения трех государств. Прежде всего коснемся вопроса о времени утверждения государственности в Когурё, Пэкче и Силла, точное определение которого важно для правильной марксистской периодизации исторического процесса. Как и в истории любой другой страны, этот вопрос относится к числу труднейших, а применительно к трем корейским государствам трудность его решения усугубляется крайней скудностью фактических данных письменных источников, фантастичностью и противоречивостью суждений их составителей.

С зарождением государственной власти и началом летописания делались первые попытки объяснить происхождение государства и установить время появления первых правителей. Об этом говорят легенды об «основателях» государств Когурё, Пэкче и Силла, помещенные в первых разделах летописной истории и сохранившиеся в «Исторических записях трех государств» («Самгук саги») Ким Бусика. Основываясь на ранних летописях, Ким Бусик называл и «точные» даты возникновения каждого из трех государств — самым древним считал государство Силла, «установленное» в 57 г. до н. э., а затем возникли Когурё (в 37 г. до н. э.) и Пэкче (в 18 г.

⁷³ «Дискуссия...», стр. 211, 260—261.

⁷⁴ Имеются в виду прежде всего книги: Ким Сокхён. Чосон понгон сидэ нонмины кегыпкусон (Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма). Пхеньян, 1957; его же. Янбаннон (О янбанах). — Екса нонмун чип (Сб. статей по истории), вып. 3. Пхеньян, 1959, стр. 1—129; Пак Сихён. Чосон тхочжи чедоса (История аграрного строя в Корее), т. I, Пхеньян, 1960; Лим Гонсан. Чосоны пугокчез кванхан ёнгу (Исследование института зависимых общин — пугок в Корее). Пхеньян, 1963.

до н. э.)⁷⁵. Спустя полтора столетия, автор «Дополнения к истории трех государств» («Самгук юса») буддийский монах Ирён, ссылаясь на древние исторические записи, подтвердил эту датировку.

Критикуя мифологическую традицию, представлявшую возникновение государства как предопределенный Небом внезапный акт, Пэк Намун еще в 30-х годах писал, что «путем медленного изменения общественных производственных отношений, на основе постепенного сдвига в развитии внутренних производительных сил произошел переход от бесклассового родового коммунистического общества к классовому клановому государству, а от него — к воинственному государству»⁷⁶. Определяя время возникновения трех государств, Пэк Намун опирался на факты, касающиеся войн и расширения территории⁷⁷. Уточняя свою позицию в этом вопросе во время дискуссии 1956 г., он заявил, что государство Когурё возникло в 4 г. н. э., Пэкче — в 55 г. н. э., а Силла — в конце III века н. э.⁷⁸ Эта датировка опирается на традицию ранних летописей.

Со времени дискуссии 1956 г. во взглядах историков КНДР произошли сдвиги в сторону выработки общей точки зрения по вопросу о времени возникновения трех государств.

В своей монографии по аграрной истории феодальной Кореи Пак Сихён предлагал при датировке возникновения трех государств полагаться на сообщения «Самгук саги» и «Самгук юса». На основе мифа об «основании» государства Когурё (в Чольбоне) выходцем из Пуё по имени Чумон Пак Сихён пришел к заключению, что «до I века до н. э. на территории к югу от центральной части теперешнего Северо-Восточного Китая существовали не только ранее возникшие и сравнительно крупные государства, как Пуё, но и сравнительно отсталые, разбросанные различные племена, подобные Чольбон Пуё, которые по уровню классового развития находились **накануне зарождения государственности**». Исходя из того, что внутри пуёских племен имела место сложная картина передвижений и взаимопроникновения племен и завоеваний и что в бассейне современного Амноккана и его многочисленных притоков на севере и юге достигло высокого уровня развитие производительных сил (выявляемого новейшими археологическими раскопками) и связанных с ними классовых отношений, Пак Сихён писал, что будет правильным отнести возникновение государства Когурё на берегах р. Пирюсу к периоду до I века до н. э.⁷⁹ Этот вывод не согласуется с конкретным описанием Когурё в «Саньго чжи» Чэнь Шоу (III в. н. э.), поэтому Пак Сихён считает, что китайский автор дал совершенно неверную картину исторических

⁷⁵ Самгук саги, ч. I. Пхеньян, 1958, стр. 1—2, 347—348, 557—559.

⁷⁶ Пэк Намун. Социально-экономическая история Кореи, стр. 178.

⁷⁷ Там же, стр. 185, 248, 321.

⁷⁸ «Дискуссия...», стр. 342.

⁷⁹ Пак Сихён. Чосон тхожжи чедоса (История аграрного строя в Кореи), т. I, стр. 64, 65—66.

событий, не объясняя, однако, почему записи в поздних корейских исторических сочинениях надо считать более достоверными, чем сведения о Корее, впервые встречающиеся в «Сангю чжи».

По мифам об «основателе» Пэкче, сохранившимся (в четырех вариантах) в корейских и китайских источниках, Пак Сихён приходит к заключению о том, что среди племен Махана, находившихся накануне перехода к государственности, поселились представители северных племен, которые в конце концов подчинили все племена Махана. Касаясь того, что появление государства Пэкче в «Самгук саги» датируется 18 г. до н. э., а по китайским династийным историям — на 200 лет позже, Пак Сихён считает правильными только сообщения корейских летописцев⁸⁰.

Объяснив появление государства Силла разложением первобытнообщинного строя, возникновением частной собственности и непримиримостью противоречий между новообразовавшимися классами, Пак Сихён считает, что появлению государства предшествовало зарождение сословно-классовых различий в рамках старого первобытнообщинного строя. Поддерживая датировку возникновения трех государств в «Самгук саги» и «Самгук юса», Пак Сихён сознает недостатки этих источников, ибо в них многие факты, отнесенные к периоду существования государства, «в действительности могли относиться к догосударственному периоду»⁸¹. Тем не менее Пак Сихён не делал дальнейших попыток внести какую-либо существенную поправку в традиционную хронологию.

В монографии Лим Гонсана, посвященной изучению института зависимых деревенских общин (пугок), государства Когурё, Пэкче и Силла представлены как естественное продолжение древнего рабовладельческого государства Чин (Махан), якобы существовавшего почти одновременно с древним Чосоном⁸². По мнению Лим Гонсана, в начале новой эры произошел распад древнего государства Чин на ряд «маленьких государств (согук)», среди которых были и Пэкче и Силла, превратившиеся затем, в течение I—III вв., «в сильные централизованные государства, консолидировав силы местной знати (тхохо) многочисленных «малых государств»⁸³. Возникновение трех государств представлено здесь не как результат разложения первобытнообщинного строя, а как процесс консолидации «малых государств», выросших якобы после распада рабовладельческого государства Чин, когда формирование аппарата единого государства происходило в борьбе против самостоятельности местной знати «малых государств». Как полагает Лим Гонсан, в процессе борьбы между силами местной знати (тхохо) за захват земель и зависимого населения правители Пэкче и Силла (тхохо) повели военными средствами борьбу с остальными «тхохо»

⁸⁰ Пак Сихён. Указ. соч., стр. 87.

⁸¹ Там же, стр. 7, 22.

⁸² См. Лим Гонсан. Исследование института зависимых общин—пугок в Корее, стр. 124—125.

⁸³ Там же, стр. 119—125.

и превратили их владения в свои округа и уезды (кун и хён), а одинаковая классовая природа «тхохо» сделала неизбежной их консолидацию в едином государстве.

В своих исследованиях о классовой структуре крестьянства Ким Сокхён, касаясь проблемы возникновения трех государств, исходил из того, что, с одной стороны, государство есть результат разложения первобытнообщинных отношений, но, с другой стороны, оно может возникнуть в ходе завоеваний еще до разложения родовых отношений как у племен-завоевателей, так и у завоеванных⁸⁴. И он, видимо, полагает, что появление государства возможно без достаточного развития внутренних классовых противоречий, если только имеется возможность покорения или завоевания одним племенем другого. Указывая на факт существования однофамильных селений (тонсон пурак) в период развитого феодализма, Ким Сокхён приходит к заключению, что в более ранний период, «например, в начале трех государств... кровнородственные связи и общинные отношения были еще более прочными», «однофамильные поселения составляли большую часть всех селений», «за исключением поселений, перемещенных из других мест... все села, как правило, должны были состоять из однофамильных родственников»⁸⁵. Свою мысль он подытожил в следующих словах: «...если каждый из общинных коллективов, как у завоевателей, так и покоренных, имел и кровнородственную общность, то можно будет говорить и о том, что они были продолжением первобытной общины, что они непосредственно развились из первобытной общины. И тот факт, что сельские общины развились из первобытной общины и вплоть до начального периода трех государств они сохраняли значительную силу, уже хорошо выяснен рядом ученых, и по этому вопросу в нашей науке существует полное единство взглядов. Но невозможно установить, насколько сложным был процесс распада первобытной общины, и какого по длительности срока потребовал он в истории нашей страны»⁸⁶. Если так решается вопрос о распаде родовых отношений, то можно ли считать, что в это время развитие классового общества привело к созданию государства в марксистском смысле этого слова. Ведь фактически остается невыясненной социально-экономическая классовая основа так называемого «классового государства». И тем не менее Ким Сокхён отстаивает правильность традиционной хронологии, касающейся зарождения трех государств⁸⁷.

Между тем хронология ранних частей корейских летописей (вошедших затем в состав «Самгук саги» Ким Бусика) отнюдь не может считаться безупречной. Из тех же летописей известно, что

⁸⁴ См. Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, стр. 105, 241.

⁸⁵ Ким Сокхён. О янбанах, стр. 100.

⁸⁶ Там же, стр. 114.

⁸⁷ См. критическую статью Ким Сокхёна о предисловии к русскому изданию «Истории Кореи» (т. I). — «Нодон синмун», 24/VI 1961, а также «Новая Корея», 1961, № 10; «Екса квахак» 1961, № 3.

летописание подлинных исторических событий в Когурё и Пэкче началось не ранее второй половины IV, а в Силла только в VI в. Следовательно, история более раннего периода представляла последующую реконструкцию, материалом для которой наряду с китайскими историческими сочинениями (определявшими хронологическую канву) послужили устные предания или перемещенные в прошлое (в целях архаизации) факты и представления последующих эпох. Поэтому можно согласиться с другим утверждением Ким Сокхёна, писавшего: «Конечно, возникает и такое сомнение — может быть, несмотря на то, что в начале трех государств и не существовали такие китайского происхождения термины, как кун, хён и пугок, автор «Самгук саги» произвольно перенес в ранний период термины, которые вошли в употребление трех государств значительно позже»⁸⁸. Состояние источников не позволяет датировать с большой точностью время утверждения государственности в Корее, поэтому следует иметь в виду, что не даты традиционной хронологии должны служить рубежами, характеризующими уровень социально-экономического развития Кореи, а степень экономического развития должна стать основой для решения вопроса о времени установления трех государств.

Исследуя облик зависимых деревенских общин (пугок) как специфического явления в историческом развитии Кореи⁸⁹, Лим Гонсан обращается к материалам «Саньго чжи», чтобы доказать существование государственности во II—III в. н. э. в виде Махана и Чинхана и входивших в их состав 70 с лишним «государств».

Исходя из предпосылки о давнем существовании здесь классового общества и государства (начиная с предполагаемого рабовладельческого государства Чин), Лим Гонсан считает, что каждое из 70 с лишним «малых государств» состояло из столицы (кукып) и столичного района (пёрып) в центре и нескольких окружающих зависимых общин (ымнак). Ссылаясь на сообщении «Саньго чжи», где туманно говорится о том, что когда властям надо строить казенные здания или крепости, сгоняют самых сильных молодых людей, которым через кожу спины продевают толстые веревки с привязанными деревянными чурбанами, Лим Гонсан делает вывод: «Если казна обладала такой властью, которая позволяла мобилизовать рабочую силу столь огромных (?) масс, то несомненно следует признать это как факт, показывающий огромную силу, которой обладал вождь (чусу). Хотя и не ясно, какими орудиями располагала «казна», разве не следует считать, что она обладала по крайней мере такими мощными средствами, как регулярные вооруженные силы, позволявшие мобилизовать массы на такие тяжелые работы, как сооружение стен?» Однако едва ли такой широкий вывод следует из текста «Саньго чжи», где (если устраним

⁸⁸ Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, стр. 241.

⁸⁹ См. Лим Гонсан. Исследование института зависимых общин — пугок в Коре, стр. 102.

терминологическую путаницу китайского автора, говорящего о «казенных зданиях»), проглядывает простое описание обряда инициации молодых людей у первобытных народов. Поэтому не выдерживает критики и вывод о господстве правителей «малых государств» над населением зависимых общин и об экономической основе «малых государств» как рабовладельческой⁹⁰.

Историки КНДР о социально-экономическом строе трех государств и зарождении феодализма. Вывод Лим Гонсана об уровне социально-экономического развития Кореи в начале новой эры делался не на основе прямых данных «Саньго чжи», а путем ретроспективного рассмотрения института пугок, известного по источникам более позднего времени. Исходя из факта существования системы зависимых деревенских общин или пугок (население которых находилось в более приниженном в сословном отношении положении, чем крестьяне обычных деревень) в средневековой Корее, а также предполагая их массовое распространение в период трех государств и их возникновение в период, описанный в «Саньго чжи», Лим Гонсан считает тот период временем уже развитого классового общества, когда в качестве господствующего класса выступала местная знать (тхохо), сосредоточившая государственную власть в городах (кукып) и эксплуатировавшая население окружающих деревень, сохранявших первобытнообщинные родовые отношения. Видимо, так представлялся ему рабовладельческий строй, существовавший в Корее того времени.

Раскрытие положения зависимых общин, по его мнению, должно стать важнейшим звеном в выявлении социально-экономической природы трех государств⁹¹. Считая недостаточным объяснение их происхождения в итоге завоеваний (в работах Пэк Намуна, Ким Сокхёна), Лим Гонсан полагает, что «они (эти общины.— М. П.) являлись исторически неизбежным результатом разрешения противоречий между сохранением старой традиционной (общинной) формы деревень и историческим развитием [отношений зависимости]»⁹².

Периодом зарождения системы зависимых общин (пугок) Лим Гонсан считает I—II в. н. э., когда в качестве начальной формы ее возникла власть над деревней со стороны знати (кхынчхи) столиц «малых государств», когда целые деревни попадали под власть местной знати (тхохо), собиравшей поборы с коллектива общин, связанного круговой ответственностью. Этот вывод основан на предположении Лим Гонсана об эксплуатации населения, попавшего под власть жрецов молельни Сото, хотя нет никаких данных о превращении жрецов (шаманов) в господствующий класс.

Следующим этапом Лим Гонсан считал включение зависимых от местной знати общин в систему политического объединения, созданного тремя государствами, когда «столицы-крепости», быв-

⁹⁰ Лим Гонсан. Указ. соч., стр. 106, 108—110.

⁹¹ Там же, стр. 180.

⁹² Там же, стр. 162, 167.

шие опорой власти местной знати (тхохо), преобразуются в периферийные крепости монархического государства, а зависевшие от местной знати деревни, подчиняясь местным крепостям, непосредственно контролируемым единым государством, не могли не попасть под определенный контроль государства⁹³. Таким образом, в течение III—V вв., по мнению Лим Гонсана, общины пугок были включены в административную систему крепостей трех государств. Королы («ваны») Пэкче и Силла, сами являвшиеся местными «тхохо», захватили в свои руки новые зависимые общины, которые частично эксплуатировались и местной знатью. Но и на этом этапе, полагает он, не было достаточного контроля центрального правительства над населением зависимых общин. И только с дальнейшим усилением королевской власти единого государства и полным подчинением местной знати контролю центрального правительства зависимые общины (пугок) действительно вошли в систему административных округов (кунхён). Это, полагает Лим Гонсан, произошло в VI в., когда в государстве Силла было установлено административное деление на чжу (области во главе с кунчжу), «кун» — большие города и «хён» — малые города, а в государстве Пэкче управление осуществлялось через пять главных крепостей (обансон — крепости пяти концов) с подчиненными им большими (кун) и малыми (хён) городами. И во всех случаях деревни (в том числе и типа пугок) представляли самую низшую единицу в административной системе.

С уладком системы зависимых общин (пугок) вследствие дальнейшего развития производительных сил и кризиса натурального хозяйства местной знати (основывавшегося на патриархальной семье), с возникновением новых форм земельной собственности — индивидуальных крестьянских владений и крупных помещичьих угодий (чончжан местной знати) — Лим Гонсан связывал зарождение феодализма в период трех государств⁹⁴. Не акцентируя внимание на характере способа производства, основанного на эксплуатации зависимых общин, Лим Гонсан ставит лишь вопрос о том, что разложение патриархальной семьи должно рассматриваться как определенный исторический этап в процессе зарождения феодальных отношений, полагая, что в дальнейшем этот вопрос требует особого изучения⁹⁵.

В монографии по аграрной истории Пак Сихён стремился показать различный путь социально-экономического развития трех государств, каждое из которых отличалось ярко выраженным своеобразием, причем Когурё и Пэкче, по его мнению, развивались как рабовладельческие государства, а Силла, отставшая от них, сразу же пошла по феодальному пути.

Признав родовой характер первоначальных пяти общин (бу) в Когурё, существование там родового строя Пак Сихён относит

⁹³ Лим Гонсан. Указ. соч., стр. 164.

⁹⁴ Там же, стр. 146—152, 166, 179.

⁹⁵ Там же.

к периоду до начала новой эры. Справедливо критикуя автора «Санго чжи» за толкование на китайский лад званий и рангов Когурё (уподобление их китайской феодальной иерархии)⁹⁶, Пак Сихён разъясняет, что здесь аристократические звания (тэга и пр.) обозначали принадлежность к определенным господствующим родовым группам, а не наследственную иерархию, так как даже представители знатных родов, если не занимали официальных постов, должны были обрабатывать землю как простые крестьяне. По данным «Санго чжи» о поставках покоренными племенами дани, о существовании аристократии, рабов и зависимого населения, Пак Сихён приходит к выводу о рабовладельческом характере государства Когурё, о том, что господствующий класс существовал за счет эксплуатации рабов и зависимого населения. По его мнению, большое количество военнопленных превращалось в рабов, но в подтверждение этого он смог привести лишь рассказ о том, как в 179 г. после избрания вана Когукчхона обойденный его старший брат Пальги вместе с га (аристократом) из Сонобу поднял «мятеж» и увел несколько десятков тысяч человек из «низших дворов» (хахо)⁹⁷. Приведенный рассказ свидетельствует лишь о значительной самостоятельности племен (которые свободно уходили из союза Когурё), но не о рабском состоянии «хахо» (термин, который в данном контексте означал просто рядовых людей племени).

По сохранившимся источникам трудно судить о том, что рабовладение было ведущим экономическим укладом в период до формирования феодальных отношений в Когурё. Равным образом и материалы по истории Пэкче не подтверждают тезиса Пак Сихёна о существовании там рабовладельческой формации.

Его утверждение о том, что государственные и частные рабы использовались в сельском хозяйстве и в других сферах производительного труда, остается не подкрепленным фактами. Существование крупных рабовладельческих хозяйств Пак Сихён стремится доказать ссылками на сообщения о раздаче чиновникам «кормовых округов» (сикып), причем расцвет рабовладельческого государства Пэкче он относит ко второй половине IV в. Ослабление этого государства объясняется постепенным ростом крупного землевладения аристократии и разорением свободного крестьянства⁹⁸.

Почти однотипные процессы, протекавшие в государстве Силла, Пак Сихён считает формированием феодальных отношений, основанных на складывающейся земельной собственности феодалов. Хотя государство появилось в результате развития частной собственности на землю, возникновение государства, пишет Пак Сихён, в свою очередь, повлекло создание его материальной базы в виде централизованной государственной собственности на землю и соответствующей системы обложения, причем установление го-

⁹⁶ Пак Сихён. История аграрного строя в Коре, стр. 69—70.

⁹⁷ Там же, стр. 70—74.

⁹⁸ Там же, стр. 100.

сударственной собственности не только не мешало, а способствовало росту крупного землевладения (или собственности) родоплеменной знати, приступившей к захвату общинных и частных земель крестьян. Процесс образования этой государственной собственности Пак Сихён усматривает в фактах завоевания и покорения общины (племенем) Саро соседних общин и племен («малых государств») ⁹⁹.

Установление государственной собственности на землю, как отмечает Пак Сихён, повлекло и соответствующие формы феодального землевладения (казенные, дворцовые и пожалованные). В категории пожалованных земель были «кормовые округа» (сыкып), раздаваемые наиболее привилегированной знати. Начало им было положено в 532 г., когда правитель Кымгван Кая добровольно покорился Силла, и его бывшее владение было передано ему в качестве «сыкып». Летописи сообщают еще имена и других лиц, которым были пожалованы кормовые наделы ¹⁰⁰. Отметив, что трудно определить их содержание, Пак Сихён по аналогии с подобными наделами в Китае считает их налоговыми бенефициями. Крупными феодальными землевладельцами стали также буддийские храмы и монастыри, когда в VI в. буддизм был введен в качестве официальной религии Силла. Важный источник формирования феодальной собственности на землю Пак Сихён видит и в имущественном расслоении крестьянства и выделении из его среды крупных земельных собственников. Судя по тому, как свободно распоряжались землей (продавали, дарили и т. д.) ее владельцы, Пак Сихён приходит к выводу о появлении крестьянской земельной собственности (типа аллода) еще до возникновения государственной власти. Он подчеркивает принципиальное значение этого вывода о существовании крестьянской собственности на землю в феодальной Корее, так как в исторических записях феодальной эпохи, обращавших главное внимание на описание жизни господствующего класса, почти нет или крайне незначительны сведения об этом землевладении, поэтому исследователи могут упустить из виду этот важнейший фактор в аграрной истории Кореи ¹⁰¹. Характеризуя процесс утверждения феодальных отношений в Силла, Пак Сихён не останавливается на точной датировке и не сопоставляет его с процессом зарождения государственной власти, поскольку априори считает достоверными даты традиционной хронологии, касающейся «основания» государств. При сопоставлении же их с фактами, характеризующими формирование феодальных отношений, нельзя не заметить разрыва, определяемого несколькими столетиями.

В работах Ким Сокхёна зарождение феодальных отношений изучено в связи с процессом становления основных классов корейского феодального общества. Ким Сокхён считает, что в истории

---

⁹⁹ Пак Сихён. Указ. соч., стр. 23—25.

¹⁰⁰ Там же, стр. 41.

¹⁰¹ Там же, стр. 42—44, 59—60.

Корейскому распаду родовых общинных отношений предшествовало создание трех государств. Признавая традиционную датировку их возникновения, Ким Сокхён одновременно считает, что в Силла общины утратили свое внутреннее (кровнородственное) единство и «самостоятельность от государства» примерно в IV—V вв. н. э. И со времени распада первобытной общины, полагает он, не произошло никаких острых и глубоких социальных изменений в истории Кореи вплоть до периода династии Ли, «и с начального периода трех государств при постепенном исчезновении общинных рабовладельческих элементов феодальные элементы в качестве господствующей [социальной] формы получили свое дальнейшее развитие»¹⁰². Ким Сокхён предлагает не связывать вопрос о складывании феодальных отношений с вопросом о возникновении государства, так как и после возникновения государства остаются пережитки первобытных отношений как у завоевателей, так и у покоренных. Начало развития феодальных отношений или процесс усиленного закрепощения свободного крестьянства он относит ко времени, «когда на Корейском полуострове исчезли племена, находившиеся на стадии разложения общинного строя, и три государства завершили раздел территории полуострова», что соответствует примерно середине VI в. или времени правления силланского вана Чинхына. Однако нужно ли считать это время с правления Чинхына или раньше, по мнению Ким Сокхёна, еще нельзя решить, так как пока остается немало невыясненных вопросов.

Показывая сложную обстановку переходного периода, когда общинные отношения переплетались с элементами рабовладения и крепостной зависимости, Ким Сокхён считает несостоятельными мнения историков, считавших три государства рабовладельческими. Касаясь утверждений о том, что крепостные и зависимые люди периода трех государств фактически представляли рабов, Ким Сокхён подчеркивает переходный характер этих форм зависимости, отмечая, что имеется сколько угодно возможностей для того, чтобы такие отношения зависимости не превратились в рабовладельческие отношения, а развились дальше в феодальные и стали господствующими производственными отношениями. И все зависит лишь от того, как пойдет дальнейшее развитие такого общества, поэтому скороспело категорическое заявление о том, что такого рода отношения зависимости были рабовладельческими»¹⁰³. И далее он поясняет, что в условиях «разложения общины, продолжения завоевательных войн и возникновения классового государства, при одновременном существовании патриархального рабства в Корее» зародились феодальные отношения, возникли крепостные и зависимые люди. Но в отличие от Фессалии или Древней Греции вообще патриархальное рабство в Корее, по его мнению, не смогло вытеснить и не вытеснило других форм отношений зависимости, возник-

¹⁰² Ким Сокхён. О янбанах, стр. 115—116.

¹⁰³ Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, стр. 232—233, 242—243.

ших в тот период. Вместе с тем пережитки рабства (в виде подневольного крестьянства «ноби») «еще долго продолжали существовать в корейском феодальном обществе вплоть до второй половина XVII в.»¹⁰⁴. Соглашаясь с мнением Ким Кванчжинна (см. «Ёкса квахак», 1955, № 8) о том, что в Корее I—VI вв. н. э. не было условий для того, чтобы патриархальное рабство могло занять главное место в общественном производстве¹⁰⁵, Ким Сокхён аргументировал это положение тем, что численность патриархальных рабов была незначительна по сравнению с общим количеством завоеванного или закрепощенного населения, а рабы, которые были посажены на землю и вели свое хозяйство, уже переставали быть рабами в собственном смысле этого слова. «Те, кого в Когурё и Пусэ называли рабами (но или нобок), на деле платили подати и имели свое хозяйство... Значит, по своей экономической сущности эти «рабы» являлись крепостными, предшественниками крепостных — «ноби» последующей эпохи»¹⁰⁶. Как полагает Ким Сокхён, при господстве мелкого хозяйства не было места для широкого применения рабов, а что касается так называемых больших угодий (тэ нончжан) или «поместий», то они представляли собой отдельные крестьянские общины, превращенные в объект эксплуатации завоевателями, и по существу составляли сумму мелких крестьянских хозяйств. Даже так называемые «большие люди» (тэин), владеющие патриархальными рабами, по мнению Ким Сокхёна, имели главным источником своего существования эксплуатацию не раба, а «ноби», ведущих свое хозяйство, и зависимого населения завоеванных земель.

Определяя сущность зарождающегося в трех государствах господствующего класса, Ким Сокхён писал, что уже в начальный период трех государств возникла феодальная аристократия «почти одновременно с патриархальными рабовладельцами и в качестве другой стороны их», причем «главной стороной надо считать ее проявление в качестве феодальной аристократии»¹⁰⁷, что, в свою очередь, зависело от оформления класса феодально-зависимого крестьянства, весьма неоднородного по своему происхождению. Само зарождение феодализма в Корее Ким Сокхён видит в процессе возникновения этого класса феодально-зависимых крестьян, круг которых вовсе не ограничивался посаженными на землю «ноби» (крепостными). К этому типичному для феодальной строя классу Ким Сокхён относит и низшую, беднейшую прослойку (т. е. большинство) свободных крестьян, которая, не имея своей земли или имея ее слишком мало, попадала в зависимость от крупных землевладельцев. Появление (под воздействием законов имущественного расслоения) такого низшего слоя крестьян в государстве

¹⁰⁴ Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, стр. 244.

¹⁰⁵ Там же, стр. 102.

¹⁰⁶ Ким Сокхён. О янбанах, стр. 102—103.

¹⁰⁷ Там же, стр. 104, 107.

Силла Ким Сокхён относит к середине VI в., когда в правление вана Чинхына впервые появился сам термин, означающий сословие простолюдинов (янъин или добрых людей), который должен был отличить их от людей «подлого» состояния (рабов, крепостных в зависимых общинах и пр.). Возникновение особого понятия простолюдинов, отмечает Ким Сокхён, свидетельствует о том, что тогда могла существовать такая прослойка разоряющихся свободных крестьян (янъинов), которая цеплялась за это сословное звание для того, чтобы не опуститься до положения подневольных ноби даже в том случае, когда они вынуждены обрабатывать чужую землю¹⁰⁸. Типичный класс феодально-зависимых крестьян таким образом формировался и из числа несвободных людей «подлого» состояния (чхонин) и из лично свободных простолюдинов, составлявших большинство крестьян и основное податное сословие в феодальной Корее (обязанное нести поземельные, подворные и подушные повинности). В абсолютном и относительном росте этого класса Ким Сокхён видит развитие феодального строя в Корее, причем если процесс его формирования в государстве Силла начался около середины VI в., то в государствах Когурё и Пэкче мог начаться примерно на два столетия раньше¹⁰⁹.

Таким образом, в крупных исследовательских работах, опубликованных в КНДР в 50—60-х годах, выявилось стремление отнести начало феодального периода в истории Кореи ко временам существования трех государств (Когурё, Пэкче и Силла). Одновременно с этим период рабовладельческого строя стали относить к более раннему времени, связывая с такими политическими образованиями, как Древний Чосон, Пуё и Чин, рассматриваемыми в качестве рабовладельческих государств¹¹⁰.

Трактовки вопросов ранней истории Кореи в буржуазной историографии Южной Кореи. Развитие марксистской историографии по проблемам истории Кореи не могло не оказать своего влияния и на буржуазную националистическую историографию Южной Кореи, в которой, очевидно, получают все большее признание категории исторического материализма (такие понятия, как социально-экономическая формация, базис и надстройка и пр.). Об этом свидетельствуют, в частности, и призывы отказаться от старого династийного принципа периодизации истории и признание в истории Кореи докапиталистического времени рабовладельческого и феодального периодов, причем начало феодального периода связывается с государством Когурё, Пэкче и Силла, а рабовладельческий этап — с Пуё и Маханом (Чин)¹¹¹.

¹⁰⁸ Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, стр. 245—246.

¹⁰⁹ Там же, стр. 229.

¹¹⁰ Чосон тхонса (История Кореи), т. I, изд. 2. Пхеньян, 1962, стр. 41—61.

¹¹¹ Ким Самсу. Хангук сахве кёнчже са (Социально-экономическая история Кореи). — В кн.: Хангук мунхва са тэге (История корейской культуры), т. II, стр. 542.

Хотя крайняя ограниченность информации не позволяет нам судить обо всем разнообразии направлений националистической историографии Южной Кореи, все же можно отметить некоторые важные идеологические тенденции, которые наметились в ней в последнее время. Для утверждения националистических принципов стали отвергать ряд положений японской колонизаторской историографии, отрицавшей самостоятельный характер (чухесон) корейской истории с присущими ей законами внутреннего развития, а также приспосабливать понятия исторического материализма и марксистской историографии к достижению антикоммунистических целей. Отдельные недостатки предшествующей марксистской историографии по Корее используются для общей дискредитации материалистического понимания истории путем апелляции к «современному уровню» и «достижениям» науки. «При современном уровне науки,— заявляет историк Ким Самсу,— вопрос о том, как следует относиться к материалистическому пониманию истории, является таким, мимо которого не может пройти легко никто из занимающихся изучением истории, так как нельзя оставлять в науке неликвидированными пережитки фантазий материалистического понимания истории».

Сдвиг в буржуазно-националистической историографии Южной Кореи выразились прежде всего в стремлениях националистическими подделками под марксизм вытеснить устаревшие исторические теории недавнего прошлого. Так, в течение долгого времени в Южной Корее были в ходу исторические воззрения Чхве Намсона, отражавшие зависимость от концепций японских колонизаторов насчет единства исторического пути Кореи и Маньчжурии. Еще в 1940 г. в лекциях в Чанчуньском университете на тему «Об истории маньчжуро-монгольской культуры» Чхве Намсон развивал тезис о коренной противоположности исторического развития Запада и Востока и давал геополитическую трактовку истории Востока вообще и истории Кореи в частности¹¹². Поскольку эта концепция по своим устремлениям преследовала те же цели, что и геополитические теории колонизаторской историографии о судьбах Кореи, она не могла не встретить возражений в националистической корейской буржуазной историографии периода после освобождения.

Начались поиски иных принципов рассмотрения исторического пути Кореи. Один из крупных историков Кореи националистического направления Ли Бёндо в своей работе «Национальная история и ведущий принцип» (1955) писал: «Каковы были идеи (или ведущий принцип), которые играли направляющую роль или господствовали в прошлом нашей практической жизни, т. е. в социальной, государственной и культурной областях? Или каковы были те высшие принципы, которые непрерывно господствовали в прошлой нашей жизни? На основе многолетнего изучения их с позиций исторической и общественных наук я прихожу к заключению, что к ним

¹¹² Ким Самсу. Указ. соч., стр. 566, 568.

можно отнести идеи и дух коллективизма (кооперации) и согласия, возникшие в результате общинной жизни с самой глубокой древности. Идеи коллективизма (кооперации) и согласия явились первоначальным принципом нашей жизни, повлекшим за собой зарождение и развитие нашей культуры в области политики, религии, этики и морали, экономики и пр. и, только слившись и соединившись с ними, иностранные идеи и культуры выявили свою многокрасочность»¹¹³. Попытка идеализировать докапиталистическую старину и превратить порожденные ею идеи и обычаи в «ведущие принципы» или движущую силу национальной истории встречает критические возражения в исторических работах последнего времени, авторы которых более откровенно выступают поборниками капиталистического «прогресса» в Корее. Так, один из них, историк-экономист Ким Самсу заявляет, что экономические закономерности возможны «только в капиталистическом обществе» и совершенно «невозможны в докапиталистических обществах»¹¹⁴, отрицая тем самым существование общих закономерностей развития человеческого общества. При этом основное внимание уделяется борьбе против марксистской историографии. Причем эта борьба ведется под флагом усовершенствования материалистического понимания истории, преодоления догматизма. По его мнению, тридцать лет изучения истории Кореи сторонниками марксизма сплошь характеризуются «отсутствием фактического обоснования, вызванного эпохой догматизма материалистического понимания истории». Рассмотрев работы представителей историко-материалистической школы в изучении истории Кореи (Пэк Намуна, Пак Кыкчхэ, Ли Букмана и Чон Соктама), Ким Самсу заявляет, что им не удалось выяснить в истории Кореи проявление общих закономерностей развития истории человечества, так как в их работах, по его мнению, была произведена якобы механистическая подгонка фактов в схему исторического материализма, без глубокого изучения диалектических противоречий исторического процесса и взаимосвязи между базисом и надстройкой. Считая еще не утвердившимся понимание истории Кореи с позиций исторического материализма¹¹⁵, он предлагает свою собственную периодизацию ранней истории Кореи, в которой явно чувствуется националистическое рвение представить как можно древнее историю корейской государственности. Он недоволен не только Пэк Намуном, относившим к рубежу новой эры возникновение трех государств в результате разложения первобытнообщинных отношений у корейских племен. Он считает недостаточно древними традиционные даты возникновения трех государств, приводимые корейскими летописями («Самгук саги» и др.). Со ссылкой на авторов I тома «Хангук са» (История Кореи,

¹¹³ Ли Бёндо. Куксава чидо ринём (Национальная история и ведущий принцип). Сеул, 1955, стр. 63—64. — Цит. по: Хангук мунхва са тэге, т. II, стр. 569.

¹¹⁴ Ким Самсу. Указ. соч., стр. 728.

¹¹⁵ Там же, стр. 582—584.

изд. об-ва Чиндан), Ким Чжэвона и Ли Бёндо, Ким Самсу утверждает, что государство Когурё возникло в IV веке до н. э., Пэкче — во II веке до н. э. и Силла — в I в. до н. э. Отвергая все доводы и факты, приводимые Пэк Намуном для характеристики первобытного родового общества в Корее к началу новой эры, Ким Самсу полагает, что к тому времени в Корее уже существовало развитое классовое общество¹¹⁶. При этом он совершенно игнорирует проблему критики источников феодального времени, когда составители летописей, описывавшие события первобытного периода (например, в ранних частях «Самгук саги»), исходили из понятий и представлений людей уже сложившегося классового общества, поэтому могли искаженно трактовать сущность общественных отношений и институтов отдаленного прошлого, часто применяя к ним привычные для себя термины. Ким Самсу обвиняет Пэк Намуна в «ошибочном понимании исторических источников», «расширительном толковании источников частного характера», в «неправильном представлении периодизации» и т. д., считая неубедительной сделанную им попытку обрисовать основные черты первобытнообщинного строя в Корее. Выступая против тезиса представителей историко-материалистической школы о первобытнообщинном характере корейского общества в начальный период «трех государств» (т. е. в самом начале новой эры), Ким Самсу все же не в состоянии отрицать фактического материала, характеризующего первобытнообщинные отношения (на стадии их разложения), поэтому вынужден особо отметить, что во всякую эпоху следует различать «элементы предшествующего и последующего периодов», «отсталое и передовое», что вместо этого сторонники первобытнообщинной концепции «строят периодизацию путем чрезмерного преувеличения роли остаточных явлений (пережитков) предшествующей эпохи, игнорируя содержание [новой] прогрессивной эпохи». По его мнению, сильные элементы кровнородственных общин могли сохраняться и в рабовладельческую и в феодальную эпоху, поэтому, исходя из фактов их существования, нельзя пренебрегать новым «прогрессивным качеством» и все сводить только к первобытности, так как таким образом нельзя построить правильную периодизацию истории¹¹⁷. Эти рассуждения служат Ким Самсу для обоснования его собственной периодизации ранней истории Кореи, которая также является гипотетической. По его мнению, существование первобытного общества следует отнести к периоду VIII—VII вв. до н. э. Поскольку об этом периоде ничего не известно по данным письменных источников, Ким Самсу связывает надежды на его выяснение с данными археологии. Весь последующий период корейской истории вплоть до II—III в. н. э., известный по письменным источникам, он считает временем рабовладельческого строя, сменившегося во II—III в. феодальным обществом, ростки которого появились

¹¹⁶ Ким Самсу. Указ. соч., стр. 588, 594—598.

¹¹⁷ Там же, стр. 606.

в недрах рабовладельческого общества уже около I в. н. э. Но эта периодизация не имеет твердого фактического обоснования не только в первой части, касающейся первобытности, поскольку затруднительна и характеристика рабовладельческого строя. Учитывая неудачи Пэк Намуна в попытках выявить в Корее рабовладельческий строй развитого классического типа, Ким Самсу придерживается идеи о существовании в Корее рабовладельческого строя особой, восточной разновидности, при котором основной эксплуатируемый класс представляли домашние или патриархальные рабы, а развитие рабства всячески сдерживалось устойчивостью общинных отношений¹¹⁸. Со ссылками на работы Макса Вебера¹¹⁹ и А. И. Тюменева¹²⁰ Ким Самсу утверждает, что домашнее и патриархальное рабство вполне может (наравне с классическим) служить основой рабовладельческого строя, при котором даже эксплуатация лично свободного населения (например, дань с покоренного населения)¹²¹ носила характер рабовладельческой эксплуатации. Исходя из такого представления о рабовладельческом строе, время его существования в Корее Ким Самсу относил не к периоду трех государств (Когурё, Пэкче и Силла), а к предшествовавшей им эпохе Пуё и «трех Хан», рассматриваемых им в качестве рабовладельческих государств.

В этой периодизации не удалось обосновать фактическое различие классовой структуры общества рабовладельческого (Пуё) и феодального (Когурё), хотя основная масса эксплуатируемого населения (хахо) в первом случае отнесена к рабской категории, а во втором — к категории феодально-зависимого населения. Никак не определено отличие так называемой «азиатской общины» от кровнородственной общины доклассовой формации.

Чтобы доказать существование рабовладельческого строя в III—II вв. до н. э. в древнем «государстве Чин» (Махан), Ким Самсу вынужден описание «трех Хан» в «Саньго чжи» (в сочинении III в. н. э.) считать относящимся к III—II вв. до н. э., но это утверждение не подкреплено никакими убедительными фактическими доводами и поэтому носит произвольный характер, равно как истолкование отдельных фактов из этих описаний. Факты, явно говорящие о первобытных обрядах (например, инициации) и примитивном укладе жизни, Ким Самсу старается использовать как «свидетельства упадка рабского труда», существования устойчивого классового деления в обществе и т. д.¹²². Нет твердого обоснования Ким Самсу и в третьей части периодизации — при определении начала феодализма в Корее. Если в одном случае, как отмечалось выше, он говорит об утверждении феодализма во II—III вв. н. э.

¹¹⁸ Ким Самсу. Указ. соч., стр. 606—607, 611—612.

¹¹⁹ Max Weber. Agrarverhältnisse im Altertum, S. 20.

¹²⁰ См. А. И. Тюменев. Передний Восток и античность. — «Вопросы истории», 1957, № 6, 9 (Цит. по японскому переводу из сборника «Проблемы рабовладельческого общества», 1958).

¹²¹ Ким Самсу. Указ. соч., стр. 612—613.

¹²² Там же, стр. 612, 613, 618, 620, 623—624, 626—628.

(а ростки его появились уже в I в. н. э.), то в другой связи возникновение феодализма он датировал второй половиной IV и первой половиной V в., когда появился ростовщический капитал буддийских монастырей. При этом весь период трех государств он характеризовал как феодальный, следуя за выводами Ким Сохёна (в его книге «Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма»), считавшего, что к VI в. н. э. завершился процесс формирования феодализма в Корее¹²³. По вопросу о характере феодальной собственности на землю в Корее Ким Самсу решительно отвергает представление о существовании в феодальной Корее государственной собственности на землю и категорически отстаивает тезис о частной собственности на землю как решающем факторе исторического развития в феодальный период.

Таковы в общих чертах трактовки в современной корейской историографии проблем периодизации истории Кореи раннего периода.

Вопросы ранней истории Кореи в русской и советской историографии. В отличие от других отраслей советского востоковедения корееведение не располагало сколько-нибудь значительным наследием старого русского востоковедения. Из этого наследия для изучения ранней истории Кореи наибольшее значение имеет изданный в 1851 г. труд знаменитого русского синоведа Н. Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (Спб., 1851), содержащий переводы китайских источников (из династийных историй) о положении обитателей Корейского полуострова с III—II вв. до н. э. до IX в. н. э. Эта первая работа европейского автора по ранней истории Кореи не утратила своего значения до наших дней. Переиздание ее в 1950 г.¹²⁴ служит лишь признанием ее огромной ценности и спустя целое столетие. Никто из востоковедов в дальнейшем не предпринимал подобной работы по последующим периодам корейской истории. Сама эта подготовительная работа долгое время не служила и основой для проблемных исследований. Даже в капитальном трехтомном «Описании Кореи» (Министерство финансов России, Спб., 1900), содержавшем полный свод разнообразных сведений о современной Корее, «Краткий очерк истории Кореи» (написанный Н. В. Кюнером) представлял в целом компиляцию. Хотя в освещении ранней истории Кореи и содержались элементы критического подхода к легендарной традиции например, сомнения в историчности Киджа, которого корейцы тогда признавали основателем древнейшего своего государства¹²⁵, очерк по своей концепции мало отличался от таких западных буржуазных работ, как распространенная тогда книга В. Э. Гриффиса¹²⁶, в которой история

¹²³ Ким Самсу. Указ. соч., стр. 564.

¹²⁴ См. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I—III. М.—Л., 1950. Раздел о Маньчжурии, Корее и Японии см. во II томе, стр. 7—137.

¹²⁵ Описание Кореи. Сокращенное переиздание. М., 1960, стр. 26.

¹²⁶ W. E. Griffis. Corea The Hermit Nation. N. Y., 1882.

Корея рассматривалась преимущественно в связи с ее отношениями с соседями — Китаем, Японией и др. Целевое назначение «Описания Кореи» как служебного издания Министерства финансов (игравшего важную роль в проведении империалистической политики на Дальнем Востоке), а равно влияние идеологических предрассудков иностранной буржуазной литературы, вероятно, обусловили некоторые существенные недостатки названного «Краткого очерка истории Кореи», освещавшего историю Кореи под углом зрения ее отношений с другими государствами, особенно с Китаем и Японией, для которых Корея, по мнению автора, «постоянно являлась яблоком раздора». Преувеличение роли внешних факторов в истории Кореи вплоть до представления о том, что якобы «политическая история Корейского полуострова с IV и вплоть до X столетия представляет собой ряд попыток Китая утвердить здесь свое влияние и идущие рука об руку со вторжениями китайцев междоусобные войны между Когурё, Силла и Пэкче, границы коих то и дело изменялись в зависимости от военного счастья»¹²⁷, помещало автору очерка даже поставить вопрос о существовании закономерностей внутренней истории Кореи или этапах ее развития.

При всех недостатках этот «Краткий очерк истории Кореи» долгое время (и в советские годы) оставался единственной на русском языке общей работой, знакомящей с фактической историей Кореи с древнейших времен. Основные положения этой работы повторил Н. В. Кюннер в историческом очерке «Корея» в 1-м издании БСЭ, который начинался с констатации, что «история Кореи до настоящего времени не изучена». В очерке не только не были подняты социально-экономические проблемы истории Кореи, но и еще более гипертрофически была представлена роль внешних влияний, особенно Китая. Вопреки фактам утверждалось, что с китайскими истоками было связано появление ранних корейских государств Когурё, Пэкче и Силла, что выходцам из Бохая было обязательно падение Силла и возвышение Корё¹²⁸ и т. д. Сознание огромных недостатков существующей литературы, очевидно, побудило Н. В. Кюннера заняться изучением первоисточников по истории корейцев и других народов Азии¹²⁹. Рукописное наследие этого крупнейшего востоковеда, остающееся в значительной части неопубликованным, свидетельствует о том, что еще в 30-е годы он подходил или подошел к марксистскому изучению ранней и средневековой истории Кореи. В «Кратком очерке истории Кореи периода средневековья», написанном, очевидно, в конце 30-х годов, Н. В. Кюннер четко сформулировал свою точку зрения по пробле-

¹²⁷ Описание Кореи, стр. 25, 29.

¹²⁸ БСЭ, т. 34. М., 1937, стр. 282, 283.

¹²⁹ В 30-е годы Н. В. Кюннер задумал большое исследование по критической проверке и дополнению труда Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Эта большая многолетняя работа Н. В. Кюннера увидела свет только после смерти автора (см. Н. В. Кюннер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961).

мам периодизации, дав заглавие начальному разделу своего очерка как «Разложение первобытнообщинных отношений и переход к феодализму». Он пришел к важным выводам о социальной эволюции племен, населявших Корейский полуостров в первые века новой эры. Он писал: «Исследования китайских и корейских источников показывают, что процесс разложения первобытнообщинных отношений у корейских племен, начавшись на грани нашей эры с известными вариациями у различных родоплеменных союзов на севере и юге, закончился в основном к II—IV вв.»¹³⁰. Оставаясь неизданными, эти труды Н. В. Кюнера не могли оказать какого-либо заметного влияния на дискуссии по проблемам периодизации истории и социально-экономического строя ранних корейских государств. Но так или иначе в целом работы Н. В. Кюнера послужили тем отправным пунктом, откуда последующие советские историки начали дальнейшую научную разработку истории Кореи раннего периода. Несомненно и то, что они послужили фактической основой для первых общеисторических очерков, входивших в работы, посвященные современным проблемам Кореи после освобождения от колониального ига. Конечно, в период после освобождения Кореи советские авторы могли опираться и на труды корейских историков, руководствовавшихся марксистской методологией. Однако немногочисленные советские историки, занявшиеся изучением Кореи, не сразу смогли начать исследовательскую работу даже по важнейшим направлениям и проблемам истории Кореи. Задачи популяризации среди широких масс знаний о братском народе освобожденной Советской Армией Кореи значительно опережали возможности всестороннего научного изучения проблем истории Кореи, поэтому попытки обобщенного освещения ее многовекового исторического пути не обходились без недостатков или пробелов. Несмотря на трудности, связанные с недостатком информации и предшествующего опыта в изучении Кореи, советские историки прилагали большие усилия, чтобы на основе марксистской методологии осмыслить все доступные фактические материалы по истории Кореи. В общих чертах они намечали основу и для научной периодизации ранней истории Кореи. В первом коллективном труде о Корейской Народно-Демократической Республике авторы «Исторического очерка» писали, что «основным содержанием истории Кореи в первые века нашей эры являлась окончательная ломка первобытнообщинных отношений, формирование классов и обострение классовой борьбы, сопровождавшихся развитием... племенных союзов в государства и распространением их власти на всю территорию полуострова»¹³¹. Разумеется, они не ставили задач точного определения времени формирования ранних государств или их социально-экономической сущности. К постановке таких вопро-

¹³⁰ См. Л. В. Зенина. Историко-библиографические материалы Н. В. Кюнера. — В кн.: Вопросы истории стран Азии. Л., 1965, стр. 82—83.

¹³¹ Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1954, стр. 31.

сов. подошли лишь авторы соответствующих разделов «Всемирной истории», в которых, однако, как нам кажется, непомерно много говорилось о внешнем (прежде всего, китайском) влиянии на процессы социально-экономического развития корейского населения. Во втором томе «Всемирной истории» указывается: «Постоянный приток новых переселенцев из Китая, бежавших, по выражению китайских хроник, от «горькой службы», а также тесные связи с Китаем способствовали быстрому разложению родового строя у племен Кореи и появлению самостоятельных государств. Уже в I в. до н. э. на территории Кореи образовались три крупных племенных союза. В восточной части полуострова на месте прежних Чинхан и Пёнхан появился племенной союз Силла, в западной части полуострова на месте Махан — Пэкче, в северной Кореи и юго-восточной Маньчжурии — Когурё. Из этих племенных союзов в III—IV вв. выросли государства, сохранившие те же названия»¹³². В третьем томе «Всемирной истории» пояснялось: «Когурё, образовавшееся в 313 году из древнего племенного союза, занимало северную часть полуострова и прилегающие части Южной Маньчжурии; Пэкче, возникшее в 346 г., — юго-западную; Силла, образовавшаяся в 356 г., — юго-восточную. Северная часть полуострова неоднократно попадала под власть Китая. В ней издавна жило многочисленное китайское население, вышедшее из северных областей Китая. Юг полуострова, отделенный от Японии узким проливом, постоянно подвергался набегам японцев, которые в IV в. даже закрепились на южной оконечности полуострова, образовав там свое владение, названное ими Мимана»¹³³. Конечно, не может не поразить попытка определить время возникновения государств с точностью до года (без какой-либо аргументации). А обилие сведений о внешних влияниях не может не преувеличить их истинную роль в истории Кореи. Обоснование же развития феодальных отношений было дано по гипотезе о существовании в трех государствах надельной системы, пока не везде подтверждаемой историческими источниками. Для периодизации ранней истории Кореи нам кажется более важным вывод о том, что с объединением большей части Корейского полуострова под властью государства Силла произошло «окончательное утверждение феодальных отношений»¹³⁴.

Трудности, возникшие при работе над этими обобщающими трудами советских историков, побудили и автора этой статьи прежде всего заняться исследованием проблем социально-экономического развития Кореи в ранний период. В качестве первого шага было предпринято изучение вопроса о социально-экономической сущности государства Силла. В статье, опубликованной в «Вопросах истории», содержался вывод о том, что длительный период фор-

¹³² Всемирная история, т. 2. М., 1956, стр. 577—578.

¹³³ Всемирная история, т. 3. М., 1957, стр. 47.

¹³⁴ Там же, стр. 47, 49—50.

мирования государственности в Силла завершился в первой половине VI в., что характер социально-экономических отношений, судя по составу основной массы непосредственных производителей и формам их эксплуатации, может быть определен как складывающиеся феодальные отношения, «которые получили дальнейшее развитие после объединения страны в конце VII в.»¹³⁵. Затем в главе учебника по истории средневекового Востока были сформулированы выводы о возникновении трех государств. Относительно Когурё было сказано, что хотя «о времени формирования государства Когурё существуют различные мнения среди корейских исследователей... можно предположить, что процесс этот завершился в III—IV вв.». К этому же времени было отнесено формирование государства Пэкче. Учитывая данные корейских летописей о формировании государственных институтов и соответствующей общественным переменам новой идеологии (буддизма), мы утверждали, что «несколько позже, в V—VI вв. в результате окончательного разложения первобытнообщинных отношений среди племен юго-восточной части Кореи сложилось государство Силла». Отмечая, что вопрос о социально-экономической сущности трех государств относится к числу нерешенных в науке, одновременно подчеркивали, что государственная организация этого периода выступала в качестве силы, активно утверждающей феодальную собственность на землю, так как после превращения целых общин в зависимое население, обязанное платить налоги и нести повинности в пользу государства как верховного собственника земли, оно занималось также раздачей ее отдельным представителям господствующего класса, например, в форме кормовых наделов «сикып»¹³⁶. Важным этапом в становлении феодального способа производства в Корее было объединение страны государством Силла, когда получили завершение социально-экономические процессы, наметившиеся в трех государствах. В то время «развитие феодальных отношений происходило на базе государственной собственности на землю. Большую часть общегосударственного земельного фонда составляли мелкие земельные участки (наделы), находившиеся в держании крестьян, обязанных за пользование ими платить ренту — налог и нести барщину в пользу государства», причем одновременно росло и крупное частное феодальное землевладение чиновной и военной знати, а также буддийских монастырей¹³⁷. По нашему мнению, этот рост крупного землевладения подготовил и последующее политическое раздробление государства Силла (феодальную раздробленность). Обоснованию и уточнению этих выводов посвя-

¹³⁵ См. М. Н. Пака. О характере социально-экономических отношений в государстве Силла (III—VI вв.). — «Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 65.

¹³⁶ История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957, стр. 41, 42.

¹³⁷ Там же, стр. 45.

¹³⁸ Ким Бусик. Самкук саги. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака. М., 1959.

пены наши исследования основного корейского письменного памятника по истории этого периода¹³⁸ и другие работы¹³⁹.

При трактовке социально-экономических проблем и периодизации ранней истории Кореи советские историки привлекали не только письменные источники, но также и археологические и этнографические материалы. Систематическое обобщение археологического материала, относящегося к характеристике хозяйства, социальных отношений и культуры корейского населения с древнейших времен до периода трех государств, осуществлено в работе М. В. Воробьева. Изучение историко-археологического материала, относящегося к проблеме формирования государственности и социально-экономической характеристики ранних государств, привело М. В. Воробьева к выводу, что «археологический материал, который мог бы оказать большую помощь при решении этого вопроса, невелик и плохо разработан», и в то же время «основной недостаток письменных источников... заключается в отсутствии экономической и хозяйственной документации. Поэтому этих материалов недостаточно для окончательного решения вопроса о социально-экономическом строе трех государств». Точка зрения М. В. Воробьева сводилась к следующему: «Ни в китайских, ни в корейских источниках нет указаний на использование рабов в производстве. Если труд их и применялся, то, по-видимому, в очень ограниченных масштабах. Патриархальное рабство было распространено, но оно не определяло характер производственных отношений»¹⁴⁰. Возникновение государственности он связывал с концом (по археологической периодизации) раннего железного века, причем он подчеркивает, что «создание государственности — длительный процесс», который «начался еще в древнем Чосоне, т. е. в III в. до н. э., но был прерван иноземным вторжением. На рубеже новой эры он был подхвачен тремя наиболее развитыми племенами. В течение нескольких веков осуществлялось государственное строительство, которое закончилось полностью, по-видимому, только к V—VI вв. установлением ряда государственных институтов»¹⁴¹.

---

¹³⁹ См. М. Н. Пак. Корейская историография о характере социально-экономического строя Кореи в период трех государств. — «Труды двадцать пятого конгресса востоковедов. Москва 9—16 августа 1960 г.», т. V. М., 1963, стр. 246—252; его же. Предисловие к кн. «История Кореи», т. I. М., 1960, стр. 5—28; его же. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сангю чжи»). — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 115—138; его же. Корея в раннее средневековье. — В кн.: История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, стр. 37—44; его же. О возникновении и утверждении феодализма в Корее. (Некоторые проблемы современной корейской историографии). — В кн.: Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока. М., 1969, стр. 222—305; его же. Главы по ранней истории Кореи. — В кн.: История Кореи (с древнейших времен до наших дней), т. I. М., 1974.

¹⁴⁰ М. В. Воробьев. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961, стр. 126.

¹⁴¹ Там же, стр. 124, 126—127.

Представляет интерес попытка Р. Ш. Джарылгасиновой решить важнейшие проблемы ранней истории Когурё путем сопоставления данных письменных источников и археологии с позднейшими этнографическими материалами о корейцах¹⁴². Интересующие нас проблемы периодизации истории Когурё рассмотрены ею по данным письменных (китайских и корейских) источников. Процесс складывания государства Когурё прослеживается путем анализа материалов о распаде родо-племенных связей и замене их территориальными, зарождении классов и классовой борьбы, оформлении органов публичной власти. В результате выявляется созревание к III в. н. э. в недрах когурёского общества новых явлений, чуждых родовому строю. «Захват когурёцами к III—IV вв. большой территории, покорение многих племен, переселение части когурёцев на равнину Чхончхонгана, а затем Тэдонгана вели к дальнейшему нарушению родовых связей и замене их территориальными», — пишет Р. Ш. Джарылгасинова. Знаменательным в этой связи признается перенесение столицы Когурё в район современного Пхеньяна (в 427 г.). Такие факты, как обнародование законов и внедрение буддизма в конце IV в., появление регулярных войск, служат основанием для вывода о том, что «III—IV вв. были временем формирования и создания централизованного Когурёского государства». По вопросу о характере социально-экономических отношений в Когурё Р. Ш. Джарылгасинова пишет, что не выяснена роль рабского труда в производстве, что основную массу эксплуатируемого населения составляли так называемые «хахо» — мелкие крестьяне, что в процессе захватнических войн складывалась государственная собственность на землю (в итоге присвоения владений целых общин), которая по своему содержанию носила феодальный характер, поскольку формой ее реализации служила эксплуатация зависимого крестьянства (хахо)¹⁴³. Рассматривая государственную собственность как промежуточную форму в складывании частной земельной собственности крупных феодалов, Р. Ш. Джарылгасинова делает вывод: «Все эти факты свидетельствуют о том, что Когурё развивалось как феодальное государство. Высокий уровень производительных сил, решающая роль земледелия, устойчивость традиций общинного строя, близость феодального Китая создали те условия, в которых когурёцы смогли перейти от первобытнообщинного строя прямо к феодализму»¹⁴⁴.

Таким образом, уже в 60-х годах советские историки подошли к детальному марксистскому изучению важнейших проблем ранней

---

¹⁴² См. Р. Ш. Джарылгасинова. Когурёцы. (Историко-этнографическое исследование). — В кн.: Восточно-Азиатский этнографический сборник. М., 1961, стр. 176—216.

¹⁴³ Там же, стр. 206, 207, 209—210.

¹⁴⁴ Там же, стр. 210. В дальнейшем проблемы этнической и социальной истории Когурё получили разностороннее освещение в кн. Р. Ш. Джарылгасиновой (см. Р. Ш. Джарылгасинова. Древние когурёцы. (К этнической истории корейцев). М., 1972).

истории Кореи и к определению ее научной периодизации. Разумеется, еще предстоит сделать очень многое для полного изучения всей историографии и исследования разнообразных источников, чтобы взяться за решение сложных проблем, связанных с выяснением процесса формирования феодального строя в Корее и социально-экономических условий того общества, в котором появились ростки феодальных отношений. Серьезным препятствием к этому служит, конечно, недостаток фактических сведений социально-экономического характера в сохранившихся письменных источниках. Но причиной разногласий среди историков (даже принадлежавших к одному направлению) служит также отсутствие адекватного понимания некоторых методологических проблем, касающихся, например, характеристики рабовладельческой формации. Так же как и в истории ряда других стран, в ранней истории Кореи в теоретическом и методологическом отношении очень важно уточнить характеристику общества, только вышедшего или выходящего из первобытнообщинного строя, но уже распавшегося на эксплуататоров и эксплуатируемых и приобретшего некоторые государственные черты, несмотря на сохранение и институтов родового строя. Углубленного изучения историков-марксистов требуют теоретические проблемы, связанные с пониманием характера социально-экономических отношений и политического строя этого периода. В них ключ к правильному решению проблем периодизации ранней истории Кореи.

Ю. В. ВАНИН

О РАЗЛОЖЕНИИ ФЕОДАЛИЗМА В КОРЕЕ¹

С середины 50-х годов в историографии КНДР наметился серьезный поворот к изучению эпохи, предшествовавшей колониальному захвату, и коренных проблем истории корейского феодализма. Большую роль в этом сыграли проведенные в те годы научные дискуссии о характере земельной собственности и о формировании буржуазной нации в Корее.

Историки КНДР о характере феодальной собственности на землю. Первая из названных дискуссий фактически превратилась в обсуждение вопроса о сущности и особенностях корейского феодализма. Начало дискуссии положил Пак Сихён статьей «О феодальной собственности на землю в Корее»². В ней он выступил против распространенного прежде механистического истолкования указаний основоположников марксизма о господстве в Азии государственной собственности на землю. Анализируя эти указания и материалы истории ряда стран Азии, Пак Сихён пришел к выводу, что господство государственной собственности на землю отнюдь не исключало различных форм частной феодальной земельной собственности.

Характеризуя феодализм в Корее, Пак Сихён признавал, что «Корея, являвшаяся одним из централизованных феодальных государств, наряду с другими странами Востока также имела своей главной особенностью государственную собственность на землю»³. Однако в ходе дальнейшего изложения Пак Сихён по существу отверг это собственное утверждение. Он доказывал, что во все периоды феодальной Кореи, особенно во времена династии Ли (1392—1910), государственная собственность на землю была сугубо номинальной, не имевшей реального содержания. Она проявлялась лишь в праве государства собирать налоги со всех земель

¹ Раздел написан по материалам историографии КНДР и Советского Союза.

² Пак Сихён. Чосонэсый понгонджок тходжи союз тэхаё (О феодальной собственности на землю). — «Ёкса квахак» («Историческая наука»), 1955, № 2.

³ Там же, стр. 82.

страны. По словам Пак Сихёна, государство фактически распоряжалось только $\frac{1}{10}$ пахотного фонда, а остальное находилось в частной собственности феодалов и крестьян.

Вскоре после появления статьи Пак Сихёна была опубликована большая работа Чон Хёнгю «Характер «народной земли» (минджон) в феодальной Корее в XIV—XV вв.»⁴. Ее автор еще более решительно высказался против концепции о господстве государственной собственности на землю в феодальной Корее. Как и Пак Сихён, Чон Хёнгю исходил из того, что государственная собственность распространялась на сравнительно небольшую часть земель, принадлежавших непосредственно королевскому дому и правительственным ведомствам. Преобладающая же часть земель практически не принадлежала государству и была в частной собственности феодалов и крестьян, которые могли ее продать, подарить, передать по наследству и т. д.

Точку зрения Пак Сихёна поддержал также Ким Сокхён в статье «Об отношениях земельной собственности в феодальном обществе Кореи»⁵. Он критиковал Пак Сихёна и Чон Хёнгю лишь за то, что они ограничились юридическим аспектом анализа феодальной земельной собственности, упустив при этом классовые отношения. Подойдя именно с таких позиций, Ким Сокхён подчеркнул доминирующую роль помещичьей собственности в общей системе эксплуатации. Вместе с тем он не мог не признать, что доля феодального государства в эксплуатации крестьянства также была достаточно велика.

В защиту концепции о господстве государственной собственности на землю выступил Чон Соктам. Его статья «О феодальной государственной собственности на землю в Корее»⁶ содержит большой фактический материал. По мнению автора, феодальное государство в Корее владело не только обширным фондом пахотной земли, но и многочисленными пустошами и лесами. Чон Соктам признал справедливым утверждение Пак Сихёна о том, что, помимо государственной, существовала и частная феодальная земельная собственность. Но последняя, по его словам, находилась под сильным и действенным контролем государства.

Весьма любопытен анализ Чон Соктамом взглядов других участников дискуссии. В частности, он резко критиковал тех, кто, подобно Чон Хёнгю, проводил слишком прямую параллель между

⁴ Чон Хёнгю. 14—15 сеги понгон чосонэсый минджонный сонгёк. (Характер «народной земли» (минджон) в феодальной Корее XIV—XV вв.). — «Екса квахак», 1955, № 3, 4.

⁵ Ким Сокхён. Чосон понгон сахвез иссосый тходжи сою квангез тэхаё (Об отношениях земельной собственности в феодальном обществе Кореи). — «Чосон минджуджуй нимин конхвагук квахагвон хакпо» («Вестн. АН КНДР»), 1955, № 7.

⁶ Чон Соктам. Чосонэсый понгонджок тходжи кукючез тэхаё (О феодальной государственной собственности на землю в Корее). — «Екса квахак», 1956, № 3.

феодалной земельной собственностью Кореи, с одной стороны, Японии и стран Европы — с другой. Он отметил также явную непоследовательность позиций Пак Сихёна и Ким Сохёна. Если первый из них, декларировав господство государственной собственности на землю в Корее, затем фактически отказался от этого тезиса, то второй, по словам Чон Соктама, проделал обратный путь: выступив против концепции о государственной собственности, он на деле пришел к ее признанию.

В обоснование и развитие своей концепции Чон Соктам вскоре опубликовал большую работу — «Отношения феодалной земельной собственности и формы эксплуатации в начальный период династии Ли (конец XIV—конец XV в.)»⁷. Характеризуя избранный им период, он назвал его периодом «самой зрелой феодалной системы в нашей стране, наиболее хорошо организованной централизованной системы»⁸.

В этой работе, основанной на материалах хроник и законодательных актов XV в., Чон Соктам утверждал, что «государство само было реальным помещиком, непосредственно владевшим основной частью земель страны»⁹. Наряду с этим он признавал и существование в Корее частной феодалной собственности. «Но,— писал Чон Соктам,— поскольку эти земли в начале правления династии Ли были в пределах 30% всех земель государства, это не дает основания отрицать тот факт, что фундамент составляла государственная собственность на землю»¹⁰.

Рассмотрев имевшиеся в XV в. формы феодалной земельной собственности, Чон Соктам сосредоточил главное внимание на политике государства в отношении крестьянства (меры по прикреплению его к земле и контролю за передвижением населения, формы и методы эксплуатации, положение крестьянства и его борьба). В гораздо меньшей степени подверглась анализу система отношений между частными феодалными собственниками и крестьянами, что в известной мере сделало его работу односторонней.

В дискуссию включился также Чхве Бёнму, опубликовавший статью «О развитии феодалной земельной собственности в последний период династии Ли»¹¹. Это одна из немногих работ, касающихся непосредственно периода разложения феодалных отношений в Корее.

---

⁷ Чон Соктам. Лиджо чхоги (14 сеги маль — 15 сеги маль) энссо погонджок тходжи соу кванге ва нонминдыре тэхан чхакчхви че хёнтхэ (Отношения феодалной земельной собственности и формы эксплуатации в начальный период династии Ли (конец XIV — конец XV в.). — «Екса нонмунджи» («Сборник статей по истории»), 1959, вып. 3.

⁸ Там же, стр. 133.

⁹ Там же, стр. 223.

¹⁰ Там же.

¹¹ Чхве Бёнму. Лиджо хубанги эсой погонджок тходжи саю пальчоне кванхаё (О развитии феодалной земельной собственности в последний период династии Ли). — «Екса квахак», 1958, № 2.

Высказав мнение, что «с какой бы стороны мы ни посмотрели, земля в нашей стране в основном была в феодальной частной собственности; тезис о феодальной собственности, как частной собственности на землю, в качестве базиса феодальной системы отвечает условиям нашей страны»¹², Чхве Бёнму привлек в доказательство статистические данные начала XIX в. Исходя из значительного сокращения облагаемого фонда, он делал вывод о росте в то время частной феодальной собственности, показав этот процесс на некоторых наиболее крупных ее формах. Одновременно, указывая Чхве Бёнму, происходили серьезные изменения в системе феодальной эксплуатации (ослабление внеэкономической зависимости, замена натуральных форм эксплуатации денежными и т. д.).

Чхве Бёнму при анализе проблем земельной собственности исходил главным образом из социальных отношений, отношений эксплуатации, а не из формально-юридических принципов (хотя и сам отдал им определенную дань). Самым важным он считал выяснение сущности взаимоотношений феодального государства и его основы — свободного крестьянства. Он поддержал Чон Соктама за попытку исходить именно из этих позиций, но решительно возражал против его выводов. В частности, Чхве Бёнму не согласен с тенденцией доказывать наличие государственной собственности размерами эксплуатации со стороны государства. В конце XVIII в., писал он, эксплуатация стала более жесточайшей, чем прежде, но это не означало, что укрепились позиции государства как собственника земли.

Дискуссия о характере феодальной земельной собственности в Корее не получила формального завершения и не была обобщена. Она явилась первым в КНДР опытом широкого обсуждения этой сложнейшей научной проблемы. Во многих выступлениях преобладали общие схемы, не подкрепленные конкретным историческим материалом. Далеко не всегда земельные отношения рассматривались в их развитии, с учетом всех противоречивых факторов. Тем не менее сделанные во время дискуссии попытки с разных сторон подойти к характеристике корейского феодализма создали благоприятные возможности для дальнейшего изучения феодального строя.

Историки КНДР о формировании буржуазной нации в Корее. Определенное значение для развития исторической науки в КНДР имела дискуссия о формировании буржуазной нации в Корее, материалы которой были изданы отдельным сборником¹³. В ряде выступлений большое место занял вопрос об уровне развития Кореи накануне колониального порабощения. В целом дискуссии было свойственно стремление отойти от бытовавшего прежде

¹² Там же, стр. 57.

¹³ «Чосонэсый пурьчэа минджок хёнсонэ кванхан тхоронджип» («Дискуссия о формировании буржуазной нации в Корее»). Пхеньян, 1957.

взгляда о застойности феодального общества в Корее. В ходе обсуждения обнаружили определенные различия в оценке социально-экономического развития страны до ее «открытия», т. е. до того, как в 1876 г. Корее был навязан первый неравноправный договор.

Дискуссия началась выступлением Чон Соктама на тему «О формировании корейской буржуазной нации и ее особенностях»¹⁴. Чон Соктам считал, что буржуазная нация в Корее сложилась лишь после 1905 г. Возникновение нации он рассматривал как результат социально-экономических изменений и подъема национально-освободительного движения в связи с вторжением иностранного капитала. Поэтому Чон Соктам утверждал, что для Кореи «вторую половину XVII в., XVIII и даже первую половину XIX в., хотя тогда и проявились ясно признаки эпохи позднего феодализма, все же никак нельзя назвать временем поднимающегося капитализма»¹⁵. Сказанное, однако, не мешало автору считать, что, например, в горном промысле Кореи уже во второй половине XVII в. имелись зачатки капиталистической эксплуатации¹⁶.

Сходную с Чон Соктамом позицию занял и Ким Ханджу. В статье «Об основных условиях формирования буржуазной нации и характере корейской экономики до открытия портов»¹⁷ он отмечал, что вплоть до 70-х годов XIX в. Корея оставалась отсталой аграрной страной и не знала капиталистической формы хозяйства. Последняя зародилась и стала развиваться только после так называемого «открытия» Кореи. При этом Ким Ханджу также признавал, что в предшествовавшее «открытию» время в сфере ремесла и торговли «уже существовали в той или иной форме ростки капитализма»¹⁸.

Выступлениям Чон Соктама и Ким Ханджу свойственна некоторая, может быть, даже излишняя сдержанность при определении уровня, достигнутого Кореей в доколониальный период. Несколько иначе подошел к этому вопросу другой участник дискуссии, Чхве Бёнму. Его статья «О некоторых экономических изменениях, возникших в феодальном обществе в последний период династии Ли»¹⁹, отличается от других не только обилием фактического ма-

¹⁴ Чон Соктам. Чосон минджогый хёнсон гва кы тхыкчинэ тэхаё (О формировании корейской буржуазной нации и ее особенностях). — В сб.: «Дискуссия о формировании буржуазной нации в Корее».

¹⁵ Там же, стр. 49.

¹⁶ См. там же, стр. 22.

¹⁷ Ким Ханджу. Пурычёа минджок хёнсоный кибон чогон гва кэханджон сизи чосон кёнджеый кибон сонгёгэ тэхаё (Об основных условиях формирования буржуазной нации и характере корейской экономики до открытия портов). — В сб.: «Дискуссия о формировании буржуазной нации в Корее».

¹⁸ Там же, стр. 111.

¹⁹ Чхве Бёнму. Лиджо хубанги понгон сахве тхэнэссо пальсэнхан мёткаджи кёнджеджок пёнхваэ тэхаё (О некоторых экономических изменениях, возникших в феодальном обществе в последний период династии Ли). — В сб.: «Дискуссия о формировании буржуазной нации в Корее».

териала, взятого из корейских хроник, но и стремлением более решительно пересмотреть существовавшие прежде точки зрения.

Чхве Бёнму совершенно справедливо указывал, что начиная с XVII в. в феодальной Корее произошел целый ряд очень важных социально-экономических изменений (частичная замена натуральных налогов денежными, постепенное разложение феодальной системы торговли и усиление «частных купцов», отказ государства от обязательной регистрации ремесленников, резкое расширение «нелегальной» добычи металлов, применение в больших размерах наемного труда на рудниках и т. п.). Автор высказал немало интересных мыслей о характере и значении этих изменений. В частности, он одним из первых показал на конкретных примерах некоторые формы подчинения торговым капиталом отдельных отраслей производства.

Однако, сделав основной упор на выявлении новых тенденций в экономике, Чхве Бёнму упустил из виду многочисленные факторы, тормозившие утверждение нового (крайне низкий уровень техники, постоянно растущая феодальная эксплуатация, активное вмешательство государства, защищавшего старый способ производства, слабость экономических связей и т. п.). В результате автор, помимо своей воли, упростил обстановку, в которой происходили рассматриваемые им изменения в экономике феодальной Кореи.

В своей статье Чхве Бёнму исходил из того, что в Корее уже после XVII в. наступила эпоха крушения феодализма, с чем едва ли можно согласиться. Нечеткость в периодизации и односторонний подход привели Чхве Бёнму к преувеличению сдвигов, действительно происходивших в Корее в период позднего феодализма. Он, например, писал, что «в феодальном обществе династии Ли в XVIII—XIX вв. в каждой отрасли общественного хозяйства, хотя и в разной степени, но весьма активно зарождались и развивались ростки капитализма»²⁰. К сожалению, это заявление далеко не во всем подтверждалось конкретным историческим материалом.

Проведенные обсуждения показали настоятельную необходимость более глубокого и всестороннего изучения эпохи, предшествовавшей вторжению иностранного капитала. Именно после этих дискуссий в КНДР расширилась публикация источников по истории Кореи в XVII—XIX вв., что создало благоприятные возможности для исследовательской работы. С конца 50-х годов появилось несколько монографий и большое количество статей, затрагивающих отдельные проблемы разложения феодальных отношений и генезиса капитализма.

Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в историографии КНДР. Авторы изданных впоследствии работ все без исключения исходят из того, что после XVII в. в Корее про-

²⁰ Там же, стр. 205—206

исходило интенсивное разложение феодальных отношений и что элементы капитализма зародились задолго до колониального закабаления страны. Основные споры касаются времени начала этих процессов, особенно появления зачатков капитализма. Судя по публикациям, большинство ученых разделяют мнение Ким Сокхёна, относящего появление этих зачатков ко второй половине XVIII в. Иную точку зрения высказывает Чон Соктам, считающий вторую половину XVII в. временем возникновения капиталистических отношений прежде всего в горном промысле.

Естественно, что большое место в современных исследованиях занимают аграрные проблемы. Им посвящена «История аграрного строя в Корее» Пак Сихёна. Второй том²¹ этой фундаментальной работы охватывает время с конца XIV до середины XIX в. Автор подробно рассматривает все имевшиеся тогда формы феодальной собственности. Он показывает, как после затяжного кризиса конца эпохи Корё (X—XIV вв.) в XV в. вновь утвердилась в Корее государственная собственность на землю. Наряду с ней Пак Сихён выделяет различные категории жалованных земель, составлявших ядро частной феодальной собственности. Как явствует из книги, противоречия между государственной и частной феодальной собственностью составляли суть всего процесса развития земельной системы в Корее в период позднего феодализма.

Анализируя конкретные изменения в аграрных отношениях, Пак Сихён сделал вывод, что государственная собственность на землю уже в XVI в. начала разлагаться, превращаясь в формальный юридический принцип. Особенно интенсивным стал этот процесс после Имджинской войны (1592—1598) и маньчжурских нашествий (1627 и 1636), когда появились и достигли огромных размеров такие формы крупной частной феодальной собственности, как дворцовые (кунбанджон) и ведомственные (амун тунджон) земли. Автор приводит многочисленные выдержки из королевских указов и докладов чиновников, показывающие бессилие центральных властей, периодически пытавшихся ограничить усилившийся рост частного землевладения и сохранить государственную собственность на землю. Как показывает Пак Сихён, расширение частного феодального землевладения происходило преимущественно за счет крестьянских наделов. В результате обезземеленные крестьяне попадали в положение арендаторов, подвергаясь одновременно эксплуатации помещиков и государства. Арендные отношения существовали еще в период Корё, но их становление и развитие автор относит к более позднему времени (значительных размеров они достигли после XVII в.).

Концепция книги Пак Сихёна очень близка к той, которую он высказывал в упомянутой дискуссии о характере феодальной соб-

---

²¹ Пак Сихён. Чосон тходжи чедоса, че 2 квон (История аграрного строя в Корее, т. 2). Пхеньян, 1961.

ственности на землю. Государственную собственность он признает господствующей лишь в течение первого столетия правления династии Ли (1392—1910), ибо затем она постепенно стала номинальной, лишенной реального содержания. Такие изменения государственной собственности, сочетавшиеся с активным захватом помещиками крестьянских земель и расширением арендной системы, в условиях общего роста товарно-денежного хозяйства считаются проявлением разложения феодализма в сфере земельной собственности.

Анализ законов и указов в книге Пак Сихёна превалирует над материалами экономическими и социальными. Крестьянскому землевладению и арендной системе автор уделяет меньше внимания, чем формам феодальной собственности. Слабо показано влияние изменений в феодальной земельной собственности на экономику и социальный строй Кореи.

Книгу Пак Сихёна в значительной мере дополняют работы Хо Джонхо, посвященные истории арендной системы в феодальной Корее. Им опубликована обширная статья «Развитие системы испольной аренды в конце XVIII — начале XIX в.»²², а затем основные положения ее были обстоятельно дополнены и развиты в книге «Исследование арендной системы в Корее в конце феодального периода»²³.

По мнению Хо Джонхо, укрепление и рост арендных отношений в Корее падают на XVIII—XIX вв., когда происходило усиленное разложение феодальных отношений и широкое обезземливание крестьянства. Историю арендной системы Хо Джонхо рассматривает на общем фоне серьезных сдвигов в аграрном строе, которые он видит в разложении сословного характера феодальной земельной собственности, в усиленном проникновении в эту сферу торгового капитала, в ослаблении внешнеэкономического принуждения и некотором расширении личной «свободы» арендатора.

Хо Джонхо первым из историков КНДР уделил большое внимание проблеме зарождения капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Он доказывает, что в сельском хозяйстве Кореи вплоть до начала XIX в. не было элементов капитализма.

Рассматривая историю аграрных отношений в неразрывной связи с ростом товарно-денежных отношений, Хо Джонхо вполне справедливо ставит вопрос о влиянии на социально-экономическое развитие страны изменений в сельском хозяйстве и в земельной собственности. В одной из последних статей — «Некоторые вопросы аренды (К вопросу о формировании исторических предпосылок

²² Хо Джонхо. 18 segi маль — 19 segi чо пёнджак чедой пальччон (Развитие системы испольной аренды в конце XVIII — начале XIX в.). — «Екса квахак», 1963, № 2, 3.

²³ Хо Джонхо. Чосон понгон мальгийнй соджакче ёнгу. (Исследование арендной системы в Корее в конце феодального периода). Пхеньян, 1965

зарождения капитализма)»²⁴ — он критикует тех, кто не учитывает этих изменений и не связывает с ними важнейших сдвигов в ремесле, горном промысле и других отраслях хозяйства.

Как известно, разорение и обезземеливание выталкивало часть крестьян из деревни, способствовало образованию рынка свободной рабочей силы. Этот процесс затронут в нескольких работах Хо Джонхо, в том числе в статье «Характер наемного труда в сельском хозяйстве в конце XVIII—начале XIX вв.»²⁵. Несмотря на значительный рост наемного труда в сельском хозяйстве, по мнению Хо Джонхо, его применение до начала XIX в. еще не стало капиталистическим, так как основным «покупателем» рабочей силы оставались феодальное государство и чиновники. Купцы и ростовщики, покупавшие или захватывавшие землю, в своем большинстве становились обычными помещиками и вели хозяйство так же, как и потомственные феодалы. Но часть рабочей силы, не нашедшая применения в сельском хозяйстве, попадала в горный промысел и некоторые отрасли ремесла, способствуя зарождению там элементов капиталистического хозяйства.

С аграрными отношениями неразрывно связан вопрос о характере и формах феодальной эксплуатации. Эта тема принадлежит к числу наиболее изученных историками КНДР; ей посвящены разделы в первых общих работах по истории Кореи; напечатан ряд статей в журнале «Ёкса квахак» в 50-е годы. Очень большой и ценный материал содержится и в упоминавшейся книге Пак Сихёна «История аграрного строя в Корее». Авторы всех этих книг и статей подробно описали различные виды налогов и повинностей, достаточно выпукло показали бедственное положение крестьянства в результате безудержного роста феодальной эксплуатации.

В работах, вышедших в последнее время, делается попытка определить влияние усиления эксплуатации в условиях разложения феодализма. Среди них можно выделить исследование Сон Ёнджона «Формы эксплуатации посредством системы хвангок в конце XVIII—начале XIX в.»²⁶. Система «хвангок» (возвратное зерно) была важнейшей формой государственного ростовщичества. В начале XIX в. в связи с упадком сельского хозяйства в Корее задолженность населения по «возвратному зерну» приняла грандиозные размеры. Для крестьянства и городской бедноты си-

---

²⁴ Хо Джонхо. Тоджиз кванхан мёткаджи мундже (чабонджуый пальсэый ёксаджок чондже хёнсоньль чунсимыро) (Некоторые вопросы аренды (к вопросу о формировании исторических предпосылок зарождения капитализма)). — «Ёкса квахак», 1966, № 6.

²⁵ Хо Джонхо. 18 сеги маль — 19 сеги чхой ноноп коён нодоный сонгёк (Характер наемного труда в сельском хозяйстве в конце XVIII — начале XIX в.). — «Ёкса квахак», 1964, № 6.

²⁶ Сон Ёнджон. 18 сеги маль — 19 сеги чо хвангок чедорыль тхонхан чхакчхи че хёнтхэ (Формы эксплуатации посредством системы хвангок в конце XVIII — начале XIX в.). — «Ёкса нонмунджи», вып. 5. Пхеньян, 1961.

стема «хвангок» стала одной из самых тяжелых форм эксплуатации.

Работа Сон Ёнджона является первым крупным исследованием системы «хвангок». Детально изложив историю ее зарождения и развития, Сон Ёнджон рассматривает систему «хвангок» как один из каналов формирования торгово-ростовщического капитала. Приведя известные указания К. Маркса о паразитическом характере ростовщичества, автор вместе с тем подчеркивает значительную роль, которую, по его мнению, система «хвангок» сыграла в социально-экономическом развитии Кореи. По его мнению, эта система в пору своего расцвета усиливала разложение феодальных отношений и даже создавала некоторые условия для появления ростков капитализма.

В 1963 г. Институт истории АН КНДР издал сборник статей «Экономическое положение Кореи в конце феодального периода»²⁷. Среди других в сборник включена большая статья Чан Гукчона — «Эксплуатация посредством сбора земельного налога в XVIII — первой половине XIX в. и развитие товарно-денежных отношений»²⁸. Чан Гукчон прослеживает эволюцию земельного налога, связывая ее с расширением частного феодального землевладения и борьбой крестьянских масс против угнетателей, причем главной темой исследования является влияние товарно-денежных отношений на налоговую политику феодального государства. Поземельный налог был главным источником накопления зерна государством, поэтому власти всячески ограничивали уплату его деньгами, но с развитием товарно-денежных отношений правительство разрешало в ряде уездов сбор земельного налога деньгами. Как указывает Чан Гукчон, в начале XIX в. в Корее было уже более 40 таких уездов²⁹. Кроме того, по всей стране распространилась незаконная уплата денег вместо зерна (паннап). Все это свидетельствовало о проникновении товарно-денежных отношений даже в такую «запретную» область, как сбор земельного налога. Чан Гукчон справедливо считает такие факты проявлением усилившегося процесса разложения феодализма.

Историки КНДР стали более детально изучать проблемы земельной ренты. Специально этой теме посвящена небольшая статья Хо Джонхо — «О зарождении в Корее денежной ренты»³⁰. Хо Джонхо выступает в ней против тех, кто отрицает существова-

²⁷ «Ури нара понгон мальгниый кёндже хёнпхён» («Экономическое положение Кореи в конце феодального периода»). Пхеньян, 1963.

²⁸ Чан Гукчон. 18—19 сеги чонпанги чонсэ ыйхан чхакчхи ва ирль тхонхаё пон санпхум хвапхе квангеый пальччон (Эксплуатация посредством сбора земельного налога в XVIII — первой половине XIX в. и развитие товарно-денежных отношений). — В сб.: «Экономическое положение Кореи в конце феодального периода».

²⁹ Там же, стр. 283.

³⁰ Хо Джонхо. Ури нараэсо хвапхе чидэый пальсэнэ тэхае (О зарождении в Корее денежной ренты). — «Ёкса квахак», 1964, № 3.

ние денежной ренты в Корее в конце феодального периода. Критикует он и стремление некоторых авторов доказывать наличие ренты фактами уплаты налогов деньгами. Такие факты Хо Джонхо относит к числу условий, благоприятствовавших зарождению денежной ренты. Сама же денежная рента, по его мнению, возникла в Корее в XVIII в. в связи с расширением частного землевладения и ростом товарно-денежных отношений. В статье показаны некоторые первоначальные формы денежной ренты, появившиеся в XVIII—XIX вв. в разных районах страны.

Историки КНДР считают, что наиболее ощутимые зачатки капиталистических отношений возникли в горном промысле феодальной Кореи. Упоминания об этом можно встретить во многих общих работах по истории Кореи в позднее средневековье. Первым специальным исследованием явилась обширная статья Ким Сокхёна — «О положении горной промышленности в XVIII—XIX вв. и формах капиталистического хозяйствования»³¹, помещенная в названном выше сборнике — «Экономическое положение Кореи в конце феодального периода».

Ким Сокхён показал серьезное расширение в XVII в. масштабов производства в горном промысле: увеличение выплавки железа, начало добычи меди и свинца, прежде ввозившихся из Японии. Особенно большой размах получила добыча золота и серебра, которая почти двести лет была под запретом.

Автор оспаривает мнение о том, что в конце XVIII в. горный промысел в Корее снова стал клониться к упадку. Опираясь на материалы источников, Ким Сокхён убедительно доказывает, что, несмотря на сокращение числа зарегистрированных рудников, уменьшение поступлений в казну от налогов, а также издание указов, снова запрещающих добычу золота и серебра, уровень горного промысла не стал ниже, так как широко распространилась «тайная» или незаконная добыча.

Значительное внимание Ким Сокхён уделил раскрытию механики зарождения капиталистических отношений на примере горного промысла, куда стекалась основная масса незанятой рабочей силы из числа крестьян, лишившихся земли. Ким Сокхён рассматривает состав горнорабочих, условия их найма и труда, анализирует процесс превращения недавних крестьян, мелких торговцев, городской бедноты в свободных рабочих, для которых наемный труд становился единственным источником существования. Вместе с тем, хотя и менее подробно, автор прослеживает процесс подчинения горного промысла торговому капиталом.

Характеризуя в целом положение в горном промысле, он пишет, что в Корее «со второй половины XVIII в. на части рудников,

---

³¹ Ким Сокхён. 18—19 segi кванобый хёнпхён гва кы чабонгаджок кёнхом хёнхээ тэхаё (О положении горной промышленности в XVIII—XIX вв. и формах капиталистического хозяйствования). — В сб.: «Экономическое положение Кореи в конце феодального периода».

главным образом золотых и серебряных, зарождались элементы капитализма. Они возникли здесь раньше, чем в других отраслях производства»³².

Хон Хыйю в статьях «Положение в горной промышленности в XVII в. и принцип «если устраивают рудник — собирать налог»³³, и — «Проблемы капиталистического хозяйствования на Капсанском медном руднике в середине XIX в.»³⁴ поддерживает и развивает основные положения, выдвинутые Ким Сокхёном. По словам Хон Хыйю, он расходится с Ким Сокхёном только в определении той сферы, где появились первые зачатки капитализма.

Ким Сокхён считает, что они возникли лишь в местах так называемой «тайной» добычи, а Хон Хыйю склонен видеть их и на рудниках, действовавших легально, под контролем государства.

Статьи Хон Хыйю особенно интересны в части, касающейся подчинения горного промысла торговым капиталом. Он приводит любопытные выдержки из хроник и сочинений XVIII—XIX вв., показывающие, что без купца — собственника средств (мульджу) практически невозможно было создание горнорудных предприятий. Подчеркивая исключительную роль торгового капитала в развитии горного промысла, автор пытается проследить эволюцию самого собственника вложенных средств. В первое время после разрешения открывать рудники (в середине XVII в.) собственник средств выступал лишь в роли кредитора, а добычей ведали государственные чиновники, но к концу XVIII в. он в значительной мере вышел из-под контроля государства и стал почти полным хозяином предприятия. Именно тогда, по мнению Хон Хыйю, и происходило зарождение капиталистических отношений.

Как уже указывалось, несколько иную точку зрения высказывает Чон Соктам. Одна из его работ так и названа «Социально-экономические изменения в XVII в. и зарождение элементов капитализма в горном промысле»³⁵. Изменения в земельной собственности, социальной структуре и налоговой системе, рост товарно-денежных отношений создавали, по мнению автора, благоприятные условия для появления ростков капитализма, которые возникли в горном промысле уже в середине XVII в., т. е. вскоре после снятия запрета на добычу золота и серебра. Торговый капитал, хлынув

³² Там же, стр. 125.

³³ Хон Хыйю. 17 сегий кваноп хёнпхён гва сольчом сусе мундже (Положение в горной промышленности в XVII в. и принцип «если устраивают рудник — собирать налог»). — «Екса квахак», 1964, № 5.

³⁴ Хон Хыйю. 19 сеги чунёп капсан тонджомэсый чабонджуыйджок кёнёнэ тэхан мундже (Проблемы капиталистического хозяйствования на Капсанском медном руднике в середине XIX в.). — «Екса квахак», 1965, № 1.

³⁵ Чон Соктам. 17 сегий сахве кёнджеджок пёнхва ва кванопэсо чабонджуый ёсый пальсэн (Социально-экономические изменения в XVII в. и зарождение элементов капитализма в горном промысле). — «Кёндже ёнгу» («Изучение экономики»), 1966, № 1.

ший в горный промысел, сразу же породил капиталистические формы эксплуатации наемного труда.

Корейские ученые обратились и к проблемам развития ремесла. Наиболее крупным исследованием является работа Пак Сихёна «О ремесле в период династии Ли»³⁶ в сборнике «Экономическое положение Кореи в конце феодального периода». Пак Сихён в ней призывает не допускать крайностей в оценке социально-экономического развития Кореи в доколониальное время и изучать эту проблему реалистически, с учетом всех противоречивых факторов.

Пак Сихён дал развернутый анализ характера и структуры корейского ремесла в XV—XVI вв., в котором главную роль играло казенное ремесло (обслуживавшее нужды государства и господствующего класса), особо выделяя столичное ремесло, где появлялись зачатки разделения труда. Основное внимание Пак Сихён уделил изменениям, происшедшим в ремесле в XVIII—XIX вв., когда казенное ремесло утратило свое монопольное положение, а значительное развитие получило частное ремесло. В этот период увеличилось число ремесленников, выросли количество и ассортимент производимой продукции; дальнейшее развитие получило разделение труда. Вместе с тем автор указывает, что к XIX в. в Корее наметился общий застой в развитии производительных сил. Среди причин этого он называет постоянный рост феодальной эксплуатации и усиленный контроль над экономикой со стороны бюрократического аппарата, узость внутреннего рынка и активный ввоз в страну иноземных товаров. Эти факторы сказывались и на ремесле, задерживая наметившиеся изменения. Пак Сихён, анализируя собранные в последние годы Институтом истории АН КНДР материалы о некоторых предприятиях по производству чугуна и латунной посуды, возникших до середины XIX в., приходит к выводу, что это были предприятия, принадлежавшие предпринимателям-капиталистам, а работали на них свободные наемные рабочие.

Пак Сихён утверждает, что в середине XIX в. ремесло в Корее переживало процесс перерастания в капиталистическое производство, хотя, как признает он, этот процесс был еще очень слабым и замедленным. Считая неправильной концепцию, связывавшую зарождение капитализма в Корее с вторжением иностранного капитала, Пак Сихён пишет в заключение, что, несмотря на некоторое отставание, вызванное объективными причинами, Корея со временем смогла бы без всяких внешних толчков сама подняться на новую, более высокую ступень развития, какой является капиталистическое общество по сравнению с феодальным.

Корейские ученые проявляют большой интерес к истории торгового капитала и сфере обращения, которая обслуживала все

³⁶ Пак Сихён. Лиджо сигный суконобэ кванхаё (О ремесле в период династии Ли). — В сб.: «Экономическое положение Кореи в конце феодального периода»

отрасли хозяйства и связывала их между собой. В статье Чхве Бёнму «Сиджон в период династии Ли»³⁷ рассмотрена феодальная структура торговли, основу которой составляли крупные торговые заведения (сиджон), созданные в XV в. и пользовавшиеся монопольным правом продажи товаров, внесенных в выданные государством патенты. Анализируя сущность сиджон, автор считает их своеобразным типом купеческой гильдии, зависевшей от феодального государства. Но начиная с XVII в. с ростом товарно-денежных отношений в стране происходило серьезное ослабление монополии сиджон, прежней централизованной системы торговли, становившейся тесной для набравшего силу торгового капитала. В статье показано, что в результате конкуренции так называемых «частных купцов», не связанных с сиджон, последние утрачивали некогда безраздельное господство в торговле. Феодальная монополия, опиравшаяся на авторитет государства, уступала место новой монополии, в основе которой была власть денег, предприимчивость купцов, их конкурентоспособность и т. д. Государство оказалось не в силах отстаивать привилегии сиджон и в конце XVIII в. отменило многие ограничения для торговых заведений, не входивших в число сиджон.

В сборнике «Экономическое положение Кореи в конце феодального периода» опубликована и статья Хон Хыйю «О рынке в Корее в XV—XIX вв.»³⁸. Если Чхве Бёнму показал эволюцию торговых заведений в городе, то Хон Хыйю сосредоточил основное внимание на изучении торговых связей в деревне.

Появление первых сельских рынков (хянси) в XV в. Хон Хыйю связывает с ростом производства и некоторыми сдвигами в общественном разделении труда, причем в этот период феодальные власти всячески препятствовали созданию рынков, ограничивали передвижение торговцев и т. д. Несмотря на это, рынки заняли прочное место в феодальном хозяйстве, а с XVII в. их число стало быстро расти. В начале XIX в., по официальным данным, в Корее насчитывался 1061 рынок³⁹. В действительности их было больше, так как многие рынки возникали в глухих местностях без ведома чиновников и не попадали в правительственный реестр.

Как показывает Хон Хыйю, в рыночной системе Кореи произошли те же качественные изменения, что и во всей внутренней торговле. Государство постепенно утрачивало свой контроль, ослабевали все виды феодальных ограничений. Бродячие торговцы проникали в самые отдаленные уголки страны, в деревнях возникали свои лавки. На рынках действовали многочисленные посред-

---

³⁷ Чхве Бёнму. Лиджо сигный сиджон. (Сиджон в период династии Ли). — «Екса нонмунджип», вып. 2. Пхеньян, 1958.

³⁸ Хон Хыйю. 15—19 сегийи ури нара чансиэ тэхаё (О рынке в Корее в XV—XIX вв.). — В сб.: «Экономическое положение Кореи в конце феодального периода».

³⁹ Там же, стр. 175.

ники, крупный торговый капитал подчинял себе массы мелких торговцев. Анализируя эти процессы, Хон Хыйю приходит к заключению, что расширение числа рынков и концентрация торгового капитала способствовали преодолению экономической раздробленности и подготавливали благоприятные условия для создания в Корее единого национального рынка.

Развитие общественного производства и рост товарообмена вызвали новое явление в экономической жизни феодальной Кореи — широкое употребление металлических денег с конца XVII в. В работах Чан Гукчона рассмотрена история денежной системы в феодальной Корее.

Статья «О денежном обращении в XVII в.»⁴⁰ рассматривает самый ранний этап применения металлических денег. Наиболее интересна та часть статьи, которая показывает, как, несмотря на все объективные трудности, «приживались» в Корее металлические деньги. В 30—40-х годах XVII в. они нашли применение в крупнейшем торговом и ремесленном центре Кореи — Кэсоне и окружающих его уездах, а несколько позднее — в Сеуле, Пхеньяне и других городах. Для поощрения денежного обращения государство выплачивало медными монетами жалование чиновникам, обязывало принимать их к уплате в лавках, трактирах и т. д. Это было связано с тем, что деньги становились неотъемлемой частью развивавшегося хозяйства (свидетельством чему была растущая «частная» отливка монет). На выразительных примерах автор показывает, что уже в конце XVII в. медные монеты распространились в различных слоях корейского общества, превращались в важное средство обмена, постепенно вытесняя натуральные деньги — зерно, холст, бумагу и пр.

Во второй статье — «К вопросу об отливке медных монет и дефляции в XVIII в.»⁴¹ — Чан Гукчон широко рассматривает состояние монетного дела, превращавшегося в самостоятельную отрасль корейского ремесла. Как показывает автор, несмотря на монополию государства (закрепленную за несколькими крупнейшими ведомствами), монетное дело, как и другие отрасли ремесла, постепенно переходило в руки торгового капитала, о чем можно судить по фактам выдачи казной богатым сеульским купцам подрядов на отливку медных монет.

Чан Гукчон коснулся также проблемы так называемого «денежного голода», вызванного в XVIII в. расширением денежного обращения и увеличением спроса на медные монеты. Они не только служили теперь целям обмена, но стали также и средством накопления сокровищ. В результате в обращении постоянно недо-

---

⁴⁰ Чан Гукчон. 17 сеги кымсок хвапхе ютхонэ тэхаё (О денежном обращении в XVII в.). — «Екса квахак», 1961, № 6.

⁴¹ Чан Гукчон. 18 сеги тонхваый чуджо ва чонхван мундже (К вопросу об отливке медных монет и дефляции в XVIII в.). — «Екса квахак», 1963, № 1.

ставало медных монет, что отрицательно сказывалось на всей внутренней торговле. «Денежный голод» стал одной из самых серьезных трудностей, с которыми сталкивались корейские власти, поэтому выдвигались различные предложения о выходе из критического положения. Явления «денежного голода», как считает автор, свидетельствовали о серьезном усилении роли денег в результате расширения товарно-денежных отношений во всех сферах хозяйства феодальной Кореи.

Еще в одной своей статье — «Некоторые проблемы зарождения элементов капитализма в Корее»⁴² — Чан Гукчон критиковал тех, кто, относя зарождение капиталистических элементов к XVII в., преувеличивает роль товарно-денежных отношений, в частности придает слишком большое значение началу обращения в Корее металлических денег в конце XVII в. и введению «Закона о заменном рисе» (тэдонбоп). «...В условиях, когда деньги не стали еще основным средством накопления богатства, — писал он, — денежное хозяйство не могло создать непосредственных условий для зарождения капиталистических отношений»⁴³. Введенный в XVII в. «Закон о заменном рисе», по которому вместо традиционной подати устанавливался сбор зерна, способствовал росту торговли, оставаясь все же одной из реформ в рамках феодальной системы.

С середины XVII в., утверждал Чан Гукчон, в Корее не только расширилось применение наемного труда, но в нем произошли качественные изменения — появилась прослойка людей, для которых наемный труд стал единственным средством существования. Одновременно у части купечества создавались накопления, направлявшиеся ими в сферу производства. Именно тогда возникли в Корее зародыши капитализма. Вследствие отрицательного влияния на развитие экономики феодальных властей, капиталистические отношения могли зародиться главным образом там, куда не доставала рука чиновников — в горах, на морском побережье и островах. Поэтому, считает Чан Гукчон, такие отношения появились прежде всего в горном и рыболовном промыслах.

Перечисленные выше труды ученых КНДР затрагивают разные аспекты разложения феодализма в Корее. В них сделаны попытки проследить развитие товарно-денежных отношений, подрывавших присущее феодализму натуральное хозяйство, подчинение торговым капиталом отдельных отраслей экономики, постепенное высвобождение производства и торговли из-под контроля феодального государства, ослабление традиционных форм зависимости непосредственных производителей и т. д. Вместе с исследованиями об изменениях в аграрных отношениях эти труды создают достаточно

---

⁴² Чан Гукчон. Чосонэсый чабонджуый ёсо пальсэнэ тэхан мёткаджи мундже (Некоторые проблемы зарождения элементов капитализма в Корее). — «Ёкса квахак», 1964, № 4.

⁴³ Там же, стр. 50.

выразительную картину социально-экономических сдвигов в феодальной Корее в XVII—XIX вв.

Для работ корейских историков, написанных в последнее время, характерно растущее стремление как можно полнее представить всю совокупность явлений социально-экономического развития. Поэтому в некоторых монографиях и статьях не только выявляются новые процессы, происходившие в феодальной экономике, но и исследуются факторы, тормозившие их развитие. В частности, уделяется большое внимание роли феодального государства, активно защищавшего старый способ производства, рассматривается воздействие усилившейся эксплуатации на положение в экономике, социальном строе и т. д.

В трудах Пак Сихёна, Ким Сокхёна и других ученых подчеркнуто, что зарождение элементов капитализма происходило в период, когда феодализм в Корее еще был достаточно сильным. Поэтому первым зачаткам капиталистических отношений далеко не всегда удавалось устоять и окрепнуть. С этой точки зрения очень интересна небольшая статья Чан Гукчона — «Формы рыболовного хозяйства в Корее в конце феодального периода»⁴⁴. Автор показывает, как принятые в середине XVIII в. меры, поставившие рыболовство под особый контроль феодальных властей, серьезно затруднили проникновение торгового капитала в этот важный для Кореи промысел.

Исследования, выполненные учеными КНДР, позволяют определить общую линию социально-экономического развития Кореи в новое время, что нашло свое отражение в сборнике, посвященном жизни и деятельности Ким Оккюна — вождя реформаторского движения в 80-х годах XIX в.⁴⁵ Авторы помещенного в сборнике экономического очерка (Хон Хыйю, Хо Джонхо) отметили: «Фактически в нашей стране в конце XVIII — начале XIX в. на части рудников и в некоторых отраслях ремесла зародились новые, капиталистические элементы в феодальном способе производства. В процессе последующего становления (к середине XIX в.) они развились как одна из экономических форм»⁴⁶. Очевидно, авторы считали, что к этому времени в Корее уже сложился капиталистический уклад. Такой дискуссионный вывод нуждается в серьезной аргументации.

Однако в последнее время мы видим и более осторожный и всесторонний подход к оценке уровня социально-экономического развития Кореи в период позднего феодализма. Характерна в этом отношении коллективная монография Чон Соктама, Хо Джонхо

---

⁴⁴ Чан Гукчон. Чосон понгон мальгниый ооп кёнён хёнтхэ (Формы рыболовного хозяйства в Корее в конце феодального периода). — «Екса квахак», 1964, № 3.

⁴⁵ Ким Оккюн. Пхеньян, 1964.

⁴⁶ Там же, стр. 21.

и Хон Хыйю «Зарождение капиталистических отношений в Корее»⁴⁷, подводящая первые итоги многолетнему изучению этой проблемы историками КНДР. Исходя из предпосылки, что разложение феодального строя и зарождение капиталистических отношений являлись исключительно результатом действия внутренних факторов общественного развития, а не каких-либо воздействий извне, авторы уделили большое внимание рассмотрению таких социально-экономических процессов, как расширение товарно-денежных отношений в феодальной экономике, развитие классовой дифференциации в деревне, зарождение ранних форм капиталистического производства в Корее. Авторы считают установленным появление до середины XVIII в. зачатков капиталистического производства в виде простой кооперации, а во второй половине XVIII в. и капиталистической мануфактуры. Но остается открытым очень важный вопрос — «о глубине процесса внутреннего разложения феодального общества в Корее», о том «насколько был прочным феодальный строй и в какой мере он задерживал появление капиталистических отношений»⁴⁸. Исходя из этих соображений, авторы монографии пишут: «Но обстоятельства, связанные со структурными особенностями феодального общества нашей страны, реакционной ролью правящего класса и соответствующим этому недостаточным развитием товарно-денежных отношений, не могли привести к последовательному разложению феодализма и препятствовали зарождению и развитию капиталистических отношений»⁴⁹.

Таким образом, корейское общество XVIII в. и до середины XIX в., хотя и находилось в процессе изменений, все-таки оставалось отсталым феодальным обществом. На политической сцене «в качестве правителей страны по-прежнему оставались янбаны в широкополых шляпах (кат), разъезжавшие на своих осликах и расточавшие время в праздных стихосплетениях»⁵⁰.

Сложившиеся в историографии КНДР воззрения по проблемам генезиса капитализма нашли отражение в сводном труде «История Кореи (черновой вариант)»⁵¹, изданном учеными Университета им. Кир Ир Сена в Пхеньяне. «В нашей стране, — говорится в книге, — с XVII в. примерно до середины XVIII в. постепенное развитие сельского хозяйства и ремесел, рост товарно-денежных отношений подготовили определенный фундамент для зарождения и развития капитализма; на этой основе с середины XVIII в.

---

⁴⁷ Чон Соктам, Хо Джонхо, Хон Хыйю. Чосонэсо чабонджуыйджок квангый пальсэн (Зарождение капиталистических отношений в Корее). Пхеньян, 1970.

⁴⁸ Там же, стр. 17.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Чосон са (чхого) (История Кореи (черновой вариант)), т. I. Пхеньян, 1971.

в отдельных отраслях производства началось зарождение и рост капиталистических производственных отношений»⁵².

Авторы рассматривают методы, которыми торговый капитал подчинял некоторые отрасли производства: предварительное авансирование ремесленников и крестьян, занимавшихся домашними промыслами, наделение их средствами с установлением контроля торговца за изготовлением и продажей изделий. Однако не всякое проникновение торгового капитала в сферу производства порождало капиталистические отношения. Как указывается в книге, в условиях сохранявшегося преобладания натурального хозяйства отрасли по производству товаров широкого потребления в основном имели с купеческим капиталом лишь торговые отношения. Только в горном промысле и в обработке металлов (особенно в изготовлении латунной посуды) складывались, по мнению авторов «Истории Кореи», реальные капиталистические отношения⁵³.

Советская историография. В советской историографии к проблемам, затронутым в настоящем обзоре, первым обратился М. Н. Пак. В статье «К характеристике социально-экономических отношений в Корее в XIX в.»⁵⁴ анализировалось состояние производительных сил, государственный и социальный строй, система аграрных отношений и феодальной эксплуатации. Этой статьей была сделана первая попытка выявить тенденции социально-экономического развития Кореи накануне колониального закабаления.

Впоследствии проблемы корейского феодализма нашли специальное освещение в работах Ю. В. Ванина. Его книга «Феодальная Корея в XIII—XIV вв.»⁵⁵, посвященная в основном истории героической борьбы народных масс против чужеземных захватчиков и феодальных угнетателей, дает характеристику феодальной собственности на землю и различных форм феодального землевладения в средневековой Корее, причем организация централизованного феодального государства рассматривается в связи с существованием верховной государственной собственности на землю.

Проблемы, связанные с началом разложения феодального строя и возникновением капиталистических элементов в недрах феодального общества, на большом фактическом материале рассмотрены в книге Ю. В. Ванина, посвященной характеристике экономического положения Кореи в XVII—XVIII вв.⁵⁶. В книге дана поотраслевая характеристика феодальной экономики в Корее — сельского хозяйства, ремесла, промыслов и торговли. В разрушении натурального хозяйства и развитии товарно-денежных отношений,

⁵² Чосонса (чхого) (История Кореи (черновой вариант)), стр. 410.

⁵³ Там же, стр. 412—416.

⁵⁴ Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952.

⁵⁵ См. Ю. В. Ванин. Феодальная Корея в XIII—XIV вв. М., 1962.

⁵⁶ См. Ю. В. Ванин. Экономическое развитие Кореи в XVII—XVIII вв. М., 1968.

в распада государственной собственности на землю и ослаблении иерархического, сословного характера феодальной собственности, в росте классовой дифференциации и «освобождении» крестьян от земли автор видит основные элементы разложения феодализма, отмечая вместе с тем и факторы, задерживавшие формирование ростков капиталистических отношений. Автор ставит вопрос о рубеже начавшегося кризиса феодального строя в Корее (нач. XIX в.)⁵⁷. Разумеется, ряд выводов работы нуждаются в дальнейшем уточнении.

Отдельные аспекты положения Кореи в период позднего феодализма освещены также в работах Г. Д. Тягай⁵⁸. В частности, исследуются такие проблемы, как упадок производительных сил и нарастание кризисного состояния в XIX в., обострение феодальных противоречий, идеологическая борьба, отражавшая политические и социально-экономические сдвиги, движение народных масс.

Некоторые итоги изучения истории корейского феодализма подведены в коллективной «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)»⁵⁹. Ее авторы обобщили основное из того, что накоплено к настоящему времени историографией КНДР, Советского Союза и других стран. История феодального общества в Корее предстает в книге как единый, неразрывный процесс, в основе которого — развитие производительных сил и производственных отношений. Большое место занимает период разложения феодализма в Корее. В частности, исследуются те качественные изменения, которые начиная с XVII—XVIII вв. происходили в экономике, социальном строе, аграрных отношениях, в сфере политики и идеологии. Наряду с этим показано, как отжившие свое феодальные порядки, всеобъемлющий контроль властей и регламентации, безудержная эксплуатация тормозили социально-экономическое развитие страны.

---

⁵⁶ См. Ю. В. Ванин. Экономическое развитие Кореи в XVII—XVIII вв., стр. 258.

⁵⁸ Г. Д. Тягай. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960; е е же. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971.

⁵⁹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней), т. I. М., 1974.

Д. В. ДЕОПИК

ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ВЬЕТНАМА

Вьетнамские хроники. Первые исторические труды вьетнамских феодальных хронистов, написанные в VI—X вв., до нас не дошли. Лишь наличие упоминаний о них и особенности последующей исторической традиции позволяют говорить об их существовании. Первые, целиком дошедшие до нас хроники относятся к XIII в. Наиболее интересна хроника «Вьет Ши Лыок»¹; автор ее не установлен, написана она скорее всего в середине XIII в. В отличие от более поздних произведений во «Вьет Ши Лыоке» сильна традиция буддистских хроник Цейлона и Юго-Восточной Азии. Книга написана сжато, сухим языком, без авторских комментариев и с малым количеством прямой речи. Влияние конфуцианских норм незначительно, ссылки на китайскую литературу — редки, зато на автора хроники воздействовала буддистская философия, как на его отношение к событиям, так и на стиль изложения — подчеркнуто бесстрастный.

Следующий большой этап в развитии феодальной историографии представлен трудом Нго Ши Лиена «Дайвьет Шы-ки-тоантхы»², считавшимся классическим вьетнамским историческим произведением. Возводя историю Вьетнама, как и автор «Вьет Ши Лыок», к незапамятным временам, Нго Ши Лиен освещал историю с конфуцианских позиций и во многом следовал нормам китайского летописания. Это сказалось на манере изложения и некоторых моральных оценках. Как и все вьетнамские летописцы, Нго Ши Лиен в соответствии с исторической действительностью, вопреки китайским хронистам, описывал Вьетнам как древнее независимое государство, лишь временно попадавшее под власть северного соседа. В самом тексте выражено стремление подчеркнуть самостоятельность Вьетнама, показать успешную борьбу вьетнамцев за свою независимость. Но это не означает для Нго Ши Лиена отказа от достижений китайской культуры и использования китайских прин-

¹ Очерк истории Вьетнама. Ханой, 1960.

² Полные исторические записи о Дайвьете. Ханой, 1967.

ципов подробного описания событий. Его книга содержит громадный материал по истории Вьетнама XIII — начала XV вв.

Французская буржуазная историография. Изучение феодального Вьетнама на Западе началось сравнительно недавно. В колониальный период им почти не занимались, так как колонизаторам было очевидно, что исследование средневековой истории Вьетнамского государства могло послужить дополнительным импульсом в борьбе за независимость. Определенную роль играло и нежелание колониальной администрации в больших масштабах привлекать к научной работе вьетнамскую интеллигенцию, без которой невозможна была широкая разработка проблем средневековья. Кроме того, европейских исследователей интересовали «индустриализированные» государства Восточного Индокитая (Тьямпа и Камбуджадеша), на изучение которых и были брошены значительные силы. В итоге основное учреждение по изучению французского Индокитая — Французская Школа Дальнего Востока — сравнительно мало сделало для изучения вьетнамского средневековья. Что же касается специального вьетнамоведческого института — Общества друзей старого Хюэ, то он был слишком малочислен.

Буржуазная историография представлена несколькими книгами французских и вьетнамских авторов и многочисленными статьями. Французские авторы практически не занимались общими проблемами истории Вьетнама, такими, например, как характер вьетнамского феодализма, его генезис. В конце XIX — начале XX вв. определенное значение для изучения средневековой истории имели общие работы вьетнамских авторов так называемого консервативного направления. Выполняя в сфере исторической науки ту же роль, какую сыграли вьетнамские католики в политике, историк (католик) Петрус Ки стремился облегчить французской администрации управление страной. Для этого он создал «Курс истории Аннама», десятилетиями служивший главным пособием по истории Вьетнама. Отражая политический курс капитулянтски настроенной части феодалов, книга Петруса Ки описывала вьетнамское феодальное общество как нечто неизменное и замалчивала национально-освободительную борьбу вьетнамского народа в различные периоды его истории. Написанная на основе вьетнамских хроник, но под некоторым влиянием европейских буржуазных взглядов на общество и историю, эта книга положила начало «колониально-монархическому» направлению во вьетнамской историографии. Временем возникновения самостоятельного государства автор считал 939 г. Эта дата, более чем на тысячу лет отстающая от реальной, устраивала и колониальную администрацию, так как вьетнамская цивилизация получалась менее древней, и ей легче было приписывать черты примитивности, отсталости и т. д. Социальная структура этого государства на всем протяжении истории рассматривалась как феодальная.

Французские буржуазные авторы считали, что феодализм присущ азиатским обществам вообще и Вьетнаму в частности. Тем

более, что проблема социальной структуры средневекового Вьетнама никого из ученых тогда конкретно не интересовала. Поэтому было бы неверным считать, что утверждения А. Масперо о феодализме во Вьетнаме в I в. н. э. были результатом длительного исследования и глубокого убеждения автора. Термин «феодалы» был им упомянут мимоходом³ как собирательный для характеристики местного господствующего класса. Безразличие к проблеме социально-экономических черт общества в сочетании с консервативными убеждениями большинства тогдашних вьетнамских историков, считавших, что социальные отношения неизменны, было препятствием на пути изучения экономики и истории общества. Французские колонизаторы, в отличие от английских или голландских, не предприняли (в первые десятилетия своего господства) попыток вмешательства в сельскохозяйственную экономику Вьетнама. А в странах Британской империи именно эти попытки привели почти повсеместно к сбору данных о налогах, формах землевладения, землепользования и т. п.; вслед за этим появились первые, пусть приблизительные, представления о социальной структуре общества. Во Вьетнаме в XIX в. проблема социальной структуры была затронута лишь в некоторых работах по устройству и жизни деревенской общины. Исследователи истории и культуры Вьетнама или вообще не касались вопроса об общественном строе или рассматривали вьетнамское общество как нединамичное и феодальное во все эпохи. Из работ начала века выделяются статьи Л. Кадьера⁴, рассматривавшего политическую сторону истории завоевания Южного Вьетнама при феодальном доме Нгюенов (XVII—XVIII вв.) и методы подчинения южных территорий. В эти же годы известный исследователь юридических документов Р. Делусталь издал свою «Юстицию древнего Аннама»⁵, в которой на богатом документальном материале (перевод кодекса XV в.— «Хонг Дык») показал основные черты системы наказаний в средневековом Вьетнаме. Однако он не попытался проследить эволюцию правовых отношений феодального Вьетнама, а также виды феодальной зависимости. Наиболее интересной работой тех лет надо считать большую статью А. Масперо «Протекторат Аннам при Танах»⁶. В этой работе изложена политическая и военная история этого плохо изученного периода, а также уточнены вопросы исторической географии Вьетнама. Столь же важны две его меньшие по размерам статьи — «Династия Ранних Ли»⁷ и «Кхмеро-аннамская граница в X—XIII вв.»⁸, посвященные слабо изученным

³ А. Масперо. *Le royaume de Van-lang*. — «Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extrême-Orient» (далее — BEFEO), Hanoi, 1918, vol. XVIII, f. 3.

⁴ L. Cadiere. *Le mur de Dong-hoi. Etude sur l'établissement des Nguyen en Cochichine*. — BEFEO, 1906, vol. VI.

⁵ R. Deloustal. *La justice dans L'ancien Annam*. Hanoi, 1911.

⁶ H. Maspero. *Le protectorat general d'Annam sous Les T'ang*. — BEFEO, 1910, vol. X.

⁷ H. Maspero. *La dynastie des Li anterieurs*. — BEFEO, 1916, vol. XVI.

⁸ H. Maspero. *La frontière de l'Annam et du Cambodge du VIII an XIV siècle*. — BEFEO, vol. XVIII.

страницам истории раннефеодального Вьетнама и основанные на большой источниковедческой работе с вьетнамскими и китайскими документами. Намеченные им основные вехи политической истории и оценки источников не устарели и оказывают воздействие на освещение истории этого времени.

В 20—30-х годах XX в. возросло число исследований и общих работ. Крупным событием было появление книги политического деятеля консервативно-националистического направления Чан Чонг Кима «Очерк истории Аннама»⁹, неоднократно переиздававшейся впоследствии большими тиражами. Автора совершенно не интересовали социально-экономические процессы, но для своего времени его труд содержал полное изложение политической истории, с детальным описанием систем летосчисления, титулатуры, родственных и династических связей. Что же касается проблем периодизации, вопросов экономики, аналогий в общественном развитии Вьетнама и других стран, то в этой сфере был сделан шаг назад даже по сравнению с другими работами того времени.

Гораздо более важным для развития вьетнамской исторической науки был труд Чан Ван Жяпа; его статья о средневековом вьетнамском буддизме¹⁰, основанная на малоизвестных отрывочных сведениях, разбросанных в различных источниках, была принципиально новым явлением в историографии. Будучи по форме описательной, она представляла собой краткое изложение истории развития течения «Дхьяна» во Вьетнаме, а также других сект. Сама идея «сквозного» описания истории распространения буддизма была отрицанием традиции, согласно которой ученые уклонялись от исторических сравнений. С именем Чан Ван Жяпа связаны и первые вьетнамские работы по критике источников. Во французской науке с 30-х годов источниковедением занимался Э. Гаспардон¹¹, крупнейший знаток вьетнамских источников.

В начале 30-х годов вышла единственная во французской историографии работа, давшая суммарное описание истории средневекового Вьетнама с 1428 г., написанная Ш. Мейбоном¹². Ее средневековый раздел внес в историографию феодального Вьетнама характерный для Запада стиль изложения, с оценками, сопоставлениями, аналогиями, с предлагаемыми автором мотивировками, моральными сентенциями, гипотезами. Все это тем не менее не компенсировало недостатка конкретной информации и отсутствия попыток анализа социально-экономических отношений и не оправдывало некоторых неточностей. Автору были присуща и ошибочная идея о неподвижности вьетнамского общества. Тем не менее книга

⁹ Tran Trong Kim. Viet-nam su luoc (Очерк истории Вьетнама), Hanoi, 1928, т. 1—2.

¹⁰ Tran Van Giap. Le bouddhisme en Annam des origines au XIIIe siècle. — BEFEO, 1932, vol. XXXII.

¹¹ E. Gaspardone. Bibliographie annamite. — BEFEO, 1932, vol. XXXIV.

¹² Ch. Maybon. Lecture sur l'histoire moderne et contemporaine de l'Annam (1428—1926). Hanoi, 1930.

Мейбона до середины 50-х годов была единственным на европейском языке систематическим изложением истории Вьетнама с XV в.

Вьетнамская историография (труды историков ДРВ до 1968 г.). В 30-х годах стали выходить первые книги и статьи вьетнамских авторов по отдельным разделам истории средневековья. Наиболее интересна книга Дао Зюй Аня об истории вьетнамской культуры¹³ и его же работы по лексике¹⁴. Труды эти облегчили перевод с китайского языка на вьетнамский старинных источников и сыграли важную роль в трактовке исторических терминов.

Первая половина 40-х годов знаменовалась увеличением объема литературы по истории средневекового Вьетнама, а исследователями были сами вьетнамцы. Это во многом связано с национальным подъемом, предшествовавшим Августовской революции 1945 г., и вызвано стремлением в прошлом своего народа найти примеры борьбы за независимость. Образцом такой литературы можно считать книгу «Ле Тхань Тон»¹⁵, посвященную одному из наиболее знаменитых монархов вьетнамского средневековья, с именем которого связаны представления о процветании и могуществе государства.

Эта литература имела мало общего с летописной традицией, которую продолжали хроники Чан Чонг Кима. Скорее она сближалась с другим традиционным жанром — беллетризованной биографией. Проблемы социально-экономической организации, как и проблемы периодизации, оставались вне поля зрения авторов этих работ. Необходимо отметить и появившийся в эти же годы интерес к публикации средневековых источников, переведенных на современный язык, что было новым и чрезвычайно важным явлением, поскольку позволяло массовому читателю знакомиться с историческими фактами.

Большим событием во вьетнамской медиевистике был выход в свет в 1955 г. труда крупного вьетнамского ученого Ле Тхань Кхой «Вьетнам»¹⁶. Средневековый раздел этой книги содержал наиболее детальное, чем где бы то ни было ранее, изложение истории. Широко привлекая данные вьетнамских летописей и официальных документов, Ле Тхань Кхой тщательно исследовал и описал в рамках единой материалистической концепции этот период истории страны. Если до него многие склонны были начинать развернутое изложение истории Вьетнама с начала XV в., то Ле Тхань Кхой показал, что в XV—XVIII вв. развивались тенденции XI—XIV вв. и отрывать эти периоды один от другого нельзя.

Автора отличает глубокий интерес к социально-экономическим проблемам, а его сочинение содержит элементы марксистского

¹³ Dao-duy Anh. Viet-nam van hoa su cuong (Очерк истории вьетнамской культуры). Hue, 1938.

¹⁴ Dao-duy Anh. Han-Viet Tu-dien (Китайско-вьетнамский словарь) Hue, 1932.

¹⁵ Chu Thien. Le Thanh-tong. Hanoi, 1943.

¹⁶ Le Thanh Khoi. Le Viet-nam. Histoire et civilisation. P., 1955.

анализа. Труд вызвал положительные отзывы историков Демократической Республики Вьетнам. Ле Тхань Кхой описывал Вьетнам как страну с государственной собственностью на землю (с III в. н. э.), страну, в которой постепенно распадалась община и росло частное землевладение. Хорошо показано, как отдельные феодалы стремились к неограниченной эксплуатации общинников и как феодальное государство, защищавшее интересы класса эксплуататоров в целом, пыталось затормозить процесс распада общинной организации, особенно тех ее элементов, которые служили интересам государственной власти.

Лишь с созданием Демократической Республики Вьетнам было начато широкое изучение социально-экономических проблем средневековой истории. Более половины книг и статей, посвященных вьетнамскому средневековью, вышло за последние 25 лет. Особый интерес представляет историография последних двух десятилетий, когда вьетнамские историки-марксисты приступили к решению ряда фундаментальных проблем.

Началось всестороннее плановое изучение истории, в котором участвовали многие ученые. Количество и качество опубликованных исследований превзошло написанное ранее; можно говорить об изучении всех периодов средневековой истории и привлечении всех основных источников. В связи с этим уместно кратко сказать и о некоторых особенностях источников по истории Вьетнама, обусловивших специфику современной историографии. Одной из важнейших особенностей источников является малое количество противоречивых версий и необоснованных дат. Уже с середины X в. вьетнамские хроники (в отличие, например, от бирманских или яванских) содержали подробное описание реальных событий, без легендарно-беллетристических вставок. В надежности сведений можно убедиться, сопоставив их с официальными китайскими и другими источниками. Почти все известные нам хроники создавались в одном центре — столице Тханглаунге (Ханой), при дворе монархов, и историки стремились доказать длительную преемственность власти государей. Хроники писались при неизменном этническом составе правителей и в условиях сохранения устойчивой религиозно-философской исторической концепции. Некоторое ослабление этой традиции имело место лишь в XVII—XVIII вв. Все это создало весьма устойчивую историческую традицию, так как уменьшалась возможность противоречивых толкований событий и дат или существенных разночтений в хрониках. Написанные на доступном вьетнамской феодальной интеллигенции китайском литературном языке (вэньяне) эти источники оказали в свое время влияние и на вьетнамскую буржуазную историографию, представители которой восприняли материалы хроник как непреложную истину.

Когда историки ДРВ занялись критическим анализом текстов хроник, указанные особенности затруднили текстологический анализ. Вместе с тем подробность сведений в источниках, а отчасти и наличие предшествующих работ по политической истории и исто-

рической географии, создали условия для перехода в широких масштабах к решению социально-экономических проблем.

Вводя в оборот все новые источники, подготавливая все новые критические издания и переводы, историки СРВ ведут исследования по широкому кругу проблем средневековья, уделяя основное внимание, во-первых, анализу общественных отношений и созданию на базе такого анализа объективной периодизации эпохи феодализма и, во-вторых, воссозданию истории борьбы трудящихся, в основном крестьянства, в феодальном обществе, их роли в многочисленных освободительных войнах с китайскими империями. Результаты исследований опубликованы в виде многочисленных статей в журналах «Ван Шы Диа»¹⁷, «Нгиен-кыу лить-шы»¹⁸, «Дай-хаук шы-фам»¹⁹, монографий, посвященных отдельным проблемам, общих трудов и учебников.

Прежде всего следует отметить большую источниковедческую работу вьетнамских историков, являющуюся одним из основных направлений их деятельности. При издании памятников в предисловиях к ним и в отдельных статьях дан критический анализ источников от самых ранних до XIX в. Наряду с историей самих памятников нашли освещение и взгляды историков. Так, например, установлено, что хроника XIII в. «Вьет Шы Лыок»²⁰, на первый взгляд представляющая собой последовательное описание событий в правлении тех или иных монархов, содержит весьма прогрессивные для своего времени идеи об ответственности монарха перед народом, что уже в начале XIX в. историк Фан Хюи Тю сформулировал новый взгляд на историю общества как на процесс динамичного развития.

Историками СРВ разрабатываются принципы научного описания документов, организовано ведется сбор новых рукописей, ксилографов, непрерывно издаются источники. Широко поставлена работа по переводу на современный язык средневековых источников; все основные уже переведены и изданы в многотомных сериях. Стремясь расширить круг источников, вьетнамские историки ведут систематический анализ китайских хроник, а также пытаются разыскать книги, вывезенные китайскими чиновниками во время завоевательных войн. Немалую роль играет в работе над источниками массовый учет их, по мере возможности реконструкция исторических памятников, а также ведущиеся в широких масштабах раскопки. В ходе этих работ удалось собрать образцы вьетнамской средневековой эпиграфики, почти неизвестной ранее (в связи с этой работой впервые во Вьетнаме появились исследователи-эпиграфисты).

¹⁷ «Ван Шы Диа» («Литература. История. География»), выходил в 1955—1959 гг.

¹⁸ «Нгиен-кыу лить-ши» («Изучение истории»), начал выходить в 1960 г. (далее — НКЛШ).

¹⁹ «Дай-хаук шы-фам» («Педагогический институт»), выходил в 1955—1959 гг.

²⁰ Вьет Шы Лыок (Очерк истории Вьетнама). Ханой, 1960.

В расширении работ по средневековой истории большую роль сыграл выход в свет трехтомной «Истории феодализма во Вьетнаме», где собрана вся основная информация по средневековой истории. Изданы монографии по аграрным проблемам в средние века²¹, по истории борьбы против монгольского нашествия²². Наряду с более краткими общими курсами по истории страны они позволили начать формировать школу медиевистов. В этих работах, а также многочисленных статьях детально разрабатываются проблемы периодизации вьетнамского феодализма. Общей точки зрения еще не выработано, но по ряду вопросов достигнуто единство. Почти все ведущие авторы согласны с тем, что XI в. был временем формирования централизованного государства и что этот процесс завершился к концу XVIII в. В то же время по проблемам формирования феодальных отношений, их развития, а также по ряду частных вопросов имеются различные, порой малообоснованные точки зрения.

Труды историков СРВ о формировании феодализма во Вьетнаме. Проблема формирования вьетнамского феодализма тесно связана с периодом ранней государственности, существовавшей до временного подчинения страны Китаю. Как уже известно, в советской востоковедной литературе этот вопрос был предметом длительных дискуссий, в ходе которых высказывались самые различные точки зрения²³. В дальнейшем выкристаллизовались две концепции: согласно первой—возникшее у предков вьетнамцев в III в. до н. э. государство Аулак было ранним классовым обществом; согласно второй— это был союз племен, а становление классового общества совпало с включением Вьетнама в состав Ханьской империи (I в. н. э.). Первую концепцию разделяли Дао Зюй Ань²⁴, Минь Чань²⁵, Ван Тан²⁶. К этим же выводам пришел на основе своих исследований в 1958 г. и автор данной работы²⁷, другую поддерживали Ха Ван Тан и Чан Куок Вьонг²⁸ в труде по истории

²¹ Фан Хюи Ле. Те-до жуонг-дэт ва кинь-те нонг-нгиеп тхой Ле со (Аграрные отношения и сельскохозяйственная экономика в эпоху начала Поздних Ле). Ханой, 1959.

²² Ха Ван Тан, Фам Тхи Там. Куок кханг тиен тьюнг сам лыок Нгюен монг тхе нх мьой ба (Война сопротивления против захватчиков монгольской династии Юань в XIII в.). Ханой, 1968.

²³ См. Д. В. Деопик. Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической науке. — ВДИ, 1956, № 2.

²⁴ Дао Зюй Ань. Ко тхой-ни та-до но-ле чаунг лить-шы Вьетнам кхонг? (Существовал ли в истории Вьетнама рабовладельческий период?). — «Педагогический институт», 1955, № 2, стр. 16.

²⁵ Минь Чань. Со-тхао лыок-шы Вьетнам (Очерк истории Вьетнама), 1954, стр. 14—16.

²⁶ Ван Тан. Ко хай кхонг ко тхой-ни те-до фаунг-киен фан-нгюен (Был или не был период феодальной раздробленности). — НКЛШ, 1963, № 47, стр. 24.

²⁷ См. Д. В. Деопик. Возникновение государства во Вьетнаме. — «Советское востоковедение», 1958, № 4.

²⁸ Чан Куок Вьонг, Ха Ван Тан. Лить-шы те-до конг-шан нгюен тхой о Вьетнам (История первобытного строя во Вьетнаме). Ханой, 1960.

первобытного общества во Вьетнаме. В ходе двух больших дискуссий 1956 и 1960 гг.²⁹, когда сталкивались самые различные точки зрения, вопрос так и не получил окончательного разрешения, хотя к 1960 г. было полностью отвергнуто представление о том, что события III в. до н. э. носили легендарный характер. В последние годы и те, кто оспаривал классовый характер общества Аулака, отказались от своих взглядов.

Независимо от того, как рассматривают те или иные авторы социальную структуру лаквьетского (древневьетнамского) общества, все они так или иначе связывают процесс *оформления* возникших самостоятельно феодальных отношений с влиянием китайского общества, поскольку это оформление происходило в период политической зависимости от Китая. В рамках этого общего взгляда многое зависит, во-первых, от того, к какому периоду относят разные авторы начало глубокого (достаточного для адекватного восприятия социальной терминологии, на анализе которой базируются многие выводы) влияния Китая на Вьетнам и, во-вторых, с какого периода они рассматривают китайское общество и его систему социальной терминологии как феодальные. (Надо сказать, что феодальный строй империи Хань во вьетнамской литературе либо признается без доказательства, либо этот вопрос не рассматривается вообще.)

Наиболее раннюю дату начала феодализации вьетнамского общества предложил Чан Ван Зау в предисловии к первому тому «Истории вьетнамского феодализма»³⁰ (авторы тома — Хан Ван Тан и Чан Куок Вьонг — к нему присоединились). Чан Ван Зау рассматривал период со 180 г. до н. э. по 40 г. н. э. как время перехода к феодальным отношениям от доклассовых, период с 40 по 541 г. — как время формирования феодальных отношений, а 541—939 гг. — как время становления независимого феодального государства. Слабое место в этой концепции состоит в том, что если предполагать формирование феодальных отношений в доклассовом (к моменту контакта в 180 г. до н. э. с ханьским обществом) лаквьетском обществе под влиянием ханьцев (что само по себе неверно), то становится необъяснимым принципиальное отличие сохранившейся — как основная ячейка вьетнамского феодального общества до XV в. — крепкой вьетнамской сельской общины (са) от таковой же в Китае, распавшейся весьма рано. Это отличие лишний раз свидетельствует о том, что феодализация во Вьетнаме была внутренним процессом и те или иные контакты с более развитым китайским обществом играли второстепенную роль. Гораздо более гибким представляется взгляд Зюй Хиня³¹, согласно которому, хотя еще рано говорить о точном определении характера соци-

²⁹ См. «Нгиен-кыу лить-шы» за 1960—1961 гг.

³⁰ Чан Ван Зау. В кн.: Чан Куок Вьонг, Ха Ван Тан (История вьетнамского феодализма), ч. I, Ханой, 1960, стр. 5.

³¹ Зюй Хинь. Тинь-тят куок кхой-нгиа хай ба Чынг (О характере восстания сестер Чынг). — НКЛШ, 1965, № 72, стр. 12.

ально-экономической формации в классовом вьетнамском обществе до середины I в. н. э., начиная с этого периода можно констатировать наличие во Вьетнаме такой господствующей силы, как земельная аристократия. Не предопределяя таким образом решения вопроса, автор устанавливает по крайней мере одно важное и бесспорное обстоятельство. Черты феодализации другой историк, Хо Хыу Фьюк, видит во времена Кхук Тхыа Зу (нач. X в.).

Обращаясь к проблеме влияния китайского общества на оформление возникших во Вьетнаме феодальных отношений, Зюй Хинь предлагает рассматривать в качестве рубежа начала интенсивных контактов с китайским обществом не время «восстания сестер» (40—44-е годы н. э. и позднее), а период попыток активной ассимиляции лаквьетов в правление Ван Мана (10—20-е годы н. э.). Автору, опубликовавшему аналогичные соображения в 1961 г.³², остается только согласиться с Зюй Хинем в определении даты начала интенсивных контактов двух обществ. С другой стороны, оппонент Зюй Хиня, Хо Хыу Фьюк³³, прав, относя процесс контактов к более длительному периоду, чем четверть века перед «восстанием сестер». Правда, расширение периода, по нашему мнению, должно идти в сторону II в. н. э., а не II в. до н. э.; мнение же Хо Хыу Фьюка о том, что уже во II—I вв. до н. э. в лаквьетском обществе шел интенсивный процесс восприятия ханьской культуры, не соответствует данным источников.

В целом различные точки зрения, подытоженные в другой статье Зюй Хиня, можно свести к следующим: по мнению одних, процесс феодализации начался со II—I вв. до н. э.; по мнению других,— со времени подавления «восстания сестер»; по мнению третьих,— с момента ликвидации независимой вьетнамской империи Ван-суан и создания новых форм организации общества в рамках китайского «Верховного управления Аньнань» (начало VII в. н. э.); по мнению четвертых,— с начала X в. Точка зрения самого Зюй Хиня выглядит следующим образом³⁴: классовое общество до начала н. э.— дофеодальное, тенденции феодализации стали проявляться с начала н. э., процесс феодализации шел достаточно долго. Близок к этой точке зрения Чыонг Хоанг Тяу³⁵, при этом он считает древнее вьетнамское общество рабовладельческим. Осторожно заметив, что время перехода к феодализму,— вопрос неясный, он полагает, что формирование его началось с утверждения верховной государ-

³² См. Д. В. Деопик. Крестьянские восстания во Вьетнаме в I—II вв. н. э. — «Вопросы истории и литературы Востока». М., 1961.

³³ Хо Хыу Фьюк. Нен-доук бай «Мэй и-киен ве ван-де фаунг-киен хоа чаунг лить-шы Вьетнам» (К статье «Некоторые замечания по проблеме феодализации в истории Вьетнама»). — НКЛШ, 1964, № 61, стр. 15.

³⁴ Зюй Хинь. Мэй и-киен ве ван-де фаунг-киен хоа чаунг лить-шы Вьетнам (Некоторые замечания по проблеме феодализации в истории Вьетнама). — НКЛШ, 1963, № 55, стр. 9—11.

³⁵ Чыонг Хоанг Тяу. Мот-со нян-тхык ве дак-днем куа са-хой тхой чунг-тхе о Вьетнам (Об особенностях средневекового общества во Вьетнаме). — НКЛШ, 1963, № 47, стр. 39.

ственной собственности на землю, а возникновение личной наследственной собственности на землю — дело позднее. Надо сказать, что в целом последняя преобладала в поздний период вьетнамского феодализма, но так как личная собственность в XI—XVII вв. — не одно и то же, окончательно вопрос еще не решен. Приблизительно на тех же позициях стоит и Ван Тан³⁶. Считая, что до начала н. э. Вьетнам развивался как классовое общество, он связывает возникновение феодальных тенденций в обществе с силами, возглавившими «восстание сестер». Он рассматривает, в частности, восстание Чиеу Ау (248 г.) как проявление стремления к созданию уделов. Утверждение феодальных норм относит он к моменту восстания Ли Бона и создания империи Ван-суан (541 г.). В VII—IX вв., по его мнению, происходило укрепление во вьетнамском обществе позиций наследственных крупных землевладельцев — феодалов, свергнувших власть Китая и способствовавших установлению в X в. режима феодальной раздробленности.

Историки СРВ о проблемах феодализма во Вьетнаме. Проблема периода феодальной раздробленности посвящен ряд других работ. Уже в 1953—1954 гг. Дао Зюй Ань³⁷ и Минь Чань³⁸ предложили рассматривать X — начало XI в. как период феодальной раздробленности и ввели это понятие во вьетнамскую науку. Впоследствии присоединился к их точке зрения Ван Тан. Им была подвергнута критике точка зрения Ха Ван Тана и других, считавших, что во Вьетнаме, где феодализм формировался под влиянием централизованной Китайской империи и принял форму централизованной организации господствующего класса, феодальная раздробленность в прямом смысле этого слова не имела места как особый период.

Следующей крупной проблемой является переход от положения в централизованном феодально-бюрократическом государстве XI—XIV вв. к феодальному строю, основанному на поместном землевладении (XVIII в.). Ключевым для этих перемен является XV в. Внимательное изучение истории и экономики этого века, политических мероприятий монархов и государственных деятелей (таких как Хо Кюи Ли, Ле Лой, Нгюен Чай) привело к пересмотру традиционных воззрений на периодизацию этой эпохи. Традиция противопоставляла «узурпатора» Хо Кюи Ли (конец XIV — начало XV в.) с его неугодными крупным феодалам реформами и проигранной войной против Китая «великому» Ле Люю (правил с 1428 по 1433 г.) — победителю китайских захватчиков (хотя Ле Лой тоже был узурпатором). Пристальное изучение фактов позволило современным вьетнамским историкам заметить преемственность

³⁶ Ван Тан. Ко хай кхонг ко тхой-ки те-до фаунг-киен фан кюен (Были ли не был период феодальной раздробленности). — НКЛШ, 1963, № 47, стр. 24—25.

³⁷ Дзо Зюй Ань. Лить-шы Вьетнам (История Вьетнама). Ханой, 1953, стр. 104—105.

³⁸ Минь Чань. Со-тхао лыок-шы Вьетнам (Очерки истории Вьетнама).

в реформах Хо Кюн Ли и Ле Лоя, прогрессивность той программы, за которую боролся Хо Кюн Ли. Было установлено, что отмеченные военными победами и высоким подъемом культуры правление Ле Тхань Тона (конец XV в.) было временем начала кризиса в области экономики, распада системы общинного землевладения, перехода к поместному землевладению. Граница между двумя этапами в развитии феодализме проходит, как показала книга Фан Хюи Ле³⁹, в конце XV — начале XVI в.

При изучении последних веков развитого вьетнамского феодализма (XVII—XVIII вв.) историки основное внимание уделяют анализу внутренней борьбы в обществе, в особенности крестьянским восстаниям. Особый интерес вызывает связь социального и национального факторов в борьбе крестьян, поскольку именно они были основной движущей силой «регулярных» и партизанских войн против цинских захватчиков, на стороне которых выступали объединенные силы феодалов Вьетнама. Наряду с исследованиями борьбы с монгольским нашествием в XIII в.⁴⁰, с китайской агрессией при Минах в XV в.⁴¹ появились работы о борьбе с вторжением маньчжурских войск в конце XVIII в.⁴², в период восстания тэйшонов⁴³. Вообще тэйшонское восстание, всячески замалчивавшееся феодальной историографией (насколько можно замалчивать победоносное восстание, длившееся 30 лет), внимательно изучается в СРВ, и это чрезвычайно важно, ибо восстание тэйшонов — одно из немногих в истории, о котором можно судить по материалам источников.

Значительное место во вьетнамской историографии занимает вопрос о времени и условиях формирования вьетнамской нации. Чан Хюи Льеу и Минь Чань в середине 50-х годов относили его к концу XVIII в., Дао Зюй Ань — к XIV в. При этом Чан Хюи Льеу и Минь Чань исходили из факта политической общности страны и начала формирования буржуазных отношений в городах, а Дао Зюй Ань — из уже сложившегося противопоставления вьетнамцев как этноса своим соседям. Надо отметить, что обе точки зрения не связывают формирование нации с наличием буржуазных отношений, ибо в этом случае пришлось бы относить возникновение нации, как предлагал Хонг Суан Нь, к 1930 г. Несостоятельность последнего предположения заставляет считать точки зрения предыдущих авторов более приемлемыми в целом. Что же касается

³⁹ Фан Хюи Ле. Те-до жуонг-дат ва кинь-те нонг-нгиеп тхой Ле со (Аграрные отношения и сельскохозяйственная экономика эпохи начала Поздних Ле (XV—XVII вв.). Ханой, 1959.

⁴⁰ Ха Ван Тан, Фам Тхи Там. Ук. соч.

⁴¹ Фан Хюи Ле. Раздел в книге «Лить-шы те-до фаунг-киен Вьетнам», ч. II, Ханой, 1962.

⁴² Нгюен Лыонг Бить, Фам Нгок Фунг. Тим хиеу тхиен-тан куан-сы куа Нгюен Хюе (Полководческий гений Нгюен Хюе). Ханой, 1966.

⁴³ Минь Чань. Фаунг-чао нонг-зан тхе-ки 18 ва кхой-нгиа Тэй-шон (Крестьянское движение в XVIII веке и восстание тэйшонов). Ханой, 1958; Ван Тан. Кать-манг Тэй-шон (Революция тэйшонов). Ханой, 1958.

конкретного времени возникновения нации, то по этому вопросу нет не только единого мнения, но и мнения большинства.

В многочисленных статьях и книгах, вышедших в ДРВ, подвергаются критическому разбору взгляды таких историков колониального периода, как Петрус Ки (Чыонг Винь Ки), Чан Чонг Ким, критикуются ошибки и в работах современных авторов, таких, как Ле Тхань Кхоя. Исследуются также проблемы феодальной историографии, в частности, были посвящены специальные семинары таким средневековым историкам, как Ле Кюи Дон и др.

Ведущиеся в Социалистической Республике Вьетнам исследования феодального общества, как видно из изложенного, уже дали новые и важные результаты, многочисленные научные труды в этой области позволили вскрыть основные особенности вьетнамского феодализма, наметить периодизацию, обнаружить социально-экономические основы процессов, типичных для феодализма в странах Азии. С каждым годом работы вьетнамских медиевистов приобретают все больший размах; надо надеяться, что интенсивная разработка таких проблем, как происхождение вьетнамского государства, аграрные отношения в развитом феодализме и других приведет к дальнейшему обогащению марксистской исторической науки о феодальном обществе.

Работы советских историков о феодальном Вьетнаме. Изучение феодальных отношений во Вьетнаме занимает значительное место и в трудах советских вьетнамистов. Истории раннефеодального общества во Вьетнаме посвящена статья Д. В. Деопика «Организация управления на окраинах китайской империи на примере вьетских земель крайнего юга»⁴⁴ и раздел: «Вьетнам в раннее средневековье» в книге «История стран Азии и Африки в средние века»⁴⁵. Малочисленность источников по периоду VI—IX вв. затрудняет характеристику феодальных отношений. Но уже сейчас можно считать доказанным, что, несмотря на политическую зависимость Вьетнама от Китая (603—880 гг.), его социальное развитие шло своим путем. В стране формировалась прослойка крупных наследственных феодалов (в X в. получивших название «сы-куанов»), в зависимость от которых попадали целые районы, населенные общинниками. Судя по источникам X в., общинники не находились в личной зависимости, хотя «сы-куаны» узурпировали права государства (вначале — китайского, затем — вьетнамского) на ренту — налог с общин — «са». Что касается мелких и средних феодалов, то они были представлены служилой прослойкой «куанов». Конец IX — начало XI в. рассматривается автором как период феодальной раздробленности, когда владельцы уделов — «сы-куаны» вели войны против центральной власти и между собой, а вьетнамский монарх — виа пытался им противостоять, опираясь на поддержку служилых (в значительной части — военных) и буддийской церк-

⁴⁴ «Общество и государство в Китае», вып. 1. М., 1970, стр. 51—78.

⁴⁵ История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, стр. 56—61.

ви. Середина XI — начало XVI в. рассматривается Д. В. Деопиком в соответствующем разделе книги «История стран Азии и Африки в средние века»⁴⁶ и в статье «Вьетнам» в СИЭ⁴⁷ как период существования централизованного феодально-бюрократического государства. Тогда основную массу производителей составляли юридически свободные крестьяне-общинники, платившие ренту — налог непосредственно государству или феодалам — чиновникам, получившим право сбора ренты-налога на период их службы. Существовала небольшая прослойка крупных феодалов, в основном родственников вуа, имевших наследственные владения. Буддийские монастыри также имели «вечные» владения. В этих землевладениях насчитывалось несколько категорий зависимых производителей, также объединенных в общины; они лично зависели от владельца и не несли государственных повинностей. Помимо них существовали группы людей, чья зависимость была близка к холопской. Они принадлежали высшей знати и обычно использовались в сфере обслуживания.

В XVI—XVII вв., как считает автор⁴⁸, эта система начала разлагаться, община все более приобретала характер соседской общины, переделы охватывали все меньшую часть земли и не имели уравнительного характера. С конца XV в. возникли мелкопоместные хозяйства внутри деревень, а к началу XVIII в. основную массу феодалов уже составляли мелкие помещики, обычно (но не обязательно) выполнявшие функции государственных служащих среднего звена. Этот тип феодальных отношений, рассматриваемый автором как позднефеодальный применительно к Вьетнаму, сохранился и в колониальный период и был уничтожен аграрной реформой Демократической Республики Вьетнам. Вопросу о формировании служилого феодального сословия в позднефеодальном Вьетнаме посвящена другая работа того же автора⁴⁹. В ней показано, что до конца XVIII в. основным поставщиком образованных чиновников феодального государства была не городская среда, как это было в европейских странах, а деревенская, что еще раз подчеркивает сравнительную слабость города в феодальном Вьетнаме.

Истории средневекового Вьетнама посвятил свой труд М. А. Чешков⁵⁰, исследовавший главным образом историю XV—XVIII вв., предшествующий период получил в ней лишь самое общее освещение. Автор верно оценил вьетнамское феодальное общество XI—XIV вв. как общество господства верховной собственности государства на доходы от земли с преоблада-

⁴⁶ История стран Азии и Африки в средние века, стр. 195—206.

⁴⁷ Вьетнам. — В кн.: Советская историческая энциклопедия, т. IV. М., 1964.

⁴⁸ См. Д. В. Деопик. Вьетнам в поздние средневековье. — В кн.: История стран Азии и Африки в средние века, стр. 185—207.

⁴⁹ См. Д. В. Деопик. Сравнительная роль города и деревни в формировании кадров лауреатов традиционных конкурсов (на материале Вьетнама XVI—XVIII вв.). — В сб.: «Общество и государство в Китае», вып. 1. М., 1971, стр. 116—130.

⁵⁰ См. М. А. Чешков. Очерк истории феодального Вьетнама. М., 1967.

нием условного феодального землевладения над наследственным, сравнительно близким к европейскому крупному феодальному землевладению. В то же время трудно согласиться с тем, что автор отнес социально-экономические отношения во Вьетнаме к азиатскому способу производства.

В работе И. А. Огнетова⁵¹ дано подробное описание и детальный анализ восстания тэйшонов. На примере этого победоносного восстания автор показал, как от уравнилельных идей первого периода восстания вожди крестьян перешли к восстановлению феодальных норм и порядков, что и объясняет, наряду с другими причинами, поражение восстания.

Характеризуя вьетнамское феодальное общество, И. А. Огнетов указывает, что одной из причин кризиса, приведшего в конце XVIII в. к восстанию тэйшонов, была частичная смена общинного хозяйства помещичьим и связанной с этим расширением системы условных землевладений.

Анализу аграрных отношений во Вьетнаме в XIII—XIV вв. посвящена работа Г. М. Маслова⁵². Автор проследил тенденции развития аграрных отношений во Вьетнаме и попытался выявить среди феодальных землевладельцев второй половины XV в. группу получателей земельных владений из деревенского фонда земель, из которой впоследствии образовался слой мелких помещиков позднефеодального Вьетнама.

Структура общины и ее место в системе социально-экономических отношений развитого позднего феодального общества во Вьетнаме изучалась советским этнографом А. И. Мухлиновым⁵³. Автор, как и все советские ученые и большинство исследователей СРВ, рассматривает вьетнамскую общину — са как объединение юридически свободных крестьян, связанных, по крайней мере до XVI—XVII вв. экономическим единством в виде общего земельного фонда, подвергающегося периодическим переделам. Автор справедливо указывает на то, что вьетнамское феодальное общество веками базировалось на сельской общине, как основном объекте эксплуатации, что и привело к формированию здесь азиатской деспотии с верховной собственностью государства на землю.

Отдельные проблемы о составе класса феодалов в раннесредневековом Вьетнаме поставлены в статье И. А. Машкиной⁵⁴

---

⁵¹ См. И. А. Огнетов. Восстание тэйшонов во Вьетнаме. М., 1960.

⁵² См. Г. М. Маслов. Некоторые тенденции развития аграрных отношений во Вьетнаме в XIII—XIV вв. — В сб.: Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М., 1969, стр. 176—187.

⁵³ См. А. И. Мухлинов. Вьетнамская сельская община. — В сб.: Восточно-азиатский этнографический сборник. «Тр. Ин-та этнографии», т. LXXIII. М., 1961, стр. 217—279.

⁵⁴ См. И. А. Машкина. К истории китайско-вьетнамских связей в III—X вв. — В сб.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970, стр. 63—83.

о вьетнамо-китайских связях в III—X вв.; проблемам источников посвящены работы П. В. Познера⁵⁵.

Подводя итоги, можно сказать, что проблематика вьетнамского феодализма интенсивно разрабатывается в марксистской исторической литературе, и уже достигнут ряд крупных успехов в работах над такими проблемами, как периодизация, формы эксплуатации и т. д.

---

⁵⁵ См. П. В. Познер. Освещение древней истории Вьетна в средневековых вьетских хрониках-летописных сводах. — «Народы Азии и Африки», 1976, № 1.

ПРОБЛЕМЫ ЯПОНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА В ТРАКТОВКАХ ПРОГРЕССИВНЫХ ЯПОНСКИХ ИСТОРИКОВ

Интерес историков к проблемам вызревания элементов капиталистического уклада и появления предпосылок буржуазной революции в Японии чрезвычайно велик, поскольку связан с вопросом социально-экономического развития страны за последние сто лет и быстрого выдвижения Японии в послевоенный период (несмотря на военное поражение) на одно из ведущих мест в капиталистическом мире. Буржуазные идеологи пытаются отвлечь молодые развивающиеся страны от социалистической ориентации и преподносят Японию как образец развития по капиталистическому пути. В этой стране ежегодно публикуется до 500 статей и книг, посвященных проблемам истории Японии. Помимо крупных исторических обществ — «Рэкисигаку кэнкюukai» (Общество по изучению истории)¹, «Сигакай» (Историческое общество), «Нихон си гаккай» (Научное общество по истории Японии) — организовано несколько объединений ученых, специально занимающихся изучением истории феодализма и нового времени. Издано несколько многотомных собраний документов, в научный оборот введен богатый исторический материал². В японской историографии сильные позиции завоевали историки-марксисты, а также ученые прогрессивного направления. В то же время, особенно с конца 50-х годов, против марксистской историографии усилили борьбу националистические школы. Буржуазные ученые используют также американские «теории модернизации» и их японизированные варианты. Особое влияние на историков оказали труды американского ученого и дипломата

¹ В 1962 и 1971 гг. сессии общества были непосредственно посвящены проблемам «Структурных особенностей токугавской системы» и кризису феодального общества.

² «Дай Нихон кинсэй сирё» («Материалы по истории Японии Нового времени»), тт. 1—11. Токио, 1953—1957; «Дай Нихон сирё» («Материалы по истории Японии»), тт. 1—12. Токио, 1901—1965; «Сирё Нихон си» (Материалы по истории Японии). Токио, 1958; Нихон сирё сюсэй (Сб. материалов по истории Японии). Токио, 1956, 1963; «Нихон гайко бунсё» («Документы по внешней политике Японии»), тт. 1—31 и др. Токио, 1938—1955.

Э. Рейшауэра³. Празднование 100-летнего юбилея так называемой революции Мэйдзи в 1968 г. было широко использовано для националистической пропаганды и отмечено выходом в свет многочисленных трудов буржуазных авторов.

Не имея никакой возможности охватить всю современную историографию изучаемого периода, ограничимся лишь освещением проблем периодизации нового времени и генезиса капитализма в наиболее важных работах прогрессивных японских ученых.

Начало нового времени (кинсэй) японские ученые чаще всего относят к последней трети XVI в.⁴

Критерием периодизации прогрессивные историки считают социально-экономические изменения, а в качестве рубежей неизбежно принимаются крупные события политической жизни, периоды правления политических деятелей.

Можно выделить три направления в оценке уровня социально-экономического развития Японии конца XVI—начала XVII в.: 1) концепция «восстановления феодализма» (Накамура Китидзи); 2) концепция создания раннего абсолютизма (Идзу Кимио, Хаттори Сисо)⁵; 3) различные варианты теории «чистого феодализма», которой придерживается большая часть историков. Объединяет их посылка о наличии незрелых форм феодальных отношений, а поэтому позднее развитие феодализма⁶

---

³ Э. О. Рейшауэр (E. O. Reischauer — профессор Гарвардского университета в 1961—1966 гг. был послом США в Японии. Его основные работы: «Japan. Past and Present» — (1947, 1965); «Japan and America» (1952); «Wanted: an Asian Polycy» (1955); «The United States and Japan» (1957, 1962, 1965); «East Asia. The Great Tradition» (1960); «East Asia. The modern Transformation» (1965) (Обе с соавтор. с J. K. Fairbank); Нихон киндай но атараси миката (Новый взгляд на модернизацию Японии). Токио, 1965; Japan. The Story of Nation, 1970 (в исторической части почти совпадает с «Japan. Past and Present»).

⁴ Сасаки Дзюнносукэ. Бакухансэй дайити танкай но секаки ни цунтэ (О периодизации первого этапа развития токугавского общества). — «Рэксигаку кэнкю», 1961, № 260, 12; Цуда Хидэо. Кинсэй коки но дзики кубун ни кансуру сирон (О периодизации второй половины Нового времени). — Там же, стр. 22—29.

⁵ Наметки концепции были сделаны в 1907 г. Фукуда Токудзо, в 30-х годах развил Идзу Кимио и окончательно сформулировал в 1948—1949 гг. Хаттори Сисо.

⁶ Примыкает к этому направлению концепция «феодальной революции, выдвинутая в 1953 г. молодым историком Араки Мориаки. «Феодальную революцию» он усматривал в создании в последней трети XVI в. феодально-зависимых мелких крестьянских хозяйств вместо средневековых «мёсю», которые, по мнению Араки, применяли полурабский труд. В последующих работах Араки развивал свою концепцию, в частности, в книге «Рэксигаку ни окэру рирон то дзиссэ» (Теория и доказательства в исторической науке). Токио, 1969. Выступление Араки вызвало оживленную дискуссию о характере токугавского феодализма. Дальнейшее развитие дискуссии было связано с выступлениями Сасаки Дзюнносукэ.

Подробнее о направлениях в исторической науке см. в статье: И. Г. Поздняков. Прогрессивная японская историография о характере феодализма в Японии. — «Народы Азии и Африки», 1962, № 3, стр. 167—177.

Первые два направления, как нам кажется, без достаточных оснований видели кризис феодальной формации уже в XV—XVI вв., а последующий период японской истории (XVI—XVIII вв.) считали в той или иной степени временем феодальной реакции и застоя⁷. Они преувеличивали уровень социально-экономического развития средневековой Японии, причем подчас развитие товарно-денежных отношений отождествляли с появлением капиталистических отношений.

В объединении страны в последней трети XVI в. и в последующей политике феодального правительства прогрессивные историки (Миягава Мицуру, Эндо Синноскэ и др.) видят двойственный характер. Реакционные черты этого общества проявились в репрессиях против крестьянства, его разоружении и прикреплении к земле, в уничтожении самоуправления городов, лишении населения свободы выбора занятий и передвижения, в установлении системы всевозможных регламентаций. Отмечаются и положительные факторы, а именно: объединение страны и прекращение междоусобных войн, частичное реформирование аграрных отношений и другие меры, которые привели к заметному росту производительных сил, к созданию лучших условий для развития товарно-денежных отношений и торгового капитала.

Большинство японских историков и экономистов считает рубеж XVII—XVIII вв., период «гэнроку», переломным в развитии токугавского феодализма. Такого же мнения придерживается английский ученый Д. Сэнсом⁸ и американский историк Ч. Шелдон⁹.

⁷ Несколько приближалась к этому позиция А. Л. Гальперина. В «Очерках новой истории Японии» была дана следующая периодизация: 1) «Борьба за объединение страны и укрепление феодального строя (60-е годы XVI в. — 30-е годы XVII в.)». По мнению А. Л. Гальперина, в этот период произошло «относительное объединение страны и укрепление феодальных порядков» (стр. 13) и началось «зарождение капиталистических отношений в Японии» (стр. 4); 2) «Япония в 1640—1700 гг.». (Признается условность 1640 г. как начальной даты новой истории Японии.) Говорится о зарождении «первоначальных форм капиталистической промышленности, о начавшемся разложении феодализма»; 3) «Япония в период упадка феодального общества (XVIII в.)»; 4) «Япония в период кризиса феодальной системы и становления капиталистического уклада (конец XVIII — середина XIX в.)»; 5) «Япония накануне буржуазной революции (1853—1867 гг.)».

Прогрессивный канадский ученый Г. Норман также подчеркивает, что после XVI в. в токугавский период произошла консервация отношений и отчасти наблюдался регресс. См. Н. Norman. *Japan's Emergenns as a Modern State*. N. Y., 1940 (Возникновение современного государства в Японии. М., 1961). Близкой точки зрения придерживается по этому вопросу Э. О. Рейшауэр (Э. О. Рейшауэр. *Нихон киндай но атарасни миката* (Новый взгляд на модернизацию Японии), стр. 189); Japan. *The Story of Nation*, p. 113.

⁸ Д. Сэнсом (G. B. Sansom). *Japan. Short Cultural History*. L., 1931; *The Western World and Japan*. L., 1950; *Japan in World History*. N. Y., 1951; *A History of Japan*, 3 vols., 1951—1963. Токугавскому периоду посвящен т. 2, он носит обзорный характер. Сэнсом считает, что упадок начинается после смерти сёгуна Есимунэ в 1751 г.

⁹ S. D. Sheldon. *The Rise of the Merchant Class in Tokugawa Japan*. N. Y., 1958.

Периодизация истории феодальной Японии тесно связывается с тремя крупными реформами, проведенными токугавским правительством. Это так называемые реформы годов «кёхо» (1716—1733), «кансэй» (1789—1793) и «тэмпо» (1841—1843). Каждая из реформ была обусловлена кризисным состоянием общества, но глубина кризиса в разные периоды была различной. Реформы годов «кёхо», проведенные при сёгуне Ёсимунэ, состояли в «режиме экономии», реформе денежной системы, увеличении ренты с крестьян, поощрении освоения нови, поднятии воинского духа самураев.

Историки Цуда Хидла, Цудзи Тацуя и другие считают, что это был лишь самый начальный этап кризиса или «структурный кризис», еще не подрывавший социально-экономических устоев режима. Оба автора рассматривают нарастание кризисных явлений, во-первых, в связи с упадком натурального хозяйства в результате увеличения эксплуатации, нарушения простого воспроизводства и обострения борьбы крестьян, а во-вторых, в связи с развитием товарного хозяйства крестьян на базе роста производительных сил. Изучаются как сами реформы, так и обусловившие их процессы социально-экономического развития и классовой борьбы¹⁰. Начало глубокого кризиса токугавского феодального общества совпадает с правлением временщика Танума Окидзугу (1767—1784), когда в экономике явственно сказалось развитие товарно-денежных отношений. В правящих кругах тогда господствовали коррупция и увлечение роскошью. Стихийные бедствия вызвали страшный голод. Вспыхнули массовые восстания¹¹. Хаяси Мотон считает, что классовая борьба продемонстрировала «черновые варианты» революционной ситуации 1866 г.¹²

Реформы годов «кансэй» (1789—1793), проведенные регентом Мацудайра Саданобу, носили более ограниченный характер и свелись к борьбе с ростовщичеством, укреплению военной организации самураев, созданию запасов риса и т. д. Уже в то время были выдвинуты лозунги «восстановления старины»¹³. Многие ученые считают, что с начала XIX в. феодальная Япония оказалась в состоянии еще более глубокого кризиса¹⁴.

Реформы годов «тэмпо» (1841—1843) явились последней попыткой укрепления старого режима. Историки Иноуэ Киёси,

¹⁰ Цуда Хидэо. Бакухан тайсэй но хонсицу то соно хэнсицу катэй ни цуйтэ (Сущность токугавской системы и процесс ее изменения). — «Рэкисигаку кэнкю», 1956; Хокэн сякай кайтай катэй кэнкю дзёрон (Введение в изучение процесса распада феодального общества). Токио, 1970; Цудзи Тацуя. Кёхо кайкаку но кэнкю (Изучение реформ кёхо). — «Нихон но рэкиси», т. II. Токио, 1963.

¹¹ См. статьи Ямагути Кэйдзи в «Рэкисигаку кэнкю», № 107 и Кимура Мотон в «Рэкисигаку кэнкю», 1962, № 4—5.

¹² Раздел, написанный Хаяси Мотон в «Нихон рэкиси», т. 12. Токио, 1963.

¹³ Эти реформы изучены сравнительно слабо. Можно отметить главу, написанную Цуда Хидзо в «Нихон рэкиси», т. 12; главу IV в его книге «Хокэн сякай кайтай катэй кэнкю дзёсэцу». Токио, 1970.

¹⁴ В частности, так считает Кихара Юрюки («Рэкисигаку кэнкю», 1971, № 5, стр. 35—36).

Тояма Сигэки и другие относят к этому времени начало «обновления Мэйдзи». «Мэйдзи исин» — так именуется в японской историографии незавершенная буржуазная революция 1868 г.¹⁵ Историки дают противоположные оценки этих реформ: одни считают их положительными, направленными на обновление страны (Нарамото Тацуя), другие — реакционными, способствующими укреплению прогнившего режима. Преобладает мнение, что реформы, проведенные правительством в княжестве Сацума, были феодальной реакцией, а в княжестве Тёсю носили прогрессивный характер.

На современную прогрессивную историографию большое влияние оказала проходившая в 1927—1937 гг. среди японских ученых дискуссия о характере японского феодализма. Она возникла в связи с выработкой стратегического курса КПЯ на социалистическую или буржуазно-демократическую революцию. Ученые разделились на два течения: «роноха» и «кодзаха». «Роноха» — это ученые, группировавшиеся вокруг журнала «Роно» («Рабочий и крестьянин»). Группа считала, что в Японии господствует монополистический капитализм, что власть находится в руках буржуазии, поэтому на очереди дня стоит курс на пролетарскую революцию.

Подчеркивалось сильное развитие капиталистических отношений еще до революции Мэйдзи. Состоявшая из активных членов КПЯ «кодзаха» («Лекционная группа») сложилась во время работы над серией «Лекций по истории развития японского капитализма»¹⁶. Ученые этой группы считали, что хотя японский капитализм достиг монополистической стадии развития, он оплетен густой сетью полуфеодальных пережитков, что власть сосредоточена в руках абсолютистской монархии, опиравшейся на буржуазию и «полуфеодальных паразитических помещиков». Поэтому эта группа выдвинула тезис о необходимости буржуазно-демократической революции при гегемонии пролетариата. В характеристике общества до революции Мэйдзи подчеркивались феодальные черты.

В послевоенный период на более глубокой научной базе дискутируются вопросы особенностей токугавского феодализма, развития товарно-денежных отношений, мануфактур, помещичьего землевладения. Историки отмечают, что наиболее заметным процессом в японской деревне было формирование «новых» или «паразитических помещиков» («кисэй дзинуси»), которые вплоть до 1868 г. находились под общим господством князей. В районе Осака они появились уже в XVII в., в других районах — в XVIII—XIX вв. Размер их владений обычно составлял несколько тэ (1 тэ — 0,99 га) пахотной земли. Почти всю землю они сдавали в аренду, взимая с арендаторов до 70% урожая, а сами, в

¹⁵ Хориэ Хидэити датирует начало «Мэйдзи исин» чуть раньше, с известного восстания Осно Хэйхатиро 1837 г.

¹⁶ Нихон сихонсюги хаттацу си кодза, вып. 13. Под ред. Оцука Кинносукэ, Норо Эйтаро, Хирано Эситаро, Ямада Моритаро. Токио, 1932—1933.

свою очередь, выплачивали ренту князьям. Помещиками становились обычно представители деревенской верхушки и торгово-ростовщического капитала. После ликвидации княжеств в 1871 г. часть прежних князей превратилась в крупных помещиков. Объясняя причины возникновения этих помещиков, известный экономист Фурусима Тосио отмечал, что если в Центральной и Восточной Европе развитие городов, торговли и промышленности привело ко второму изданию крепостничества, то в Японии — к возникновению «паразитических помещиков»¹⁷. Кадзиниси Мицухая, Оути Цутому и другие видят причины появления этих помещиков в усилении феодального гнета и в увеличении необходимых производственных расходов в сельском хозяйстве¹⁸.

Большинство японских историков и экономистов считает, что паразитическое помещичье землевладение носило полуфеодальный характер. Одни исследователи особо подчеркивают феодальные черты, другие — капиталистические. Вопрос о характере этих владений начал дискутироваться уже в 20-х годах; он остается спорным и ныне.

Хаттори Сисо не видел существенного различия между князьями и «новыми помещиками». Он полагал, что противоречия между ними сводились главным образом к борьбе за большую долю в распределении ренты. Хаттори отрицал наличие ростков капитализма в сельском хозяйстве¹⁹. По мнению Оцука Хисао, образование «паразитических помещиков» было отражением предкапиталистического разложения крестьянства²⁰.

Цутя Такао, Оно Митио и другие, напротив, в фактах существования сезонных и поденных рабочих увидели подтверждение того, что помещичьи хозяйства являлись зародышами капиталистической земельной собственности, поскольку они велись на основе сравнительно свободного соглашения между помещиком и арендатором²¹. Фудзита Горо усматривал в развитии

¹⁷ Фурусима Тосио. Кисэй дзинусисэй но сэйсэй то тэнкай (Возникновение и развитие «паразитических помещиков»). Токио, 1952, стр. 9; его же. Нихон дзинуси сэй си кэнкю (Исследование по истории помещичьей системы в Японии). Токио, 1958, 1969.

¹⁸ Кадзиниси Мицухая, Оути Цитому, Като Тосихико, Осима Киёси. Нихон сихонсюги но сэйрицу (Становление капитализма в Японии). Токио, 1956.

¹⁹ Хаттори Сисо. Мэйдзи исин си (История Мэйдзи исин). Токио, 1954, стр. 50—52.

Г. Норман писал, что появился «новый класс землевладельцев, которому было выгодно сохранение феодальных отношений, хотя и в несколько видоизмененной форме, и который, следовательно, имел больше общего с классом даймё, чем с крестьянством» (Г. Норман. Возникновение современного государства в Японии, стр. 37—38).

²⁰ Оцука Хисао. Киндайка но рэкиситэки китэн (Исторические предпосылки модернизации). Токио, 1948.

²¹ Цутя Такао. Хокэн сякай хакай катэй но кэнкю (Процесс крушения феодального общества). Токио, 1927; его же. Нихон кэйдзай си гайё (Краткий очерк экономической истории Японии). Токио, 1934. Цутя Такао, Оно Митио. Кисэй ниhon носон кэйдзай сирон (История экономики японской деревни Нового времени), 1933, стр. 12—13.

«новых помещиков» три тенденции: «новое издание помещиков-крепостников», появление сельской буржуазии и «паразитических помещиков». По мнению Фудзита, эти помещики напоминали прусских юнкеров. Он считал, что «новые помещики» вели свое хозяйство с помощью труда людей, нанятых на несколько лет; они попадали в тяжелую кабальную зависимость и были более похожи на крепостных крестьян, чем на наемных рабочих. Все же историки отмечают, что в сроке найма и уменьшении зависимости наблюдались некоторые черты капиталистического развития сельского хозяйства²².

Близка к этой концепции оказалась группа ученых из университета в Киото во главе с Хориэ Хидэити²³, которые считают, что происходила дифференциация крестьянства и что хозяйства новых помещиков носили юнкерский характер. В вышедшем в 1956 г. сборнике «Мэйдзи исин и система помещичьего землевладения»²⁴ группа авторов выдвигает мысль, что паразитическая помещичья система была следствием буржуазного развития. В последней своей работе Сасаки Дзюнносукэ²⁵ подчеркивает как специфическую черту Японии широкое распространение «гоно» — богатых крестьян, выступавших в качестве торговцев и ростовщиков и в то же время ведших земледельческое хозяйство (стр. 267, 268). Сасаки усматривает в этом как буржуазное развитие, так и развитие арендных отношений (стр. 167—168). По его мнению, полупролетариат стал широкой прослойкой, и в середине XIX в. в деревне наряду с основным классовым противоречием (между феодалами и крестьянами) уже существовали противоречия между «гоно» и крестьянами. Концепция Сасаки вызвала много возражений. Наиболее последовательными противниками является группа ученых Токийского университета во главе с Фурусима Тосио²⁶. Они подчеркивают именно полуфеодальный тип этого помещичьего землевладения.

Характеризуя Японию середины XIX в., К. Маркс писал в «Капитале»: «Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками»²⁷. «Если внеш-

²² Фудзита Горо. Хокэн сякай но тэнкай катэй (Процесс развития феодального общества). Токио, 1952, 1970; Фудзита Горо, Хатори Такуюя. Кинсэй хокэн сякай но кодзо (Структура феодального общества Нового времени). Токио, 1951.

²³ Хориэ Хидэити. Мэйдзи исин но сякай кодзо (Социальный строй в период Мэйдзи исин). Токио, 1956.

²⁴ Такао Кадзухико, Сиодзава Кимико, Абики Рин, Цуда Хидэо. Мэйдзи исин то дзинусисэй.

²⁵ Сасаки Дзюнносукэ. Бакумацу сякайрон (Об обществе конца токугавского периода). Токио, 1969.

²⁶ Фурусима Тосио. Кисэй дзинусисэй но сэйсэй то тэнкай и Нихон дзинусисэй си кэнкю (Изучение истории помещичьего землевладения в Японии). Токио, 1958.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 729.

няя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец. Узкие условия существования этой культуры подвергнутся разложению»²⁸.

О развитии товарно-денежных отношений и городов. Развитию товарно-денежных отношений и проникновению их в деревню, как одной из предпосылок развития капитализма, посвящено много работ японских авторов. Основы такого изучения заложили Фудзита Горо, Фурусима Тосио, Хориэ Хидэити и др. Накаи Нобухико разделил историю нового времени на три периода с точки зрения развития товарно-денежных отношений²⁹. Большое внимание уделяется изучению истории внедрения технических культур, связанных со сбытом на рынке. В исследованиях Цуда Хидэо и Миямото Матадзи подчеркивается, что если в XVII в. в товарном обращении преобладали продукты, полученные в виде ренты (которую феодалы продавали или закладывали крупному купечеству), то с конца XVII в. в товарное обращение все более втягивалась продукция крестьянских хозяйств, поскольку рост производительных сил оставлял у крестьян часть избыточного продукта, а растущее ремесленно-мануфактурное производство, нуждавшееся в большом количестве сырья (хлопок, индиго и пр.), предъявляло на них спрос. На этой основе возникла сеть крестьянских рынков, где продавались сельскохозяйственная и ремесленная продукция³⁰.

Ватанабэ Нобуо считает, что в конце XVI — начале XVII в. формирование национального рынка³¹ было связано с созданием местных рынков в княжествах. Нагакура Тамоцу также полагает, что центральный рынок формировался на базе местных во второй половине XVII в. Вакита Осаму выдвинул противоположную концепцию. По его мнению, с начала XVII в. существовала двойная структура (центрального и местных рынков); центральный рынок содействовал превращению продуктов ренты в товар и препятствовал развитию местных рынков; после усиления контроля правительства над центральным рынком некоторые княжества провели меры по изоляции местных рынков от центрального: с ростом общественного разделения труда постепенно разрушалась двойная рыночная структура и на рубеже XVII—XVIII вв. возник местный рынок буржуазного типа.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 152.

²⁹ Накаи Нобухико. Бакухан сякай то сёхин рюцу (Общество токугавского периода и товарное обращение). Токио, 1961.

³⁰ Цуда Хидэо. Хокэн кэйдзай сэйсаку то сидзэ кодзо (Развитие феодальной экономической политики и структура рынков). Токио, 1961; Сёгётэки ногэ тэнкай (Развитие товарного земледелия). Под ред. Миямото Матадзи. Киото, 1955.

³¹ Сначала так называемый национальный или центральный рынок — рынок трех больших городов (Осака, Эдо, Киото) — базировался главным образом на операциях с продуктами ренты.

С вопросом о рынках тесно связана проблема феодальных городов, которым посвящено много работ. Японские исследователи (Миямото Матадзи, Тоёда Такэси, Харада Томохико) и американский ученый Д. Холл подчеркивают, что в XVI—XVII вв. бурный рост феодальных городов был связан главным образом с притоком феодальной ренты, т. е. происходил на базе роста феодализма, а не развития капиталистических отношений. Прекращение роста и даже упадок крупных феодальных городов были связаны с началом кризиса феодальных отношений. В частности, Ясуока Сигэаки объясняет падение роли города Осака прекращением выплаты князьями своих долгов торговцам этого города вследствие уменьшения взимаемой ренты.

С другой стороны происходит рост маленьких торгово-ремесленных городков (называемых «дзайгомати», «матиката» или «дзаймати»), являвшихся местными рынками в княжествах. Эти городки стали объектом исторических исследований с конца 50-х годов. Об их происхождении высказаны противоположные взгляды: 1) они создавались насильственными мерами феодалов или 2) по желанию крестьян как рынки избыточной сельскохозяйственной продукции³². Установлено, что торговцы этих городков конкурировали с гильдейским купечеством приамурских городов.

Недостаточно изучено ремесленное население городов (можно отметить работы Эндо Мотоо и Мураи Масуо); значительно лучше изучено положение купечества. Купцы находились в самом низу социальной лестницы, составляя четвертое сословие. В целом оно оставалось относительно слабым. Наиболее мощная категория торговцев (так и называемых «гоёсёнин») обслуживала князей и правительство. Этой категории торговцев посвящены многие работы³³. В них отмечается, что при наличии определенных противоречий все же происходило постепенное сращивание интересов крупного купечества и феодалов.

По мнению японского исследователя Хориэ Ясудзо, перерастанию торгового капитала в промышленный препятствовали: 1) узость внутреннего рынка вследствие экономической обособленности княжеств и политики феодалов против втягивания крестьян в товарные отношения, а равно и отсутствие внешнего рынка; 2) техническая отсталость; 3) недостаток рабочей силы из-за слабого общественного разделения труда, интенсивности земледелия и прочности цехов; 4) тесная связь купечества

³² «Рэкисигаку кэнкю», 1960, № 8.

³³ Миямото Матадзи. Осака сёнин (Торговцы Осака). Токио, 1958; Оно гуми но кэнкю (Исследование деятельности «Оно — гуми»), тт. 1—4. Токио, 1970; Эгасира Цунэдзи. Оми сёни (Торговцы провинции Оми). Токио, 1959; Накада Ясунао. Мицуи Наньси. Токио, 1959 и др. Есть также книга американского историка Ч. Д. Шелдона (C. D. Sheldon. The Rise of the Merchant Class in Tokugawa Japan. N. Y., 1958), автор которой несколько преувеличивал влияние торгового класса на экономику, культуру и общество, в то же время недостаточно анализировал базу развития товарно-денежных отношений.

с феодалами; 5) господство гильдий, препятствовавших свободной конкуренции³⁴. Тем не менее в первой половине XIX в. уже появилась немногочисленная промышленная буржуазия, к которой относятся владельцы мануфактур³⁵. В определенной степени происходило обуржуазивание отдельных представителей класса феодалов.

Важной проблемой является развитие деревенского домашнего производства, которое постепенно превращалось в работу на купщика. Историк Иноуэ Киёси отмечает, что в 40—60-х годах XIX в. были широко распространены различные формы капиталистической работы на дому³⁶. На такой основе возникла простая кооперация, а затем и мануфактура. Большинство исследователей исключает государственные и княжеские предприятия из проблемы генезиса капитализма.

О мануфактуре. Проблема мануфактуры являлась частью дискуссии 20—30-х гг. о характере японского капитализма. Мануфактура разделялась на городскую и сельскую; почти не рассматривалось развитие отдельных отраслей производства. Среди ученых преобладала концепция Хаттори Сисо³⁷, по мнению которого, в Японии еще до проникновения европейцев господствовало мануфактурное производство, причем «мануфактурную эпоху» он датировал с годов «тэмпо» (1830—1843) до 1887 г. Хаттори признавал, что централизованные мануфактуры не охватывали всех отраслей и звеньев производства, но они существовали в главных отраслях, занимая ключевые позиции (например, в текстильном производстве), подчиняя себе мелкое производство (капиталистическую работу на дому). Точку зрения Хаттори Сисо отчасти разделял Ямада Моритаро³⁸. Концепция Хаттори не подтвердилась достаточными данными, и поэтому в настоящее время большинство ученых придерживается иных взглядов. В 30-е же годы Цутя Такао выдвинул концепцию господства в середине XIX в. системы скупки (тоя), предшествовавшей мануфактурному производству³⁹.

Дискуссия о характере японского феодализма продолжала развиваться в послевоенный период. Она была связана и с упо-

³⁴ Хориэ Ясудзо. Нихон кэйдай си (История экономики Японии). Токио. 1949.

³⁵ Незаслуженно малое внимание уделяется историками купцам — «разносчикам» («Фуриури», «Гёсёнин»), которые действовали на крестьянских рынках. По этой проблеме имеется лишь одна большая работа Уэмура Мотокаку. Гёсёкэн то рёнки кэйдай (Сфера торговли вразнос и местная экономика). Токио, 1958.

³⁶ Иноуэ Киёси. Мэйдзи исин. Токио, 1956, стр. 40.

³⁷ Хаттори Сисо. Тёсакусю (Собрание сочинений), т. 2. Токио, 1955.

³⁸ Ямада Моритаро. Когё ни окэру сихонсюги но тансётэки кэйтай, манюфакча канай когё (Домашнее производство и мануфактура как ранние формы развития капитализма в промышленности). Токио, 1932.

³⁹ Цутя Такао. Кинсэй нихон кэйдай си (История экономики Японии в Новое время). Токио, 1931; его же. Нихон сихонсюги ронсю (Сб. статей по истории японского капитализма). Токио, 1937.

мянутой дискуссией о помещичьем землевладении. Появилось много научных работ, отличающихся детальным анализом производства, отраслей и районов; был введен в оборот огромный фактический материал. До настоящего времени сказывается ограниченность исследований, а также недостаточное внимание к исторически последовательному анализу в течение длительного периода.

Этапом в развитии дискуссии было появление в конце 40-х годов концепции «рассеянной мануфактуры». Ее сторонники подчеркивали широкое распространение скупки и системы заказов и на этом основании объявляли «рассеянную мануфактуру» господствующей формой производства⁴⁰. Однако против этой концепции выступили многие ученые (Хатори Такуя, Кадзиниси Мицухая, Мацумото Тацуро). А сторонник этой теории Хориэ Хидэти вскоре признал, что рассеянная мануфактура не может быть самостоятельным этапом развития, так как она являлась одним из видов мелкого производства⁴¹. Все же в 50-е годы исследователи пришли к выводу, что рассеянные мануфактуры были очень широко распространены, что они вместе с централизованными мануфактурами составляли базу «мануфактурной эпохи», не получившей полного развития⁴².

Не оказалась убедительной выдвинутая Фудзита Горо концепция преобладания в середине XIX в. мануфактуры богатых крестьян (гоно)⁴³. С 50-х годов исследование мануфактур было связано с изучением отдельных районов. В частности, большое внимание историки уделили хлопчатобумажным мануфактурам района Осака и Нагоя. Появились и различные точки зрения на характер этих мануфактур. Исследователи во главе с Хориэ Хидэти считали их капиталистическими мануфактурами, отмечая, что лишь вторжение иностранного капитала в 50—60-х годах XIX в. подавило существовавшую в Японии тенденцию возникновения крупной промышленности⁴⁴. Группа во главе с Фурусима

⁴⁰ Синобу Сэйдзабуро. Киндай Нихон сангё си дзэсэцу (Очерки истории современного производства в Японии). Токио, 1948; Тоёда Сиро. Сякай кэйдай сигаку но кэмпон мондай (Основные проблемы развития социально-экономической науки). Токио, 1948; Хориэ Хидэти. Киндай сангё си кэнкю (Исследование истории современного производства). Токио, 1948.

⁴¹ Хориэ Хидэти. Нихон манюфакча мондай (Проблемы мануфактуры в Японии). Токио, 1949.

⁴² Оцука Хисао. Манюфакча но кэйэй ёсики (Типы мануфактур). — В сб.: Сихонсиги но сэйрицу то хаттэн (Становление и развитие капитализма). Токио, 1959; Тэдзима Масатакэ. Нихон но маню кэнкю ни окуру кихон-тэки сёмондай (Основные проблемы изучения мануфактуры в Японии). — «Рэ-кисигаку кэнкю», 1957, № 240; его же. Хокэн сякай кайтайки но сангё сихон то маню тинродо но кинтё (Промышленный капитал и категории наемной рабочей силы в период распада феодального общества). — «Рэ-киси хёрон», 1957, № 114.

⁴³ Фудзита Горо. Нихон киндай сангё си сэйсэй (Зарождение современного производства в Японии). Токио, 1948.

⁴⁴ Хориэ Хидэти. Мэйдзи исин но сякай кодзо (Социальная структура Японии в период революции Мэйдзи). Токио, 1955; Симин какумэй но рирон (Теория революции горожан). Под ред. Хориэ Хидэти. Токио, 1957.

Тосно, как и многие другие японские исследователи, полагала, что, несмотря на появление мануфактур, господствующей формой оставалась надомная работа на скупщика и что само по себе такое производство еще не могло перерасти в крупную промышленность⁴⁵.

Большое внимание исследователей привлекает также район развитого шелководства Синсю — Фукусима — Синдати (где существовали ремесленные городки Кирю и Асикага), а также Исидзаки и Хатиодзи (Канто), Гуннай (провинция Каи) и другие. Отмечалось значительное развитие там капиталистических отношений, широкое распространение капиталистической работы на дому и существование мануфактур. Так, в Асикага было несколько мануфактур, на которых имелось 20, 30, 50, 100 и даже 200 станков; всего в 1832 г. насчитывалось около 1500 станков⁴⁶. Частные мануфактуры подорвали монополию цехов и крупных казенных мануфактур района Нисидзин в Киото, упадок которых начался с 30-х годов XIX в.

На основании работ японских ученых можно прийти к выводу, что появление капиталистических мануфактур в Японии относится к XVIII в., а переход к мануфактурной стадии — к середине XIX в. Мануфактура возникла главным образом в производстве тканей, бумаги, индиго, воска, сахара, водки, а также в металлургии, рудничном и кузнечном деле. Мануфактура не могла уничтожить ремесла. «Мануфактура,— писал К. Маркс,— не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»⁴⁷.

Японские авторы в своих исследованиях подчеркивают наличие сильных феодальных черт в мануфактурном производстве. Рудники, судостроение, металлургия, изготовление оружия находились в основном в ведении князей и правительства, поэтому эти отрасли имеют лишь косвенное отношение к генезису капитализма. Они создавали определенные материальные предпосылки. Владельцы частных мануфактур (купцы, помещики) сотрудничали с феодалами. Замедленными темпами формировалась рабочая сила, свободная от феодальной зависимости, от средств производства. Зависимость, как правило, сохранялась, ибо большинство

⁴⁵ Нихон кэйдзай си тайкэй (История экономики Японии), тт. 3—4. Под ред. Фурусима Тосно. Токио, 1965.

⁴⁶ Итикава Кадзумаса считает, что в районе Кирю и Асикага в середине XIX в. существовало четыре типа мануфактур: 1) княжеские или полукняжеские; 2) частные, но поставляющие продукцию главным образом привилегированным слоям; 3) использующие труд окрестного зависимого населения; 4) переходный тип (приближающийся к системе скупки (См. Итикава Кадзумаса. Хокэн сякай кайтайки но коё родо (Наемный труд в период разложения феодального общества). Токио, 1961.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 381.

«рабочих» не теряло связи с земледелием, а уровень их жизни был ниже, чем у крестьян⁴⁸.

В трактовке вопроса о причинах задержки развития мануфактур среди японских исследователей нет расхождений⁴⁹. Историки выдвигают многие причины. Например: политика феодального правительства, запрещавшего работу на дому и иногда ликвидировавшего мануфактуры; княжеские монополии тормозили развитие промышленного капитала; узость внутреннего рынка, являвшаяся следствием замедленных темпов общественного разделения труда и разорения мелких производителей, равно как и господство мелкого застойного производства, где преобладали мелкие крестьяне — ремесленники, которые были не в состоянии вводить технические совершенствования. Серьезным тормозом для развития промышленного капитала (и капиталистических отношений) явилось существование паразитического помещичьего землевладения и системы откупов и других сфер паразитической деятельности торгово-ростовщического капитала.

О характере Токугавского режима. Спорным является вопрос об экономическом застое и о тормозящей роли токугавского режима. В ряде работ, особенно в американской буржуазной историографии, существует тенденция более положительной оценки всего режима и его институтов. Американский ученый Д. Холл считает, что применяемые к токугавскому режиму термины «военный абсолютизм», «централизованный феодализм», «полицейское государство» не сопровождаются достаточным анализом. По его мнению, как токугавские законы, так и особенно работы конфуцианских ученых того времени сосредоточивали внимание именно на болезненных явлениях этого режима, что сказалось на концепциях последующих историков (Хондзэ Э., Такигава М., Такидзава М. и др.)⁵⁰. Другой американский автор, Д. Спенсер, подчеркивал, что экономика Японии даже в середине XIX в. находилась в удовлетворительном состоянии⁵¹. В противовес пессимистическим оценкам Такидзава М., Хью Бортон, Томас Смит переоценил аграрное развитие, исходя из позиций «модернизации». Считая, что для быстрой «модернизации» необходимы четыре усло-

⁴⁸ Вопрос о характере труда спорен. Хаяси Х. считает, что при господстве мануфактуры должна быть свободная от личной зависимости рабочая сила, свободно продающая себя как товар (см. Хаяси Х. Носон коге си но киси катэй (Основные процессы в истории сельской промышленности). Токио, 1961). Исии Такэси полагает, что такой рабочей силы при мануфактуре еще не может быть и что ее отсутствие не отрицает самого факта наличия капиталистических отношений (Исии Такэси. Мэйдзи исии рон (О революции Мэйдзи). Токио, 1961, стр. 19).

⁴⁹ Кадзуниси Мицухая. Застойность сельской промышленности Японии. — В сб.: Хокэнсэй то сихонсэй (Феодальная и капиталистическая системы). Токио, 1956, стр. 243—269.

⁵⁰ J. W. Hall. Japanese History: New Dimensions of approach and understanding. Washington, 1966, p. 39—41.

⁵¹ D. L. Spencer. Japan's pre-Perry Preparation for Economic Growth. — «American Journal of Economics and Sociology», 1954, vol. XVIII, p. 195—216.

вия (новое радикальное руководство, длительность его существования, способность экономики к инвестициям и наличие рабочей силы), автор заключает: «то, что эти условия были удовлетворительными в Японии во второй половине XIX в.— в немалой степени было обусловлено аграрными изменениями в предшествующие полтора столетия»⁵². Делаются попытки опровержения распространенного мнения о прекращении роста населения в токугавский период. И. Таубер считает, что сокращения не происходило⁵³, а Сэкияма Наотаро полагает, что население лишь переходило в города⁵⁴. Двухвековая изоляция не только оторвала страну от складывающегося мирового рынка, но и явилась одной из причин научно-технического отставания. Пока еще недостаточное внимание уделялось изучению самого материального производства, в том числе науке и технике⁵⁵.

Для американских ученых характерна фетишизация роли техники и подчеркивание решающего влияния Запада, его государственных и социальных институтов, техники. По мнению Э. Рейшауэра, развитие мировой цивилизации на 80% происходит за счет заимствований и лишь на 10% за счет собственных компонентов⁵⁶. Ставя знак равенства между «модернизацией» и «вестернизацией», он считает главной причиной более быстрой модернизации Японии, чем Китая, «благоприятное отношение японцев к иностранному»⁵⁷. Огромную роль влияния Запада подчеркивает и английский ученый Д. Сэнсом⁵⁸. С другой стороны, японские ученые националистической школы вообще отрицают значение иностранного влияния, воспевая «японский дух» или преувеличивая приоритет Японии.

---

⁵² Thomas C. Smith. *The Agrarian Origins of Modern Japan*. Stanford, 1959, p. 201.

⁵³ Irene B. Tauber. *The Population of Japan*. Princeton, 1958.

⁵⁴ Сэкияма Наотаро. Кинсэй Нихон дзинко но кэнкю (Исследование о населении Японии в период Нового времени). Токио, 1948.

⁵⁵ Среди работ по развитию науки и техники можно отметить: Фурусима Тосио. Нихон ногё гидзицу си (История техники сельского хозяйства в Японии), тт. 1—2. Токио, 1949—1950; Эсида Мицукун. Нихонкагаку си (История японской науки). Токио, 1955; Юаса Мицутомо. Кагаку си (История науки). Токио, 1961; Эдо дзидай но кагаку (Наука в период Эдо). Токио, 1969; Sugita Genpaka. *Pan of Western sciens in Japan*. Tokyo, 1969; «Нихон кагаку гидзюцу тайкэй» («Серия по науке и технике в Японии»), тт. 1—14, Токио, 1969.

⁵⁶ Э. Рейшауэр. Нихон кинсэй но атараси миката (Новый взгляд на модернизацию Японии), стр. 21.

⁵⁷ «Тюо корон», 1963, № 3, стр. 68. Другими причинами он называет слабость центральной власти, более строгое сословное разграничение и более сильный дух предпринимательства.

⁵⁸ G. B. Sansom. *The Western World and Japan*. L., 1950. (Токугавскому периоду посвящены стр. 167—309).

И. М. СЫРИЦЫН

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕЗИСА ЯПОНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

Трактовка зарождения и сущности феодализма в Японии наглядно отражает специфику исторического видения и своеобразие методологических воззрений разных направлений японской исторической науки.

В довоенной японской историографии становление феодализма связывалось с утверждением политического господства самурайского (дворянского) сословия; за основу периодизации феодализма бралась форма административной системы (конфуцианская и националистическая школы), взаимоотношения внутри эксплуататорского самурайского сословия (историки права), форма земельной собственности эксплуататоров (социально-экономическая школа) и формы эксплуатации крестьян (историко-материалистическая школа)¹. Последнее направление значительно усилилось в послевоенный период, когда осуществляется обстоятельное исследование как форм эксплуатации крестьян, так и их социальной дифференциации, уделяется особое внимание конкретно-историческому изучению проблемы возникновения крестьянской феодальной собственности.

Опубликование Такэути Ридзо² в послевоенное время документов по периоду Хэйан (794—1192)³ создало прочную источниковедческую базу для изучения развития феодальных отношений в Японии и, бесспорно, содействовало уточнению отдельных сторон исторического процесса. Последние работы японских историков, осуществленные на основе этих источников, углубляют наши представления о положении крестьян в период раннего средневековья, конкретизируют понимание становления феодального способа производства.

Сейчас считается общепризнанным, как отмечает Исимода Сё, что специфика VIII в., периода Нара, состояла в распаде казенно-

¹ См. И. М. Сырицын. К вопросу об изучении феодализма в Японии. — В сб.: Историография стран Востока. М., 1969, стр. 209—221.

² В статье принят японский порядок написания фамилии на первом месте, имени — на втором.

³ Такэути Ридзо. Хэйан ибун (Документы Хэйан), изд. 1, тт. 1—11. Токио, 1947—1960 (далее — «Хэйан ибун»).

го крестьянства (комин) на основную массу бедняков, беглых крестьян-бродяг (фуру, ронин) и небольшую прослойку зажиточного крестьянства⁴. В условиях непомерного бремени трудовой, военной повинности и налогового гнета крестьяне бежали с наделов, все большее количество казенной земли, как отмечает Мураи Ясухико, не возделывалось, забрасывалось⁵, что особенно проявилось в 80-е годы VIII в. и отрицательно сказалось на финансовом положении страны. Возникновение категории беглых крестьян обстоятельно исследовал Наоки Кодзиро, который показал, что бродяги становились основной рабочей силой у зажиточного крестьянства⁶. Механизм образования зажиточного крестьянства исследовал Мураи Ясухико. Он показал, что экономической основой сельских богачей являлась рисовая ссуда. Казенная ссуда, предоставлявшаяся провинциальным управлением, должна была быть возвращена с 30, а частная ссуда с 50%-ной надбавкой. Относительно более состоятельные крестьяне, получая казенную ссуду, предоставляли ее беднякам в виде частной ссуды и 20%-ную разницу оставляли себе⁷. В X—XI вв. казенная рисовая ссуда полностью вытесняется частной, что было связано с усилением зажиточного крестьянства.

Другим источником обогащения крестьян, как считал Симидзу Мицуо, являлось поднятие нови⁸.

Основываясь на 128-м документе «Хэйан ибун», Мураи Ясухико отмечает, что первое упоминание в исторических материалах об относительно более состоятельном слое крестьян встречается в 859 г. в налоговой переписи вотчины (сёэна) Эти, находившейся в провинции Оми (современная префектура Сига) и являвшейся владением буддийского храма Тодайдзи⁹. В этой переписи зажиточные крестьяне именуется термином «тато», иероглифическое написание которого состояло из заливного рисового поля «та» и меча «то», что, по-видимому, означало установление права собственности на земле путем втыкания меча в поле подобно тому, как, например, в Норвегии присвоение земли символизировалось оставлением на поле косы или ножа¹⁰. Японские исследователи считают, что нет должной ясности в происхождении термина «тато», но Симидзу Мицуо связывает его с процессом огораживания

⁴ Исимода Сё. Кодай си гайсэцу (Очерк древней истории). — В кн.: Нихон рэкиси, Иванами кодза (История Японии, лекции Иванами), т. 1. Токио, 1962, стр. 48.

⁵ «Хэйан ибун», док. № 445, 653, 3.664; Мураи Ясухико. Сёэнсэй нс хаттэн то кодзо (Развитие и структура сёэнской системы). — В кн. Нихон рэкиси, Иванами кодза (История Японии, лекции Иванами), т. 4. Токио, 1962, стр. 50, 52.

⁶ Наоки Кодзиро. Нара дзидай ни окэру фуру ни цуйтэ (О бродяжничестве в период Нара). — «Сирин», 1951, т. 34, № 3.

⁷ Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 48.

⁸ Симидзу Мицуо. Нихон тьюсэй но сонраку (Средневековая деревня Японии). Токио, 1942, стр. 319.

⁹ Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 51.

¹⁰ См. А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, стр. 51.

земельного участка при возделывании нови¹¹. Эта гипотеза подтверждается современным написанием «тато», где сохранен первый иероглиф заливного рисового поля «та», а второй заменен на изгородь, забор, который также имеет фонетическое чтение «то».

В сёне Эти «тато» был арендатором храмовой земли.

В другую вотчину того же самого храма Тодайдзи, в сёэн Исии (провинция Этинго — современная префектура Ниигата), в 1052 г. приехали состоятельные крестьяне из смежного района и, заключив договор с храмом, наняли беглых крестьян из соседней провинции, снабдили их сельскохозяйственными орудиями, посевным рисом и их трудом подняли свыше 20 га пустовавших земель. Этих зажиточных крестьян стали также именовать «тато»¹².

Кудо Кэйити полагает, что «тато» возникли не только в частнофеодалльных владениях, а и на государственных землях, где они имели подушный надел, землю под домом и огородом, участки судоходного поля и поднятой нови (кондэн)¹³.

«Тато» не были однородны; существовали как крупные, так и относительно более мелкие¹⁴. Исимода Сё и Мураи Ясухико считают, что тато владели от 2 до 20 га земли, у них имелись железные сельскохозяйственные орудия (мотыги, плуги), они располагали тягловым скотом, лошадьми, осуществляли ирригацию, ввели посадку рисовой рассады, улучшили технику уборки урожая, осуществляя просушку снопов сжатого риса на подставках из прутьев, «Тато» выращивали не только рис, но и муги, соевые бобы, горох, просо, гречиху, кунжут¹⁵.

«Тато» возделывали землю при помощи труда своих родственников, батраков, а также путем сдачи земли в аренду менее состоятельным крестьянам, которые стали именоваться «обрабатывающими землю людьми» (сакунин) или еще более древним термином, возникшим при введении надельной системы, когда крестьяне приарендовывали государственную землю, — «детьми земли» (дзисси). Эти «дети земли», фактически являвшиеся субарендаторами у «тато», нещадно эксплуатировались последними, но, как подчеркивает Кудо Кэйити, эта эксплуатация носила не рабский, а феодальный характер¹⁶.

Наиболее распространенной системой возделывания земли у «тато» являлся подряд (укэои), когда заключалось обычно годичное соглашение на владение землей либо с частным феодалом, либо с провинциальным управлением.

¹¹ Симидзу Мицуо. Указ. соч., стр. 319.

¹² «Хэйан ибун», док. № 873; Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 49.

¹³ Кудо Кэйити, Симата Дзиро. Сёэнсэй мото но сонраку то номин (Деревня и крестьяне при вотчинной системе). — В кн.: Нихон рэкиси, Иванами кодза (История Японии, лекции Иванами), т. 6. Токио, 1963, стр. 106.

¹⁴ «Хэйан ибун», док. № 457; Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 50, 60.

¹⁵ Исимода Сё. Указ. соч., стр. 59—60; Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 50—51.

Муги — общее наименование пшеницы, ячменя, ржи.

¹⁶ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 106.

Возделываемые «тато» земли именовались «разбросанными полями» (сандэн)¹⁷; эта система получила, по-видимому, повсеместное распространение в X в., когда начался новый этап в управлении вотчинами, период подрядного управления¹⁸. Теперь уже не владелец вотчины, как это было ранее, а «тато» обеспечивал крестьян орудиями производства и семенным фондом, выступая по совместительству и административным лицом в сёэне, на что указал еще в довоенные годы Акамацу Тосихидэ¹⁹. Владельцы сёэнов стремились освободить своих должностных лиц от провинциальной трудовой повинности. Самое раннее ходатайство по этому поводу, как отмечает Мураи Ясухико, датируется 924 г., когда буддийский храм Тодзи, владевший сёэном Ояма (провинция Тамба — район современного г. Киото), направил провинциальному управлению просьбу об освобождении от трудовой повинности сёэнских подрядчиков «тато»²⁰.

Со временем административные функции «тато» усилились и они стали замещать низшие административные должности не только в частнофеодальных вотчинах, но и в государственном провинциальном аппарате, используя свое служебное положение в целях личного обогащения. Так, например, Миягава Мицуру указывает на деятельность уездного начальника Хата Тамэтацу (уезд Ако, провинция Харима — современная префектура Хёго), который в 1075 г. под предлогом ремонта старых колодцев и оросительных канав мобилизовал 5 тыс. крестьян и поднял свыше 50 га земли, ставшей его частным владением. Позднее таким же путем он присоединил к своим владениям еще 30 га земли²¹. Безусловно, этот пример исключительный, однако он правильно отражает тенденцию того времени, когда происходил процесс дифференциации зажиточного крестьянства: небольшой верхний слой, подобно Хата Тамэтацу, эволюционировал в представителей феодального сословия, а основная их масса — в крестьянских феодальных собственниках.

«Тато» стремились превратить подрядную землю в свое собственное, управляемое ими поле (харита), поскольку арендуемая по подряду земля была еще либо государственной, либо частнофеодальной собственностью. Но управляемое поле, хотя и знаменовало возникновение крестьянского землевладения, было в этом отношении крайне слабым и неустойчивым. «Тато» не были еще собственниками земли в подлинном смысле этого слова, поскольку, по определению Кудо Кэйити, взаимоотношения между фео-

¹⁷ Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 56.

¹⁸ Там же, стр. 49.

¹⁹ Акамацу Тосихидэ. Куэйдэн о цудзитэ митару сёки сёэнсэй но кодзо ни цуйтэ (О структуре ранней вотчины, рассматриваемой через [систему сдававшихся в аренду] казенных полей). — «Рэкисигаку кэнкю», 1937, № 5.

²⁰ «Хэйан ибун», док. № 219; Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 61.

²¹ Миягава Мицуру. Харима Яно сё (Вотчина Яно [в] Харима). — В кн.: Сёэн сонраку но кодзо (Структура вотчинной деревни). Токио, 1955; Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 82—83.

далами и крестьянами были еще «очень непрочными», что проявлялось в «нестабильности» «тато» в возделывании и владении земель²². Однако именно управляемая земля в результате ежегодно возобновлявшегося подряда имела тенденцию превратиться в собственность подрядчика, в так называемое именовое поле (мёдэн). «Подрядная земля,— подчеркивает Мураи Ясухико,— ...превращалась в именовое поле»²³, а его владелец в так называемого именового хозяина (мёсю, мё).

Термины «именовое поле» и «именной хозяин» появились в японской историографии еще в период Токугава (1603—1867)²⁴. Но как в то время, так и позднее внимание исследователей концентрировалось скорее на истории возникновения этого понятия, чем на раскрытии его социально-экономического содержания. Имелось пять точек зрения на происхождение именового землевладения.

Это прежде всего земля, приобретенная в результате покупки и считавшаяся с тех пор именной — концепция Курита Хироси, выдвинутая еще в 1887 г.²⁵

Обработанная бывшая пустошь (кондэн), названная именем ее владельца,— точка зрения Камияяма Ясукэ²⁶.

По мнению Симидзу Мицую, именовыми землями являлись бывшие государственные пахотные земли (кодэн), которые сдавались провинциальной администрацией в аренду на один год; они были захвачены самураями в период их возникновения и названы их именами²⁷.

Симми Китидзи считал именовыми полями земли, возникшие в результате разложения надельной системы, превращения пашенных наделов (кубундэн) в наследственную землю, названную именем владельца²⁸.

Имаи Ринтаро полагал, что именовым полем являлась обрабатываемая земля из государственного пахотного фонда (кодэн), владелец которой не подпал под юрисдикцию соответствующего государственного чиновника и не нес повинностей владельцу вотчины (сёэн)²⁹.

²² Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 106.

²³ Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 60.

²⁴ Симидзу Мицую. Нихон тосэй но сонраку (Средневековая японская деревня). Раздел: «Мё» ни кансую Эдо дзидай но сёсэцу (Взгляды на «мё» в эпоху Эдо). Токио, 1942.

²⁵ Курита Хироси (Кан). Сёэн ко (Исследование сёэна). Токио, 1887.

²⁶ Камияяма Ясукэ. Мёдэн ко (Исследование именового поля). Токио, 1903.

²⁷ Накада Каору. Итакура си синсикимоку ни цуйтэ (О новом своде законов семьи Итакура). — «Кокка гаккай дзасси», 1923, т. 37, № 8; Симидзу Мицую. Сёки но мёдэн ни цуйтэ (О раннем именовом поле). — «Срин», 1933, № 2.

²⁸ Симми Китидзи. Мёсю но кэнкю (Изучение именового хозяина). Токио, 1936.

²⁹ Имаи Ринтаро. Нихон сёэнсэй рон (Японская система вотчин). Токио, 1939; Кимура Мотон. Нихон хокэн сякай кэнкю си (История изучения японского феодального общества). Токио, 1958, стр. 25—26.

Все эти точки зрения подкреплялись большим фактическим материалом и в правомерности их вряд ли могло быть сомнение. Иными словами, процесс образования именованного землевладения не ограничивался одним источником; их было несколько в зависимости от времени и места образования именованного поля, но господствующая довоенная концепция считала их собственностью самурайского (дворянского) сословия.

Однако уже в 1928 г. Накада Каору, изучая земельное право в период надельной системы, отметив наличие двух его видов: длительного и на определенный срок, не усматривал в именованном поле существенного отличия от характера землепользования при надельной системе³⁰, т. е. связывал его с крестьянским землепользованием, существовавшим при надельной системе.

Аналогичного мнения придерживался и Такэути Ридзо, хотя он несколько расширил саму трактовку понятия «именное поле».

Такэути Ридзо писал, что наименование «мё» (имя) встречается уже в переписях эпохи Нара, что это имя лица, земли которого первоначально выступали в виде частных полей (Ватакусиды). Таковыми стали обрабатываемые бывшие пустоши (кондэн), пашенный надел (кубундэн) и земли, полученные чиновниками за службу³¹. Схематически происхождение именованного поля, по мнению Такэути Ридзо, представлялось следующим образом:

Пашня (кубундэн)

Обрабатываемая новь (кондэн)

Частновладельческое поле (Ватакусиды)

Именованное поле (мёдэн)³².

Китаяма Сигэо и Имаи Ринтаро определяли «именное поле» как экономическую основу моногамной семьи³³. Однако Тома Сэйта, Исимода Сё и Мацумото Симпатиро считали, что «именное поле» принадлежало не моногамным семьям детей патриарха, а семейной общине, находившейся еще под сильным влиянием патриарха³⁴.

³⁰ Накада Каору. Рицурё дзидай но тоти сиюкэн (Право частной земельной собственности в период надельной системы). — «Кокка гаккай дзасси», 1928, т. 40, № 10.

³¹ Такэути Ридзо. Мё хассэй но иккосацу (Соображения о возникновении именованного [поля]). — «Рэкисигаку кэнкю», 1940, т. 10, № 10; Кимура Мотои. Указ. соч., стр. 26.

³² Такэути Ридзо. Нихон хокэнсэй сэйрицу но кэнкю (Изучение становления японской феодальной системы). Токио, 1958, стр. 221, 252.

³³ «Рэкисигаку кэнкю», 1937, т. 7, № 1; Китаяма Сигэо. Нара тё но сэйдзи то минсю (Политика и народные массы в эпоху Нара). Киото, 1948, стр. 231 (первое издание 1937 г.); Имаи Ринтаро. Нихон сёэнсэй рон (Японская сёэнская система). Токио, 1939; Кимура Мотои. Указ. соч., стр. 31.

³⁴ Тома Сэйта. Нихон сёэн си (История японского сёэна). Токио, 1947; «Рэкисигаку кэнкю», 1950, № 146, стр. 1—17; Мацумото Симпатиро. Мёдэн кэйэй но сэйрицу (Становление эксплуатации мёдэна). Токио, 1942; его же. Хокэнтэки тоти сёю но сэйрицу катэй (Процесс становления феодальной земельной собственности). Токио, 1948, Кимура Мотои. Указ. соч., стр. 30—31. Историографию общины см.: И. М. Сырицын. Реформы Тайка и проблема общины в освещении послевоенной японской историографии. — «Вестн. Моск. ун-та», востоковедение, 1973, № 2, стр. 22—32.

Мацумото Симпатиро отмечал наличие в семье именного хозяина рабов, близких и дальних родственников, отрицал экономическую самостоятельность семей детей патриарха, входивших в большую патриархальную семью. Он подчеркивал зависимость размера раннего именного поля от количества рабочей силы, имевшейся в распоряжении большой патриархальной семьи. По мнению Мацумото, в центральном районе Кинай раннее именовое поле было равно 2—3 тё (1 тё — 0,9 га), а семья именного хозяина насчитывала около 20 человек. В пограничных районах количество земли превышало 10 тё, а общая численность семьи составляла 200—300 человек. Но как в первом, так и во втором случае эксплуатация, по мнению Мацумото, была патриархально-рабской.

Феодалное крестьянство, по его мнению, возникает в процессе разложения именного землевладения. Именные поля и именных хозяев Мацумото разделял на два типа:

ранний — X—XII вв. — патриархально-рабский
и поздний — XIV—XVI вв. — эксплуатация именовым хозяином крестьян-арендаторов (наго хикан).

По мнению Ватанабэ Сумио, имя (мё) при надельной системе являлось единицей взимания трудовой повинности³⁵, а с X по XVI вв. — единицей взимания налогов в вотчинах (сёэнах).

Проблема мё привлекла внимание Мидзуками Кадзуюки³⁶, а также Даики Кадзуюки, причем последний отождествил мёсю со средними и мелкими монахами³⁷.

Иными словами, термин «именной хозяин» (мёсю, мё) имел и до сих пор имеет чрезвычайно широкую трактовку, но уже до войны и в первые послевоенные годы усиливается тенденция считать первоначальных мё крестьянами, связывать появление этого термина в источниках со становлением феодальной крестьянской собственности. Однако хронологические рамки этого процесса до последнего времени не были четко определены, поскольку отдельные крестьянские имена (хякусёмё) встречаются в источниках и X и XI вв. Исимода Сё датирует их возникновение 932 г., а Муран Ясухико — 1012 г., причем последний указывает, что это было имя подрядчика поднятой нови в провинции Идзуми — в районе современного г. Осака³⁸. Однако, по общему мнению современных японских исследователей, массовое распространение крестьянских имен относится к XII в., когда имя крестьянина становится податной единицей в вотчинах — сёэнах — центрального (совре-

³⁵ «Сигаку кэнкю», 1951, № 46; «Сигаку дзасси», 1953, № 3/62; Кимуро Мотои. Указ. соч., стр. 36.

³⁶ «Нихон рэкиси», 1958, № 115, стр. 84—91; № 116, стр. 26—29.

³⁷ «Нихон рэкиси», 1967, № 227, стр. 63.

³⁸ Исимода Сё. Тусэйтэки тоти сёюкэн но сэйрицу ни цуйтэ (О становлении средневекового права земельной собственности). — «Рэкисигаку кэнкю», 1950, № 146, стр. 4; Муран Ясухико. Указ. соч., стр. 57.

менного Кинки — Кансайского) района. Кудо Кэйити отмечает, что в настоящее время крестьянские имена подразделяются на древних, основных (кюмё, хоммё) и новых (синмё, мё), рубежом между которыми считается конец XIII—XIV вв.³⁹

Наглядное представление о дифференциации крестьян в XII в. в селе Эсака, состоявшего из четырех деревень (Таруми, Эсака, Косонэ и Ходзуми) и находившегося на юге уезда Тоёсима, в провинции Сэтцу, на территории северной окраины современного города Осака, приводит Симада Дзиро⁴⁰. Согласно налоговому реестру синтоистского храма Касуга дзиндзя от 1189 г. в селе Эсака проживало 235 именных крестьян, из которых 123, т. е. около 50%, имели на каждого менее 1 га земли, в том числе лишь за двоими был записан приусадебный участок земли; 103 крестьянина возделывали от одного до десяти га земли, в том числе 17 имели приусадебную землю; 9 крестьян обрабатывали свыше 10 га земли, в том числе 5 имели приусадебную землю.

Таким образом, приусадебную землю имели лишь 24 имени, что составляет около 10% от общего количества крестьян, причем среди последних Тадаёси владел около 44,29 га, расположенных в четырех деревнях.

Тадаёси и другие зажиточные крестьяне являлись сёэнскими чиновниками и резко выделялись среди остальных крестьян прежде всего по размерам обрабатываемой земли. Симада Дзиро справедливо считает, что лица, имевшие свыше 10 га, должны быть отнесены не к крестьянам, а к феодалам. Что касается непосредственно крестьян, то они могут быть подразделены: на относительно более зажиточную прослойку, обрабатывавшую свыше 1 га земли и имевшую усадебный участок; на крестьян, возделывавших менее 1 га и одновременно являвшихся арендаторами земли у более состоятельных крестьян или феодала; на значительный слой безземельных крестьян — батраков (гэнин), слуг (сёдзю), но эта основная масса непосредственных производителей не отражалась в налоговых реестрах.

Аналогичная социальная структура деревни существовала и на окраине, например, на северо-востоке острова Кюсю, где находился сёэн Ота (уезд Сэра, провинция Бинго, современная префектура Оита).

В двух селах Кувахара и Ота, по данным на 1218 г., имелось пять крестьян, имевших более 7 га, и 94 крестьянина, возделывавших менее 4 га. Если крестьяне имели возделываемую землю в одной деревне, то земли сёэнских чиновников были расположены по меньшей мере в двух-трех деревнях, как, например, у приказчика села Кувахара по имени Фукутоми, владевшего около 50 га. Его усадьба находилась в деревне Ио, а земли были расположе-

³⁹ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 104, 115.

⁴⁰ Симада Дзиро. Указ. соч., стр. 134, 135.

ны в деревне Камихара (около 13 га), а также в деревнях Акая и Аотика ⁴¹.

Таким образом, и Тадаёси в селе Эсака, и Фукутоми в селе Кувахара были сёэнскими административными лицами, появившимися, по-видимому, в результате дифференциации богатеев «тато» предшествующего периода, пополнившими в XII—XIII вв. ряды феодального сословия.

Однако в центральной части о. Хонсю основная масса именных крестьян владела куда более мелкими участками земли, возделывала от 1 до 2 га и относилась к категории так называемых «урavnительных имен» (кинтомё). Так, например, в сёэне Идзумо, расположенном в провинции Ямато, являвшемся владением буддийского храма Кофукудзи, как отмечают Ватанабэ Сумио и Курода Кэйити, согласно переписи 1186 г. имелось 16 урavnительных именных хозяев, владевших в среднем от 1,26 до 1,35 га; 8 крестьян за выполнение административных функций ранее получили должностной надел (цукуда) по 0,09 га каждый. Эти именные хозяева являлись подрядчиками сёэнской земли ⁴².

Куроода Тосио и Курода Кэйити исследовали сёэн Тара, который находился на Западном побережье о. Хонсю, в провинции Вакаса (современная префектура Фукуи) и являлся владением буддийского храма Тодзи. Согласно налоговой описи 1256 г. в этом сёэне имелось шесть именных хозяев мёсю: Синри, Токидзава, Кансин, Мунэкиё, Токиясу (известный также под именем Мунэясу), Сигэнага, каждый из которых имел урavnительное именованное поле (кинтомё) размером около 2 га ⁴³.

Именной хозяин возделывал землю трудом своих родственников, проживавших в его доме, и батраков (гэнин). Кроме того, часть земли сдавалась крестьянам в аренду. Так, например, по данным Мураи Ясухико, именной хозяин Иэнаги в сёэне Каваи (провинция Исэ, владение буддийского храма Тодзи) взял для обработки около 43 га и сдал их в аренду 63 крестьянам, каждый из которых обработал около 0,6—0,7 га ⁴⁴.

Именные хозяева занимали особое, руководящее положение в вотчинной деревне, совместно защищали свои интересы и подобно «тато» стремились освободиться от выполнения трудовой повинности на провинциальное управление. По данным Курода Кэй-

⁴¹ Кагосэ Ёсиаки. Коти но тиритэки кэнкю (Географическое изучение земли). Токио, 1953, стр. 73—78; Нагахара Кэйдзи. Нихон хокэнсэй сэйрицу катэй но кэнкю (Изучение процесса становления японского феодализма). Токио, 1967, стр. 47.

Фукутоми был затем назначен сёгунским администратором дзито, одновременно являясь и сёэнским чиновником.

⁴² Ватанабэ Сумио. Кинай сёэн но кисо кодзо (Основная структура кинайского сёэна). Токио, 1956; Курода Кэйити. Указ. соч., стр. 118.

⁴³ Курода Тосио. Камакура дзидай но сёэн (Вотчина периода Камакура). — «Рэкисигаку кэнкю», 1962, № 261, 262; Курода Кэйити. Указ. соч., стр. 107.

⁴⁴ Мураи Ясухико. Указ. соч., стр. 57.

ити, именные хозяева сёэн Тара (провинция Вакаса, современная префектура Фукуи) в 1243 г. обращались в столицу с требованием об освобождении их от трудовой повинности; просьба была удовлетворена⁴⁵.

Именные хозяева, по мнению Акамацу Тосихидэ и Курода Тосио, обслуживали феодала, изготовляя и поставляя на его двор различные изделия. Именно среди них в 1092 г. в провинции Ямасиро (современный район г. Киото), в деревне Ясэ, возникло первое ремесленно-торговое объединение (дза), права членом которого были гарантированы феодалом⁴⁶.

Именные крестьяне подразделялись на основных, более состоятельных крестьян (хоммё) и второстепенных (кёмё), которые подвергались эксплуатации со стороны основных именных хозяев. Наглядным примером этого является жалоба второстепенных именных крестьян сёэна Курода, поданная в буддийский храм в 1288 г. в связи с беззакониями слоя именных хозяев мёсю, выполнявших функции сёэнских административных лиц⁴⁷.

Однако в источниках как центрального, передового района о. Хонсю, так особенно и более отсталых пограничных областей встречается другая категория крестьян, имевших дом (дзайкэ)⁴⁸. Поскольку пока еще отсутствуют обобщающие исследования по проблеме дзайкэ, можно лишь высказать гипотезу об их происхождении. Не связаны ли они генетически с надельной системой, когда участок земли, наделяемый под дом, огород или сад (онги), по существу предоставлялся крестьянскому двору в собственность, поскольку разрешалось его продать или сдать в аренду, хотя формально государство сохраняло за собой право контроля над операциями с землей⁴⁹. Ведь эта тенденция возникновения земельной собственности являлась характерной не только для японцев, а наблюдалась и у других народов, в частности, у народов Англии и Франции.

⁴⁵ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 109.

⁴⁶ Акамацу Тосихидэ. Дза ни цуйтэ (О дза). — «Сирин», 1954, т. 37, № 1; Курода Тосио. Тюсэй но сонраку то дза (Средневековая деревня и дза). — «Кобэ дайгаку кёнку гакубу кэнкю сюрюку», Кобэ, 1959, № 20; Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 116.

⁴⁷ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 123.

⁴⁸ Первым, кто обратил внимание на проблему дзайкэ, был Маки Кэндзи, считавший, что в период Камакура (1192—1333) это была крестьянская семья, возделывавшая земельный участок и платившая налог — нэнгу. На выполнение дзайкэ государственной барщины указал Нисока Тораноскэ, а Симидзу Мицуо и Тонохара Накама высказали предположение об идентичности дзайкэ и мёсю. Однако до войны эта проблема не была достаточно разработана и лишь в послевоенное время уделяется серьезное внимание исследованию форм эксплуатации сельского населения в пограничных районах. Плодотворно в этой области работали Исимода Сё, Нагахара Кэйдзи, Хонда Кэйон и др. Последний, исследуя дзайкэ района Тохоку, считал их видоизмененными рабами, которым передавалась земля для обработки. В период Камакура они именовались полевыми дзайкэ (тадзайкэ), а в конце XIV—XVI в. термином дзайкэ обозначали верхние слои крестьян, в зависимость к которым попадали остальные жители деревни. Специально дзайкэ рассматривает также Фукуда Тоёхико.

⁴⁹ См. Н. И. Конрад. Избр. труды. М., 1974, стр. 79.

Однако в Японии повсеместное распространение такой категории крестьян в качестве податной единицы⁵⁰ и их сосуществование с именными хозяевами в центральном районе о. Хонсю заставляет высказать предположение о различии между ними. Возможно, что право собственности у дзайкэ было более слабым, чем у именных хозяев, что может быть доказано существовавшей практикой разрушения жилищ у крестьян, уклонявшихся от выполнения трудовой повинности и уплаты налогов, что по существу означало сгон с земли, лишение их земельного участка⁵¹. Кудо Кэйити отмечает, что окраинные дзайкэ «соответствовали слою именных крестьянских хозяев передового района», но если в последнем право длительного владения рисовым полем утвердилось в конце периода Хэйан (XII в.), то на окраине это имело место в середине — конце периода Камакура (конец XIII — начало XIV в.)⁵².

По определению Каваи Масахару⁵³, Каваото Нохэй и Кудо Кэйити дзайкэ подвергались, «типично крепостной эксплуатации»⁵⁴. Окраинные, пограничные дзайкэ исследовали Нагахара Кэйдзи и Тоёда Такэси⁵⁵. Они отметили неоднородность состава дзайкэ, которые подобно «гато» и именованным крестьянам подразделялись на основных (хондзайкэ) и второстепенных (кёдзайкэ) в зависимости от размера обрабатываемой земли. Эта неоднородность дзайкэ широко отражена в источниках. Так, например, Утида Макото приводит выдержку из дневника Фудзивара Канэдзанэ «Гёкюё» от 3 октября 1187 г., где записано, что во владениях буддийского храма Тодайдзи в провинции Суо (современная префектура Ямагути, запад о. Хонсю) на перевозках леса работали дзайкэ; среди них были мелкие и влиятельные крестьяне⁵⁶. Кудо Кэйити указывает, что в сёэне Ота (провинция Бинго, о. Кюсю, современная префектура Оита), который являлся владением буд-

⁵⁰ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 120.

⁵¹ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 112; Миура Кэйити. Дзюгюдзюроку сэйки то дзиммин тосо (Народная борьба в XV—XVII вв.). — «Рэкин хёрон», 1969, № 11 (231), стр. 86.

⁵² Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 121.

⁵³ Каваи Масахару. Ниси куни ни окэру рёсюсэй но тэнкай (Развитие сеньеральной системы на западе страны). «Хисутория», 1951, № 1.

⁵⁴ Каваото Нохэй. Кодай макки но дзайти рёсюсэй ни цуйтэ (О местной феодальной системе в конце периода древности). — В сб.: Тюсэй сьякай но кихон кодзо (Основная структура средневекового общества). Токио, 1958; Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 110—111.

⁵⁵ Нагахара Кэйдзи. «Дзайкэ» но рэкиситэки сэйкаку то соно синка (Исторический характер «дзайкэ» и их эволюция). — В кн.: Нихон хокэнсэй сэйрицу катэй но кэнкю (Изучение процесса становления японского феодализма). Токио, 1967, стр. 222—283; Тоёда Такэси. Сёки хокэнсэй мото но носон (Деревня при раннем феодализме). — В сб.: Нихон сьякай си но кэнкю (Изучение социальной истории Японии). Под ред. Кодама Кота. Токио, 1955.

⁵⁶ Утида Макото. Дзайкэ но рэкиситэки сэйкаку ни цуйтэ (Об историческом характере дзайкэ). — «Ситё», 1956, № 66; Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 115.

дзайкэ, также подразделявшихся на основных и второстепенных⁵⁷.

Аналогичная картина, как отмечает Тоёда Такэси, имела место в 60-х годах XIII в. в сёэне Сумида (провинция Кии, современная префектура Вакаяма), а в сёэне Кумаки (провинция Ното, современная префектура Исикава) преобладали «малые дзайкэ»⁵⁸. Последняя тенденция, по словам Кудо Кэйити, была характерна и для сёэна Хитоёси (провинция Хиго, современная префектура Кумамото, о. Кюсю), где в 1296 г. был 31 крестьянский дом, однако лишь два из них имели около 2 га земли, а остальные являлись малоземельными второстепенными дзайкэ⁵⁹.

Второстепенные дзайкэ, как впрочем и мелкие именные хозяйства, имели тенденцию к численному росту, что отражало процесс обнищания деревни, усилившийся к концу XIII в. Симада Дзиро приводит цифры по сёэну Таруми (владение буддийского храма Тодзи, провинция Сэтцу, современный столичный округ г. Осака) и сравнивает данные за 1189 и 1343 гг. За этот период количество именных крестьян, имевших свыше 1 га земли, сократилось с 54 до 44, а число мелких крестьян-арендаторов увеличилось с 33 до 106⁶⁰. Кудо Кэйити наглядно иллюстрирует этот процесс в сёэне Атэгава (провинция Кии, современная префектура Вакаяма). Если в 1193 г. там было 25 основных и 25 второстепенных дзайкэ, то количество последних в 1257 г. достигло 49, а в 1272 г. увеличилось до 55, тогда как численность основных дзайкэ в начале 70-х годов составила 32 дома⁶¹.

Таким образом, налицо расслоение крестьян, что, по-видимому, связано с двойственной структурой арендных отношений, когда более состоятельные крестьяне являлись подрядчиками сёэнской земли, а менее зажиточные — субарендаторами у именных хозяев или основных дзайкэ. Суть двойной структуры исследовал Ояма Кёхэй⁶². Специфика возделывания поливного риса в относительно крупном хозяйстве Ояма Кёхэй усматривал в сезонном спросе на рабочую силу в период посадки риса и уборки урожая. Этот спрос мог быть удовлетворен при сочетании крупного и мелкого хозяйства, иными словами при двойной структуре арендных отношений. Ояма утверждает, что этот спрос удовлетворялся за счет «наемных работников» (коси). Кудо Кэйити считает наличие таких «наемных работников» спецификой Японии, подчеркивая, что они обеспечивались лишь едой⁶³. Но вряд ли правомерно здесь

⁵⁷ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 110—111.

⁵⁸ Тоёда Такэси. Сёки хокэнсэй мото но носон (Деревня при раннем феодализме). — В сб.: Нихон сякай си но кэнкю (Изучение социальной истории Японии). Токио, 1955; Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 113.

⁵⁹ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 121.

⁶⁰ Симада Дзиро. Указ. соч., стр. 141.

⁶¹ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 123—124.

⁶² Ояма Кёхэй. Тюсэй сякай но номни (Крестьяне средневекового общества). — «Нихон си кэнкю», 1963, № 56; Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 114.

⁶³ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 114.

говорить о «найме», ведь барщина за харчи была широко распространенным явлением и на Руси и в других странах в период средневековья. Так что здесь нет никакой «японской специфики»!

Как отмечает Тода Ёсими, в то время требовалось много рабочей силы для приведения в порядок прудов, канав орошения, поднятия заброшенных полей, поскольку технический уровень сельского хозяйства был еще недостаточно высок, он не обеспечивал стабильного возделывания земли, поля то забрасывались, то снова поднимались. Последнее невозможно было осуществить силами одного лишь мелкого крестьянского хозяйства, здесь требовался и дополнительный семенной фонд и другие сельскохозяйственные материалы, которые могли быть обеспечены лишь относительно более состоятельными хозяйствами. Поэтому двойная структура аренды в конечном счете определялась тем уровнем развития производительных сил, который был достигнут в Японии к XIII в.⁶⁴

В это время эксплуатация крестьян резко усилилась; крестьянин должен был поставлять и натуральную ренту (нэнгу), и различные продукты с суходольных полей, и выполнять многообразную трудовую повинность.

Натуральная рента с рисового заливного поля, как отмечает Кудо Кэйити на примере сёэна Тара (провинция Вакаса, современная префектура Фукуи), составляла от 90 до 180 л риса с 0,09 га, а если к этому добавить дополнительные сборы сёэнских административных лиц, сёгунского администратора (дзито), то она поглощала «более половины всего урожая»⁶⁵.

С суходольных полей крестьяне должны были поставлять муги, просо, соевые бобы, гречиху и в зависимости от района специфический местный продукт, как, например, соя (сёэн Югэсима, провинция Иё, современная префектура Эхимэ, о. Сикоку)⁶⁶, лак и т. п.

При существовавшей системе подряда, аренды и субаренды, как бремя налогов, так и трудовой повинности перекладывались на плечи менее состоятельных слоев крестьян. Нагахара Кэйдзи считает, что эксплуатация крестьян носила полурабский характер⁶⁷. Однако и Ояма Кёхэй⁶⁸ и Кудо Кэйити⁶⁹ подчеркивают ошибочность подобного определения и акцентируют внимание на феодальной эксплуатации крестьян, когда трудовая повинность, барщина имела наибольшее распространение. Практически барщина не была ограничена, она использовалась как в области сельского хозяйства весной при посадке рисовой рассады, при прополке сорняков, во время жатвы, так и при выполнении различных

⁶⁴ Тода Ёсими. Тюсэй сёки ногё но ити токусидзу (Специфика сельского хозяйства в ранний период средневековья). — В сб.: Кокуси ронсю, т. 1. Киото, 1959.

⁶⁵ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 121.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Нагахара Кэйдзи. Указ. соч., стр. 497.

⁶⁸ Ояма Кёхэй. Указ. соч., стр. 100.

⁶⁹ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 123.

работ на местного феодала и сёгунского администратора, которые широко практиковали внеэкономическое принуждение и, как явствует из жалобы крестьян сёна Атэгава (провинция Кию, современная префектура Вакаяма), за невыполнение повинностей не только сгоняли крестьян с земли, разрушали их жилища, но и отрезали им уши⁷⁰. На широкое распространение вплоть до XIV в. барщины, отработочной ренты (родо дзидай, буяку дзидай) указывают такие японские историки, как Симидзу Мицуо, Кимура Мотон, Мацумото Симпатрио, Мягави Мицуру⁷¹. Именно борьба против барщины и предопределила широкое участие крестьян в междоусобных войнах XIV в., когда, по словам Кудо Кэйити, «слой мелких крестьян по существу вышел на арену политического мира»⁷².

Итак, элементы крестьянской феодальной собственности, по-видимому, стали возникать в начале VIII в. при надельной системе, которую основоположник советской школы японоведения Н. И. Конрад еще в довоенные годы определил как институт раннего феодализма⁷³.

В XII в. крестьянская собственность в лице именных хозяев (мёсю) усиливается, но дифференциация основных именных крестьян на протяжении XII—XIV вв. приводит к размыванию этого социального слоя, на одном полюсе которого образуются мелкие феодалы, а на другом — либо новые именные хозяева, как считает Мягави Мицуру⁷⁴, либо основные крестьяне — хомбьякусё, — концепция Нагахара Кэйдзи⁷⁵. Хомбьякусё становятся основной податной единицей в период развитого и позднего феодализма, что отражено в переписях Хидэёси (конец XVI в.) и Токугава (XVII в.).

Японские историки считают период существования именованного хозяина либо феодализмом (Мураи Ясухико, Кудо Кэйити, Исимода Сё), либо переходным периодом от древности, рабства к феодализму (Нагахара Кэйдзи), либо рабовладением (Араки Мориаки).

Исимода Сё, исследуя проблему «именного хозяина», пришел к выводу, что именные крестьяне возникли прежде всего на государственных землях; их семейная структура носила патриархальный характер. При крестьянских именах происходил переход от налогообложения отдельных юридических лиц (семейной общины ко, гоко) к налогообложению земли, происходило юридическое становление земли как объекта производства. Анализируя возникно-

⁷⁰ Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 122.

⁷¹ Кимура Мотон. Указ. соч., стр. 119; «Тюсэй си но мондайтэн о мэгут-тэ» (О проблемах средневековой истории). — «Нихон рэкиси», 1957, № 113, стр. 6; Мягави Мицуру. Сёэнсэй но кайтай (Распад вотчинной системы). — В кн.: Нихон рэкиси, Иванами кодза (История Японии, лекции Иванами), т. 7. Токио, 1963, стр. 148.

⁷² Кудо Кэйити. Указ. соч., стр. 123.

⁷³ Н. И. Конрад. Избр. труды, стр. 75—113.

⁷⁴ Мягави Мицуру. Указ. соч., стр. 154.

⁷⁵ Нагахара Кэйдзи. Указ. соч., стр. 499—500.

вание феодального землевладения, Исимода Сё пришел к выводу, что при раннем феодализме широко использовался барщинный труд крестьян. Переход от древности к средневековью, начавшийся, по мнению Исимода Сё, в X в., был сложным, медленным, зигзагообразным, мучительным процессом⁷⁶.

Нагахара Кэйдзи считает владельца именованного поля (мёсю) промежуточным слоем между феодалами и крестьянами, семейная структура которого проявляется в наличии большой патриархальной семьи, семейной общины, где господствовала деспотическая власть патриарха. Разложение слоя именных хозяев явилось предпосылкой образования самураев-землевладельцев и мелких феодальных крестьян⁷⁷. Нагахара Кэйдзи относит этот процесс к XIII—XIV вв., к периоду войн Намбокутё (1336—1392).

Концепция существования рабовладельческой формации получила наиболее полное выражение в работах Араки Мориаки⁷⁸. По его мнению, рабовладельческая система существовала до XVI в., причем в своем развитии она прошла два этапа — период так называемого всеобщего рабства (сотайтэки дорэй), когда существовала надельная система, основу которой составляла азиатская община, а в политической области господствовала деспотическая власть императора, и период патриархального рабства (кофутётэки дорэй) при вотчинной (сёэнской) системе. И хотя систему вотчин Араки определяет как феодальный уклад, но, по его мнению, основная податная единица в вотчинах, так называемое именованное поле (мёдэн), находившееся во владении именованного хозяина (мёсю), обрабатывалось патриархальными рабами, поскольку мёсю являлся главой большой патриархальной семьи, где господствовали отношения патриархального рабства. При ослаблении власти патриарха, по мнению Араки, возникла японская форма колоната (наго хикан) — переходная форма от патриархального рабства к крепостной системе. Араки считает, что и в XVI в. князья опирались на патриархальных именных хозяев, которые, однако, уже начали борьбу за свое освобождение. Араки выдвинул теорию «двух путей феодализации», из которых один означал феодализацию сверху в результате гегемонии владельцев поместий, «путь реформ» или «реакционный путь», а другой — феодализацию снизу в итоге борьбы именных хозяев за освобождение, что означало, по его мнению, «революционный путь». Борьба именных хозяев обострилась на протяжении XVI в., но победу одержали

⁷⁶ Исимода Сё. Тюсэйтэки тотти сёюкэн но сэйрицу ни цуйтэ (О становлении средневекового права земельной собственности). — «Рэкисигаку кэнкю», 1950, № 146, стр. 1—17; его же. Тюсэйтэки сэкай но кэйсэй (Образование средневекового мира). Токио, 1946; Кимура Мотон. Указ. соч., стр. 32, 33, 35.

⁷⁷ Нагахара Кэйдзи. Указ. соч., стр. 497, 523—527; «Hitotsubashi Journal of economics». Токио, 1960, vol. 1, № 1, p. 94, 97; 1962, vol. 3, № 1, p. 71.

⁷⁸ «Рэкисигаку кэнкю», 1953, № 163, стр. 1—17; № 164, стр. 1—22; Араки Мориаки. Вакухан тайсэй сэкай но сэйрицу то кодзо (Становление и структура общества сёгунско-княжеской системы). Токио, 1959.

владельцы поместий, поэтому, считает Араки, восторжествовал реакционный путь перехода от системы патриархального рабства к крепостной системе.

Период Токугава (1603—1868) Араки определяет как период крепостничества (нодосэй), возникшего еще в конце XVI в. в результате переписи Хидзёси. Основным центром возникновения феодального крестьянства Араки считает район Токай провинции Мино-Овари (современные префектуры Гифу, Айти).

Точка зрения Мориаки вызвала в научных кругах Японии «смерч Араки» и оживленную критику за чрезмерное преувеличение патриархально-рабской основы вотчин и утверждение о застойности японской истории с X по XVI в. Критики указывали на необходимость дальнейшего конкретно-исторического изучения процесса перехода от рабовладения к феодализму⁷⁹.

Сторонники рабовладельческой концепции в подавляющем большинстве аргументируют свою точку зрения патриархальной семейной структурой именованного хозяина. Однако, во-первых, последние публикации японских исследователей семьи наносят сильный удар по патриархальной теории, свидетельствуя о длительном существовании в Японии пережитков матриархата в области семейно-брачных отношений в виде матрилокального брака (муко-торикон, сёсэйкон), об относительной слабости патрилокального брака (ёмэрикон), хотя и возникшего в X в., но получившего всеобщее распространение лишь с конца XIV в., с периода Муромати. Тамаки Хадзимэ подчеркивает, что хотя среди самурайского сословия власть патриарха была относительно сильной уже в XII в., среди простого народа и в XV в. еще наблюдались значительные права у хозяйки дома при «относительной слабости прав патриарха»⁸⁰. Во-вторых, патриархальная семейная структура сохранилась, например, у славян вплоть до XIX в., но ни один современный исследователь не станет на этом основании утверждать, что это свидетельствует о сохранении древнего рабовладельческого общества. Не структура семьи, а развитие производительных сил и производственных отношений определяют социально-экономическую структуру общества и семьи в том числе.

Основная методологическая ошибка сторонников рабовладельческой концепции состоит в том, что ее адепты разделяют периоды преобладающего господства отработочной и продуктовой ренты, считая эксплуатацию крестьян при отработочной ренте, барщина рабовладением, а при продуктовой ренте, оброке — феодализмом. Как известно, К. Маркс и отработочную, и продуктивную ренту совершенно определенно считал категориями феодального способа производства и подчеркивал, что барщина «главная феодальная повинность», а взимание продуктовой ренты знаме-

⁷⁹ Кимура Мотон. Указ. соч., стр. 49—50.

⁸⁰ Тамаки Хадзимэ. Хокэн дзидай но кэккон (Брак в период феодализма). — В кн.: Нихон рэкиси, Иванами кодза (История Японии, лекции Иванами), т. 23. Токио, 1964, стр. 231.

нует собой новый этап в развитии производительных сил, поскольку «продуктовая рента предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще...»⁸¹.

В силу изолированности Японии от внешнего мира и отсутствия торговли, развитие феодализма происходило в «чистом» виде, замедленными темпами, но не такими, как считают Нагахара Кэйдзи и Мацуока Хисао, датирующие становление феодализма соответственно XIII или второй половине XV — первой половиной XVI в. (период «воюющих провинций» — сэngoку дзидай — 1467—1568 гг.)⁸². Если за основу периодизации феодализма взять основные формы эксплуатации крестьян, что является единственно правильным, в периодизацию раннего феодализма в Японии необходимо внести уточнение и развитый феодализм следует датировать не с X или конца XII в., как это до сих пор принято⁸³, а с конца XIV в. Такое уточнение периодизации японского феодализма необходимо, поскольку оно объективно отражает крупные сдвиги, происшедшие в японской исторической науке, новый подход к изучению средневековья с точки зрения эксплуатации непосредственных производителей, а не положения дворянского (самурайского) сословия. Это уточнение основывается на обширном, документальном материале, введенном за последнее время в научный оборот японскими прогрессивными историками.

---

⁸¹ К. Маркс. Законопроект об отмене феодальных повинностей. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 296; К. Маркс. Капитал. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 358.

⁸² Нагахара Кэйдзи. Указ. соч., стр. 495, 489; см. также «Hitotsubashi Journal of economics». Токуо, 1962, vol. 3, № 1, p. 71; Хисао Мацуока. Особенности японского феодализма. — Тезисы доклада на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970, стр. 2—4, 7.

⁸³ История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, стр. 207—226; История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, стр. 159—184.

Г. В. ХРУСЛОВ

СОВЕТСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА И ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В ЯПОНИИ

Вопросы марксистского истолкования истории Японии на основе учения о социально-экономических формациях являлись предметом внимания советских ученых уже в 20—30-е годы¹. В послевоенные годы советские исследователи не раз обращались к одному из наиболее сложных в истории Японии вопросу: о возникновении и развитии капитализма. Этот вопрос ставился и разрабатывался в связи с необходимостью осмыслить место Японии во всемирно-историческом процессе, показать общее и особенное в ее историческом развитии.

В трудах советских ученых-японистов проанализированы вопросы смены феодальной социально-экономической формации капиталистической² и в связи с этим исследована позднефеодальная общественная структура Японии, соответствующая в японской хронологии периоду Токугава, который последовал за «объединением» страны и укреплением феодального строя в XVI в.

Частичное «объединение» и централизация Японии и последующие мероприятия японского феодального правительства имели, как отмечается в советской исторической литературе, двойное значение. С одной стороны, советские историки отмечают, что централизация страны благоприятствовала развитию земледелия, которому был нанесен значительный ущерб междоусобными войнами предшествующего столетия. Уже в конце XVI в. произошло уве-

---

¹ См. Н. И. Конрад. Япония. Народ и государство. Исторический очерк. Пг., 1923; его же. Очерк японской истории с древнейших времен до «революции Мейдзи». — В сб.: Япония. М., 1934; К. А. Харнский. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926; Е. М. Жуков. История Японии. Краткий очерк. М., 1939 и др.

² См. А. Л. Гальперин, Н. И. Конрад. Японское феодальное государство. — «Всемирная история», т. IV. М., 1958; А. Л. Гальперин. Эпоха позднего феодализма 1640—1867. — В кн.: Очерки новой истории Японии (1640—1917). Вводная гл. и гл. I—IV. М., 1958; его же. Разложение феодальных отношений в Японии. Революция 1868 г. — Всемирная история, т. VI. М., 1959; его же. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М., 1963; Е. М. Жуков. Капиталистическое развитие Японии. — Всемирная история, т. VII. М., 1960 и др.

личение обрабатываемых площадей (на рубеже XVI—XVII вв. их число составило около 1,5 млн. га, что было на 30% больше, чем в XV—XVI вв.), распространение новых сельскохозяйственных культур³.

С другой стороны, укрепление центральной власти сопровождалось усилением крепостной зависимости и эксплуатации непосредственного производителя — крестьянина, его прикреплением к земле и подъемом крестьянского антифеодального движения. Эти тенденции получили различные наименования у советских ученых: «реставрация крепостничества» в Японии в конце XVI в. (Е. М. Жуков), «вторичное закрепощение» японских крестьян на рубеже XVI—XVII вв. (А. Л. Гальперин) или завершение их «полного закрепощения» (И. Г. Поздняков)⁴. Общим в этих определениях является признание реакционных последствий укрепления феодального строя в Японии в указанный период.

В статье «К вопросу о генезисе капитализма в Японии» (1956) А. Л. Гальперин на основании анализа большого фактического материала, критического использования данных японских ученых считает возможным отнести зарождение капиталистического производства в Японии к XVI — первой половине XVII в.⁵ Генезис капитализма в Японии происходил, по его мнению, в период быстрого развития городов, промышленного производства, особенно горной промышленности, значительного усиления внешней торговли и приобретения большого значения внутренней торговли⁶. К XVI в. А. Л. Гальперин относит возникновение процесса первоначального накопления — лишения непосредственного производителя средств производства в результате обезземеливания крестьянства. Укрепление центральной власти задержало дальнейшее развитие этого процесса, но не приостановило его полностью⁷. А. Л. Гальперин считает перспективным мнение японского историка-медиевиста Акияма Кэндзо о существовании в Японии уже в XVI в. как рассеянной мануфактуры в виде домашней промышленности (тоя когё), так и первых централизованных мануфактур⁸.

³ См. А. Л. Гальперин, Н. И. Конрад. Японское феодальное государство, стр. 678.

⁴ См. Е. М. Жуков. Политика Хидэёси в отношении крестьянства (реставрация крепостничества в конце XVI столетия в Японии). — «Известия АН СССР», сер. истории и философии, т. III, № 6. М.—Л., 1946; его же. Земельный кадастр Хидэёси как мера реставрации крепостничества в Японии в конце XVI столетия. — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Дальнего Востока». М., 1954; А. Л. Гальперин. К вопросу о генезисе капитализма в Японии (1956). — В сб.: «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)». М., 1962, стр. 9; И. Г. Поздняков. Роль кэнти в закрепощении японского крестьянства во второй половине XVI века. — «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. XXIII. М., 1959, стр. 92.

⁵ См. А. Л. Гальперин. К вопросу о генезисе капитализма в Японии, стр. 23.

⁶ Там же, стр. 6.

⁷ Там же, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 15.

Многие вопросы, затронутые А. Л. Гальпериним, сходным образом толкуются в его совместном с Н. И. Конрадом очерке «Японское феодальное государство» (1958). В нем отмечается, что, несмотря на феодальную регламентацию в Японии XVI в., там с течением времени стали возникать первоначальные формы капиталистической промышленности в виде домашнего крестьянского производства (тоя когё), подчиненного торговому капиталу, который брал на себя снабжение сырьем и сбыт готовой продукции. На возникавших в то время крупных промышленных предприятиях, которые в большинстве своем принадлежали феодалам, использовался труд крестьян, частично в порядке отработочной повинности, но также и наемных рабочих из беглых крестьян. В основном промышленное производство в тот период сосредоточивалось в цехах ремесленников (дза), которые, наряду с купеческими гильдиями, служили важным источником доходов для феодалов⁹.

А. Л. Гальперин и Н. И. Конрад указывают, что при сёгунате Токугава структура ремесленных цехов и купеческих гильдий фактически осталась прежней, феодальный контроль и регламентация цехов даже усилились. Значительное развитие произошло в промышленности (судостроении, горнорудном деле, фарфорово-фаянсовом производстве), расширилась рассеянная мануфактура, но господствующее положение в производстве сохраняли цеха ремесленников и казенная мануфактура с преобладанием принудительного труда¹⁰.

Стремление правящего класса к консервации феодального строя наглядно проявилось в политике изоляции Японии от внешнего мира, так называемом «закрытии страны» для иностранцев, которое завершилось в основном в 30-е годы XVII в. Советские японоведы отмечают, что токугавская политика изоляции в определенной степени тормозила развитие товарно-денежных отношений, но не могла оказать решающего воздействия на этот процесс. Значительные капиталонакопления японских купцов, не находя выхода на внешний рынок из-за установленной правительственной монополии на внешнюю торговлю, нашли применение на внутреннем рынке, прежде всего в деревне. Началась скупка земли купцами. В долговую зависимость от торгово-ростовщического капитала попадали крестьянство, а также самурайство и даже отдельные крупные феодалы. Усиливалось подчинение домашней крестьянской промышленности купцу, ставшему скупщиком. Хотя и медленно, росла мануфактура.

Советские ученые отмечают, что изоляция Японии, как и укрепление центральной власти, оказала противоречивое влияние на развитие японского общества: с одной стороны, в стране свыше двух столетий было состояние длительного мира, произошло неко-

---

⁹ См. А. Л. Гальперин, Н. И. Конрад. Японское феодальное государство, стр. 672.

¹⁰ Там же, стр. 679.

торое развитие производительных сил; с другой стороны, в Японии сохранялись наиболее застойные формы феодальных отношений, что привело в результате к отставанию Японии от тех стран, от которых она стремилась отгородиться¹¹.

Э. Я. Файнберг, которая детально исследовала вопрос о столетии европейской экспансии в Японию (1542—1640), ее значении в экономической и политической жизни страны, склонна даже подчеркнуть скорее последний аспект изоляции, солидаризуясь с японскими историками (Хондзё Эйджиро и др.), признающими, что изоляция привела «к консервации феодального режима и задержке процесса превращения Японии в централизованное капиталистическое государство»¹².

Советские японоведы приводят убедительные данные, свидетельствующие о том, что XVIII — первую половину XIX в. можно считать периодом упадка японского феодализма, разложения феодальных отношений. В это время широкие размеры получил заклад земли, происходило превращение крестьян — держателей земельных участков в их арендаторов, усиливалось участие торгово-ростовщического капитала в эксплуатации крестьян, в японской деревне уже в первой половине XIX в. применялся наемный труд.

Положительные результаты укрепления центральной власти, обеспечившие некоторый подъем сельского хозяйства в XVII — начале XVIII в. исчерпали себя в связи с усилившейся феодальной эксплуатацией крестьян. Признаки кризиса натурального хозяйства обнаруживаются, например, в сохранении неизменным размера обрабатываемых земельных площадей на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. (около 2,8—3 млн. га), неурожаях, голоде, эпидемиях в японской деревне¹³.

А. Л. Гальперин отмечает, что основными формами промышленного производства в начале XVIII в. были городское цеховое ремесленное производство и домашняя крестьянская промышленность; правительство предоставляло гильдиям лицензии на монопольную торговлю. К концу XVIII в. в стране насчитывалось свыше 100 мануфактур, принадлежавших феодалам, торговцам или богатым крестьянам. В первой половине XIX в. централизованные мануфактуры с наемными рабочими получили большое распространение, к середине XIX в. существовало около 400 частных и казенных мануфактур, кроме горных предприятий.

А. Л. Гальперин делает вывод, что, хотя до начала 50-х годов XIX в. в стране не было фабрично-заводских предприятий, оснащенных машинами, капиталистические элементы в экономике Японии стали заметными с начала XIX в.¹⁴.

¹¹ См. А. Л. Гальперин, Н. И. Конрад. Японское феодальное государство, стр. 682.

¹² Э. Я. Файнберг. Начало экспансии европейских держав в Японию (1542—1640 гг.). — «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. XXIII, стр. 66.

¹³ См. А. Л. Гальперин. Разложение феодальных отношений в Японии, стр. 446—447.

¹⁴ Там же, стр. 447—449.

Таким образом, по мнению А. Л. Гальперина, зарождение капитализма в Японии относится к XVI — первой половине XVII в., и его элементы становятся заметным фактором в экономике Японии с начала XIX в. Эти хронологические рамки зарождения и развития капитализма в Японии принимаются другими советскими учеными с известными оговорками.

Такие авторитетные специалисты по истории Японии, как Н. И. Конрад, Е. М. Жуков, Д. И. Гольдберг, склонны относить зарождение первичных форм капиталистической промышленности в Японии к XVII в.; Н. И. Конрад в отдельных работах уточняет, что домашняя промышленность и мануфактура появились в Японии после «закрытия страны» в 30-е годы XVII в.¹⁵

Ряд советских авторов высказали критические соображения по вопросу о сроках зарождения капитализма в Японии уже в XVI в., указывая на затянувшийся процесс разложения феодальных отношений. Они считают необходимым подчеркнуть, что развитие производительных сил японского общества, товарно-денежных и кредитных отношений, рост городов в течение длительного времени происходили на феодальной основе.

И. Г. Поздняков считает, что неправомерно принимать развитие товарно-денежных отношений в Японии в XVI в. за зарождение капитализма; он относит истоки японского капитализма ко второй половине XVII в.¹⁶

А. А. Искендеров на основе фундаментального исследования материала по феодальному городу Японии XVI столетия считает неоправданным «стремление во что бы то ни стало найти элементы капитализма даже там, где их еще и не могло быть» и в связи с этим не согласен с теми авторами, которые «склонны видеть зарождение капиталистических производственных отношений в Японии уже в XVI в.». По его мнению, нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что развитие мануфактуры «было сколько-нибудь заметным в XVI и даже в начале XVII в.», а «анализ экономической деятельности японских городов XVI столетия убеждает, что для этого периода рано еще говорить не только о развитии, но и о зарождении капитализма в Японии»¹⁷. В то же время сам А. А. Искендеров пишет, что нельзя считать, что до XIX в. в Японии не было никаких признаков капиталистических производственных отношений, что «в истории развития японских городов XVI век был в известной мере переломным» и в процессах, проис-

¹⁵ См. Н. И. Конрад. Япония в позднее средневековье. — В кн.: История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, стр. 375; Е. М. Жуков. Япония в XVII — 70-е годы XIX в. — В кн.: История стран Азии и Африки в новое время. М., 1971, стр. 16; Д. И. Гольдберг. Япония в XVII — середине XVIII в. — В кн.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, стр. 419—421.

¹⁶ См. И. Г. Поздняков. К вопросу о генезисе капитализма в Японии. — В сб.: Генезис капитализма в промышленности. М., 1959, стр. 390.

¹⁷ А. А. Искендеров. Феодальный город Японии XVI столетия. М., 1961, стр. 104, 105, 107.

ходивших в XVI в., «можно уже усмотреть тенденцию последующего исторического развития страны»¹⁸.

Совершенно естественно, что новый капиталистический способ производства вышел из недр феодального общества. А. Л. Гальперин признавал, что мануфактурное производство является одним из главных признаков капиталистического развития. В связи с этим он исследовал характер существовавших в Японии в XVI в. крупных предприятий и природу занятой на них рабочей силы. Он сам отмечал, что сведения, имеющиеся в литературе о мануфактурах в Японии в XVI—XVII вв., еще случайны; упоминаются лишь отдельные заведения¹⁹. Однако видный экономист-востоковед В. М. Штейн напоминает: «Феодальной мануфактуры никогда не было. Мануфактура может существовать только как капиталистическое предприятие»²⁰. Поэтому сама по себе степень распространения и влияния мануфактур в экономической жизни не может служить основанием для отрицания зарождающихся капиталистических производственных отношений.

Л. С. Гамаюнов отмечает, что среди других стран Востока мануфактура получила относительно отчетливые формы в Японии и Китае, где раннекапиталистические отношения зарождаются в XVI—XVIII вв.²¹.

В целом советские ученые сходятся в выводах о заметном влиянии капиталистической мануфактуры в Японии в XVIII — первой половине XIX в. Э. Я. Файнберг и Д. В. Петров на основе данных японского ученого Ямада Сэйтaro приводят подсчеты количества мануфактур в Японии, которое резко возросло с начала XIX в.: до 1803 г. было создано 146 мануфактур в различных отраслях производства, с 1803 по 1823 г. — 57, с 1824 по 1853 г. — 106 и к 1867 г. их насчитывалось 420²².

И. Г. Поздняков говорит о том, что «в последние годы господства Токугава наметился переход к мануфактурной эпохе»²³. В. М. Штейн отмечает, что Япония, по-видимому, единственная страна Азии, в которой «еще в конце XVIII в. возник капиталистический уклад, развившийся после революции 1867—1868 гг. в капиталистическую формацию»²⁴. В. И. Павлов признает, что к середине XVIII в. «ни одна страна Азии и Африки, исключая, мо-

¹⁸ А. А. Искендеров. Указ. соч., стр. 107.

¹⁹ См. А. Л. Гальперин. К вопросу о генезисе капитализма в Японии, стр. 14.

²⁰ В. М. Штейн. Были ли в экономике стран Востока элементы капитализма до вторжения европейских держав? — В сб.: О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.), стр. 201.

²¹ Советская историческая энциклопедия, т. 9. М., 1966, стр. 50.

²² См. Э. Я. Файнберг. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. М., 1954, стр. 15; Д. В. Петров. К вопросу о мануфактуре в Японии. — «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. XV. М., 1956, стр. 68.

²³ И. Г. Поздняков. К вопросу о генезисе капитализма в Японии, стр. 400.

²⁴ В. М. Штейн. Указ. соч., стр. 211.

жет быть Японию, еще не достигла мануфактурной стадии развития капитализма»²⁵.

Огромную роль в подрыве феодального строя в Японии сыграли движения крестьян и городской бедноты. А. Л. Гальперин, в частности, указывает как на количественный рост народных выступлений (в XVII в.—188, в XVIII в.—514, а за 67 лет XIX в.—538), так и на изменение их характера (преобладание петиционного движения в XVII в., активные формы борьбы в деревне, восстания городской бедноты в XVIII в.)²⁶.

Вопросы антифеодальной борьбы японских крестьян являются предметом специальных исследований Г. И. Подпаловой и Д. П. Бугаевой. Документы по истории японской деревни подготовлены к публикации в переводе и с комментариями О. С. Николаевой²⁷.

Таким образом, вопросы генезиса капитализма в Японии довольно глубоко и обстоятельно исследованы советскими учеными в различных аспектах. Существуют некоторые расхождения во мнениях о том, к какому периоду относится начало генезиса капитализма в Японии, но, на наш взгляд, эти расхождения не носят принципиального характера и во многом объясняются недостаточностью источников по этому вопросу и его далеко не полной разработкой в японской историографии²⁸.

Остановимся на том, как истолковываются вопросы позднего феодализма и генезиса капитализма в Японии в западной, прежде всего американской, буржуазной историографии. По мнению ведущего американского историографа Японии Дж. Холла, в современном японоведении США можно выделить три главных направления: «культурно-антропологическое», которое опирается на бихевиористскую концепцию «стиля поведения и типов политической культуры» японцев, ведущую начало от Р. Бенедикт; комбинированное «социально-экономическо-политическое», начало которому положено Э. Г. Норманом, и «веберянско-парсонсианское», которое делает акцент на изучении «ценностной ориентации» Японии²⁹.

К первому направлению принадлежит сам Дж. Холл и несколько других авторов, например М. Янсен, А. Крейг. Второе направ-

²⁵ Советская историческая энциклопедия, т. 6. М., 1965, стр. 974.

²⁶ См. А. Л. Гальперин. Разложение феодальных отношений в Японии, стр. 451.

²⁷ См. Г. И. Подпалова. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII — начале XVIII в. М., 1960; Д. П. Бугаева. Крестьянские движения в Японии во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Автореф. канд. дисс. Л., 1953; Документы по истории японской деревни, ч. 1 (конец XVII — первая половина XVIII в.). М., 1966; ч. 2 (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) намечена к изданию.

²⁸ См. Л. В. Зенина. Японские историки о развитии мануфактуры в Японии XVIII — первой половины XIX в. — «Вестн. Ленингр. ун-та», 1975, вып. 1, стр. 54.

²⁹ J. W. Hall. Thirty years of Japanese studies in America. — In: Transactions of the International Conference of Orientalists in Japan. Tokyo, 1971, p. 24; «Нихон рэкиси», Токио, 1972, № 1, стр. 175.

ление самое многочисленное и в то же время неоднородное. К нему принадлежат те американские ученые, у которых само по себе комплексное изучение экономических, политических и социальных проблем еще не является гарантией их объективности, как, например, Э. Рейшауэр.

В 50—60-е годы усилились субъективистские тенденции, прямо выступающие против взглядов прогрессивного канадского японоведа 30—40-х годов Э. Г. Нормана, за раздельное изучение истории политики и истории экономики. Третье направление представлено по сути дела одним Р. Белла, использующим социологические теории М. Вебера и Т. Парсонса.

Это деление довольно условно, поскольку в целом у американских буржуазных авторов можно выделить больше общих, чем отличающихся взглядов, особенно это относится к Р. Белла, ученым первого направления и представителям новейших течений во втором направлении.

В интересующем нас аспекте общим у многих американских авторов всех трех направлений является стремление пересмотреть «безрадостный» взгляд на период Токугава, отметить в нем «коренные перемены в структуре японского правительства и общества», «позитивный вклад «феодализма» Токугава для современной Японии»³⁰.

Употребление самого слова «феодализм» в кавычках представляется весьма характерным; многие американские буржуазные авторы или вообще избегают марксистско-ленинских категорий, или используют их в искаженном смысле. Так, редакторы и авторы сборника статей по институциональной истории «раннесовременной» Японии Дж. Холл и М. Янсен стоят именно на таких позициях. Дж. Холл, ставя вопрос «может ли концепция феодализма быть применена к Японии», сомневается в «самом понятии феодализм и его уместности как общей категории социальной организации»³¹. Для М. Янсена «капитализм — это абстракция для описания системы социального и экономического устройства, а не необходимый период истории»³².

Американские историки отказываются от поисков внутренних, определяющих причин развития в экономическом базисе общества. В связи с этим они обвиняют марксистов в чрезмерном «акценте» на анализе экономических отношений. Так, Дж. Холл полемизирует с методологическими положениями труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», связанными с определением

³⁰ J. W. Hall. Japanese History. New Dimensions of Approach and Understanding. Washington, 1966, pp. 37, 39.

³¹ J. W. Hall. Feudalism in Japan — A Reassessment. — «Comparative Studies in Society and History», Oct. 1962, vol. V, № 1. Цит. по: «Studies in the Institutional History of Early Modern Japan». Ed. by M. B. Jansen and J. W. Hall. Princeton (N. J.), 1968, p. 16.

³² M. B. Jansen. On Studying the Modernization of Japan. — In: Studies on Modernization of Japan by Western Scholars. Tokyo, 1962, p. 4.

феодализма. Как известно, В. И. Ленин считает характерными чертами феодального способа производства (барщинного хозяйства) в России следующие необходимые условия: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землей, в частности, его прикрепление к земле, личная зависимость крестьянина от помещика, низкое и рутинное состояние техники³³.

Это ленинское определение вызывает следующий отзыв Дж. Холла: «Это положение, хотя оно ясно ограничено описанием экономических черт «феодальной России», было принято некоторыми учеными как достаточное определение феодализма во всей полноте. Его непригодность для такой цели проистекает из ограниченности той цели, для которой оно было выдвинуто и, в частности, из-за того, что оно не принимает во внимание политические и социальные аспекты этой системы»³⁴.

Дж. Холл допускает в данном случае явную тенденциозность. Труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» имеет несомненную методологическую и теоретическую ценность при анализе смены общественно-экономических формаций в других странах. На примере конкретного опыта России в нем, как и в целом ряде других ленинских трудов, содержится воплощение и дальнейшее развитие основных положений марксистской теории докапиталистической и капиталистической экономики, анализ общих законов смены феодализма капитализмом, которые в каждой отдельной стране, естественно, могут иметь свою специфику.

И разве можно всерьез утверждать, что в труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» не принимаются во внимание социально-политические аспекты феодальной системы, если в нем собран обширный материал о дифференциации, разрушении крестьянства, которое перестает существовать, вытесняется совершенно новыми типами сельского населения, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством: сельской буржуазией (преимущественно мелкой) и сельским пролетариатом. Антагонизм между крестьянством и помещиками, а внутри крестьянства — между сельской буржуазией и сельским пролетариатом — ключевой вопрос для понимания изменений в социальной структуре общества в позднефеодальный период.

Общим для американских буржуазных ученых является акцентирование внимания на социально-психологических и политических аспектах токугавской Японии в ущерб анализу ее социально-экономической структуры. Они односторонне трактуют значение централизации Японии в XVI в., выделяют только те фактические данные, которые свидетельствуют об укреплении феодального строя, замалчивают кризисные явления в экономической и обще-

³³ См. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184—185.

³⁴ Studies in the Institutional History of Early Modern Japan, p. 30.

ственной жизни страны, выступают против тезиса о застойности японского феодализма после середины XVI в.

Дж. Холл и М. Янсен отыскивают корни японской «модернизации», начавшейся во второй половине XIX в., в политическом механизме, институциональных учреждениях Японии периода Токугава³⁵. Ими собран большой фактический материал по истории центральной и местной администрации в токугавской Японии, но он интерпретируется ими крайне односторонне. По их мнению, появление института даймё в Японии сопровождалось «мощными и динамичными» чертами политических, социальных и экономических перемен, однако бесспорно, что относительный прогресс в японском обществе XVI—XVIII вв. был ограничен возможностями феодального способа производства и в конечном счете наступил не благодаря даймё как классу феодалов в целом, а скорее вопреки ему.

Р. Белла делает акцент на значении духовных ценностей токугавской Японии для ее последующей «модернизации». Он заимствует у М. Вебера мысль об определяющей роли религии в общественном развитии (кальвинизма в Европе, конфуцианства, даосизма в странах Востока)³⁶. В процессе «политической и экономической рационализации» Японии Р. Белла особо выделяет важную роль «токугавской религии» — «сингаку»³⁷. Однако фактически то, что он называет религией, представляло собой моральное учение, эклектически объединяющее элементы буддизма, конфуцианства и синтоизма в своеобразную идеологию растущей торгово-ростовщической буржуазии³⁸. Таким образом, появление «сингаку» было результатом более глубоких общественно-экономических процессов.

Э. Рейшауэр также подчеркивает побудительные условия раннего начала «модернизации» в Японии в политике, экономике, культуре токугавского периода. Хотя Э. Рейшауэр не избегает самого понятия «феодализм», уделяет определенное внимание экономическим вопросам, преобладающий акцент в его трудах также часто оказывается на социально-политических, духовных, моральных факторах.

В изложении Э. Рейшауэра зачастую возникает односторонняя, идеализированная картина феодальной Японии. В статье, написанной для сборника «Феодализм в истории» (1956), Э. Рейшауэр предполагает, что феодальный опыт в Японии, «возможно,

³⁵ J. W. Hall. Tokugawa Japan: 1800—1853; M. B. Jansen. The Meiji State: 1868—1912. — In: «Modern East Asia: Essays in Interpretation». N. Y., 1970.

³⁶ См. Э. Энгельберг. Германская историография начала XX в. — В кн.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, стр. 487; В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1975, стр. 182—183.

³⁷ R. N. Bellah. Tokugawa Religion. The Values of Pre-Industrial Japan. Glencoe (Ill.), 1957, p. 194.

³⁸ См. Я. Б. Радуль-Затуловский. Из истории материалистических идей в Японии в XVII — первой половине XIX в. М., 1972, стр. 25—26.

имел какое-то отношение к скорости и легкости, с которой японцы в течение последнего столетия перестроили свое общество и правительство по европейским образцам»³⁹. В этот «феодальный опыт» он включает такие факторы, как «аристократическо-военная традиция», «кодекс чести», «национальное сознание», «правовые понятия», «стили экономической и социальной организации». В целом все это довольно расплывчатые категории. Особое возражение вызывает, что к факторам, ускорившим «модернизацию» Японии, отнесен самурайский «кодекс чести», который к первой половине XIX в. скомпрометировал себя не только перед большинством населения, но и в самом привилегированном сословии⁴⁰. Впоследствии Э. Рейшауэр, хотя и несколько пересмотрел этот взгляд, когда писал об упадке нравственности правящих групп и военной эффективности самурайства к середине XIX в., продолжал подчеркивать, что «самурайская конфуцианская этика все еще наполняла страну и вся политическая структура Токугава была еще крепкой»⁴¹.

Что касается «стилей экономической и социальной организации», то из других работ Э. Рейшауэра видно, что он понимает под ними такие категории, как «торговая экономика», «стабильность», «народное единство». В итоговой работе «История японского государства» (1970) Э. Рейшауэр пишет о том, что «единство и длительный мир периода Токугава делали продолжение феодальной экономики все более невозможным»⁴², что «рост национализма и развитие созревшей торговой экономики подготовили Японию для совершенно нового политического и общественного порядка»⁴³.

На первом месте в качестве причин преобразований в Японии во второй половине XIX в. названы, таким образом, политические факторы. Однако о каком «единстве» может идти речь применительно к средневековой Японии, которая знала острые проявления классовой борьбы. Спротивление японских крестьян феодальному гнету носило характер детоубийств в японской деревне в случае неурожая, бегства крестьян в города, петиционного движения и как наиболее активной формы протеста — восстаний, которые особенно усилились в конце периода Токугава в результате затяжного и глубокого аграрного кризиса.

Однако и вывод Э. Рейшауэра об экономическом развитии как предпосылке политических изменений носит ограниченный характер. Вряд ли вообще можно согласиться с выделением поня-

³⁹ Feudalism in History. Ed. by R. Coulborn. Princeton (N. T.), 1956, p. 46.

⁴⁰ Японский милитаризм (военно-историческое исследование). М., 1972, стр. 36.

⁴¹ J. K. Fairbank, E. O. Reischauer, A. M. Craig. East Asia. Tradition and Transformation. L., 1973, p. 434.

⁴² E. O. Reischauer. Japan: The Story of a Nation. Ch. 7: Signs of Change behind the Feudal Facade. N. Y., 1970, p. 99.

⁴³ Ibid., Ch. 8: The Creation of a Modern State, p. 113.

тия «торговая экономика» как наиболее характерного для последнего периода феодального государства, поскольку развитая торговля может быть присуща экономическим отношениям докапиталистических обществ. Суть вопроса не в самой по себе торговле, а в том, каким способом производится продукция, служащая ее объектом, в целом ряде других показателей, характеризующих развитие первоначальных форм капиталистической экономики.

В Японии, по мнению прогрессивного японского ученого Мория Фумио, капиталистический способ производства находился на низком уровне развития, не стал самостоятельным внутри феодальной системы⁴⁴. Американский ученый Ч. Шелдон отмечает, что рост торгового капитала в Японии происходил в рамках феодального государства и для удовлетворения его потребностей. Сосуществование «феодально-аграрной экономики» и «торгово-денежной экономики» не противоречило феодальному способу производства, так как последняя развивалась в зависимости от первой и основывалась на ее феодальном характере⁴⁵.

Это обстоятельство по сути дела приводит Э. Рейшауэра к попыткам доказать жизнеспособность феодальной общественно-экономической системы в целом. Совершенно не случайно, что японский ученый Кобаяси Ёсиаки после ознакомления с трудами Э. Рейшауэра сделал вывод: «Есть мнение, что феодальная система скорее послужила фактором, ускорившим, нежели тормозившим развитие экономики и денежного обращения»⁴⁶.

На основе интерпретации данных о кратковременном подъеме производительных сил японского общества в период централизации феодальной власти в XVI в. из работ Э. Рейшауэра объективно вытекают обобщения, что это же было характерно для всего периода Токугава. Э. Рейшауэр замалчивает глубокий кризис аграрно-натуральных отношений в феодальной Японии, приписывает ей мнимое «единство», апологетически относится к относительному росту рыночной торговли сельскохозяйственной продукцией, которая продолжала обеспечиваться господством натурально-патриархального уклада, не отмечает качественных изменений в позднефеодальной японской экономике в целом.

Стремление американских буржуазных авторов подчеркнуть «результативную», «успешную» сторону «модернизации» Японии вызывает возражения среди самих японских либерально-буржуаз-

---

⁴⁴ См. Мория Фумио. Развитие капитализма в Японии и роль государства. Доклад на II советско-японском симпозиуме историков. М., 1975, стр. 1—3.

⁴⁵ C. D. Sheldon. The Rise of the Merchant Class in Tokugawa Japan 1600—1868. N.Y., 1958, p. 168; Л. В. Зенина. Проблемы социально-экономического развития Японии периода Токугава в американской историографии 50—60-х годов. — В сб.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки, вып. III. Л., 1974, стр. 140—141.

⁴⁶ Кобаяси Ёсиаки. Е. О. Райсява-кёдзю-но Нихон киндайка рон (Теория модернизации Японии профессора Э. О. Рейшауэра). — В сб.: Америка-но Нихон кэнкю (Изучение Японии в США). Токио, 1970, стр. 135.

ных исследователей. Так, Сёда Кэнъитиро отмечает, что считать положительным и хвалить реальный исторический процесс в Японии, как это делают американские авторы, значит слепо признавать все элементы, вызвавшие этот процесс, и недооценивать противоположные этому процессу элементы⁴⁷. По его мнению, подобные тенденции в американском японоведении означают отказ от «метода закономерности мировой истории в отношении Японии»⁴⁸.

Предвзятость научного анализа, неверные предпосылки, априорное смешение прогрессивных и консервативных элементов внутриформационных процессов и попытки представить их как неантагонистическое целое, преобладающее внимание к надстроечным явлениям не дают возможности американским буржуазным ученым дать убедительное объяснение характера «модернизации» Японии, которая в сути своей представляла исторический переход страны от феодализма к капитализму. Объективное, всестороннее изучение этого периода в истории Японии возможно лишь на основе марксистско-ленинского учения о развитии всемирно-исторического процесса.

---

⁴⁷ Сёда Кэнъитиро. Америка-ни окэру Нихон киндайка-но кэнкю (Изучение модернизации Японии в США). — В сб.: Америка-но Нихон кэнкю (Изучение Японии в США), стр. 105.

⁴⁸ Там же, стр. 113.

Л. Б. АЛАЕВ

ИНДИЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Изучение средневековой истории Индии началось в конце XVIII — начале XIX в. при решении англичанами практических задач по управлению своей вновь приобретенной колонией. Поэтому английская историография по индийскому средневековью с самого начала отличалась значительным практицизмом. Он проявлялся в выборе тем для исследования, связанных главным образом с политикой и административно-налоговой системой государств, непосредственно предшествовавших колониальному режиму, а также индусской и мусульманской юридической традиции, необходимой для организации судопроизводства.

Необходимость безотлагательного решения проблем администрации вызвала специфический характер исследований, когда большинство обобщений, относящихся к прошлому, применялось ко всей истории Индии «с незапамятных времен».

Практицизм, лежавший в основе британской индологии, определял также и проблематику исследований — стремление к оценочным характеристикам, выдвигание на первый план вопроса о том, что в индийской истории является положительным, позитивным или отрицательным и негативным и что из индийского наследия должно быть сохранено, а что уничтожено новыми правителями Индии. Решения этих вопросов в значительной степени определялись двумя обстоятельствами: личностью исследователя, его практическим опытом в Индии, а также влиянием наиболее распространенных историографических школ в Англии. Английские ученые, слабо связанные с практической работой в Индии, обычно примыкали к утилитаристской (евангелической) школе и развивали идеи об абсолютном превосходстве всего европейского, об отсутствии в индийском средневековье чего-либо положительного, о необходимости цивилизовать Индию путем решительной ломки ее традиций и ее европеизации. «Утилитаризм» наиболее ярко был выражен в первых «Историях Индии», составленных А. Лоу (1768) и Дж. Миллем (1817), а впоследствии в сочинениях Т. Б. Маколея, Г. М. Эллиота¹. «История Британ-

¹ Н. М. Elliot and J. Dowson. Studies in Indian History. Calcutta, 1953.

ской Индии» Дж. Милля, написанная в живой увлекательной манере с модным в то время дидактическим уклоном, пользовалась на протяжении XIX в. большой популярностью и немало способствовала воспитанию поколений английских чиновников, уверенных в своем высшем предназначении в Индии.

Историки же, имевшие большой опыт работы в качестве чиновников Ост-Индской компании, особенно связанные с реформированием аграрного строя и по долгу службы вынужденные глубоко изучать нравы и обычаи народа, обычно примыкали к другой, «романтической» школе английской историографии, хотя из этого правила бывали исключения. Эта школа историков, представленная Дж. Малколмом, М. Элфинстоном², Дж. Тодом, Дж. Грант-Даффом и др., видела в индийской древней и средневековой культуре определенную ценность, выступала за изучение, сохранение и даже возрождение этой культуры и считала, что англичане не должны формировать европеизированных индийцев по своему облику и подобию. Эти историки выдвинули целый ряд положений, сыгравших большую роль в дальнейшем развитии историографии. Одним из них было признание национального многообразия Индии, изучение маратхов, раджпутов, сикхов как отдельных «наций», имеющих свои традиции и свою историю, хотя и входящих в единую индийскую социально-культурную среду. В работах «романтиков» впервые была сделана попытка изучать различные проявления истории народов в их взаимодействиях: формы правления, язык, социальные обычаи, религии. Хотя «романтики», как и представители утилитаристов, делили индийскую культуру на две качественно различные сферы: индусскую и мусульманскую, они усматривали значение средневековой истории Индии в сближении и слиянии этих культур. В лице своих наиболее мыслящих представителей, таких, как М. Элфинстон, романтики задумывались над проблемой создания «цивилизованной» и независимой Индии на основе возрождения и сближения ее культур.

Ни одну из этих школ нельзя считать более прогрессивной. «Романтики», например, демонстрировали большее уважение к индийскому народу, чем утилитаристы. Однако именно идеи утилитаристов легли в основу тех социальных преобразований, которые составили, по выражению К. Маркса, «единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией»³, а сочинения романтиков служили иногда основанием для отказа от социальных реформ и попыток консервации отсталых социальных институтов, что также довольно характерно для английской политики в Индии. Наиболее ярко крайняя точка зрения о ненужности и неправомерности реформ нашла отражение в «Истории Индии» Г. Р. Глейга (1830). Обеим школам, хотя и в разной мере, было свойственно

² M. Elphinstone. The History of India. L., 1841.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 135.

проявление чувства превосходства Европы, патерналистское отношение к индийцам.

Позже индология в Англии, а также в известной мере и в других странах, развивалась при сохранении того теоретического расхождения, которое впервые выразилось в столкновениях утилитаристов и романтиков — является ли Индия лишь неразвитой Европой, которую нужно подтянуть до европейского уровня, или же индийская социальная система («культура», «цивилизация», «способ производства») является специфической и неповторимой, которую до определенного момента следует рассматривать совершенно независимо от Европы. Различные виды компромиссов между этими двумя крайними точками зрения характеризуют исторические сочинения по индийскому средневековью по сей день.

Как уже говорилось, историческое изучение индийского средневековья велось в начале XIX в. людьми, имевшими, как правило, значительный опыт практической работы в деревнях и областях и непосредственного изучения общественных отношений. Это давало им возможность сочетать исторические и социологические методы изучения. Это сочетание затем, с возникновением института профессиональных историков, исчезло и лишь в самые последние годы, в процессе развития социологии как самостоятельной науки, начинает медленно восстанавливаться. Лишь этим счастливым сочетанием можно объяснить то, что, имея в своем распоряжении ограниченное число исторических фактов, английские чиновники в своих официальных отчетах и написанных затем на их основе сочинениях сумели выдвинуть целый ряд положений, которые до сих пор стоят в центре внимания медиевистики по Индии. К числу таких проблем следует отнести:

1) застойность социального строя Индии на протяжении древности и средневековья;

2) государственная собственность на землю, которая, по мнению одних, охватывала всю территорию государства, а по мнению других, была очень важным институтом, но ограниченным по территории;

3) значение искусственного орошения для формирования системы поземельных отношений;

4) правомерность применения к Индии терминологии, связанной с институтом частной собственности. Как ни наивен вопрос: «Кто здесь собственник?», которым задавался британский администратор в индийской деревне, этот вопрос до сих пор мучает исследователей и не нашел общепринятого решения;

5) специфика индийской сельской общины с ее высокой дифференцированностью труда и в то же время социальной замкнутостью и экономической самообеспеченностью;

6) характер земельного налога в Индии, который рассматривался то как рента за пользование землей, то как налог на земельную собственность;

7) специфика государственного строя древней и средневековой Индии, получившего название «восточного деспотизма».

Эти проблемы стали в дальнейшем осью, вокруг которой двигалось изучение средневековой Индии.

Факты, накопленные первыми английскими историками Индии, и сделанные ими выводы углубленно изучались К. Марксом и Ф. Энгельсом и послужили источником для формулирования ими ряда кардинальных положений, касающихся доколониальной Индии. Зарождение марксистской историографии Индии можно отнести к 50-м годам XIX в. Наиболее важным методологическим положением основоположников марксизма был тезис о неизменности или застойности азиатского, прежде всего индийского общества. Известные в XIX в. факты о прошлом Индии не позволили предположить, что она пережила прогрессивные смены социально-экономических формаций, а именно в такой смене основоположники марксизма видели содержание истории. Поэтому они вполне закономерно пришли к выводу: «Истории индийского общества нет, по крайней мере, нам она неизвестна. То, что мы называем его историей, есть лишь история сменявших один другого завоевателей, которые основывали свои империи на пассивном базисе этого не оказывавшего никакого сопротивления неподвижного общества»⁴. В соответствии с этой позицией они считали неизменными и существовавшими на всем протяжении истории Индии основные институты ее социального строя и прежде всего сельскую общину. Она не претерпела серьезных изменений со времен «Законов Ману» или с периода Александра Македонского до первых десятилетий XIX в.

Среди причин, вызвавших такое замедленное развитие Индии, в работах основоположников марксизма встречаются упоминания о следующих факторах:

а) отсутствие частной собственности на землю⁵. Важно отметить, что в этом вопросе К. Маркс и Ф. Энгельс присоединились не к тем английским ученым, которые утверждали наличие только государственной собственности на землю, а к другой школе, считавшей общинную собственность основой социального строя Индии, а государственную собственность — лишь преобразованной формой той же общинной собственности⁶;

б) господство общинной собственности дополнялось внутриобщинным разделением труда, превращавшим общины в изолированные и неспособные к развитию мирки, что также объясняло «тайну неизменности азиатских обществ»⁷;

в) отсутствие разделения труда в масштабах общества означало отсутствие товарного производства и слабое развитие торговли,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 224.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 181; т. 28, стр. 215, 221, 229.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 497—498.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 134—135; т. 23, стр. 369—371.

что определило отсутствие города как экономической альтернативы деревни. Город был военным лагерем, наростом на экономическом строе общества в собственном смысле слова⁸;

г) система деревенских общин, «создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы», породила специфический государственный строй, «восточный деспотизм», что также оказывало замедляющее влияние на развитие общества⁹;

д) связанная с характером хозяйства натуральная рента, господствовавшая на всем протяжении истории Индии, служила еще одним консервирующим институтом¹⁰;

е) наиболее глубокой причиной, вызвавшей к жизни эту систему взаимосвязанных неблагоприятных для развития институтов, основоположники марксизма считали климат и характер почв, вызвавших необходимость искусственного орошения, которое могло осуществляться общинами или выросшим из этих общин государством и определило экономическую роль общины и государства в восточных обществах.

Основоположники марксизма считали, что перечисленные особенности общественного строя, а также связь этих особенностей с географическими условиями позволяют им выдвинуть гипотезу о существовании особого «азиатского способа производства», отличного от способов производства, сменившихся в Европе. По мнению ряда исследователей их творчества, К. Маркс и Ф. Энгельс остались сторонниками этой гипотезы до конца своих дней, по мнению других, они в конце концов отказались от нее. Как бы то ни было, К. Маркс и Ф. Энгельс явно не считали этот вопрос решенным окончательно. Отдавая себе отчет в специфике восточных обществ, они тем не менее не сформулировали ни определения специфически азиатских производственных отношений, ни особого основного противоречия этого общества, ни характерной для него классовой структуры, т. е. критериев, обязательных для различения социально-экономической формации согласно их пониманию истории. Осталось даже неясным, считали ли они это общество классовым или доклассовым. Анализируя ход европейской истории, К. Маркс привлекал восточный, прежде всего индийский, материал, с одной стороны, при восстановлении ранних форм общинной организации, предшествовавших средневековой германской марке, а с другой стороны, — при рассмотрении такой чисто феодальной формы, как натуральная рента. Таким образом, марксизм, создав материалистическое понимание истории, базируясь на данных о европейских странах, испытывал известные объективные трудности, связанные с недостатком накопленных к середине XIX в. сведений при интерпретации истории Востока. Этим объяс-

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 214—215.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 135; т. 18, стр. 544; т. 28, стр. 228.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 359—360.

няется, что до сих пор в марксистской литературе продолжается дискуссия о том, как следует применять исторический материализм при изучении восточных обществ. Этой дискуссии мы здесь не касаемся, так как она затронула индологию в самой незначительной степени.

Возникновение марксистской индологии на первых порах не оказало серьезного влияния на английскую и индийскую историографию. Она продолжала развиваться в основном на прежней идейной основе, хотя в конце XIX — начале XX в. наступил новый этап, связанный с резким расширением источниковедческой базы. Переводы основных персоязычных хроник, работа над которыми шла начиная с зарождения английской индологии, были объединены в 1867—1877 гг. в многотомное издание «История Индии, рассказанная ее собственными историками», подготовленное Г. М. Эллиотом и Дж. Даусоном¹¹. Переводы, включенные туда, ныне представляются неудовлетворительными в источниковедческом отношении, но они сыграли в свое время большую роль в систематизации знаний по средневековью, в частности, подготовили создание «Кэмбриджской истории Индии» (Дж. Аллан, У. Хей, Г. Додвелл, 1928—1937), а ряд переводов Г. М. Эллиота используется историками до сих пор. Тексты всех основных хроник, а также ряда санскритских трактатов, были изданы в серии «*Bibliotheca Indica*», начавшей выходить с 1860 г. Переводы санскритской дидактической и юридической литературы были собраны в серии «Священные книги Востока», выходявшей под редакцией М. Мюллера с 1879 г. Записки почти всех иностранцев, посетивших Индию в период средневековья, были также подробно проанализированы и изданы обществом Хаклита. Огромное развитие получила эпиграфика, давшая в руки историков новый источник (надписи), позволивший приступить к изучению ранне-средневековой (до XIII в.) истории Северной Индии и истории Южной Индии. Известное значение для средневековой историографии имело также происходившее одновременно расширение археологической работы.

В начале XX в. впервые создалась возможность представить историю Индии в качестве единого, если не социального, то хотя бы политического процесса. Эта задача была выполнена в обобщающих работах: «Оксфордская история Индии» В. А. Смита (1919) и «Кэмбриджская история Индии» коллектива английских авторов (Дж. Аллан, У. Хей, Г. Додвелл, 1928—1937), где 3-й и 4-й тома относились к средневековому периоду. В этих работах, особенно в последней, был представлен огромный материал. Авторы уделили определенное внимание как специфике Индии, так и сходству ряда ее институтов с европейскими. Отвергнув идею

---

¹¹ The History of India as told by its own historians. The Mohammadan period, ed. from posthumous papers of the late sir H. M. Elliot by J. Dowson, vol. I—VIII. L., 1867—1877.

Дж. Тода о феодальном характере средневекового (раджпутского) общества, авторы этих работ признали, что в политическом строе мусульманских государств было много феодальных черт. Однако идейная база этих работ осталась прежней — преувеличенное внимание к политической истории и к деятельности исторических личностей, рассматривавшихся в качестве создателей истории, преувеличение роли завоеваний и завоевателей в истории Индии, абсолютизация государственной собственности и общины как основных институтов социального строя. Правда, помимо политического влияния, признавалась роль географических и идеологических факторов. Особенно модным в формировании социальной системы было в это время приписывание огромного значения религии — индуизму и буддизму. Но хозяйственные и социально-экономические факторы оставались за пределами анализа. Даже такому важному институту, как каста, уделялось очень мало внимания.

Изучение социально-экономического строя средневековья началось лишь в 20-х годах XX в. и не было отражено в обобщающих работах того периода. Основу экономической истории Индии в период средневековья заложил У. Г. Морленд¹². Так же как и раньше, исследование юридических норм и политической истории было связано с потребностями колониального режима, обращение к экономической истории было обусловлено назревшей политической задачей — оценить экономические результаты более чем столетнего британского владычества. Это наложило отпечаток на книги У. Г. Морленда, основная идея которых заключалась в доказательстве того, что положение народных масс при английском господстве по крайней мере не ухудшилось по сравнению с могольским периодом. Несмотря на явную тенденциозность, книги Морленда являются замечательными образцами исследовательской работы. Он сумел в персоязычных хрониках и записках европейских путешественников XVI—XVII вв. обнаружить обширные материалы о характере государственной собственности и частного землевладения, общем состоянии хозяйства, в частности торговли и ремесле, положении различных социальных слоев, в том числе широких народных масс. Дальнейшее изучение общественного строя «мусульманских» государств Индии во многом до сих пор отталкивается от его оценок основных форм землевладения (халисе, нкта, джагир, инам, мадад-и-мааш, заминдари), количественного соотношения между ними, а также их географического распространения; административной системы Моголов; размера и форм (забт, насак и т. д.) налогообложения; характера ремесленного производства и роли торгового и ростовщического капитала в ремесле, сельском хозяйстве и налогообложении. Даже его оцен-

---

¹² W. H. Moreland. *India at the death of Akbar*. L., 1920; *id. e. m.* *From Akbar to Aurangzeb*. L., 1923; *id. e. m.* *Agrarian System of Moslem India*. Cambridge, 1927.

ка населения Индии в XVII в. (100 млн. человек), хотя и встречается сейчас серьезные возражения, не отвергнута окончательно. Вместе с тем многие сферы общественно-экономической жизни не могли быть охвачены в этих первых книгах по экономической истории; в частности, оставались неизученными организация сельскохозяйственного производства, структура общины, класс мелких земледельцев — во времена Морленда не было достаточных материалов по этим проблемам. Его анализ аграрных отношений ограничивался в основном той их частью, которая была связана с извлечением и распределением земельного налога.

Оксфордская и Кембриджская история Индии, а также работы Морленда представляют собой вершину английской историографии в изучении индийского средневековья. В дальнейшем интерес английских ученых к индийскому средневековью падает. С 40-х годов XX в. уже нельзя говорить о существовании английской школы в индийской медиевистике, хотя отдельные работы в этой области, иногда представляющие значительный частный интерес, продолжают появляться. Прежде всего следует упомянуть работы Д. Дерретта по Южной Индии XII—XIV вв.¹³

Одновременно расширяется география исследований по индийскому средневековью. С 50-х годов возникает и быстро развивается японская школа индологии, давшая уже ряд серьезных исследований по социально-административной истории Могольской империи (И. Мориаки), раннесредневекового Тамилнада (Н. Карашима) и Махараштры XVII—XVIII вв. (Х. Фукава). Пока еще слабо представлена медиевистика в американской индологии, однако некоторые имеющиеся исследования (Б. Стайн) отличаются уже высоким уровнем анализа оригинальных источников.

Все же центром исследования индийского средневековья с 30-х годов становится сама Индия. Здесь издается громадное количество книг, посвященных отдельным проблемам, местностям, государственным образованиям и династиям. Продолжается увеличение числа введенных в научный оборот источников. Это не только новые хроники, надписи и другие источники прежних типов, но и открытие источников совершенно нового характера — имущественных и хозяйственных документов, актового материала.

Главное направление индийской историографии заключается в накоплении и обнародовании фактов политической и династической истории. Основная масса индийских историков не проявляет интереса к созданию комплексного представления об историческом процессе. Главы об администрации, социальной, экономической жизни и культуре изучаемых государств обычно не связаны с основным текстом, посвященным исследованию хронологии, родственных отношений, походов правивших государей. В результате тысячи опубликованных книг не способствуют выработке обобщающего представления об индийской истории.

¹³ J. D. M. Derrett. *The Hoysalas*. L., 1957.

Наряду с этим основным направлением, которое можно назвать описательным, существуют и попытки обобщений, базирующиеся на разных методологических основах.

Довольно распространенным является подход к истории как к борьбе справедливости и несправедливости, как к третьей суде, воздающему историческим деятелям по заслугам за добро и зло. Эта школа была основана крупнейшим индийским историком Джадунатхом Саркаром, работы которого были посвящены в основном XVII—XVIII вв. Задачи историка, по мнению его и его учеников, заключались в приложении к историческим деяниям «вечных» критериев морали, заимствованных из современности, и вынесении приговора. Эти работы напоминают подробный протокол заседания английского суда с привлечением максимального числа свидетельских показаний и вещественных доказательств.

В последнее время критерии английского суда все больше дополняются критериями индуизма — следование дхарме или классическим санскритским сочинениям. Это придает историческим сочинениям религиозно-общинный оттенок, когда правители-индусы оказываются в более привилегированном положении перед лицом суда историка-индуса, чем, например, мусульманские правители. Таким образом, субъективистский подход к истории, заимствованный индийскими учеными из английской историографии, получил в сочинениях некоторых из них дальнейшее развитие.

Этот индуистский (в работах индусских историков) или мусульманский (у историков Пакистана) подход к истории страны отразился во многих сочинениях. Особенно явственно он виден в коллективной обобщающей работе «История и культура индийского народа», которая задумана в 10 томах (том о Могольском периоде еще не вышел). К. М. Мунши, написавший введение почти ко всем томам, провозглашает, что главной задачей историка должно быть «исследование и раскрытие тех духовных ценностей, которые от века в век вдохновляли жителей страны на развитие своей коллективной воли и на ее выражение в различных сферах деятельности»¹⁴. Эта «коллективная воля» затем снова и снова выдвигается К. М. Мунши на первый план как создатель истории. Духовные ценности, прославляемые в многотомнике, — это культурное единство, «вера в свое превосходство над другими», постулаты индусской дхармы. И временные отходы от этих ценностей или возвраты к ним и составляют основную связующую идею этого коллективного труда. Издание это по количеству собранного материала, по аппарату, библиографии и т. п. является очень важным шагом вперед по сравнению с «Кембриджской историей Индии». Особенно важно, что авторы стремятся постоянно взглянуть на такие моменты, когда Индия оказывалась втянутой в мировые события (от нашествия Александра Македонского до британского

¹⁴ The History and Culture of the Indian People, vol. 1. The Vedic Age. L., 1952, p. 8.

завоевания), с «внутренней» точки зрения — оценить последствия, которые эти события имели для индийского народа. Однако идеалистическая позиция помешала авторам этого многотомника вскрыть объективные причины исторического процесса.

Политические и культурно-религиозные аспекты остаются в центре внимания индийских историков. Однако интерес к административной, социальной и экономической истории возрастает. Опубликовано несколько хорошо документированных книг по налоговой системе и социальным отношениям раннесредневековой Северной Индии (У. Н. Гхошал, Б. Н. Шарма, П. Нийоги, Б. П. Мазумдар, Л. Гопал), по Южной Индии того же периода (С. К. Айянгар, К. А. Н. Састри, К. В. Субрахманья Айяр, А. С. Алтекар, А. Аппадорай, К. М. Гупта, Т. В. Махалингам), по социальной истории так называемых «мусульманских государств» (А. Ю. Али, К. М. Ашраф, Ю. Х. Хан, П. Н. Чопра, М. Ясин) и по административной системе Делийского султаната (И. Х. Курейши, У. Н. Дей, А. М. Хусейн) и Могольской империи (А. Азиз, Ибн-Хасан, П. Саран, Дж. Саркар, Ш. Р. Шарма, Н. А. Сиддики). В этих работах нашли отражение главным образом вопросы, связанные с функционированием государственного аппарата, экономическим и социальным положением прослоек господствующего класса, состоянием торговли и т. д. Но вместе с тем в них можно найти и сведения о деревенских общинах, положении народных масс, состоянии кастовой системы. Таким образом, все эти работы, появившиеся на протяжении 30—60-х годов, действительно во многом способствовали созданию условий для комплексного изучения истории индийских народов. Однако переход на ступень обобщения для этих авторов затруднен их методологической позицией и методикой исследования.

1. Большинство индийских исследователей социально-экономических отношений в прошлом остаются на позициях описательства, видят свою задачу в констатировании тех или иных институтов. Обычно они не уделяют должного внимания их анализу во взаимосвязи.

2. Часто отсутствует даже попытка представить систему или отдельные ее институты в развитии. Особенно искажается картина социального строя, если авторы избирают для исследования большие периоды (например, «древний период», простирающийся по индийской периодизации с начала письменной истории до XII—XIII вв., или «средневековый период», т. е. XIII—XVIII вв. В этих случаях отсутствие представления об эволюции приводит к нарушению принципа историзма.

3. Такие исторически изменчивые и преходящие институты, как «государство», «бюрократия», «каста», «община», «город», и т. п., рассматриваются обычно как раз и навсегда определенные, в основе постоянные институты. Модернизация иногда проистекает также из желания авторов представить прошлое в наиболее выгодном свете. С этим связаны идеи о «демократии», будто бы существовавшей

в древней Индии (К. П. Джайявал), или применение к древности и средневековью модного современного термина «государство всеобщего благополучия».

4. Стремление «улучшить» историю, представив все исконно индийское (часто именно индусское) как идеальное и достойное лишь похвал, приводит в отдельных случаях к отрицанию каких-либо серьезных противоречий (включая классовые), за исключением религиозно-общинных, к отрицанию эксплуатации, к оправданию общины и касты как институтов, обеспечивавших социальную гармонию, к прославлению государства как института классового мира.

Лишь в самое последнее время появилось несколько индийских исследователей средневекового общественного строя, осознавших эти недостатки и стремящихся осмыслить прошлое своей страны с позиций исторического материализма. Среди них во многих отношениях роль пионера сыграл Д. Д. Косамби. Он не был историком по специальности, но его эрудированность в археологии, в санскритских текстах и надписях признается теперь даже теми буржуазными учеными, которые не разделяют его интерпретации индийской истории¹⁵.

Для Д. Д. Косамби характерно большое внимание к производственным и природным факторам, и это отличает его работы от книг других историков материалистического направления. Формы плуга, типы ткацких станков, характер почв и общее хозяйственное состояние изучаемых районов в различные периоды занимают значительное место в его рассуждениях. Излишне резкие формулировки зависимости общественных институтов от производительных сил (например, декларирование связи между формой плуга и типом царской власти) объясняются полемической заостренностью работ Косамби, появлявшихся в обстановке засилья идеалистической историографии в Индии. Эти упрощенческие формулировки не влияют на качество самого анализа.

Косамби наиболее смело из числа индийских авторов поставил вопросы о делении древнего и средневекового индийского общества на классы, о классовом характере государства, о классовой функции индуистской религии.

Проблема генезиса феодальных отношений в Индии нашла у Косамби оригинальное решение. Он видит серьезные отличия в социальном строе древней и средневековой Индии и относит первую в целом к рабовладельческой, а вторую — к феодальной формации. Однако переход от одной формации к другой, по Косамби, занял целую эпоху и не завершился полностью, оставив в недрах феодализма много пережитков первобытного строя

¹⁵ Концепция Д. Д. Косамби изложена: An Introduction to the study of Indian history. Bombay, 1956; On the development of feudalism in India. — «Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute», Poona, 1956, p. 3—4; его мысли о процессе феодализации отражены также в книге «Культура и цивилизация древней Индии». (Русский перевод). М., 1968.

и рабовладения. Процесс вызревания феодального строя начался во времена Ашоки (III в. до н. э.) с формирования сел, образовавших сеть натурально-замкнутых общин. С начала н. э. Косамби предполагает существование своего рода переходного периода, характеризуемого господством замкнутой деревенской экономики, упадком государственности, отсутствием ярко выраженного господствующего класса.

Этот «дофеодальный» период подготовил «феодализм сверху» (IV—VII вв.), т. е. создание в результате дарений деревень и земель (т. е. налогов с них) иерархии квазиземлевладельцев, мелких и крупных князей. Экономика при этом оставалась прежней, внутренние патриархальные отношения в деревне не затрагивались, поэтому «феодализация сверху» не означала еще торжества феодального производства.

Наконец, примерно в IX—X вв. начался процесс «феодализации снизу» — расслоение в среде общинников, приведший к образованию класса сравнительно мелких феодальных землевладельцев, создавших новую иерархию и феодально закабаливших деревенское население.

Концепция генезиса феодализма, предложенная Р. Ш. Шармой, в ряде аспектов совпадает с концепцией Косамби, но имеет и весьма важные отличия¹⁶. Он, в частности, не выделяет особого «дофеодального» периода, не делит процесс феодализации на шедший «сверху» и «снизу», ограничивает период генезиса феодализма временем от начала н. э. до VII—VIII вв.

Весьма важным положением его концепции является идея об изменении статуса варны шудр, происшедшем в первые века н. э. В древности шудры были презираемым сословием, что отражало их экономическое положение лишенных средств производства людей, бывших слугами, наемными работниками и рабами. В первые века н. э. положение шудр в социальной структуре повышается и начинает напоминать то, которое в древности занимали вайшьи. Это связано, по мнению Шармы, с переходом от рабовладельческой эксплуатации к издольным системам, с помещением бывших рабов и наемников на землю и в то же время с переходом к эксплуатации прежде свободных общинников феодальными методами, в связи с чем они стали считаться не вайшьями, а шудрами. Таким образом, в этом факте изменений в социально-кастовом строе автор видит важнейшее свидетельство феодальной перестройки индийского раннесредневекового общества.

Одновременно, т. е. с первых веков н. э., автор видит возникновение и других явлений, связанных с феодализацией. Он делит эти явления на две группы: относящиеся к появлению политической и экономической систем феодализма. Появление надписей с дар-

¹⁶ R. Sh. Sharma. *Sudras in Ancient India*. Delhi, 1958; *Aspects of Political Ideals and Institutions in Ancient India*. Delhi, 1959; *Stages in Ancient Indian Economy*. — «Enquiry», New Delhi, (1960), N 4; *Indian Feudalism*. Calcutta, 1965.

ниями земель и деревень, снабженных иммунитетами, создавало нечто вроде иерархической лестницы вассалов. Иерархию титулатуры, кодекс рыцарской чести, феодальную раздробленность, т. е. черты, связанные в сознании читателя с феодальной политической системой, Шарма в той или иной мере находит в раннесредневековой Индии. Среди экономических признаков феодализма он упоминает натурализацию экономики, распространение зависимости крестьянства от частных владельцев земли, распространение принудительного труда. Значение чисто феодальных методов эксплуатации населения в экономике Индии после трудов Шармы стало представляться более значительным, чем раньше.

Генезис феодальных отношений относится, по Р. Ш. Шарме, к I—VII вв., в VIII—X вв. феодализм был основой социального строя, а в XI—XII вв. — уже можно говорить об определенном упадке феодализма — натуральность экономики была отчасти преодолена, принудительный труд постепенно исчезает, своеволие вассалов постепенно сходит на нет. В этом пункте построений Шармы есть определенная слабость: отмечая исчезновение некоторых типичных черт феодализма, он в то же время не идет в анализе, в силу своей специализации, далее XIII в., в результате чего дальнейшая судьба индийского феодализма остается неясной.

Применение термина «феодализм» к индийской истории вызвало возражения историков традиционного направления. Д. Ч. Сиркар выступил с идеей, что для Индии был характерен «лендлордизм», который он противопоставил «феодализму»¹⁷.

Концепция Р. Ш. Шармы получила развитие и уточнение в монографии Б. Н. С. Ядавы¹⁸. Автор привлек еще более многочисленный и убедительный материал, показывающий широкое распространение в раннесредневековый период экономического подчинения и юридического закрепощения (ограничения права ухода) крестьянства, развитие частного землевладения и иерархии землевладельцев. В его книге «система самантов» употребляется как синоним системы феодального вассалитета. Упадок феодализма в XII в., провозглашенный Р. Ш. Шармой, Ядава отрицает. Он выступает против распространенного в западной историографии отношения к феодализму как к специфическому европейскому явлению. Феодализм, если говорить о его наиболее общих чертах, по мнению Ядава, явление всемирное. Тем не менее, вступая в некоторое противоречие с материалом своей книги, Ядава заявляет: «В целом мы не находим здесь (в Индии. — Л. А.) феодального общества того типа, какой существовал в средневековой Европе. Феодальные тенденции и явления... не могли пустить столь глубокие корни и стать столь распространенными, как в средневековой Европе» (стр. 180).

¹⁷ D. C. Sircar. Landlordism and Tenancy in Ancient and Medieval India. — «Land System and Feudalism in Ancient India». Calcutta, 1968.

¹⁸ B. N. S. Yadava. Society and culture in Northern India in the Twelfth century. Allahabad, 1973.

Сильная школа материалистически мыслящих историков сложилась в области изучения «мусульманского периода», т. е. истории Северной Индии XIII—XVIII вв. Наиболее значительной в этой связи является книга Ирфана Хабиба¹⁹. По его мнению, юридически собственность на землю в позднесредневековый период принадлежала либо крестьянам (райятам), либо, на других землях, мелким и средним лендлордам (заминдарам). Государство, взимая огромный земельный налог с обеих категорий землевладельцев, тем самым ограничивало их права на землю и являлось частично также субъектом собственности.

По отношению к райятам государство на одних землях и заминдары — на других осуществляли феодальную эксплуатацию, т. е. изымали весь прибавочный продукт в виде ренты при помощи внеэкономического принуждения. И. Хабиб видит в Могольской Индии три основных класса: крестьянство, местные землевладельцы-заминдары и господствующий политически класс бюрократии и крупнейших землевладельцев-джагирдаров. Противоречия между этими тремя классами составляли социальную историю периода. Сельская община существовала не во всех деревнях. Она не была ни коллективным собственником, ни коллективным владельцем пахотных земель. Все права на пользование землей, которые имели крестьяне, были индивидуальными.

И. Хабиб уделяет много внимания проблеме товарности сельскохозяйственного производства. Крестьянское и деревенское (общинное) хозяйство было в целом натуральным в том смысле, что почти не нуждалось в поступлении товаров со стороны, в частности из города. Однако оно же производило товарные культуры. Колебания рыночных цен на хлопок, рис, индиго вызывали изменения в посевных площадях под этими культурами. Товарное обращение таким образом оказывало сильное влияние на сельское хозяйство.

В монографии И. Хабиба весьма важны также тщательно выполненные расчеты количества деревень, размеров обрабатываемых земель, доли городского населения, реального уровня налогообложения и т. п. Упадок Могольской империи он объясняет «аграрным кризисом», т. е. разорением крестьянства под влиянием возрастающей эксплуатации.

И. Хабиб не пользуется словом «феодализм», однако его анализ могольского общества не оставляет сомнений в том, что он считает изучаемый строй в целом однотипным со средневековым европейским.

В ходе дальнейших исследований индийских ученых ряд положений И. Хабиба подвергался критике и уточнению. Н. А. Сиддики поставил под сомнение тезис И. Хабиба о двух категориях дере-

---

¹⁹ I. Habib. The Agrarian System of Mughal India (1556—1707). Bombay, 1963.

вень при Моголах — райяты и заминдари²⁰. Б. Р. Гровер разработал вопрос о роли раджпутских кланов в заминдарском землевладении, показал сложность территориальной структуры общины, которая не совпадала с «деревней», доказал широкое распространение эксплуатации «арендаторов» со стороны землевладельцев-райятов²¹.

Н. Хасан, обобщая результаты последних исследований индийских историков²², согласился с необходимостью применять к периоду Моголов термин «феодализм», который объясняет некоторые «важнейшие характеристики» этого общества во всяком случае лучше, чем «азиатский способ производства». Последний не годится хотя бы потому, что не обнаружено данных об общинной собственности на землю.

Н. Хасан дает следующую классификацию социальных слоев Могольской империи. Господствующий класс, т. е. «класс, потребляющий прибавочный сельскохозяйственный продукт», состоял из двух групп (которые автор также иногда называет классами); знать (умара, эмиры) и местные землевладельцы (заминдари). Эти две группы имели тенденцию сближаться, но до конца периода «сохранили раздельность существования». Заминдари, в свою очередь, делились на три категории: крупных вассальных князей, посредников по сбору налога и «первичных заминдаров». Последние были землевладельцами в собственном смысле слова (маликами), налогоплательщиками (райятами или мальгузарами). Все земли империи принадлежали тому или иному из «первичных заминдаров». Экономически «первичный заминдар» мог быть либо крестьянином, либо мелким помещиком, ведущим свое хозяйство, либо, наконец, помещиком, сдающим свою землю «арендаторам».

Под ними находились неполноправные слои деревни — арендаторы и безземельные работники в чужих хозяйствах. Сельскохозяйственная экономика была представлена хозяйством свободного крестьянина (доминирующая форма) и хозяйством арендатора (второстепенная форма). Н. Хасан отмечает случаи превращения маликов в арендаторов и, напротив, приобретения арендаторами прав маликов, движение лиц внутри трех категорий заминдаров и т. д.

В заключение брошюры Н. Хасан ставит вопрос: «Могла ли эта система создать условия для собственного преодоления?» Он дает утвердительный ответ, однако затем обставляет его осторожными оговорками: «Но эта возможность находилась не внутри той системы, которая существовала... Разложение системы уже началось,

²⁰ N. A. Siddiqi. The Classification of Villages under the Mughals. — «The Indian Economic and Social History Review», 1963—1964, N 3, vol. 1.

²¹ B. R. Grover. Nature of Land-Rights in Mughal India. — «The Indian Economic and Social History Review», 1963—1964, vol. 1, N 1; *idem*. Nature of Dehat-i-taalūqa (Zamindari Villages) and the Evolution of Taaūqdari System during the Mughal Age. — *Ibidem*, 1965, vol. II, N 2, 3.

²² S. N. Hasan. Thoughts on Agrarian Relations in Mughal India. New Delhi, 1973.

а процесс упадка необходимо привел бы к преодолению системы и возникновению чего-то другого. Не столь существенно, что она смогла быть преодолена только благодаря вмешательству внешней силы» (стр. 40).

В брошюре Н. Хасана содержатся также призывы применять новые методы исследования и примеры применения этих методов. Он призывает критически проверять обобщающие высказывания хронистов, перейти от изучения налоговых мероприятий к анализу собственно аграрных отношений, ввести в оборот деревенские документы, начать изучать роль касты в организации сельскохозяйственного производства.

Индийская историография в настоящее время сделала большой шаг вперед в изучении социально-экономического строя средневековой Индии. Многие вопросы получили новое освещение, что связано с привлечением качественно нового (актового) материала и применением материалистического подхода к его изучению. В целом можно отметить укрепление «феодальной» концепции индийского средневекового общества и значительное усложнение представления о его социальной структуре. Однако исследования индийскими учеными различных периодов истории своей страны еще слабо связаны между собой, так что единой концепции доколониальной эволюции Индии еще не создано. Яркими примерами такой несогласованности, стремления ограничиться данными «своего» периода, являются, в частности, тезис Р. Ш. Шармы об упадке феодализма в XI—XII вв. или же отрицание И. Хабибом и Н. Хасаном общинного землевладения в могольское время.

Значительный вклад в изучение средневековой Индии внесли также **советские историки**. Дореволюционная русская индология в основном ограничивалась изучением филологических и философских проблем. Несколько работ И. П. Минаева (например, «Старая Индия», комментарий к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина), посвященных историческим проблемам, не меняют общей картины отсутствия школы исторических исследований в дореволюционной индологии.

Из числа дореволюционных работ, касающихся средневековой Индии, заслуживает внимания обобщающая работа М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (М., 1879), который привлек индийский материал для обоснования своей общей теории эволюции общины и попутно сделал ряд важных замечаний об общественном строе Индии в средние века. Безусловной заслугой автора является выделение различных типов общины, подчеркивание их разнообразия. Эти различные типы Ковалевский понимает как этапы, которые община проходила в своем развитии. Используя в основном материал британских налоговых отчетов XIX в., автор конструирует единую линию развития от родовой общины к долевым (неравным наделам), затем к общине с уравнительными переделами и наконец к общине с обособленными наследственными участками. Когда Ковалевский

пытается соотнести свою схему с данными истории и хотя бы приблизительно датировать различные этапы, он встречается со многими трудностями, прежде всего с недостатком сведений. В результате его схема остается слабо подкрепленной материалом, гипотетической. Ковалевский высказывает также мнение, что феодализм был принесен в Индию мусульманами в XIII в. Это мнение объясняется как тем, что предыдущая социальная, да и политическая история Индии была во времена Ковалевского почти неизвестна, так и его пониманием феодализма как специфического социально-политического строя, характеризующегося вассалитетом и раздробленностью. Несмотря на то что Ковалевский не был индологом, его книга сыграла большую роль в дальнейшем развитии советской историографии Индии.

Систематическое изучение истории Индии началось только после Великой Октябрьской революции и проводилось исключительно усилиями ученых-марксистов. Выдающийся вклад в развитие и становление советской школы индийской медиевистики внесли И. М. Рейснер, Н. М. Гольдберг и А. М. Осипов. Интерес к доколониальному периоду истории Индии пробуждался по мере сознания того, что проблемы индийской современности нельзя разрешить без глубокого проникновения в прошлое страны. Советские индологи-медиевисты уделили и уделяют основное внимание изучению социально-экономических проблем, решение которых необходимо для понимания и исследования других аспектов истории страны. Политическая история осталась в целом вне поля изучения, история идеологии затрагивалась лишь попутно, в той степени, в какой это было необходимо для освещения движений народных масс.

В 20-х годах известную популярность приобрел тезис об «азиатском способе производства». В одной из ранних статей этой теории отдавал дань и И. М. Рейснер. Однако уже в работе «Очерки классовой борьбы в Индии» (1932) он решительно защищал тезис о господстве в доколониальной Индии «восточного феодализма». Этот тезис остался господствующим в индологии по сей день, несмотря на возобновление в советской литературе дискуссии о применимости термина «азиатский способ производства» к странам Азии.

Выделенные И. М. Рейснером на основе работ классиков марксизма специфические черты «восточного феодализма» (государственная собственность на землю, община, натуральная рента-налог, замкнутость хозяйства, отсутствие общественного разделения труда между городом и деревней) изучались в дальнейшем как самим И. М. Рейснером, так и его учениками и последователями и рассматривались как черты, препятствовавшие прогрессивному социальному развитию.

Особый интерес индологов вызывали вопросы о том, когда и в какой степени эти черты исчезали или ослаблялись. В этом исследователи видели свидетельство того, что «восточный феода-

лизм» был способен к преодолению самого себя, к преобразованию в другую форму общества.

Эталоном «типичного» или «прогрессивного» служила феодальная Европа.

В частности, большинство советских индологов вслед за Рейснером считает, что государственная собственность на землю некогда абсолютно господствовала, а затем начала разлагаться, и на месте ее возникала частная феодальная собственность на землю. Относительно датировки этого процесса мнения расходятся: некоторые начинают этот процесс с XIV в., другие считают, что частная собственность появляется лишь в XVII или даже XVIII в.

Примерно таким же был подход к проблеме общины. Предполагалось, что некогда, в древности или в раннем средневековье, община представляла собой экономически и социально совершенно замкнутый институт, связанный с внешним миром лишь уплатой доли урожая. Затем происходит процесс имущественной дифференциации, возникает купля-продажа земли, происходит феодализация общинной верхушки, распадение экономического единства, проникновение товарно-денежных отношений, так что в XVIII в., накануне подчинения Индии англичанами, община находилась «в стадии далеко зашедшего разложения».

Натуральная рента-налог также рассматривалась как господствовавшая форма прибавочного продукта в раннем средневековье, которая затем, в связи с развитием частной собственности, делится на ренту и налог и приобретает денежную форму. Предполагалось также прогрессивное развитие общественного разделения труда и постепенное увеличение экономической роли городов.

Эта концепция прямого поступательного развития индийского общества нашла отражение как в посмертно изданной книге Рейснера «Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв.» (М., 1960), так и в работах других авторов, касающихся социально-экономической истории различных районов Индии в XIII—XVIII вв.²³

В целом на этих же позициях стоял А. М. Осипов в своих статьях по средневековой Индии, а также в главах по Индии в университетском учебнике²⁴. Однако тематическая широта его исследований, то, что он изучал одновременно древнюю, средневековую и новую историю, а также историю как Северной, так и Южной Индии, заставили несколько усложнить концепцию поступательного хода социальной истории страны. Он, например, не мог согласиться с тезисом о господстве государственной собственности в раннесредневековый период и относил концентрацию земельного фонда в руках централизованного аппарата лишь ко

²³ См. Н. И. Семенова. Сельская община и феодальное землевладение в государстве Ранджит Сингха. — «Уч. зап. Института востоковедения», т. XII. М., 1955; Э. Н. Комаров. Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в. — «Уч. зап. Института востоковедения», т. XVIII. М., 1957; К. З. Ашрафян. Делийский султанат. М., 1960.

²⁴ История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957.

времени Делийского султаната. Он отмечал также необычайно большую социальную роль южноиндийского купечества, не укладывающуюся в представление о слабом развитии торговли в ранний период.

Своеобразием позиции отмечены также работы К. А. Антоновой. При рассмотрении могольского периода²⁵ она ограничилась исследованием одного хронологического среза — второй половины XVI в. Антонова также исходила из идеи о развитии товарно-денежных отношений, частной феодальной собственности, разложения общины и т. п., но эти идеи заслоняются стремлением изучить функционирование системы, как она есть. В результате автор приходит к мнению, что система «восточного феодализма» в XVI в. была вполне жизнеспособна и ни о каком ее преодолении собственными силами не могло быть речи.

Большое значение для исследования раннефеодального общества имела другая работа К. А. Антоновой²⁶, где дан первый обобщающий анализ эпиграфического материала. Здесь были поставлены вопросы о времени появления земельных дарений (по мнению автора, с V в.), о существенном отличии дарения необрабатываемых земель, населенных деревень, а также дарений с широкими иммунитетными правами, знаменовавших последовательные этапы в развитии феодального землевладения. Автор пришел к выводу, что в VII—VIII вв. уже господствовали феодальные отношения, базировавшиеся на наследственном крупном землевладении. В статье были также поставлены проблемы дальнейшего развития индийского феодализма, в частности, большое внимание уделено борьбе «бюргерства» самоуправляющихся городов с растущим могуществом класса феодалов. В поражении «бюргерства» в XIII—XIV вв. автор видел одну из причин замедления социально-экономического развития Индии в последующие века. К. А. Антонова использовала ограниченный материал — в основном лишь надписи, опубликованные в «*Epigraphia Indica*». Многие ее выводы могут быть оспорены, но привлечение внимания к эпиграфическим данным по экономической истории делает эту статью значительным этапом в советской историографии.

В последние годы изучение всех периодов средневековья шло в направлении углубления и усложнения представлений о ходе феодального развития страны. Для раннего средневековья особое значение имели статьи Е. М. Медведева. Он поднял ряд новых проблем. В частности, Медведев пришел к выводу, что в ранне-средневековый период в Северной Индии господствовала частная феодальная собственность, а роль государственной была сравнительно незначительной. Он же обосновал тезис о том, что государ-

²⁵ См. К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара. М., 1952.

²⁶ См. К. А. Антонова. К вопросу о развитии феодализма в Индии (по данным эпиграфики). — «Краткие сообщения Института востоковедения», т. 3. М., 1952.

ственная (налоговая) эксплуатация была по существу феодальной не только в средневековый, но и в древний период²⁷. Его анализ экономического и социального положения низших слоев населения городов и деревень (кармакара и бхртака) пролил свет на весьма характерную для индийского средневековья, но слабо изученную черту — роль труда социально приниженных слоев наемных работников, полурабов и мельчайших арендаторов²⁸. Впервые в индологии Е. М. Медведев также рассмотрел косвенные сведения о структуре общин в раннее средневековье, показав, что она имела очень сложную структуру, охватывала по несколько деревень и напоминала структуру общин паттидари, известных по материалам XIX в.²⁹ В противоположность многим другим исследователям раннего средневековья Медведев не усматривает в период становления феодальной формации в Индии упадка хозяйства, городов и торговли.

Несколько новых проблем поставлено также в монографии Л. Б. Алаева³⁰. В ней сделана попытка связать эволюцию общины и крестьянского землевладения с изменением характера и тяжести феодальной эксплуатации, а также поставлен вопрос о том, что тенденция к развитию частной собственности в Южной Индии сменилась в XVII в. укреплением государственной собственности на землю.

Аграрные отношения в Северной Индии в так называемый «мусульманский период» (XIII—XVIII вв.) были всесторонне исследованы в монографии К. З. Ашрафян³¹. В центре внимания автора находилась проблема собственности на землю. Защищая тезис о поступательном развитии социально-экономического строя, в том числе и форм собственности в средневековой Индии, К. З. Ашрафян частную собственность, существовавшую в раннее средневековье, рассматривает как «раннефеодальное аллодиальное землевладение», связанное с процессом разложения рода. Эта первичная неразвитая форма в XIII в. сменяется более прогрессивной государственной собственностью на землю, обеспечившей феодальное подчинение крестьянства, и военно-ленной организацией господствующего класса. Затем происходит медленное (XIV—XVIII вв.) развитие частной земельной собственности, характеризующейся сначала внеэкономическим, а к концу периода и экономическим принуждением производителей, в результате чего «задолго до английского завоевания Индии в аграрном строе страны начали

²⁷ См. Е. М. Медведев. К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии. — «Народы Азии и Африки», 1966, № 6.

²⁸ См. Е. М. Медведев. Кармакара и бхртака (К проблеме формирования низших каст). — В сб.: Касты в Индии. М., 1965.

²⁹ См. Е. М. Медведев. Опыт исследования древнеиндийской общины по данным топонимики. — В сб.: Индия в древности. М., 1964.

³⁰ См. Л. Б. Алаев. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII вв. М., 1964.

³¹ См. К. З. Ашрафян. Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.). М., 1965.

складываться определенные предпосылки для развития новых производственных отношений».

К. З. Ашрафян привела также новые данные о хозяйственном развитии Индии, об эволюции форм эксплуатации, о сельской общине. Правда, имеющийся у нее материал говорил о наличии лишь «пережитков общинного землевладения в первой половине XVI в.».

Итог определенному этапу советских исследований по этим проблемам подвела коллективная монография «История Индии в средние века»³².

Основная идея книги заключалась в том, что феодальные отношения в Индии представляли собой особый тип, отличный как от многих европейских, так и азиатских феодальных обществ. Характерными чертами «индийского феодализма» были:

1) государственная собственность на землю, выражавшаяся лишь в регламентации налога и не вмешивавшаяся в землепользование и землевладение крестьянства;

2) длительное сохранение владельческого крестьянства, имевшего наследственные и чрезвычайно прочные права на землю;

3) сохранение общины, выполнявшей некоторые хозяйственные (орошение, организация разделения труда) и социально-экономические (фискальная единица) функции;

4) специфическая сословная система, основывавшаяся на кастовом и религиозном делении населения;

5) «восточный деспотизм», понимаемый как большая роль государства в поддержании и функционировании социальной системы, но не означавший всевластия государя.

Эти черты были характерны для индийского феодализма на протяжении всего периода его существования, но на разных этапах их роль была различной. Феодальный уклад существовал уже в древности в виде налоговой и частной эксплуатации мелких землевладельцев. Процесс складывания феодальных отношений начинается в Северной Индии в III—V вв., в VI—VII вв. феодальный уклад побеждает и можно говорить уже о господстве феодальной формации, экономической основой которой служила в основном частная собственность на землю, снабженная характерными иммунитетами. Крестьянство жило крупными общинами, имевшими патронимическую структуру. В VIII—IX вв. раджпутские завоевания привели к смене значительной части господствующего класса, но не изменили существенно аграрного строя.

В Южной Индии процесс классового образования начался лишь с первых веков н. э. и принял сразу характер феодализации. Здесь также существовали государственная и частная собственность на землю, но в своеобразных формах. Государь выступал обычно лишь как верховный собственник, имевший право на сбор налогов, однако при этом существовала как частнофеодальная, так

³² История Индии в средние века. М., 1968 (авторы основных глав Е. М. Медведев, Ю. Я. Цыганков, Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, К. А. Антонова).

и крестьянская подчиненная собственность на землю. Община также была крупной, охватывала до сотни населенных пунктов; во главе ее обычно стояла группа землевладельцев из высокой военно-земледельческой касты. С течением времени эта группа общинников размывается, владельческое крестьянство постепенно уступает место более или менее закабаленным арендаторам. Община дробится и слабеет. Возникает долевой предел земли, а позже и другие формы общинного землепользования. Государственный аппарат постепенно укрепляется и разветвляется, пока в середине XIV в. не возникает военно-бюрократическая империя Виджаянагар.

В Северной Индии, подвергшейся мусульманскому завоеванию в конце XII — начале XIII в., ход аграрной эволюции претерпел резкое изменение — земельный фонд был сконцентрирован в руках государства, которое эксплуатировало его либо непосредственно (земли халисе), или же раздавая его во временные держания под условием военной службы и уплаты дани в казну (икта). Эти держания на протяжении XIV—XV вв. приобретают черты частного владения, а затем и условной собственности.

С образованием Могольской империи в середине XVI в. государственная собственность еще раз получает преобладание, причем временное условное держание (джагир) становится сначала формой реализации государственной собственности еще в большей степени, чем прежний икта. Снова начинается вызревание частной собственности и упадок государственной. Дальнейшее развитие индийского феодализма было прервано английским завоеванием.

Отдельного упоминания заслуживает проблема уровня социально-экономического развития Индии накануне английского завоевания, широко дискутировавшаяся в советской индологии в 1950-х и начале 60-х годов. Господствовавшее представление о медленном, но неуклонно прогрессивном развитии индийского феодализма, естественно, вызвало у И. М. Рейснера и его учеников вопрос: а не породил ли индийский феодализм элементов капитализма, как и его европейская форма? Для этих историков мысли К. А. Антоновой (в ее книге по периоду Акбара) о стабильности индийского социального строя XVI в. и об отсутствии в ее экономике самопроизвольно появившихся зародышей капитализма были неприемлемы. Появились статьи, а затем и книги, где делались попытки отыскать в источниках упоминания о подрыве натуральной экономики, о переходе купеческого капитала к организации производства, о возникновении мануфактурных предприятий³³. Особенно большой материал был собран и наиболее последовательно проанализирован в статьях и монографиях А. И. Чичеро-

³³ См. Э. Н. Комаров и В. Я. Граше. Некоторые данные об общественном разделении труда и экономической организации ремесла в Индии на рубеже XVIII и XIX вв. — «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. 15. М., 1955; В. И. Павлов. Формирование индийской буржуазии. М., 1958; О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). М., 1962.

ва³⁴. Точка зрения этой группы индологов о появлении в позднесредневековой Индии спорадических элементов капитализма была отражена в «Новой истории Индии»³⁵. Сторонники идеи о самопроизвольном разложении индийского феодализма и возникновении в его недрах элементов капитализма ввели в оборот новый фактический материал, заставили переосмыслить ряд ранее известных фактов социальной истории. Однако доказать, что новые производственные отношения разлагали и преобразовывали замкнутую натуральную систему феодализма, им не удалось.

Поэтому в последнее время заметен отход ряда исследователей от оптимистической оценки перспектив социально-экономического развития Индии в доколониальный период. Преобладает представление, что экономическая система позднесредневековой Индии могла бы еще долго эволюционировать в пределах традиционной формы, а капиталистические отношения оставались внешними по отношению к экономической системе в целом. В «Истории Индии в средние века» авторы сдержанно отнеслись к идее зарождения капиталистических отношений в недрах феодализма и, признав, что определенные процессы, шедшие в экономике страны (пауперизация сельского населения, товаризация), подготавливали некоторые предпосылки для будущего капиталистического развития, подчеркнули, что появлялись лишь «отдельные черты простой капиталистической кооперации и мануфактуры» и «новые явления не получили значительного распространения ни в одной отрасли производства»³⁶.

Советские специалисты имеют приоритет в изучении проблемы уровня развития Индии к началу нового времени. Лишь в самые последние годы этой проблемой заинтересовались также индийские историки материалистического направления. Их исследования не вышли еще из стадии подготовки докладов для научных конференций и дискуссий. Интересно отметить, что их выводы (И. Хабиб, Сатиш Чандра) в основном совпадают с выводами советских ученых — широкое развитие товарных отношений, торгового капитала и т. п. не сопровождалось соответствующим развитием капиталистических элементов, которые возникали лишь спорадически.

Изучение проблемы уровня развития Индии накануне английского завоевания поставило перед исследователями кардинальный вопрос — что именно в социальной или экономической системе Индии препятствовало развитию капиталистических элементов?

В. И. Павлов³⁷ подчеркивал элементы неразвитости и отсталости индийского доколониального общества. Он ссылается на до-

³⁴ См. А. И. Чичеров. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием. М., 1965; A. I. Chicherov. India, Economic Development in the 16th — 18th centuries. Outline history of crafts and trade. Moscow, 1971.

³⁵ Новая история Индии. М., 1961, стр. 55.

³⁶ История Индии в средние века, стр. 652.

³⁷ См. В. И. Павлов. Социально-экономическая структура промышленности Индии. Исторические предпосылки генезиса капитализма (конец XVIII — середина XIX в.). М., 1973.

феодалные черты в социальном (кастовом) строе и в политической системе Могольской Индии, на «незавершенность феодализации господствующего класса». Автор возвращается к формулировкам 30—40-х годов: на пути «новых капиталистических отношений» стояли государственная собственность на землю, «неразвитость форм частной собственности», «практическое отсутствие общественного разделения труда в общиндийском масштабе», так как разделение труда приняло две нетоварные формы: внутриобщинные отношения земледелия — ремесло, во-первых, и «изъятие и перераспределение ренты-налога», во-вторых. Новым является подход к производственным формам не только с их качественной, но и количественной стороны, попытка выяснить удельный вес разных «укладов», их место в системе производства — распределения.

М. К. Кудрявцев в статье-рецензии на «Историю Индии в средние века»³⁸ также искал ответа на те же вопросы. Он исходил из отрицания феодального характера общества средневековой Индии, так как в ней не было двух важнейших признаков феодализма: господства крупной частной земельной собственности и личной зависимости крестьян. Крупная частная собственность неоднократно расшифровывается как «помещичье хозяйство». Автор обращает внимание на значение корпоративных форм социальной организации, на касту и сельскую общину, которые в совокупности составляли общинно-кастовый строй, обладавший особой социальной устойчивостью и сопротивляемостью «всякого рода новым социально-экономическим тенденциям в виде рабовладения и феодализма».

Л. Б. Алаев также предложил концепцию специфического социального строя средневековой Индии, хотя не отрицал его феодальный характер³⁹. Он попытался разделить социальную структуру на два уклада: общинный, в котором «переплетались... все известные формы соединения производителя со средствами производства» и группы мелких землевладельцев эксплуатировали низшие слои деревни, и «городской», базировавшийся на налоговой эксплуатации деревни в целом. Соответственно автор прослеживает экономические и социальные системы и формы собственности на землю. Он считает, что такой взгляд на характер социального строя помогает объяснить застойность хозяйства, нечеткость классового деления, отсутствие революционизирующего влияния на экономику появившихся капиталистических элементов.

К. З. Ашрафян, с другой стороны, продолжает разрабатывать идею поступательного прогрессивного развития индийского фео-

---

³⁸ См. М. К. Кудрявцев. Концепция индийского феодализма в советской историографии. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.

³⁹ См. Л. Б. Алаев. Типология индийской общины. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 5; его же. О характере общественного строя средневековой Индии. — В сб.: Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.

дального общества⁴⁰. Она приводит новые фактические данные, свидетельствующие о развитии техники сельского хозяйства и его продуктивности, о росте городов и расширении товарных отношений между городом и деревней. На основе этих процессов доколониального порабощения «происходит зарождение элементов раннекапиталистических отношений».

В раннее средневековье «под непосредственным давлением складывавшегося феодального класса начинается ... история индийской территориальной общины», а уже в XVII в. «в некоторых частях страны ... общинная организация фактически не существовала». Государственная собственность на землю в средние века приобрела феодальный характер, которого она не имела прежде. Ее роль не следует преувеличивать. Уже с XIV в. большая часть земель являлась собственностью государства «лишь с юридической точки зрения». Эволюция форм ренты не отличалась от классической: до X в. была широко распространена отработочная, потом получает преобладание продуктовая, а еще позже — денежная. В позднее средневековье, с XVI в., происходит углубление феодальных отношений, выразившееся в «тенденции к обезземеливанию крестьян и распространении кабальных форм феодальной ренты». Индия шла по тому же пути, что и Европа, но несколько медленнее.

Таким образом, советские исследователи уделили основное внимание проблемам генезиса феодальных производственных отношений, прежде всего землевладения, установления основных этапов феодальной формации, формам и роли общины, экономического развития страны на разных этапах, проблемам разложения «азиатских» феодальных форм и генезиса капиталистических отношений. По этим вопросам советская историография накопила значительный фактический материал, пришла к важным теоретическим заключениям и вместе с материалистической историографией других стран занимает ведущее положение в их изучении.

---

⁴⁰ См. К. З. Ашрафян. Проблемы развития феодализма в Индии. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 4; е е же. Развитие денежных отношений и крестьянское землевладение в средневековой Индии. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 1; е е же. Тенденции развития феодальной собственности в XVII—первой половине XVIII в. — В сб.: Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.

Н. К. БЕЛОВА

ЗАРОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ИРАНЕ

Проблемы феодализма в Иране — стране древней цивилизации — отражены в многочисленной литературе. В данной статье невозможно охватить все работы по средневековому Ирану, касающиеся проблем иранского феодализма, поэтому основное внимание уделяется специальным монографиям и отдельным статьям, посвященным генезису и развитию феодализма, изучению особенностей аграрных отношений.

Первые попытки изучить историю Ирана были сделаны в самом Иране представителями средневековой историографии, среди которых крупнейшими были: Ат-Табари, Бейхаки, Ибн ал-Асир, Джувейни, Рашид ад-Дин, Хамдуллах Казвини, Хафиз-и Абру, Мирхонд и др. Их труды стали важным источником для историков нового и новейшего времени и до сих пор представляют интерес, особенно разделы, содержащие данные о податном обложении, указы о феодальных пожалованиях и т. п. Каждая из реформ кадастра сопровождалась изучением документов и рукописной литературы, о чем свидетельствуют не только труды средневековых историков Востока, но и законоведов, в частности исследование Абу Юсуфа.

Европейская буржуазная историография. Изучение истории Ирана в европейской буржуазной историографии фактически началось в XVIII в., в условиях, когда складывались колониальные империи и усиливался практический и научный интерес к восточному миру. К этому времени относятся попытки написания «всемирных историй» с позиций европоцентризма, в которых Востоку отводилось еще совсем мало места. Разрабатывая историю Рима, отчасти и Византии, европейские историки впервые коснулись и истории раннесредневекового Ирана, основываясь на версиях римских и византийских авторов и стремясь критически их сопоставить. Изучение источников по истории Ирана, начатое в XVIII в. представителями школ европейской критической филологии, развивалось далее в XIX в., когда господствовала теория — «Запад» «Восток» — особые миры, а концепция противопоставления «Востока» и «Запада» нашла отражение и в том, что понятие «феода-

лизм», предложенное на Западе для определения политических институтов средневековой Европы, вначале не применялось исследователями к иранскому обществу. Английский историк Эдуард Гиббон (1737—1794) в своем труде «История упадка и разрушения Римской империи»¹ на основании западных источников о государственности в Парфии и Сасанидском Иране первым среди западных ученых декларировал: «Парфянская империя представляла живое подобие феодальной системы, впоследствии преобладавшей в Европе»². Он же развил концепцию о застойности, косности и упадочности Византии, способствуя утверждению представлений о застойности восточных обществ и их «извечном» феодализме. Утверждение Э. Гиббона послужило отправным пунктом в исследованиях последующих поколений буржуазных иранистов, повторявших эту формулировку, опираясь и ссылаясь лишь на авторитет автора.

Работы буржуазных историков второй половины XIX в. в принципе не отличались от предшествовавших изданий во всеобщей истории; они также следовали общей традиции, трактовавшей историю как чередование династий и войн. Среди них заслуживают упоминания труды Джорджа Роулинсона³, пытавшегося реконструировать историю династий Аршакидов и Сасанидов; Фердинанда Шпигеля⁴, обратившего внимание на восстание Маздака, и немецкого историка Альфреда Гутшмидта⁵. Положительным моментом в этих исследованиях было стремление авторов к большему охвату фактического материала за счет расширения круга источников, например, сочинений армянских авторов, материалов нумизматики, отчасти археологии и эпиграфики (Дж. Роулинсон), а также данных китайских летописей (А. Гутшмидт).

Особенно известна работа немецкого исследователя Теодора Нёльдеке, выполнившего перевод с арабского языка книги Ат-Табари «История персов и арабов во времена Сасанидов». Своим переводом и ценными подстрочными комментариями, опубликованными в 1879 г., Т. Нёльдеке заложил основы изучения Сасанидской эпохи и значительно расширил источниковедческую базу за счет средневекового материала на арабском языке и некоторых данных еврейских источников. Не ставя задачи изучения социально-экономического развития иранского общества, Т. Нёльдеке уде-

¹ E. Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman Empire, vol. 1—6. L., 1776—1788; Эд. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи. Русский перевод В. Н. Неведомского (Н. Г. Чернышевского), тт. 1—7. М., 1883—1886.

² Эд. Гиббон. Указ. соч., т. 1. М., 1883. стр. 273.

³ G. Rawlinson. The seventh great oriental monarchy or the geography, history and antiquities of the Sassanian or New-Persian empire, vol. 1—2. N. Y., 1875; L., 1876.

⁴ F. Spiegel. Eranische Altertumskunde, Bd. 3. Leipzig, 1873, S. 391.

⁵ A. Gutschmid. Geschichte Irans und seiner Nahbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888, S. 55—73, 150—151.

длil внимание вопросам налогообложения и указал на связь проведения реформы кадастра Хосровом I с движением маздакитов⁶. Труды Нёльдеке получили высокую оценку в научном мире.

В наиболее известной в XIX — нач. XX вв. «Истории Ирана» Джона Малькольма, написанной, как и другие подобные очерки по истории страны, в традициях западной буржуазной историографии, в отрыве от всемирно-исторического развития, нет даже попыток обратиться к социальной характеристике явлений; монархия Сасанидов, например, открыла, по мнению автора, лишь новую династийную эпоху⁷.

Английский иранист Перси Сайкс, опубликовавший в 1915 г. двухтомную «Историю Ирана», подобно своим предшественникам ограничился освещением лишь политической истории. Ссылаясь на Гиббона, П. Сайкс охарактеризовал Парфию как феодальное государство, напоминающее средневековые государства Европы⁸, а средневековый Иран — как застывшее восточное общество.

Определенное влияние на буржуазную иранистику оказали различные «теории», в частности, «концепция циклизма», «теория миграций», считавшая переселение народов решающим фактором исторического развития, а также «арийская теория», объявлявшая венцом истории выход на историческую арену «арийцев» («народов-господ» и завоевателей, якобы единственно способных выделить «феодалов-баронов» и «бюргеров»). Упрощенчество и модернизация далекого прошлого, произвольное перенесение на средневековые буржуазные понятия, критериев и оценок, отрицание исторического прогресса имели своим следствием тенденциозное отношение и пренебрежение к источникам, сужение источниковедческой базы. На этом фоне заметно выделяются труды датского востоковеда Артура Кристенсена, автора монографий «Империя Сасанидов» и «Иран при Сасанидах», где затронуты вопросы развития Ирана преимущественно в области государственного устройства и кастово-сословного деления общества⁹. В небольшой работе — «Правление шаха Кавада I и маздакитский коммунизм» и в статье «Две версии истории Маздака»¹⁰ виден интерес к социальному аспекту исследования и стремление автора выделить наиболее ранние источники. Однако Кристенсен, исходивший из предвзятой

⁶ Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari übers., und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen von Th. Nöldeke. Leyden, 1879, S. 455—467; Th. Nöldeke. Aufsätze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887, S. 85—135.

⁷ J. Malcolm. The history of Persia. L., 1815; idem. Histoire de la Perse. P., t. 1, 1828, p. 128.

⁸ P. Sykes. A history of Persia, vol. I—II. Ed. 1. L., 1915, p. 365.

⁹ A. Christensen. L'empire des Sasanides. Copenhague, 1907, p. 19; idem. L'Iran sous les Sassanides. Ed. 1. Copenhague, 1936, Ed. 2. Copenhague, 1944, p. 15—27, 98—101.

¹⁰ A. Christensen. Le règne du roi Kawādh I et le communisme mazdakite.—Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Historisk-filologiske Meddelelser, Bd. IX, Copenhague, 1925, p. 79—80; idem. Two versions of the history of Mazdak. — Dr. Modi memorial volum. Bombay, 1930.

концепции развитого феодализма в Сасанидском Иране, оказался не в состоянии ответить на вопрос о социально-экономических причинах восстания Маздака. По Кристенсену, феодализм господствовал уже в период Ахеменидов. Иерархическая структура парфянского общества, возглавляемая царем, определялась им как феодальная, где между большими вассалами и крестьянством существовал еще промежуточный класс владельцев вторых ленов, мелких дворян, рыцарей. Созданная им схема сословно-кастового строя при Сасанидах на долгое время получила распространение в буржуазной иранистике.

Даже в работах 20—30-х годов XX в., когда были сделаны ценные археологические находки в Иране и Месопотамии и выявлены важные документы для социально-экономического анализа, преимущественное внимание уделялось разработке династийной истории и западным источникам. Местные письменные источники интересовали буржуазных специалистов больше всего с чисто филологической или формально-правовой точек зрения. Они подчеркивали и выдвигали на первое место значение периода эллинизации в развитии Ирана, его городов и культуры; в этом сказалось как одностороннее влияние западных источников, так и европоцентристского мировоззрения¹¹. В то же время к средневековым государствам в Иране применялись такие определения, как «феодальная абсолютистская монархия», «национальное государство», а социальные слои III—V вв. определялись по примеру Европы периода развитого феодализма или даже выделялось «третье сословие» (Е. Бенвенист, А. Мозахери и др.)¹².

Археолог и историк Нельсон Дибвойз (занимавшийся раскопками Селевкии на Тигре), автор наиболее известной в буржуазной историографии работы по политической истории Парфии¹³, исходил из тезиса о развитом феодализме в парфянское время. Для археолога М. И. Ростовцева, в трудах которого заметно влияние теории циклизма, достаточно было таких «критериев», как наличие зависимых царств и элементов родовой иерархии, а также парфянской кавалерии, одетой в кольчуги и панцири, чтобы охарактеризовать государство Аршакидов как феодальное¹⁴. Маркварт видел в областях Парфии мелкие феодальные княжества, стремившиеся к автономии¹⁵. В «Кембриджской истории древностей», в очерке

¹¹ M. Dieulafoy. *L'art antique de la Perse*. P., 1885; E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. L. — N. Y., 1941, p. 285, 305—306; idem. *Archaeological history of Iran*. L. 1935, p. 75.

¹² E. Benveniste. *Les classes sociales dans la tradition avestique*. — «*Journ. Asiatique*», 1932, N 3.

¹³ N. C. Debevoise. *A political history of Parthia*. Chicago, 1938.

¹⁴ M. Rostovtzeff. *The social and economic history of the Hellenistic world*, vol. I—III. Oxford, 1941; idem. *Dura-Europos and its Art*. Oxford, 1938. Нельзя не отметить, однако, что его работы базировались на значительном материале раскопок в Дуре-Европос и других местах, что позволило ему справедливо подвергнуть сомнению концепцию Герцфельда о «деградации и упадке» культуры Парфии.

¹⁵ J. Marquart. *Südarmenien und die Tigrisquellen*. Wien, 1930, S. 56.

В. Тарна о ранней Парфии это государство также названо феодальным, хотя В. Тарн уже писал о рабовладельческой основе Селевкидского общества в Иране¹⁶.

Современный французский иранист и археолог Роман Гиршман в монографии «Иран (от древнейших времен до мусульманского завоевания)» повторил тезис Гиббона и Ростовцева: «Феодальная система Парфянского царства, которая очень схожа с феодальной системой средневековой Европы, базировалась на семи великих семействах»¹⁷. Книга Р. Гиршмана интересна и ценна материалами его археологических раскопок, но в остальном она повторяет известные работы американских ученых А. Олмстеда и Г. Камерона¹⁸.

Тематика буржуазных исторических исследований по средневековому Ирану не выходила за рамки вопросов государственного устройства, религиозных доктрин и политической истории¹⁹. Буржуазная иранистика дает примеры, когда исследователи стремились к глубокому изучению источников, но, к сожалению, предвзятые концепции об «извечном феодализме», о «развитом феодальном государстве» с времен Ахеменидов, Парфии или Сасанидов приводили их к ошибкам в характеристике исторического процесса и переводах источников. Исходя из этих и других предвзятых концепций, они применяли соответствующие характеристики и термины, не понимая специфики этих обществ и их социальных структур²⁰. В современной буржуазной историографии иранские общества древности и средневековья либо продолжают причисляться к феодальным государствам, наподобие тех, что были в средневековой Европе (причем, этот тезис не подкреплен никакой аргументацией или обоснован такими второстепенными и малоубедительными признаками, как политическая раздробленность, наличие иерархии в обществе, эволюция права и т. п.), либо оставлены без социально-экономической характеристики (Б. Шпулер, В. Ф. Минорский и др.). Даже в наиболее обстоятельных трудах, основанных на широком круге источников, сам материал которых вел авторов к разработке экономических вопросов (а не только политической истории), можно заметить ограниченность сведений по аграрным отношениям и особенно о положении крестьян. Из работ, где уделялось какое-то внима-

¹⁶ The Cambridge Ancient History, vol. IX—XI. Cambridge, 1936—1938, p. 590. В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. Перевод с английского С. Я. Ляковского.

¹⁷ R. Ghirshman. Iran. From the earliest times to the islamic conquest. London, 1954, p. 265; idem. L'Iran. Des origines a l'Islam. P., 1951, S. 235—236.

¹⁸ R. Ghirshman. Parthes et Sassanides. P., 1962.

¹⁹ W. E. Caldwell. The Ancient World. N.Y., 1937; W. B. Henning. Zoroastr politician or witch-doktor? London—Oxford, 1951, p. 18.

²⁰ J. J. de Morgan. Feudalism in Persia: its origin, development and present condition. Washington, 1914; Smithsonian institution. From the Smithsonian report for 1913. Translated... from the «Revue d'etnographie et de sociologie», vol. 3. P., 1912; p. 580, 592—593, 594. E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938, S. 354.

ние вопросам экономики, следует назвать труды австрийского востоковеда А. Кремера²¹ («О бюджетных доходах государства Аббасидов» и «Культурная история Востока при халифах») и французского востоковеда Клода Каэна, исследовавшего феодальную собственность «икта» с момента ее возникновения до XIV в.²² Суть концепции К. Каэна и других исследователей землевладения в халифате состоит в том, что, по их мнению, феодальная собственность возникает только тогда, когда появляется лен, поэтому до второй половины IX в. ими отрицается феодальный характер «икта». Вопрос о положении крестьянства, даже по признанию самих исследователей (К. Каэна и др.), остался неизученным. Проблему перераспределения земельной собственности в результате арабского завоевания в эпоху Омейядов и Аббасидов стремились осветить в своих трудах швейцарский востоковед М. Берхем и немецкий арабист Юлиус Вельхаузен, автор фундаментальной работы «Арабское государство и его падение», которая, однако, считается уже устаревшей с выходом в свет работы его соотечественника К. Бэккера (1924)²³. Экономической истории халифата касались также: А. Поляк (о феодализме на Ближнем Востоке между XIII—XIX вв.), датский востоковед Ф. Локкегар, американский арабист Даниель Деннет, работы которых, с точки зрения разработки источников, представляют интерес не только для арабистов, но и для иранистов. В трактовке проблем земельной собственности эти авторы, а также иранисты Б. Шпулер, В. Ф. Минорский, Э. К. Лэмбтон²⁴ следуют в основном за средневековыми мусульманскими авторами, дававшими свою, подчас противоречивую, трактовку юридической природы разных видов земельной собственности в раннем халифате, халифатах Омейядов, Аббасидов (Абу Юсуф, ал-Балазури, ал-Маварди и др.), а также во времена господства монголов и в государстве Сефевидов (Рашид ад-Дин, аноним «Тазкират аль-мулюк» и др.²⁵). Податная система халифата и других госу-

²¹ A. V. Kremer. *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, Bd I—II. Wien, 1875—1877; idem. *Über das Einnahmenbudget des Abbasiden Reiches vom Jahre 306 H (918—919)*. Wien, 1887.

²² Cl. Cahen. *L'évolution de l'iqta du IX au XIII siècle*. — BSOAS (Economics, Societies, Civilisations), t. 8, N I. P., 1953.

²³ M. von Berchem. *La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califes*. Genève, 1887; J. Wellhausen. *Das arabische Reich und sein Sturz*. Berlin, 1902; C. H. Becker. *Vom Werden und Wesen der islamischen Welt*. *Islamstudien*, Bd 1—2. Leipzig, 1924, S. 234—244.

²⁴ A. M. Poliak. *La féodalité islamique*. *Revue des études islamiques*, t. X. P., 1936; idem. *Feudalism in Egypt, Syria, Palestine and the Lebanon*. 1250—1900. L., 1939; Fr. Løkkegaard. *Islamic taxation in the Classic Period*. Copenhagen, 1950, p. 70; D. C. Dennett. *Conversion and the Poll Tax in Early Islam*. London—Cambridge, 1950, p. 116—119, etc.; A. K. Lambton. *Landlord and Peasant in Persia*. Oxford, 1953; B. Spuler. *Die Mongolen in Iran*. Berlin, 1939.

²⁵ *Tadhkirat al-müluk*. A manual of Safavid administration. Persian text in facsimile, translated and edited by V. Minorovsky. *Gibb memorial series*. New series XVI. L., 1943; V. Minorovsky. *A soyrghal of Qasim b. Jahangir Aq-Qoyunlu*. — BSOAS, 1939, vol. IX, p. 4; idem. *The Aq Qoyunlu and land reforms*. — BSOAS, 1955, vol. XVII, p. 3.

дарств на территории Ирана также неоднократно привлекала внимание этих исследователей, но прежде всего они стремились разобраться в ее юридической основе.

Полностью следует за «Джами ат-таварих» («Собрание летописей») Рашид ад-Дина немецкий исследователь Бертольд Шпулер в описании реформ Газан-хана, в объяснении терминов, обозначающих землевладение и т. п., избегая даже определения «феодализм».

По эпохе Сефевидов наиболее значительно исследование В. Ф. Минорского, его перевод и издание рукописи «Тазкират аль-мулюк» неизвестного автора начала XVIII в. Это сочинение дает представление о разных сторонах жизни Сефевидского государства, об административном управлении, о гражданских и военных чинах, содержит, что особенно ценно, некоторые статистические данные о бюджете периода Аббаса I, о состоянии хозяйства шахского двора, о формах пожалований. На основании рукописи «Тазкират аль-мулюк» и других источников, а также привлекая (что является редкостью в буржуазной историографии) исследования русских дореволюционных и советских авторов (М. Сенджаби [М. Мея], И. П. Петрушевского и др.), В. Ф. Минорский описал иммунитетные права владельцев сюргалья и права тиюльдаров. Не соглашаясь с мнением французского путешественника Шардена, который сравнивал тиюль с бенефициями в Европе, Минорский характеризовал его как пожалование определенных прав, так как во времена Сефевидов тиюль имел значение жалованья. Он допускал возможность сравнения сюргалья со средневековым бенефицием²⁶. Оговариваясь, что исследование проблем землевладения должно быть темой специальной работы, он ограничился перечислением четырех видов землевладения по Шардену (земли казны, домен шаха, вакф, мулык), подразделяя их также на земли «дивани мемалек» и «дивани хассе». По мнению Минорского, свидетельство Шардена, считавшего частных землевладельцев как бы арендаторами земли на 99 лет, указывает на то, что идея абсолютной собственности была неизвестна в Иране. Характер землевладения в Иране, по его мнению, определил такой политический фактор, как серия «великих» тюрко-монгольских вторжений между 1000 и 1500 г., когда многое зависело от произвола правителей и конфискации могли ликвидировать любые частные права²⁷. Не исследуя специально вопроса о положении крестьян, В. Ф. Минорский использовал лучше в европейской литературе описание издольщины, относящееся к центральному району Сефевидского Ирана, району Исфахана, сделанное немецким путешественником и дипломатом Е. Кемпфером, указавшим, что доля крестьянина падала не до 1/3 (Шарден), а до 1/4 или 2/5 урожая в зависимости

²⁶ V. Minorsky. Tadhkirat..., p. 27—29

²⁷ Op. cit., p. 21, 148, 195—196.

от того, располагал ли крестьянин семенами, рабочим скотом и инвентарем.

Попытку осветить проблему феодализма на всем протяжении истории Ирана, путем обобщения различных мнений европейских авторов (А. Кристенсена, М. Ростовцева и др.), предприняла английская исследовательница Э. К. С. Лэмбтон в книге «Ленд-лорды и крестьяне в Персии, землевладение и налогообложение». Разделяя точку зрения о существовании феодализма при Ахеменидах²⁸, с чем, по нашему мнению, согласиться нельзя, Э. Лэмбтон выделяет период «доисламского феодализма» и отмечает, что феодализм достиг полного развития в парфянской время. Автор заявляет, что феодальная структура была свойственна экономике и проявлялась в общественной жизни. Доказательством служит политическая раздробленность и иерархическая организация общества: значение семи «великих» привилегированных семейств в стране и глав деревень — «дихкан». По ее мнению, феодальная система Аршакидов, по-видимому, была унаследована Сасанидами, а податная система Хосрова I стала основой ее в период халифов. Уделяя главное внимание категории «икта» в халифате Аббасидов и при Сельджукидах, она опирается на труды Локкегара, а в трактовке тиюля следует за Минорским²⁹.

С той поры, как началось изучение иранского средневековья, в западноевропейской и американской историографии накоплен значительный фактический материал, основанный на привлечении разнообразных источников (письменных, материалов нумизматики, археологии и др.), выполнен целый ряд ценных критических изданий текстов и переводов восточных рукописей и документов. Можно сделать вывод, что ранее всего (и преимущественно) из источников были извлечены данные, характеризующие права государства и эволюцию ленной собственности. Из-за предвзятой концепции об отсутствии частной собственности на Востоке, из поля зрения исследователей фактически выпали различные виды частных землевладений и все внимание их было сконцентрировано на ленной форме землевладения разных периодов. Хотя в современной буржуазной историографии на Западе появился определенный интерес к проблемам экономической истории, ее представители, однако, оказались не в состоянии ни поставить проблемы генезиса, развития и кризиса феодализма в Иране, ни ответить на вопрос о роли экономического фактора в общественном развитии. В этих работах отражено поверхностное представление о круговерти, о смене циклов подъема и упадка, централизации и распада государственности, несмотря на то, что в результате накопления материала происходит в некоторой мере

²⁸ Эту точку зрения разделяет и современный американский специалист по древнему Ирану Р. Н. Фрай. (см. Ричард Фрай. Наследие Ирана. М., 1972, стр. 156, 157, 329, 333); Richard Frye. The heritage of Persia. Cleveland — N. Y., 1963.

²⁹ A. K. S. Lambton. Op. cit., p. 12—15, 103—128.

отход от тех исходных позиций и концепций, которые господствовали во времена Гиббона и в XIX в. (Жан Жак д'Морган и др.)

Иранская буржуазная историография. Иранская буржуазная историография, одними из первых зачинателей которой в XIX в. следует считать Мухаммед-Хасан-хана и Ага-хана Кермани, по сути сложилась лишь в 20—40-х годах XX в., восприняв традиции мусульманской феодальной историографии (Ат-Табари, Баль'ами, Мирхонд и др.). По существу эти труды представляют собой династические истории и истории войн, изложенные в виде простого линейного повествования (событие за событием, год за годом). Все они пронизаны мусульманской теологической концепцией (с XVI в. концепцией шиизма). С другой стороны, иранские авторы испытали и влияние историографии развитых зарубежных стран, их историко-филологического метода, идей, концепций. Особое развитие получила идея о создании «централизованных государств» и «персидских национальных государств» при Ахеменидах, Сасанидах, во времена борьбы против халифата Аббасидов, в правление Мозаффаридов, Сефевидов и т. п. Труды Хасана Пирния по древней истории, обобщающие очерки Аббаса Экбала, очерки военной истории Джамиля Гузанлу и Голяма Хосейна Моктадера, исследования истории Сефевидов Насролла Фальсафи, Ахмеда Таджабахша и других историков, не содержат социально-экономических характеристик³⁰. Эта историография не считается и с тем, что в феодальное время не существовало такой предпосылки, как экономическая общность, являющаяся необходимой основой для создания национальных государств. Сильно выраженный субъективизм современных иранских авторов³¹, стремление освещать историю в духе чрезмерного национального возвеличивания и избежать выводов и обобщений социального характера снижают уровень их работ. Особенно заметна идеализация «сильных личностей», таких шахиншахов, как Хосров I и Аббас I. Хотя под влиянием западноевропейской историографии в учебниках по истории были выделены периоды древнего мира и средневековья, рубежом между которыми принято крушение Римской империи, фактически в основу периодизации истории положена смена религий (до «ислама» и «от ислама»)³², а также смена династий. Положительные качества современной иранской буржуазной историографии проявляются в стремлении к подробной реконструкции фактической истории и в развитии источниковедческой работы. Основоположники иранской историко-филологической школы 20—40-х годов

³⁰ Х. Пирния. Иран-е бастан я тарих-е Иран заман-е бесияр-е гадим та энгераз-е доулет-е Сасани. Тегеран, 1927; его же: Иран-е бастан я тарих-е мофассел-е Иран-е гадим, т. III, Тегеран, 1952; А. Экбаль Тарих-е мофассел-е Иран. Тегеран, 1933; Парвиз Шахрияри. Нехзет-е Маздак ва маздакияи. Тегеран, 1947; А. Таджабахш. Иран дар заман-е Сефевийе. Тебриз, 1961.

³¹ Аббас Парвиз. Хуррамиты и восстание Бабека за освобождение Ирана. — «Баррасихай-е тарихи» («Исторические исследования»), 1966, № 1—2.

³² Аббас Халили. Иран бад аз эслам, т. I, Тегеран, 1957.

Мохаммед Казвини, Аббас Эгбаль, Саид Нафиси и историки 50—70-х годов уделили значительное внимание собранию и изданию уникальных рукописей и средневековых документов. Развитию исследовательской деятельности иранских историков немало способствовали международные конгрессы востоковедов, конгрессы по истории и культуре Ирана в 1966 г., конгресс, посвященный историку начала XIV в. Рашид ад-Дину в 1969 г., обсуждение периодизации истории Ирана, в которых приняли участие и советские историки. Специальных работ по проблемам аграрных отношений и истории класса крестьян в эпоху средневековья в иранской буржуазной историографии нет.

Единственными попытками краткого описания состояния сельского хозяйства и сельскохозяйственной техники в средневековье являются первый раздел монографии «Истории земледелия в Иране» иранского исследователя Таги Бахрами³³, посвященной новейшему времени, и очерк востоковеда Абу Акбара Мозахери, изданный в Париже.

Русская буржуазная историография. Вопросы социально-экономического развития иранского общества в средневековье и проблема генезиса феодализма не получили должного освещения и в русской буржуазной историографии, хотя труды отдельных выдающихся ее представителей отличало, например, от западноевропейских стремление выявить место древнеиранской и средневековой иранской истории и культуры во всемирно-историческом развитии. В. Р. Розен³⁴ и его ученик В. В. Бартольд представляли эти прогрессивные тенденции. Критическое исследование источников и попытки установить внутреннюю связь исторических явлений вызвали у отдельных представителей русской ориенталистики интерес к проблемам экономической истории (И. Н. Березин). Занимаясь изучением истории Средней Азии (и отчасти Ирана), В. В. Бартольд выявил данные источников об экономическом подъеме в Средней Азии и Иране в IX—X вв., о высоком уровне развития средневековых городов, об эволюции и распространении условного землевладения — «икта»³⁵. Несмотря на внимание к вопросам об изменениях условий материальной жизни общества, он не считал их определяющим фактором исторического прогресса и в своих трудах исходил из полудиалистической теории культурных эволюций и влияний³⁶.

³³ Т. Бахрами. *Тарих-е кешаварзи-йе Иран*. Тегеран, 1951; Абу Акбар Мозахери. *La vie quotidienne des musulmans au Moyen Age*. P., 1936; idem. *La Famille Iranienne aux temps anté-islamiques*. Paris, 1938.

³⁴ В. Н. Розен. (Рецензия на работы А. Кремера). — ЗВО, т. IV. Спб., 1889.

³⁵ В. В. Бартольд. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. 2. Спб., 1900, стр. 249, 264—265; 327; его же. *Историко-географический обзор Ирана*. Спб., 1903.

³⁶ См. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. *Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)*. М., 1972, стр. 10.

В работах, опубликованных в советское время, В. В. Бартольд проявил несомненно больший интерес к социально-экономическим проблемам, но, не будучи историком-марксистом, оказался не в состоянии дать научный анализ аграрных отношений. В его работах продолжали оставаться такие нечеткие и ошибочные определения, как «сословие военной аристократии и земледельцев», сословие «торговцев и промышленников» в применении к Ирану, например, времен Сасанидов³⁷. В то же время под влиянием новых тенденций в нарождавшейся советской историографии, поставившей среди центральных задач изучение классовой борьбы, Бартольд написал статью «К истории крестьянских движений в Персии», в которой совершенно верно указывал на то, что маздакитское движение явилось проявлением кризиса социальных отношений в Иране, аналогичного кризисам в Европе³⁸, хотя этот тезис не получил развития в самом анализе восстания маздакитов. В работах В. В. Бартольда нашли освещение некоторые вопросы налогообложения крестьян и эволюция такой прослойки класса земледельцев, как дихканы (в его определении — «персидское рыцарство», «наследственные земельные собственники»). Установив исчезновение в источниках термина «дихкан» и этой прослойки в XI в. он указал, что этот факт стоит в связи с распространением «военных ленов» и другой прослойки знати — из тюркской военно-кочевой среды. В одной из последних статей В. В. Бартольд охарактеризовал общественный строй средневекового Ирана как «феодальный», хотя в ранних трудах не применял такого определения. В то же время его заинтересовала проблема особенностей феодализма в Иране и он писал, что в отличие от европейского феодального строя в мусульманском мире, и, стало быть, в Иране нет крепостного права, крестьяне не прикреплены к земле, поэтому положение их более свободно, но зато права на землю никакими гарантиями не ограждены. Причину отсутствия крепостного права и «личного хозяйничанья на земле владельца» он видел в том, что «собственники ленов оставались при царском дворе»³⁹.

Известный востоковед А. Е. Крымский, исходя из того, что в аршакидскую эпоху Иран был типичным феодальным государством⁴⁰, не ставил вопроса о генезисе феодализма. Он упоминал о «княжествах» и «уделах» в VIII—XI вв., о сложении «вотчинно-феодальной» системы при Сельджукидах, когда «военно-служилое сословие» становится господствующим. Определения и термины, применяемые им в отношении иранского крестьянства, свидетельствуют скорее о механическом перенесении характеристик состоя-

³⁷ См. В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926, стр. 33.

³⁸ См. В. В. Бартольд. К истории крестьянских движений в Персии. — В сб.: Из далекого и близкого прошлого. Пг.—М., 1923, стр. 56—57.

³⁹ В. В. Бартольд. К вопросу о феодализме в Иране. — «Новый Восток», 1930, № 28, стр. 110.

⁴⁰ См. А. Е. Крымский. Персия. — Энциклопедический словарь русско-го библиографического института Гранат, т. 32, 1930, стр. 10.

ния крестьянства в России, чем о попытке изучения этого вопроса. Так, он утверждал, что крестьяне «отбывали барщину», хотя иранские феодалы не вели поместных хозяйств и отработки в Иране не аналогичны «барщине»; или высказывал мысль, что положение иранского крестьянства «близкое к крепостному праву»⁴¹.

Советская историография. Постановка и изучение проблем зарождения, развития и кризиса феодализма в Иране, попытки установления хронологических вех этого процесса оказались возможны только на базе материалистического понимания истории, на основе учения о прогрессивной смене общественно-экономических отношений, открытого К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитого В. И. Лениным. Высказанный К. Марксом⁴² тезис о том, что новые производственные отношения развиваются в недрах старого общества, применялся Ф. Энгельсом при рассмотрении истории возникновения феодализма в Европе. Классики марксизма-ленинизма установили, что главной предпосылкой смены социально-экономического строя является прогрессивное развитие производительных сил, а не эволюция правовых или политических норм и институтов. Закладывая основы научной теории феодализма, К. Маркс и Ф. Энгельс, а позднее В. И. Ленин рассматривали появление феодализма прежде всего как процесс складывания новых производственных отношений и уделили большое внимание характеристике видов феодальной ренты. Марксистское понимание социально-экономической сущности феодализма стало исходным пунктом для развития советской медиевистики.

Опубликованные в 20-х годах труды В. В. Бартольда, А. Е. Крымского были результатом их исследовательской работы, начатой еще до революции. Первое поколение советских востоковедов, воспитанников В. В. Бартольда и других ученых, начало самостоятельные научные исследования в 20-х годах. Большинство историков ставило задачу изучения классовой борьбы, не всегда связывая ее с конкретными историческими процессами. При определении характера общественного строя Ирана не были преодолены концепции буржуазной историографии. Так, в первом издании БСЭ (статья «Персия») обществу Ахеменидского времени были приданы явно феодальные черты (автор В. Н. Кун). Кроме того, подчеркивалось, что «строй и порядки», существовавшие в Парфянском государстве, «сохранились почти в полной неприкосновенности в государстве Сасанидов»⁴³. Еще в 1932 г. Я. А. Манандян писал, что подобно Аршакидской Армении, фео-

---

⁴¹ А. Е. Крымский. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. — «Труды по востоковедению», т. I, № 2, вып. XVI. М., 1914, стр. 134—135.

⁴² См. К. Маркс. К критике политической экономии. Предисловие. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

⁴³ БСЭ, т. 29, стр. 175.

дализм в Иране был уже в Парфянский период⁴⁴, но не мог подтвердить свой тезис достаточным фактическим материалом.

Для преодоления этих и подобных недостатков важное значение имели дискуссии об общественно-экономических формациях (1925—1931 гг.), способствовавшие более глубокому освоению советскими историками-востоковедами марксистской методологии на основе изучения трудов классиков марксизма-ленинизма, а также путем выявления и разработки источников, содержащих фактический материал по социально-экономическим вопросам⁴⁵. В ходе обсуждений в 20—30-е годы советские востоковеды выдвинули такие основные проблемы, как вопрос о характере восточных обществ и о периодизации истории Востока. Важная заслуга советских исследователей тех лет состояла в том, что, впервые применяя марксистский метод исторического исследования, они поставили вопрос о характере производственных отношений в странах Востока. В 30-е годы в советской историографии была выдвинута концепция о рабовладельческом характере обществ древнего Востока. В. В. Струве (1889—1965) и другие советские ученые, выдвинувшие и развившие эту концепцию, признали тождественность общего исторического пути стран Востока и стран Запада, подчеркивая вместе с тем специфику рабовладельческих обществ в странах Востока. Таким образом, советские востоковеды считали необоснованной концепцию буржуазной историографии об извечности феодального строя на Востоке.

В 1936 г. был опубликован написанный В. В. Струве (при участии С. И. Ковалева) первый советский курс истории древнего Востока, в котором была изложена «рабовладельческая концепция». Многие главы этой книги справедливо критиковались за схематизм, за чрезмерное сближение общественного строя древневосточных государств с античным обществом. В последующих трудах советские исследователи стали больше уделять внимания таким вопросам, как процесс разложения общины и формы эксплуатации народных масс. Однако решение этих проблем упиралось в скудость письменных источников, поэтому важное значение приобретало археологическое изучение Средней Азии, начавшееся в 30-х годах. Раскопки А. А. Марущенко в Новой и Старой Нисе (ныне село Багир в 18 км к северо-западу от Ашхабада), в колыбели Парфии, вызвали большой интерес к этому малоизученному периоду истории.

---

⁴⁴ См. Я. А. Манандян. Заметки о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении. Тифлис, 1932.

⁴⁵ См. В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. — «Известия ГАИМК», 1934, вып. 77; его же: К вопросу о специфике рабовладельческих обществ древнего Востока. — «Вестн. Ленингр. ун-та», сер. общественных наук, 1953, № 9, вып. 3; его же. Некоторые аспекты социального развития древнего Востока. — «Вопросы истории», 1965, № 5; В. М. Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1975.

Однако исследования были прерваны войной. После войны, с 1948 г., исследования Нисы и других населенных пунктов продолжала Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) во главе с М. Е. Массоном, открывшая для мировой науки около 2,5 тыс. хозяйственных документов, написанных на глиняных черепках по-парфянски⁴⁶. Вместе с пергаменами из Авромана, Дура-Европос и других мест, парфянские остраки из Нисы являются интересными источниками для изучения социально-экономических проблем. Используя эти и другие источники, советские иранисты взялись за выяснение сущности процессов социально-экономического развития в истории Ирана, поставив центральной задачей изучение положения и роли народных масс.

Исследование под таким углом зрения истории древнего и средневекового Ирана было делом новаторским, а следовательно, и достаточно трудным. В автореферате докторской диссертации М. М. Дьяконова по истории древнего Ирана⁴⁷ и монографии, изданной лишь спустя 5 лет после смерти М. М. Дьяконова под ред. И. М. Дьяконова и А. Г. Периханян, была предпринята такая попытка. Критикуя взгляды М. И. Ростовцева и других представителей буржуазной историографии, М. М. Дьяконов стремился раскрыть сложную социальную природу и государственную структуру Парфии, а также выяснить социально-экономические причины ее падения и возникновения государства Сасанидов. По концепции М. М. Дьяконова, в обширной Парфянской державе западные районы рабовладельческой Месопотамии были экономически более развитыми, в то время как в восточных районах развитие рабовладения шло медленнее. Указывая на разную степень развития рабовладения в различных частях государства, он высказал предположение, что в восточных странах (Ближний Восток, Иран) кризис рабовладения происходил «с давних пор», т. е. начался ранее II—III вв. н. э. и в III в. зашел дальше, чем в Римской империи. Он отмечал, что этому содействовало «наличие во внутренних областях Ирана и Средней Азии значительных территорий с населением, жившим еще родовым бытом, где рабовладельческие отношения никогда не проникали далеко вглубь»⁴⁸. Показатели кризиса рабовладения в западных частях Парфии и начала процесса феодализации в некоторых наиболее развитых частях ее в I—III вв. н. э. он считал появление новых

⁴⁶ Так называемый архив «винного ведомства», ибо по содержанию эти документы касаются вопросов поступления, хранения и расходов продуктов виноградарского хозяйства парфянских царей. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянский архив из древней Нисы. — ВДИ, 1953, № 4; И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц. Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н. э. (образцы документов). — ВДИ, 1960, № 2; и х же. Новые находки документов в Старой Нисе. — Переднеазиатский сборник. Л., 1966, стр. 134—157.

⁴⁷ «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 130—139.

⁴⁸ См. М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 230.

форм эксплуатации рабского труда путем предоставления рабам (аншахрик) частичной свободы и некоторых льгот в имениях знати (дастгарт), а также усиление эксплуатации общинного крестьянства. Кроме того, он отметил в числе косвенных доказательств этих процессов усиление независимости и влияния парфянской знати, эволюцию зороастризма в I—II вв. н. э. и появление нового антиэллинского направления в области иранской культуры с I в.⁴⁹ Касаясь проблемы рабского труда и его удельного веса в Парфии, М. М. Дьяконов полагал: «Все же главная роль в производстве материальных благ в Иране, как и в других странах древнего Востока, принадлежала крестьянам-общинникам»⁵⁰.

Автор допускал возможность начала феодализации в развитых районах Парфянской державы (на Западе) в I в.⁵¹ При Сасанидах, по его концепции, полоса активной феодализации в Иране приходится на IV в. К VI в. закабаление общины становится фактом, послужившим основной причиной социального движения маздакитов. По определению М. М. Дьяконова, реформы Хосрова I зафиксировали «дальнейшее укрепление феодального уклада»⁵². Монография М. М. Дьяконова представляла результат многолетней научно-исследовательской работы как самого автора, так и ряда советских исследователей, на труды которых опирался он в процессе ее написания.

Среди таких специальных научных исследований по проблемам разложения рабовладения и зарождения феодализма на Ближнем Востоке важное значение имеют статьи Ю. А. Солодухо и А. Г. Периханян. Занимаясь переводом еврейско-иранских талмудических источников I—V вв., Ю. А. Солодухо удалось выявить и проанализировать материалы о категориях рабов, о постепенном прикреплении их к земле, о появлении феодальных классов. За период с 1940 по 1963 г. им было опубликовано несколько научных статей, в которых рассматривались: рабство в еврейском обществе Ирака и Сирии II—V вв., движение Маздака и восстание еврейского населения Ирана в VI в.⁵³, подати и повинности в иракском районе Парфянской державы⁵⁴. По концепции Ю. А. Солодухо, в I в. н. э. в Ираке, входившем в состав Парфянского государства, рабовладельческие отношения переживали кризис, начался процесс феодализации⁵⁵.

⁴⁹ Там же, стр. 201—203, 231.

⁵⁰ Там же, стр. 202.

⁵¹ Там же, стр. 200, 260.

⁵² М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана, стр. 309.

⁵³ См. Ю. А. Солодухо. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 131—145.

⁵⁴ См. Ю. А. Солодухо. Подати и повинности в Ираке в III—V вв. нашей эры. — «Советское востоковедение», 1948, т. V, стр. 55—72.

⁵⁵ См. Ю. А. Солодухо. К вопросу о социальной структуре Ирака III—V вв. — «Уч. зап. Института востоковедения», т. XIV, М., 1956, стр. 77; его же: Персидская административная, правовая, социально-экономическая и культурно-бытовая лексика в еврейско-иракских литературных памятниках сасанидского периода. — В кн.: Древний мир. М., 1962, стр. 344—354.

В 1952 г. А. Г. Периханян, исследовавшая три авроманских пергамента, восемь расписок об уплате поземельной подати из Нисы и пергаменты из Дура-Европос, сделала выводы о том, что рассмотренные документы могут служить для анализа положения общинников, в первую очередь в тех областях, откуда происходят эти документы. Содержание авроманских пергаментов, особенно документа I в. н. э. о продаже виноградника, позволило заключить, что община разлагалась. В том же исследовании анализируется состояние рабов «аншахрик» (иноплеменников) и «бандак» (лиц, проданных за долги, или рожденных от рабынь), использовавшихся в сельском хозяйстве. По мнению А. Г. Периханян, формы частичного освобождения этих рабов на 1/4, 1/6, 1/10 (предоставление им права собственности на 1/4, 1/6, 1/10 часть производимого продукта) свидетельствует не только о кризисе рабовладения, но «по существу здесь налицо уже рождение феодальных отношений собственности»⁵⁶. Таким образом, на основании специальных социально-экономических исследований, проведенных Ю. А. Солодухо и А. Г. Периханян, с которыми был согласен М. М. Дьяконов, напрашивается вывод, что в парфянской Месопотамии кризис рабовладения и зарождение феодализма начались в I в., в то время как в странах Средиземноморья эти процессы наметились лишь во II—III вв.⁵⁷

Большое значение для выяснения проблем генезиса феодализма в Иране имеют труды Н. В. Пигулевской (1894—1971)⁵⁸. Начав свою исследовательскую работу как сиролог, Н. В. Пигулевская широко ввела в научный оборот большое число сирийских и византийских источников. В обширной монографии «Города Ирана в раннем средневековье» и в целом ряде ее статей рассмотрена проблема зарождения феодализма в Иране и анализируется становление иранского раннефеодального города, пришедшего на смену античному. Н. В. Пигулевская приходит к выводу о наличии рабовладельческих отношений в Парфии и о рабовладельческой основе парфянского государства. По ее концепции, рабовладельческие отношения были ведущими в период, когда «иранская знать в лице рода Аршакидов сместила Селевкидов с их греко-македонскими порядками»⁵⁹. Согласно этой концепции, при Аршакидах происходило дальнейшее развитие рабовладельческих отношений.

⁵⁶ А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. — ВДИ, 1952, № 4, стр. 19.

⁵⁷ См. А. Г. Бокшанин. Парфия и Рим, ч. II. М., 1966, стр. 133—134.

⁵⁸ См. Н. В. Пигулевская. Переходные формы рабовладения в Иране по сирийскому сборнику пехлевийского права. — Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии. М., 1954; ее же. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. — «Вопросы истории», 1953, № 3; ее же. Проблемы зарождения и развития феодализма на Ближнем Востоке. — «Вопросы истории», 1962, № 6.

⁵⁹ Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 175.

Труд рабов эксплуатировали в основном крупные землевладельцы. Независимо от этого существовали крестьянские общины. «Наличие крестьянской общины как видоизмененной первобытнообщинной организации и рабовладения, не получившего полного развития, является характерным для Ирана первых веков нашей эры». Формы частичного освобождения раба исследовательница охарактеризовала как переходные формы эксплуатации. Н. В. Пигулевская отмечала, что «кризис рабовладельческой системы, охвативший весь Средиземноморский бассейн в III в., коснулся и Ирана», что «элементы феодализации, выявление феодальных отношений в Иране относятся к III—V вв. н. э.»⁶⁰. Заслуга Н. В. Пигулевской состоит в том, что она подняла изучение истории Ирана первых веков н. э. на значительную теоретическую высоту, вышла из круга традиционных тем, обогатив иранистику новыми направлениями исследования (о городах) и расширив источниковедческую базу. Как и другие советские исследователи (М. М. Дьяконов, Ю. А. Солодухо, А. Г. Периханян), Н. В. Пигулевская учитывала и влияние географической среды на социально-экономическое развитие Ирана, не считая это главным или определяющим фактором развития. По ее мнению, запад Ирана, где превалировало земледелие, опережал по своему социально-экономическому уровню гористые скотоводческие районы Ирана, хотя в ряде районов северо-восточных областей также существовали очаги развитого земледелия. Таким образом, выводы об уровне развития одних районов Ирана нельзя распространять на все другие районы в таких больших конгломеративных государствах, как Парфия или государство Сасанидов.

Труды советских авторов по вопросу о зарождении феодализма в Иране можно подразделить на специальные научные исследования, где авторы тщательно анализируют источники, излагают свою концепцию и стремятся ее обосновать, и на работы обобщающего характера, являющиеся итоговыми («Всемирная история», публикации в справочных изданиях, энциклопедиях, историях республик Закавказья, Средней Азии). К работам общего характера относится и первое учебное пособие к общему курсу восточного средневековья Б. Н. Заходера (1898—1960)⁶¹. Рассматривая в специальной статье вопросы феодализации Сасанидского Ирана, Б. Н. Заходер отмечал наличие сильных пережитков рабовладения. В коллективном труде востоковедов МГУ — учебнике «История стран зарубежного Востока в средние века» Сасанидский Иран отнесен к раннефеодальному периоду. В обобщающем труде ленинградских иранистов «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века» разложение рабовладельческого строя и обра-

⁶⁰ Там же, стр. 175—176, 178.

⁶¹ См. Б. Н. Заходер. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944 (далее — Б. Н. Заходер. История...); его же. Иран при первых Сасанидах. — «Исторический журнал», 1938, № 12.

зование раннефеодального общества также датировано III—VII вв. Автор главы в этой книге Н. В. Пигулевская признавала: «К концу IV в. основные черты сасанидского общества принимают более отчетливый характер. Тем не менее ряд вопросов, которые было бы очень желательно выяснить, остаются нерешенными ввиду отсутствия материала»⁶². По мнению Н. В. Пигулевской, наличие феодальных отношений в Иране подтверждается документами, датированными V в.

На основании работ советских исследователей можно сделать некоторые выводы об основных особенностях зарождения и развития феодализма в Иране: во-первых, вызревание новых феодальных производственных отношений в Иране имело место при наличии значительных пережитков родового строя, большой и мощной патриархальной семьи; во-вторых, для зарождения феодальных отношений были характерны как процесс освобождения рабов и выкупа их на волю, так и процесс разложения общины (соотношение этих процессов не выявлено из-за состояния источников); в-третьих, выявлено наличие не только государственной, но и частной феодальной собственности на землю (последняя отрицалась в буржуазной историографии). Исследователи отметили неразвитость и минимальность отработочной ренты. Особое внимание обращают на себя факты установления экстенсивных форм эксплуатации (издольщина, переплетение натуральной и денежной ренты).

Отмечены высокая централизация раннефеодального государства и гипертрофированный госаппарат. В Иране феодальные институты складывались постепенно, в процессе постепенного, очевидно, длительного по времени, превращения государства рабовладельческого типа в раннефеодальное⁶³. Причем феодализация иранского общества протекала в условиях относительно развитых денежных отношений и торговли при наличии развитых городов и не сопровождалась падением значения городов. В период Парфии и с приходом к власти Сасанидов, в особенности, отмечается градостроительство (Н. В. Пигулевская). Упразднение в III в. городов-полисов, городского самоуправления компенсировалось, очевидно, покровительством центральных властей купечеству, в руках которого концентрировалась земельная собственность. Это был слой новых собственников, нуждающихся в поддержке и покровительстве центральной власти; поэтому купечество активно поддерживало Сасанидов и их централизаторскую политику. В этой же связи надо рассматривать причину иной, чем в Западной Европе, социальной градации в городах Ирана, выявившейся уже в раннее средневековье — связь купечества

---

⁶² Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, стр. 45.

⁶³ СИЭ, т. 4. М., 1963, ст. 652; т. 15. М., 1974, ст. 26.

с классом феодалов, которая характерна для всего периода средневековья. Труды советских исследователей показывают специфику образования классов и социальной структуры иранского общества в переходный период (до восстания Маздака), когда в наличии были два класса отжившего рабовладельческого общества и два новых класса зарождавшегося феодализма, и, кроме того, существовали переходные формы рабства и свободные общины, а также своеобразная прослойка — азаты. Оказавшее в свое время влияние и на советскую историографию мнение А. Кристенсена о том, что сословно-кастовое деление, «в основных чертах построенное и завершённое первыми Сасанидами, оставалось таким же до конца эпохи»⁶⁴, представляется упрощением. Социально-экономическая эволюция сасанидского общества вызвала серьезные изменения и в области кастово-сословной организации и связанных с ней взглядов и представлений в период до V в. и особенно во время маздакитского движения и после его разгрома.

Следует отметить, что, как и в работах советских иранистов, в трудах известного чешского ираниста Отакара Климмы, опубликовавшего ряд монографий и статей по истории Ирана III—VII вв., маздакитское движение также рассматривается как крестьянское, связанное с началом феодализации⁶⁵.

Вопросы дальнейшего укрепления феодальных отношений в Иране с середины VII в. в условиях Арабского халифата в 30—40-е годы изучались в советской историографии главным образом в связи с разработкой этих проблем для истории Средней Азии, Азербайджана и отчасти Ирака А. Ю. Якубовским, А. А. Али-заде, А. А. Семеновым, И. П. Петрушевским и др.

В работах А. Ю. Якубовского⁶⁶, уделявшего основное внимание определению феодального института «икта», содержится развитие тезиса Бартольда и других востоковедов о складывании военно-ленной системы и перерастании на практике «икта» из своеобразного бенефиция в наследственный лен уже в XI в. На том основании, что этот вид условного пожалования появляется со времени Буидов и получает наиболее широкое распространение при Сельджукидах, факт установления военно-ленной системы рассматривается как критерий для вывода о складывании в XI в. развитого феодального общества. Попытка довести период раннего

⁶⁴ A. Christensen. *L'Iran sous les Sassanides*, P., 1944, p. 98; idem. *L'Empire des Sassanides*. 1907, p. 19.

⁶⁵ O t a k a r K l i m m a. *Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im sassanidischen Persien*. Praha, 1957; idem. *Manis Zeil und Leben*. Prague, 1962; его же. Маздакитское движение. — В кн.: *Сообщения чехословацких ориенталистов*. М., 1960.

⁶⁶ См. А. Ю. Якубовский. *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.* — *Материалы по истории Узб., Тадж. и Туркм. ССР*, ч. 1. Л., 1932, стр. 25—27; его же. *Махмуд Газневи*. — В сб.: *Фердовси. М.—Л., 1934, стр. 51 и др.*; его же. *Сельджукское движение и туркмены XI в.* — *«Известия АН СССР»*, 1937, № 4, стр. 921—946; *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1. Ташкент. 1955, стр. 259—261.

феодализма до X в., а начало развитых феодальных отношений считать с XI в.⁶⁷ нашла отражение в работах Б. Н. Заходера, А. А. Семенова и в главах «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века», написанных А. Ю. Якубовским, но с уточнением, что «развитое феодальное общество» существовало в период от начала X до начала XIII в.⁶⁸ Далее, делались попытки определить период развитого феодализма в Иране X—XV⁶⁹ или X—XVI вв.⁷⁰ Период с VIII в. по XV в. был определен как «период сложившихся феодальных отношений» в учебнике востоковедов МГУ «История стран Азии и Африки в средние века». Как видно, выделение периода «развитого феодализма» имеет связь, ставшую уже как бы традиционной, с фактом установления военной системы, но эта периодизация еще нуждается в многосторонних обоснованиях и прежде всего по линии изучения формирования всех форм феодального землевладения.

Наиболее убедительный анализ источников по проблемам государственной и частной («мульк») феодальной собственности на землю, а также детальный анализ существующих в зарубежной и советской историографии различных взглядов по этим проблемам сделан арабистом Л. И. Надирадзе⁷¹. Глубокое изучение не только историографии, но и источников позволило автору внести много нового в трактовку понятия «верховой собственности на землю». В халифате, по мнению Л. И. Надирадзе, функции государства как верховного собственника сводились к осуществлению политической власти в качестве суверена, но не единственного собственника земли. Факты продажи, дарения земли и передачи земли под покровительство частным феодалам не могли бы иметь места, если бы общинник-крестьянин на территории халифата был низведен до положения держателя государственной земли со времен арабских завоеваний. Хотя средневековые законодатели не различали категорий «мульков», он предлагает различать «феодаль-

---

⁶⁷ См. Б. Н. Заходер. Хорасан и образование государства Сельджуков. — «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 119—141; А. А. Семенов. К истории города Нисы в XII в. (по актам того времени). — Труды ЮТАКЭ, 1955, т. V, стр. 108—129.

⁶⁸ См. Н. В. Пигулевская и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, стр. 120.

⁶⁹ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, стр. 341, 360—361.

⁷⁰ См. И. П. Петрушевский. Изучение феодального общества Ирана в России и в СССР. — В сб.: История иранского государства и культуры к 2500-летию иранского государства. М., 1971, стр. 72 (в дальнейшем — И. П. Петрушевский. Изучение...).

⁷¹ См. Л. И. Надирадзе. Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII—VIII вв. — В сб.: Арабские страны. История. Экономика. М., 1970, стр. 151—203; его же. К вопросу о феодализме в завоеванных арабами странах. — В сб.: Современная историография стран зарубежного Востока. Роль традиционных институтов в историческом развитии народов Востока. М., 1975, стр. 32—64.

ную эксплуататорскую частную собственность» и «крестьянскую трудовую частную собственность». На основании тех же источников (в основном Ибн ал-Балхи), что у его оппонентов, автор убедительно показывает, что до появления «икта» в X в. в Фарсе все земли составляли «мульк».

Такие категории феодального землевладения XIII—XIV вв., как «инджу» и «икта», нашли освещение в работах А. А. Али-заде⁷².

Исследование А. М. Беленицкого выявило ошибочность мнения А. Ю. Якубовского, Б. Н. Заходера и первоначального мнения И. П. Петрушевского⁷³ о принадлежности «союргала» («сойургаль») к числу рано сложившихся институтов монгольских государств. Начало применения термина «сойургаль» для обозначения земельного пожалования было отнесено им к 40-м годам XIV в.⁷⁴ В трудах советских исследователей выяснение вопроса о сущности «икта» монгольского времени и (с 40-х годов XIV в.) сойургалья было связано с изучением проблемы зависимости крестьянина от феодала. Сойургаль был преобладающей формой господства привилегированной военно-кочевой части класса феодалов (разного этнического происхождения, преимущественно монголов) над иранским оседлым населением. Предоставление сойургального собственности налогового и судебно-административного иммунитета усилило зависимость крестьянина от владельца сойургалья. Наиболее серьезная и глубокая разработка всех этих социально-экономических проблем принадлежит И. П. Петрушевскому. Помимо статей⁷⁵ им опубликована монография «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.», в которой имеется подробный анализ состояния сельского хозяйства, в том числе орошения и агротехники, собраны сведения о культурных растениях этой эпохи. Автор подробно исследует все категории феодального землевладения и пожалований и их эволюцию в период монгольского владычества в Иране (земли аразийэ дивани, инджу, халисат,

⁷² См. А. А. Али-заде. Земельная политика ильханов в Азербайджане (XIII—XIV вв.). — «Труды Ин-та истории АН АзССР», т. 1, Баку, 1947, стр. 5—23; его же. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при ильханах. — Сб. статей по истории Азербайджана, вып. 1, Баку, 1949; его же. К вопросу о положении крестьян в Азербайджане. — «Труды Ин-та истории АН АзССР», т. III, Баку, 1953; его же. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 185—257.

⁷³ См. И. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. — «Известия АН СССР», 1937, № 4, стр. 879—920.

⁷⁴ См. А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху. — «Советское востоковедение», 1948, т. V, стр. 111—128; его же. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху. (Образование института «суургал»). — «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 43—58.

⁷⁵ См. И. П. Петрушевский. К истории института сойургала. — «Советское востоковедение», 1949, т. VI, стр. 227—246. Подробнее см.: Библиография Ирана. Литература на русском языке (1917—1965 гг.). Сост. А. К. Сверчевская. Под ред. Н. А. Кузнецовой. М., 1967.

вакф, мульк, икта, сойургаль, юрт, идрар и мукассэ и др.), анализирует формы феодальной ренты и налоги, уделяя особое внимание реформам Газан-хана, а также антифеодальным выступлениям крестьян и народно-освободительным движениям в Иране. Многолетние исследования автора по проблеме закрепощения крестьян привели его к выводу, что прикрепление иранских крестьян к земле и запрещение права перехода были установлены лишь в результате монгольского завоевания. Советские востоковеды (И. П. Петрушевский, А. М. Беленицкий, Л. И. Надирадзе и др.)⁷⁶ отказались от первоначальных определений и предположений, имеющих в работах А. Ю. Якубовского, а вслед за ним и у других авторов (А. А. Али-заде, Б. Н. Заходер)⁷⁷, что феодальная зависимость крестьян в халифате принимала форму закрепощения (по мнению Якубовского и Заходера, к XI в.). Установлено, что формы внеэкономического принуждения существенно отличались от крепостничества в России и Грузии. «Со времен поздних Сасанидов, — пишет И. П. Петрушевский, — феодальная зависимость крестьян не имела формы крепостничества»⁷⁸. С появлением статьи Л. И. Надирадзе, проанализировавшего противоречия в историографии по этому вопросу, и статьи О. Г. Большакова, доказавшего, что применение так называемых «печатей», одеваемых на шею, означало как бы выдачу квитанций за уплату джизии и не имело ничего общего с закрепощением, отсутствие закрепощения крестьян в халифате установлено в советской историографии. Акт юридического прикрепления крестьян к земле при Хулагидах («Указ Газан-хана о раздаче икта монгольскому войску») является единственным в истории Ирана до середины XVII в., что также является одной из особенностей феодализма в Иране.

Выделение в советской историографии особого периода позднего средневековья для Ирана (XVI — первая половина XVII в.)⁷⁹ связано с общей периодизацией всемирно-исторического процесса и необходимостью учета такого фактора, как появление первых капиталистических государств Европы и начало колониальной экспансии. В трактовку экономических и политических предпосылок образования государства кызылбашей внесли ряд новых моментов статьи Н. Д. Миклухо-Маклая и др.⁸⁰. Проблемы развития

---

⁷⁶ История стран Азии и Африки в середине века. М., 1968, стр. 84—96, 294—309, 429—443.

⁷⁷ См. А. А. Али-заде. К вопросу об институте «икта» при Ильханах, стр. 132; его же. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., стр. 80; Б. Н. Заходер. История..., стр. 76, 93.

⁷⁸ И. П. Петрушевский. Изучение..., стр. 75.

⁷⁹ История стран Азии и Африки в средние века, стр. 429—443.

⁸⁰ См. П. И. Петров. Данные источников о составе воинских контингентов Исмаила I. (К истории государства Сефевидов XV в.). — НАА, 1964, № 3; Н. Д. Миклухо-Маклай. Шинизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV—XVI вв. — В сб.: Памяти акад. И. Ю. Крачковского. Л., 1958.

феодализма в эволюции форм феодального землевладения в XVI—XVII вв. привлекли внимание ряда исследователей, но основными являются труды И. П. Петрушевского и прежде всего «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV — начале XIX в.»⁸¹, где значительная часть материалов исследования непосредственно относится к Ирану. Проследившая дальнейшее развитие феодальной собственности на землю в тот период, И. П. Петрушевский исследовал сущность тиюльного пожалования и тенденцию его к эволюции в частную собственность. Наибольшую трудность вызвала модификация условного пожалования этого периода. Тщательные исследования П. И. Петрова способствовали, например, уточнению таких терминов, как «тиюль», «улька», ранее ошибочно отнесенных к феодальному землевладению, а также термина «кабала»⁸². Проблема налогообложения специально исследовалась Н. Д. Миклухо-Маклаем⁸³.

Трудами советских исследователей выявлены важнейшие черты, характеризующие феодальные общества Ирана. Выявляя специфику иранского средневекового общества, советские исследователи стремятся показать эволюцию государственной феодальной собственности на землю и частной земельной собственности во всех ее формах, как крупной феодальной (светской и духовной), так и мелкокрестьянской. Сосуществование земледелия с кочевым скотоводством определило специфическую структуру господствующего класса феодалов в Иране. Заметно выделяется период (с середины XI в. до начала XVII в., до реформ шаха Аббаса I), когда господствующее положение среди других прослоек класса феодалов занимала военно-кочевая знать, наложившая отпечаток и на характер государственности. Установлено, что специфической чертой феодализма в Иране, как и в Средней Азии и Азербайджане, являлось сложение крупного феодального землевладения при сохранении мелкого крестьянского землепользования, отсутствие барщинного хозяйства и барщины. Издольщина была основной формой эксплуатации крестьян, и издольная аренда получила распространение как на землях феодального государства и вакфов, так и на землях частновладельческих и пожалованных. Развитие феодализма происходило в условиях непрекращающейся антифеодальной и освободительной борьбы эксплуатируемых масс.

---

⁸¹ См. И. П. Петрушевский. Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в. — «Труды Ин-та истории АН АзССР», 1947, т. I, стр. 24—41; его же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, стр. 145—247.

⁸² См. П. И. Петров. О значении некоторых настоящих и мнимых терминов. — НАА, 1964, № 5, стр. 99—102; его же. К вопросу о термине кабала. — НАА, 1965, № 1, стр. 113—115.

⁸³ См. Н. Д. Миклухо-Маклай. К вопросу о налоговой политике в Иране при шахе Аббасе I. — «Советское востоковедение», 1949, т. VI, стр. 348—355.

Разработка вопроса об исторической роли народных движений в средневековом Иране является значительным вкладом советских востоковедов в мировое востоковедение. Исследования Н. В. Пигулевской, И. П. Петрушевского, Е. А. Беляева, Л. В. Строевой, Н. Д. Миклухо-Маклая, А. Е. Бертельса, Т. Кадыровой и других иранистов⁸⁴ выявили большой фактический материал, позволяющий восстановить историю антифеодальной борьбы во всех ее формах и проявлениях, как активных, так и пассивных, в виде открытых ересей, мистицизма и вооруженной борьбы народных масс. Значительная источниковедческая работа советских иранистов и анализ проблем феодальных аграрных отношений позволяют по-новому оценить причинно-следственные связи богатой событиями политической истории Ирана⁸⁵.

---

⁸⁴ Ниже указываем лишь некоторые из этих трудов, которые еще не упоминались в данной статье: Е. А. Беляев. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965; его же. Мусульманское сектантство. М., 1957, стр. 47—80; А. Е. Бертельс. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959; Т. Кадырова. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане в VIII — нач. IX в. Ташкент, 1965; Л. В. Строева. Восстание исмаилитов в Иране на грани XI—XII вв. — В сб.: Исследования по истории стран Востока. Л., 1964; И. П. Петрушевский. К истории маздакитов в эпоху господства ислама. — НАА, 1970, № 5, стр. 70—81.

⁸⁵ А. Г. Периханян. Сасанидский судебник. Книга тысячи судебных решений. *Mātakdān ī hazār dātastān*. Ереван, 1973.

Ф. М. АЦАМБА, Л. И. НАДИРАДЗЕ

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА В АРАБСКОМ ХАЛИФАТЕ

Проблема генезиса феодализма. Вопросы общественно-экономического строя халифата стали предметом изучения в буржуазной историографии с 20-х годов XIX в; однако проблемы зарождения, развития и сущности феодализма не ставились до начала XX в.

Большинство буржуазных историков не признает существования феодализма в странах Востока, считая, что феодализм, как технический термин, возникший в XVIII в., обозначает только институты средневековой Западной Европы, а не других стран и других эпох¹.

Часть буржуазных историков, признавая факт существования «восточного феодализма», представляет его как определенную, характерную только для Востока, бюрократическую систему.

Феодализм в таком понимании уже существовал в странах древнего Востока, в частности: в Египте², Урарту³, Ассирио-Вавилонии⁴. Они отрицали тем самым рабовладельческий характер этих государств.

Советская историография связывает генезис феодализма в странах Востока, в том числе в странах, вошедших в состав халифата, с кризисом рабовладельческого способа производства или с процессом разложения общинного строя там, где рабство не стало господствующим способом производства и существовало как уклад.

Сирия, Северная Месопотамия, Египет и часть Северной Африки до арабского завоевания входили в состав Восточноримской, или Византийской империи. В советской историографии всеми признан факт зарождения в недрах рабовладельческого общества

---

¹ Feudalism in History, ed. by Rushton Coulborn. Princeton University Press, 1956, p. 3.

² J. Piranne. La Feodalité en Egypte. — Revue de l'institut de sociologie, 1936, vol. XVI, p. 24.

³ W. Adontz. Histoire d'Armenie: Les origines. P., 1946, p. 215.

⁴ H. Pfeifer. On Babilonian-Assirian Feudalism. — «American Journal of semitic Languages and Literatures», 1936, vol. 39, p. 67.

Римской империи элементов нового феодального способа производства и качественного изменения ее общественно-экономического строя. Но по вопросам датировки этого процесса идет дискуссия. Одни исследователи полагают, что на территории Римской империи «с начала IV в. уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации, о классах рабов и рабовладельцев, как об основных, определяющих классах»⁵.

Эту концепцию разделяет и Е. Э. Липшиц, однако переход к феодальным производственным отношениям в восточных провинциях Римской империи, по ее мнению, имел и свою специфику⁶.

Большинство историков-византистов считают периодом падения рабовладельческого строя на территории Византии рубеж VI—VII в., не отрицая при этом развития элементов феодализма в предшествующую эпоху в недрах рабовладельческого общества. По их мнению, с первой половины VII в. Византия вступила в стадию раннего феодализма⁷. Датируя победу феодального способа производства первой половиной VII в., сторонники указанной концепции считают, что в это время феодальный экономический базис получает и соответствующую политическую организацию⁸.

Таким образом, несмотря на различную датировку начала феодализма, они единодушны в том, что ко времени арабских завоеваний большинство африканских и азиатских провинций Византийской империи переживало эпоху раннего феодализма⁹.

---

⁵ Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя. — ВДИ, 1953, № 2, стр. 79.

⁶ По мнению Е. Э. Липшиц, в восточных провинциях Римской империи «уже до IV столетия, еще в недрах античного рабовладельческого общества, развивались элементы возникающих феодальных форм эксплуатации, феодальных форм производственных отношений» (Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. — ВДИ, 1955, № 4, стр. 64). В противоположность западным провинциям Римской империи «государственная машина в Византии не была сломлена, а была лишь перестроена в III—IV вв. и в таком виде без дальнейших коренных изменений впоследствии просуществовала вплоть до самого конца жизни византийского государства» (Там же, стр. 63).

⁷ Всемирная история, т. III. М., 1957, стр. 84. См. также З. В. Удалцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — «Вопросы истории», 1958, № 10; М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. — «Вопросы истории», 1959, № 3; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — «Вопросы истории», 1960, № 10.

⁸ Всемирная история, т. III, стр. 90.

⁹ О зарождении феодального способа производства на территории Египта до завоевания его арабами см.: М. В. Левченко. История Византии. М., 1940; А. Т. Ранович. Колонат в Римском законодательстве I—V вв. — ВДИ, 1951, № 1. О распаде рабовладельческого общества, зарождении и развитии феодализма на территории Ближнего Востока до арабского завоевания см. в работах: Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. — «Вестн. Ленин. ун-та», 1948, № 4; ее же. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке. — «Вопросы истории», 1950, № 4; ее же. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем

По мнению историков, генезис феодализма на территории Восточной Римской империи был результатом кризиса рабовладельческого строя. Однако в восточных провинциях Римской империи, как и во многих других государствах Востока, с точки зрения большинства советских историков, рабство не достигло той высокой степени развития и распространения, какой оно достигло в ее западных провинциях.

При этом заслуживает внимания точка зрения А. Г. Бокщанина, согласно которой ко времени завоевания Римом восточных провинций рабство в этих провинциях, как система, уже изживало себя¹⁰.

Большинство советских историков связывает генезис феодализма в Иране с кризисом рабовладельческого способа производства. К тому времени, когда государство Сасанидов пало под ударами войск Арабского халифата, страна была на стадии раннего феодализма, сохраняя пережитки рабства¹¹.

Ко времени арабского завоевания эпоху раннего феодализма переживали и страны Закавказья: Армения, Грузия, Албания, Атропатена, Средняя Азия¹², Испания¹³.

Каковы результаты влияния арабских завоеваний на процесс дальнейшего развития феодального способа производства в странах, вошедших в состав халифата и переживавших эпоху раннего феодализма?

Ответ на поставленный вопрос стоит в прямой связи с характером общественного строя арабов до предпринятых ими завоеваний соседних стран.

Между советскими историками-востоковедами существует единство мнений в том, что государство и ислам как государственная религия у арабов возникли в результате разложения первобытно-общинного строя и образования классового общества. Историки-востоковеды приходят к различным мнениям по вопросу о характере этого классового общества, его идеологии — ислама.

А. Ю. Якубовский одно время полагал, что арабы до начала внешних завоеваний представляли собой классовое общество,

---

Востоке. — «Вопросы истории», 1953, № 31; ее же. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. — «Уч. зап. Института востоковедения», 1958, т. XVI.

¹⁰ См. А. Г. Бокщанин. К вопросу о проблеме падения античной рабовладельческой формации. — «Преподавание истории в школе», 1952, № 5, стр. 30.

¹¹ См. Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958, стр. 34 (в дальнейшем — История Ирана...); М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 230; В. Н. Габашвили. Проблема генезиса восточного феодализма. — «Вопросы истории Ближнего Востока» (на груз. языке). Тбилиси, 1963, стр. 203, 214, 217.

¹² Всемирная история, т. III, стр. 132.

¹³ См. А. Р. Корсунский. Готская Испания. (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969, стр. 262—298.

«в котором наряду с рабовладельческим укладом уже зарождались первые признаки феодальной эксплуатации, хотя основная масса бедуинов (арабов-кочевников) еще оставалась свободной»¹⁴.

Феодальный способ производства у арабов таким образом не был ведущим до начала внешних завоеваний. Он, по мнению А. Ю. Якубовского, не стал таковым и к концу первого этапа внешних завоеваний, в результате которых в состав халифата были включены Иран, Сирия, Палестина, Месопотамия, Египет, Ирак и страны Закавказья. Арабы, как и до того, представляли «классовое общество дофеодального типа»¹⁵.

В коллективном труде советских историков-иранистов — «Истории Ирана с древнейших времен до конца XVIII века» А. Ю. Якубовский развил точку зрения, согласно которой у арабов «до начала их завоеваний еще не было зачатков феодализма. В Аравии начали складываться рабовладельческие отношения, которые развились бы в господствующий способ производства, если бы Аравия могла развиваться изолированно от соседних стран, экономически и культурно гораздо более развитых»¹⁶.

Точку зрения о развитии рабовладельческих отношений у арабов до начала внешних завоеваний разделяет и часть историков-арабистов. Согласно исследованиям Е. А. Беляева, ислам в Аравии возник как «новая идеология, отразившая существенные изменения в арабском обществе, а именно: имущественное неравенство, рабство и развитие обмена. Появление новой идеологии было вызвано образованием рабовладельческого уклада в разлагающемся первобытнообщинном строе»¹⁷.

Генезис феодального способа производства у арабов, по мнению А. Ю. Якубовского, был результатом не внутренних, а исключительно внешних факторов — завоеваний ими соседних стран. Только «в связи с большими завоеваниями VII — начала VIII вв. Аравия и арабы были втянуты в общий процесс феодализации, уже происходивший в подвергшихся арабскому завоеванию странах Ближнего и Среднего Востока, и рабство у арабов осталось лишь как пережиточный уклад»¹⁸.

Н. А. Смирнов в противоположность утверждениям упомянутых историков рассматривал ислам, монотеистическую религию, возникшую у арабов до начала завоеваний соседних стран, как идеологию раннефеодального общества¹⁹.

¹⁴ К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950, стр. 153 (в дальнейшем — История народов Узбекистана); История Узбекской ССР, т. I. Ташкент, 1955, стр. 134.

¹⁵ История народов Узбекистана, т. I. стр. 154.

¹⁶ История Ирана..., стр. 84.

¹⁷ Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, стр. 127 (в дальнейшем — Е. А. Беляев. Арабы...).

¹⁸ История Ирана..., стр. 84.

¹⁹ См. Н. А. Смирнов. Программа-конспект по исламу. М., 1931; его же. Очерки изучения ислама в СССР. М., 1954.

Такая же точка зрения о характере общественного строя арабов до начала внешних завоеваний развита в изданных коллективном историков-востоковедов МГУ учебниках: «Истории стран зарубежного Востока в средние века» (М., 1957) и «Истории стран Азии и Африки в средние века» (М., 1968).

Ф. М. Ацамба, один из авторов учебника «Истории стран Азии и Африки в средние века», считает государство арабов еще до предпринятых им внешних завоеваний раннефеодальным, образованным в результате кризиса рабовладельческих отношений на территории Аравии, разложения первобытнообщинного строя, возникновения классовых противоречий у кочевых племен и необходимости противостоять внешним завоеваниям²⁰.

Анализ нарративных источников позволил А. Г. Лундину прийти к выводу о том, что в государстве Химьяритов VI в. рабство было распространено и играло известную роль в хозяйстве страны. Но «в земледелии — основной отрасли хозяйства Южной Аравии — рабский труд играл подчиненную роль по сравнению с трудом свободных общинников». Даже в имениях знати, по мнению А. Г. Лундина, «рабы применялись только наряду со свободными земледельцами, несшими основную тяжесть работ»²¹, и не было хозяйств, основанных исключительно на рабском труде²².

Подметив изменения социального строя Южной Аравии VI в., автор совершенно определенно утверждает о «возникновении там феодального уклада»²³.

Об этом свидетельствует и тот факт, что в жизни Южной Аравии в эту эпоху старая родо-племенная знать (кабиры) играла уже незначительную роль. На смену кабирам пришла новая знать (кайлы) и «военачальники», в зависимость от которой попадала свободная община.

Таким образом, к началу VII в. рабство, просуществовав в Южной Аравии тысячу с лишним лет, уже изжило себя. Хотя источники и упоминают рабов, но рабский труд не был «в этот период основой экономического строя»²⁴.

В 1960 г. в сборнике «Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока» была напечатана статья Л. И. Надирадзе «К вопросу о рабстве в Аравии в VII веке»²⁵.

Хронологическая статья охватывает период от создания первого арабского мусульманского государства до образования халифата и начала внешних завоеваний, территориально — Хиджаз, область, ставшую родиной ислама и этого государства.

²⁰ История стран Азии и Африки в средние века, стр. 102.

²¹ Палестинский сборник, вып. 8/71. Л., 1961 (в дальнейшем — Южная Аравия), стр. 96.

²² Там же, стр. 129.

²³ Южная Аравия, стр. 96.

²⁴ Там же, стр. 108, 129, 130, 133.

²⁵ Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока. М., 1960.

Автор статьи при определении сущности общественного строя арабов накануне предпринятых ими внешних завоеваний исходит из того положения, что для рабовладельческих государств война была важнейшим средством пополнения посредством прямого физического принуждения основной производительной силы рабовладельческого способа производства — рабов.

По признанию всех советских историков, война для молодого государства арабов стала одной из его главных функций.

Но в войнах, направленных против арабских языческих племен полуострова, по утверждению Л. И. Надирадзе, государство видело не средство захвата рабов, а средство подчинения этих племен политической власти мусульманского государства и принуждения их к уплате государственных налогов.

Арабов-язычников, взятых в плен, победители, исходя из этой политики, превращали не в рабов, а освобождали за выкуп, в редких случаях — подвергали умерщвлению. Государство арабов вело войну и против христианского и иудейского населения полуострова. Политика государства-завоевателя по отношению к этой части населения Аравии не имела ничего общего с политикой рабовладельческого государства.

В недрах первого мусульманского общеарабского государства, по мнению автора, рабский труд не получил распространения ни в кочевом хозяйстве, ни в земледелии, не являясь основной тенденцией общественно-экономического развития.

Л. И. Надирадзе, не считая государство арабов до начала внешних завоеваний рабовладельческим, не дает и прямого позитивного ответа на вопрос о характере социально-экономического строя этого государства. Позже, затронув этот вопрос в другой работе, он определенно высказался о феодальном характере государства арабов на той стадии развития, когда феодальный способ производства, как прогрессирующий, породив соответствующую политическую организацию, существует в условиях сильных пережитков первобытнообщинного строя и сравнительно малоразвитого рабовладельческого уклада²⁶.

Проблема института «икта». Проблемы общественно-экономического строя халифата после арабских завоеваний поставлены в работах буржуазных историков-востоковедов А. Кремера²⁷, Ю. Вельхаузена²⁸, Н. Е. Торнау²⁹, Л. Каэтани³⁰, А. Ламменса³¹,

²⁶ См. Л. И. Надирадзе. Вопросы общественно-экономического строя государства арабов и халифата VII—VIII вв. в советской историографии. — В сб.: Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока. (Историографические очерки). М., 1969 (в дальнейшем — Л. И. Надирадзе. Вопросы...).

²⁷ Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Bd. I—II. Wien, 1875—1877.

²⁸ Das arabische Reich und Sein Sturz. Berlin, 1902.

²⁹ О праве собственности по мусульманскому законодательству. СПб., 1882.

³⁰ Annali dell'Islam, vol. I—VI. Milano, 1905—1913.

³¹ Etudes sur la siècle des Omayyades. Beirouth, 1930. Etudes sur la régne du calife Moawia I. P., 1930.

А. Меца³², Макса Ван Бершема³³ и др. Ключевую позицию среди этих проблем занимает проблема института «икта», поставленная в работах востоковедов прошлого века Сильвестра да Саси³⁴, Вормса³⁵ и др.

В результате ввода в научный оборот новых арабоязычных источников эти работы, большая часть которых основана на юридических источниках и абстрактных схемах арабских правоведов без учета места и времени, устарели и потеряли значимость и для буржуазной историографии XX в.³⁶

Новый этап исторического подхода к проблемам социально-экономической истории халифата, в частности, Египта, открыли работы К. Беккера. Автор с позиций идеализма противопоставляет, подобно многим буржуазным историкам, пути исторического развития Востока и Запада. К. Беккер посвятил проблеме «икта» специальную статью, опубликованную в 1914 г.³⁷

В основе хозяйственной системы икта — явления, по утверждению К. Беккера, существующего параллельно военно-ленному землевладению на Западе, — лежала система откупов налога, унаследованная халифатом от античного мира. К. Беккер считал, что институт «икта» как военно-ленная система — результат дальнейшего развития системы откупов³⁸.

На завоеванных арабами территориях Византии и Ирана завоеватели на первых порах сохранили весь управленческий аппарат этих государств без изменения. На крупных земельных собственников местного происхождения государство возложило ответственность за сбор налогов как с них самих, так и с колонов, живших в деревенских общинах.

С переходом власти непосредственно к арабам, детали и хронология которого не ясны, вся власть в провинциях была сосредоточена в руках военного эмира и независимого от него амила, ведавшего финансовыми делами, в первую очередь сбором налогов. Последний, как правило, выступал и откупщиком хараджа, т. е. доходов с вверенной ему провинции.

---

³² Die Renaissance des Islams. Heidelberg, 1922. Русск. перевод. Мусульманский ренессанс. М., 1966.

³³ La propriété territoriale et l'Impot foncier sous les premiers Califes. Geneve, 1886.

³⁴ Sur la nature et les révolutions du droit de Propriété en Egypte. — «Bibliothèque des arabisants français». Le Caire, 1923.

³⁵ Recherches sur la constitution de la propriété dans les pays musulmans... — «Journal asiatique», 1842—1843.

³⁶ Часть выводов и наблюдений Сильвестра де Саси, работа которого учитывалась буржуазными авторами первой половины XX в., в частности, К. Беккером, не утратили своего значения и в наши дни.

³⁷ Steuerpacht und Lehnwesen in den moslemischen Staaten — Islamstudien, Bd I. Leipzig, 1924 (в дальнейшем — Беккер).

³⁸ Беккер, стр. 235, 246.

Такая обстановка существовала уже при первых Аббасидах, сохранявших власть на местах благодаря строгому разграничению политического и финансового управления.

Но существовала тенденция к сосредоточению в руках эмиров административной и финансовой власти. Начало падения авторитета Багдада и соединения этих двух функций в руках эмиров привело к образованию самостоятельных государств и распаду халифата.

По мнению К. Беккера, этот процесс можно рассматривать как процесс распространения ленной системы. Действительно, арабские источники применяют для обозначения этой системы термин «икта», хотя иногда употребляют и термин такаббул — откуп.

Институт «икта»-откупа развивался и внутри возникших таким путем самостоятельных наместничеств, очевидно, по тому же принципу, но в других условиях. Именно тут имеется точка соприкосновения, по мнению К. Беккера, с системой феодалов Запада³⁹.

Но халифат, со слов К. Беккера, от античного мира унаследовал и другой институт, находящийся во взаимной связи с институтом откупа.

Представители арабской верхушки рано стали владельцами крупных земельных участков, обозначаемых термином «кати'а» (мн. число «катаи'»).

Эти земли по своему первоначальному юридическому статусу были очень близки к эмфитевзисам римско-византийского мира. На практике их воспринимали как собственность, так как земли кати'а их владельцы не только передавали по наследству, но и продавали, хотя юридическая теория признавала только их наследственность. Земля давалась также пожизненно и на короткий срок. Этот вид раздачи земель также называли термином икта.

Вся остальная земля после арабского завоевания была оставлена прежним владельцам, представленным сельскими общинами, облагаемыми в пользу государства совокупным налогом — харадж.

Государство сдавало на откуп доход не только с целой провинции, но и налог с каждой из этих сельских общин или административного округа. Откупщики налога — мутакаббили и владельцы земли — мукта были очень близки друг другу, ибо не существовало различий между откупщиком налога, который мог собирать этот налог силой, и частным лицом, отвечающим перед государством за сбор налога с земель, полученных им в срочную или наследственную аренду. Настоящими плательщиками в обоих случаях были колонны, аккары и феллахи, а откупщик и мукта стояли между крестьянином и государством.

Если высший чиновник владел хорошим земельным наделом на правах эмфитевтической аренды, то он стремился получить так-

³⁹ Беккер, стр. 235—238.

же право собирания налогов с данного округа. Владения его постепенно росли и области откупа и наследственной аренды сливались⁴⁰.

По мнению К. Беккера, этот процесс можно сравнить с процессом слияния аллодиального и ленного владения на Западе. А откуп и наследственную аренду земли типа эфмфитевзиса можно было бы принять за бенефиции Запада. Но для их тождества на территории халифата не было характерных для западных стран вассалитета и присяги вассальной зависимости, в сочетании с бенефициями создающих феодализм. Мукта и откупщик не были обязаны нести и военную службу, обязательную для западного феодального землевладения.

Военная служба в халифате стала обязательной как результат последующего проникновения военных, благодаря злоупотреблениям, в уже существующую систему бенефиция.

Начало этого процесса К. Беккер связывает с заменой, начиная с правления халифа Му'тасима (833—842), ставших непригодными к военным предприятиям арабских племен наемными войсками, укомплектованными преимущественно из тюркских рабов, с процессом усиления роли военного элемента в политической и экономической жизни страны, приводящим к анархии и упадку экономики.

К. Беккер считает, что в империи Сельджуков великий везир Низам ал-Мулк возвел злоупотребления в закон. Была ликвидирована система денежного жалованья войскам, выплачиваемая из государственной казны. Военачальники и воины при новой системе имели право, со слов К. Беккера, не только на предпринимательскую прибыль, как было до сих пор, пока они выступали в качестве откупщиков, но и на налог, при условии нести за это военную службу⁴¹.

Новшество, инициатива которого, следовательно, принадлежала Низам ал-Мулку, стало примером для всего мусульманского мира.

Военно-ленная система на Западе, как считает К. Беккер, в основном была результатом решения проблемы вооружения в условиях господства натурального хозяйства. По его утверждению, совершенно иначе обстояло дело на Востоке. Халифат продолжал традиции уходящего античного мира. Экономической основой государств Омейядов и Аббасидов было денежное хозяйство. Конечно, в халифате не было чисто денежного хозяйства, как и в странах Запада не было чисто натурального хозяйства, но в первом денежное хозяйство преобладало над натуральным⁴².

Таким образом, система военно-ленного землевладения на Востоке и на Западе, по заключению К. Беккера, развивается из

⁴⁰ Беккер, стр. 238—239, 240.

⁴¹ Там же, стр. 242—243.

⁴² Там же, стр. 235.

совершенно различных идейных предпосылок и хозяйственных условий. Хотя историческая необходимость привела к аналогичным явлениям, но сходство между ними было только внешнего порядка; об этом говорит история их возникновения.

Основная причина совершенно различного решения аграрной проблемы на Востоке и Западе, с точки зрения К. Беккера, лежала не столько в различии их экономических и политических условий, сколько в расово-психологических факторах.

В 20-х годах XX в. буржуазная историография по проблемам института «икта» не дала ни одной крупной работы, кроме статьи М. С. Собернхейма, напечатанной в 1925 г. в «Энциклопедии ислама»⁴³. Статья имеет обзорный характер и важна с точки зрения состояния проблемы института «икта» в буржуазной историографии 20-х годов.

Работы современного буржуазного историка А. Поляка, большинство которых опубликовано в 30—40-х годах⁴⁴, хотя и сохраняют важность по многим частным выводам, но, как правило, хронологически затрагивают период после распада халифата и завоевания Багдада монголами.

В своих работах А. Поляк развивает взгляд о феодализме как сочетании крупного землевладения с политической властью феодала над подданными при наличии нерархической структуры и вассальных отношений между отдельными звеньями феодального класса, подчеркивая при этом специфику восточного вассалитета и этническую принадлежность господствующего класса.

А. Поляк не принял точку зрения К. Беккера об ограничении фонда раннего икта только мертвыми, требующими обработки (оживления, по терминологии арабских авторов) землями⁴⁵.

Дело в том, что эта самая черта сближает икта с эмфитевтической арендой. К. Беккер, видевший в халифате наследника античного аграрного строя, поверил арабским законоведам, подчеркивающим упомянутую черту ранних икта, за что его справедливо упрекает А. Поляк, по словам которого, К. Беккер не дошел до полного понимания природы икта, приняв на веру идею ученых факихов⁴⁶.

Не принял А. Поляк и вывода К. Беккера, сводившего разницу между западным и восточным феодализмом к преобладанию в халифате денежного хозяйства.

А. Поляк, в поисках этого различия между западным и восточ-

---

⁴³ *Zyzyklopaedie des Islam*, Bd. II. Leiden—Leipzig, 1939, S. 491—493.

⁴⁴ *Le caractère colonial de l'Etat mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or*. *Revue des études Islamiques*. P., 1935; *La féodalité Islamique*. *Revue des études Islamiques*. Paris, 1936 (в дальнейшем — Поляк. Феодализм); *Some notes on the feudal system of the mamluks*. *Journal of Royal Asiatic Society*. L., 1932; *Feudalism in Egypt, Syria, Palestine and the Lebanon (1250—1900)*. L., 1939.

⁴⁵ *Islamstudien*, Bd. I. Leipzig, 1924, S. 218—233.

⁴⁶ Поляк. Феодализм, стр. 253.

ным феодализмом, выдвинул свою точку зрения, согласно которой отличительная черта восточного икта от западного феода состоит в том, что владельцы первого преимущественно жили в городах, не вели собственного хозяйства и были урбанизированы, владельцы второго жили в сельской местности, в своих феодах и вели свое хозяйство⁴⁷. Зарубежная историография к этой точке зрения отнеслась критически⁴⁸.

А. Поляк оспаривает также точку зрения тех буржуазных историков, по утверждению которых феодальная иерархия и личная зависимость между феодалами — специфика западного феодализма⁴⁹.

На Востоке, по его утверждению, вассалитет существовал, но его специфика по сравнению с западным состоит в том, что вассалы на Востоке официально получали икта, как правило, от центральной власти, а не от сеньоров⁵⁰.

А. Поляк, таким образом, идентифицировал пути развития Запада и Востока, рассматривая восточный феодализм через призму западного; субъективизм его воззрений отмечали его оппоненты.

С 50-х годов проблема икта снова была поставлена в буржуазной историографии в работе Ф. Локкегарда⁵¹, а вслед за ним в 1953 г. в работе А. К. Лембтон⁵². В 1960 г. она посвятила этой же проблеме отдельную статью⁵³. Большой вклад в разработку проблемы икта внес французский социолог и востоковед К. Каэн, который подходит к этим проблемам с точки зрения исторической эволюции института «икта», учитывая место его существования⁵⁴.

Институт «икта», по мнению Ф. Локкегарда, восходит ко времени самого основателя арабо-мусульманского государства — Мухаммада⁵⁵. Икта как термин с его точки зрения, первоначально озна-

⁴⁷ Поляк. Феодализм, стр. 251.

⁴⁸ Kl. Cahen. L'évolution de l'Iqta du IXe au XIIIe siècle: Contribution à une histoire comparée des sociétés médievales. — «Annales (Economies, Sociétés, Civilisation)», 8e année, 1953, N 1 (в дальнейшем — Каэн).

⁴⁹ Encyclopaedia of the Social Sciences, vol. VI. N.Y., 1931, p. 1210.

⁵⁰ Поляк. Феодализм, стр. 260.

⁵¹ F. Lakkegaard. Islamic taxation in the classic period Copenhagen, 1950 (в дальнейшем — Локкегард).

⁵² Landlord and Peasant in Persia. L. 1953 (в дальнейшем — Лембтон. Landlord).

⁵³ Reflexions on the Iqta. Arabic and Islamic Studies in honour of H. A. R. Gibb. London, 1960 (в дальнейшем — Лембтон).

⁵⁴ Проблему икта К. Каэн исследует в двух специальных статьях: «L'évolution de l'Iqta du IXe au XIIIe Siècle» и «Iqta». The Encyclopedia of Islam. New edition. Leiden—London, 1966, p. 1089—1090. Эту проблему наряду с другими вопросами западного и восточного феодализма он затрагивает и в статье «Au Seuil de la troisième année: Reflexions sur l'usage du mot «Feudalité» A propos d'un livre récent». — «Journal of the economic and social history of the Orient», 1960, vol. 3, p. 2—20 (в дальнейшем — Каэн. Reflexions).

⁵⁵ Локкегард, стр. 14.

чал акт дарения или наделения земельным участком — кати'а⁵⁶.

Владельцы икта на первых порах за полученную ими землю не несли никаких других обязательств, кроме обязательства любого мусульманина платить закат. При первых Омейядах, по предположению Ф. Локкегарда, к этому обязательству было добавлено обязательство обработки полученной земли в трехлетний срок со дня ее получения. Институт «икта», со слов автора, возник в обществе оазисов как акт дарения земли со стороны правительства, в котором первенствующая роль играла финансовая олигархия больших семейств. Впоследствии, после завоевания арабами соседних стран, этот институт включал несколько форм наделения землей, возникших при наличии определенных условий централизованного государства, эллинистической системы откупа налогов и иранской концепции на землю подданных, в конечной инстанции принадлежащую государству⁵⁷.

Кл. Каэн считает, что термин икта сравнительно позднего происхождения. Для обозначения земельного участка, получаемого частными лицами мусульманского вероисповедания от государства на правах квазисобственности при условии его обязательной обработки, первоначально употребляли термин кати'а⁵⁸. Не отрицая возможности существования этого института уже при Мухаммаде. Кл. Каэн считает, что на территории Ирака, завоеванного арабскими войсками, его принципы были заложены халифом Умаром⁵⁹ (634—644).

Некоторая часть завоеванной арабами земли, — собственники которой погибли или бежали, земли византийских императоров и иранских шахиншахов, а также те, которые не были объектом частного или коллективного присвоения, — была унаследована непосредственно мусульманской общиной. Она вошла в фонд, из которого государство раздавало кати'а частным лицам и племенным группам с правом распоряжения ими — наследования, купли и продажи, но при условии обложения налогом ушр и обязательной обработки.

До начала X в. кати'а или вошедший в обиход к этому времени заменяющий его термин икта⁶⁰, с точки зрения упомянутых авторов, не имел никаких феодальных черт.

⁵⁶ Локкегард. Масдарная форма икта, первоначально обозначающая административный акт дарения или наделения земельным участком, согласно Ф. Локкегарду, постепенно стала употребляться и в значении самого земельного участка, полученного в результате этого акта.

⁵⁷ Там же, стр. 17, 38.

⁵⁸ Каэн, стр. 26; Лембтон, стр. 361.

⁵⁹ Каэн, стр. 27.

⁶⁰ Лембтон, как и Кл. Каэн, считающая, что впоследствии земли кати'а также стали обозначать термином икта, пишет, что Кудамма, автор X в., употребляя термин икта, имеет в виду раздаваемую государством наследственную землю, облагаемую налогом ушр, а для обозначения пожизненных владений он употребляет термин ту'ма (см. Лембтон, стр. 361). Но термин икта для обозначения кати'а мы встречаем у авторов до Кудаммы, в том числе у автора одной из

Этот тип земельных пожалований, по их утверждению, никоим образом не напоминает сеньориальный Запад: владельцы кати'а не имели на землю никаких прав, кроме права ее собственника. В частности, они не располагали налоговым иммунитетом, административными и юридическими функциями⁶¹.

В X в. институт «икта», со слов А. Лембтон, начал обретать свою средневековую форму. Но, с ее точки зрения, это была эволюция не существующего до того института кати'а или икта, а института откупов налога, представляющего наследство римско-византийского мира⁶².

Новый тип икта на первом этапе своего развития, так же как и существующий до него институт кати'а, не был феодальным институтом, ибо он, по их мнению, возник в условиях, отличных от условий Западной Европы.

Процесс феодализации в странах Запада буржуазная историография связывает с институтом патроната, сопровождаемым коммендациями земли. При слабости государственной власти путем коммендации одна земля укрывалась в лоне другой, одно лицо приобретало защиту другого, будучи бессильным собственными силами защищать себя от притеснения чиновников и других бедствий. На основе коммендации личности и земли возникает вассалитет — система отношений между феодалами разных рангов: высшими — сюзеренами и низшими — вассалами, — оформленный формально добровольным договором или феодальным контрактом⁶³.

При Аббасидах основной принцип административной власти не допускал соединения военных функций эмира с финансовыми функциями амила. Провинциальная власть, копируя центральную власть, держала многочисленный штат чиновников и большой контингент вооруженных сил, оплата которых требовала больших денежных ресурсов. Переход к системе набора наемных войск после смерти халифа ал-Мамуна (833) значительно осложнил и без того трудную ситуацию в центре и на местах.

Откупная система, практика которой была распространена даже в условиях существования сравнительно сильной централизованной власти при халифах ал-Мансуре и Харун ар-Рашиде, дала трещину: поступающий в государственную казну доход от откупов не покрывал расход на оплату наемных войск, их военачальников и гражданских чиновников.

Такая ситуация породила практику переуступки налога не откупщикам, а непосредственно самим военным. Эти назначения налога военным называли также термином икта, но они были отличны от первоначальных икта.

ранних, дошедших до нас работ «Китаб ал-харадж» Абу Йусуфа (ум. 798), а авторы IX в. также употребляют термин икта в значении кати'а, в том числе самый ранний из них — Йахйя ибн-Адам (ум. 818).

⁶¹ Каэн, стр. 21; Лембтон, стр. 360.

⁶² Лембтон, стр. 361.

⁶³ Там же, стр. 361—362.

Законоведы действительно терминологически разграничили их, назвав первоначальный тип икта: икта-тамлик, а новый тип икта: икта-истиглал. Разница между ними фактически была в том, что первый тип икта означал уступку земли в собственности, или в квазисобственность, по мнению Кл. Каэна, с целью ее обработки, второй — уступку узуфрукта, или права на сбор налога с целью оплаты войск за службу⁶⁴. Владельцы первого платили поземельный налог ушр в пользу государства; владельцы второго были свободны от обложения.

В теории икта-истиглал не были наследственными, даже пожизненными. Их периодически перераспределяли и, если их владельцы-мукта умирали, то наследники получали не их икта, а пенсии. Мукта из рядовых воинов были обязаны служить за свои икта и подчинены строгому контролю государства. Мукта из эмиров не несли материальной ответственности за оплату рядовых воинов. Они сами непосредственно получали плату (ризк) или икта от государства⁶⁵.

Икта-истиглал при Буидах, по мнению Кл. Каэна, не был феодальным, хотя и была феодализация власти в верхах, имелась сеньеризация между мукта и крестьянами; но не было феодальных отношений между крупными землевладельцами и простыми мукта,⁶⁶ т. е. не было того, что А. Лембтон понимает под субинфеодализацией внутри класса феодалов.

Но наместники в управляемых ими провинциях, со слов Кл. Каэна, часто вместо жалованья получали икта и сочетали экономическую мощь в качестве мукта с функциями наместника. В государстве Буидов, так же как в Сирии, могло быть так, что одно лицо обладало соединенными правами мукта и наместника — вали. Доходами провинции наместник покрывал ее нужды, посылая суверену остаток. В таких случаях термин икта принимал отличную от обычного икта окраску. Все правительственные чины владели городами и крепостями, не платя суверену никаких налогов, поставляли ему при необходимости только военные контингенты, давая присягу верности и оказывая также знаки уважения. Мукта-вали располагал также собственным доменом (хасса), равным обычному икта. Он, с точки зрения Кл. Каэна, во многих отношениях был собратом западного феодала⁶⁷. Но А. Лембтон видит между ними большую, а быть может, даже решающую, разницу в том, что мукта держал икта или наместничество исключительно по воле суверена⁶⁸. А это значит, что этим икта на данной стадии, так же как и на всех стадиях существования, по мнению А. Лембтон, не присуща черта феодального контракта или договора, которую буржуазная историография считает весьма существенной для феодализма.

⁶⁴ Лембтон, стр. 367; Каэн, стр. 32—33.

⁶⁵ Каэн, стр. 33—34.

⁶⁶ Там же, стр. 37.

⁶⁷ Там же, стр. 35—36.

⁶⁸ Лембтон, стр. 368.

Но дело не только в качестве этих икта; но и их количестве: по мнению А. Лембтон, при Буидах икта этого типа были исключениями и не получили широкого распространения до Сельджукидов⁶⁹.

С приходом к власти Сельджукидов, отвоевавших Багдад у Буидов в 1055 г., система икта охватила области, в которых она до них едва ли существовала, в частности, в Хорасане. При первых Сельджукидах икта, по утверждению Кл. Каэна, несмотря на его количественный рост, сохранял прежний характер, как и при Буидах. Объектом пожалования в икта был налог, но не земля и люди. Мукта были подчинены центральной власти и при Буидах, но с дополнительными предосторожностями против возможных злоупотреблений со стороны мукта⁷⁰.

Таким образом, икта-истиглал, возникший в X в., как и икта-тамлик, существующий до него, по мнению Кл. Каэна, не имел феодального характера из-за отсутствия у него присущих западному феоду черт. Акт пожалования икта, в противоположность пожалованию феода, не обозначал предоставления публичной власти мукта, хотя подобно последнему обязывал его нести военную службу⁷¹.

Распад государства Сельджукидов, переход реальной власти в уделах в руки атабеков, усиленная раздача как административных, так и военных икта даже в центральных частях государства лишили последнего существенной доли доходов и привели к независимости частных лиц — мукта, упадку фискальной администрации и центральной власти.

В этих условиях шла дальнейшая эволюция института «икта». При последних Сельджукидах под термином икта подразумевают не пожалования права на сбор налога, а пожалования наследственных земельных владений, на которых мукта из военных чинов получают за службу и функции управления.

Эволюция затронула и внутреннюю структуру класса мукта. Владельцы крупных икта обязывались поставять рядовых воинов для участия в военных предприятиях. Многим из воинов они жаловали икта. По заключению Кл. Каэна, между ними была установлена иерархия владений — икта, во многих отношениях нагминающая иерархию феода на Западе.

Но эволюция икта не была точно такой же во всех частях мусульманского мира. Хорезмшахи, преемники Сельджукидов в иранских областях, в отношении икта сохранили верность концепции ранних Сельджукидов⁷².

Итак, икта, с точки зрения Кл. Каэна, высказанной в 1953 г., при поздних Сельджукидах по мере приобретения феодальных

⁶⁹ Лембтон, стр. 364—365, 368.

⁷⁰ Каэн, стр. 39.

⁷¹ Каэн. Reflexions, стр. 8.

⁷² Каэн, стр. 42—43.

черт и феодализации публичных функций в некоторых странах ислама стал почти эквивалентным западному лену⁷³; в 1960 г., размышляя над этими проблемами, автор пришел к выводу о том, что режим мусульманских государств лишь в исключительных случаях, можно назвать феодальным⁷⁴.

А. Лембтон еще до опубликования специальной статьи Кл. Каэна об икта писала, что условия, в которых система икта утвердилась, и причины, благодаря которым она возникла, были отличны от условий и причин, существовавших в Западной Европе в период развития феодализма. Результаты также были отличны, поэтому ошибочно говорить о феодализме на землях восточного халифата, включая и Иран, если сначала не будет оговорено, что мусульманский феодализм не соответствует ни одному из различных типов феодализма, существующих в Западной Европе⁷⁵.

В этом заключается то общее, что характеризует западных историков, которые за эталон феодализма берут европейский феод.

С точки зрения большинства советских историков, институт «икта» сыграл решающую роль в развитии феодальных отношений в халифате после его распада, т. е. с IX в. Поэтому советская историография ставит и изучает проблемы общественно-экономического строя, в частности, института «икта», не в масштабе всего халифата, а отдельных стран, возникших в результате его распада (государство Буидов, Саманидов, Фатимидов, Аййубидов и т. п.) или созданных в результате новых внешних завоеваний стран, входивших в состав халифата (государство Сельджукидов, ильханов Хулагуидов).

Ряд советских историков-востоковедов связывает вопрос феодализма на территории халифата или с процессом перевода рабов в колонии-испольщики или с институтом «икта».

Икта, по мнению этой части востоковедов, из восточного типа бенефиция, подразумевающего выдачу служилым людям на время службы или пожизненно доли хараджа и других податных сборов с государственных земель вместо платы за службу, постепенно эволюционировал в наследственный военный лен, или феод⁷⁶.

А. Ю. Якубовский предполагал, что переход икта-бенефиция в наследственный военный лен в качестве преобладающего вида феодального землевладения был связан с завоеваниями в XI в. стран ислама тюркскими племенами сельджуков⁷⁷. А. В. Гордлев-

⁷³ Каэн, стр. 48.

⁷⁴ Каэн. *Réflexions*, стр. 19.

⁷⁵ Лембтон. *Landlord*, стр. 53.

⁷⁶ См. А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах в Ираке в VIII в. — «Советское востоковедение», т. IV. М.—Л., 1947, стр. 179 (в дальнейшем — А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах...); И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, стр. 153 (в дальнейшем — И. П. Петрушевский. Очерки...).

⁷⁷ См. А. Ю. Якубовский. Сельджукское движение и туркмены в XI в. — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1937, № 4, стр. 944 и сл.

ский считал, что корни военно-ленной системы уходят в Восточную Азию, и выводил икта из военной организации монгольских и тюркских кочевников Центральной Азии⁷⁸. И. П. Петрушевский в своих ранних работах полагал, что икта стал наследственным военным леном не при сельджуках, а при монголах⁷⁹, но впоследствии он принял точку зрения А. Ю. Якубовского и считал, что в XI в. при Сельджуках икта, если не в теории, то на практике переходит в военный лен⁸⁰.

Б. Н. Заходер еще в 1944 г. отметил, что икта Сельджукидов не был новшеством в практике восточного землевладения. Земли в качестве военно-ленных наделов до сельджуков раздавала династия Буидов, узурпировавшая в 945 г. светскую власть халифов⁸¹.

Таким образом, институт икта как военный лен вернули на почву халифата, ибо приход династии Буидов из Дайлама, прикаспийской провинции халифата, был результатом исторического развития последнего.

Собственно говоря, идентификация феодализма с военно-ленной системой не нова. Ее уже предпринял в начале века К. Беккер; эту теорию разделяют и некоторые представители и современной буржуазной историографии.

Как известно, буржуазная историография, видя в феодализме систему институтов, регулирующих отношения внутри господствующего класса, считает вассально-ленные отношения (или систему вассалитета) главными и определяющими отношениями феодализма.

Но втиснутый буржуазными историками в рамки вассально-ленных отношений феодализм таким образом стал чуждым не только странам халифата, но и многим странам Европы, в частности Византии и России. Русская буржуазная историография прошлого века, трактуя феодализм как политическую организацию, также не находила в России западноевропейского вассалитета, тем самым и феодализма.

Марксистская историческая наука расширила рамки феодализма как общественно-экономической формации, признав определяющим признаком способ производства и считая фео́д одной из форм феодальной собственности, лежащих в основе феодальных производственных отношений.

В учебнике по средневековой истории стран зарубежного Востока (1957) с учетом данных арабских источников была выска-

---

⁷⁸ См. А. В. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 86 и сл.

⁷⁹ См. И. П. Петрушевский. Очерки..., стр. 153—154.

⁸⁰ См. И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 250 (в дальнейшем — И. П. Петрушевский. Земледелие...).

⁸¹ См. Б. Н. Заходер. История восточного средневековья. М., 1944, стр. 92.

зана точка зрения о существовании на территории халифата икта, отличного от икта в качестве своеобразного бенефиция, ставшего наследственным военным леном. Этот вид икта, существующий со времен возникновения арабо-мусульманского государства, по мнению авторов, был наследственной частной собственностью его владельца, предметом купли и продажи при условии уплаты соответствующего налога в пользу государства⁸².

Такая точка зрения встретила резкий отпор В. И. Беляева и И. П. Петрушевского⁸³. Рецензенты оспаривали рассуждения авторов учебника о том, что Мухаммад и его преемники широко раздавали земли якобы на ленном праве. Между тем авторы учебника не идентифицировали икта этого типа с леном, хотя и писали о его наследственности и отчуждаемости, ссылаясь на работы ранних правоведов, в том числе и Абу Йусуфа (731—798). По утверждению рецензентов, «ссылка эта, однако, неправомерна, ибо мусульманские законоведы VIII—X вв. старались, как известно, все правовые институты, возникшие в эти столетия, возвести ко времени Мухаммада»⁸⁴.

Правомерность концепции сторонников позднего происхождения икта, в том числе и И. П. Петрушевского, подвергнута критике в специальной статье Л. И. Надирадзе⁸⁵. Автор статьи показал внутреннюю противоречивость этой концепции, ее расхождение с данными источников.

Эпоха правления Буидов (IX—первая половина XI в.) была эпохой развитого феодализма. И. П. Петрушевский, отмечая количественный рост икта в государстве Буидов, следовательно, до занятия Багдада Сельджукидами в 1055 г., считает его земельным наделом, не наследственным, но условным, иерархическим, характерным для развитого феодализма⁸⁶. Это по существу отказ от старой точки зрения о переходе икта из права на доход в право на землю. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что И. П. Петрушевский сделал своим сторонником Кл. Каэна, считая, что, по утверждению последнего, икта стал феодалом (леном) между IX и X в., значит, при Буидах, а икта до Буидов, и по мнению Кл. Каэна и самого И. П. Петрушевского, не имел феодального характера⁸⁷.

Однако Кл. Каэн в противоположность И. П. Петрушевскому сохранил верность своим теоретическим принципам, отвергая

⁸² История стран зарубежного Востока, стр. 95.

⁸³ См. В. И. Беляев, И. П. Петрушевский. История стран Ближнего и Среднего Востока в новом учебнике по истории средневекового Востока. — «Советское востоковедение», 1958, № 6, стр. 100, 116 (в дальнейшем — В. И. Беляев, И. П. Петрушевский. Рецензия).

⁸⁴ В. И. Беляев, И. П. Петрушевский. Рецензия, стр. 100.

⁸⁵ См. Л. И. Надирадзе. Проблемы института икта в Арабском халифате в советской историографии. — В сб.: История и экономика стран Арабского Востока. М., 1973 (в дальнейшем — Л. И. Надирадзе. Проблемы икта...).

⁸⁶ История Ирана..., стр. 135—136.

⁸⁷ См. И. П. Петрушевский. Земледелие..., стр. 259.

феодалный характер добуидского икта, он отверг феодальный характер и буидского икта, не находя у них характерных черт феода⁸⁸.

С точки зрения Л. И. Надирадзе, И. П. Петрушевский, принимая точку зрения Кл. Каэна о нефеодалном характере добуидского икта, не учел самую главную черту, делающую его феодальным: эксплуатацию феодально-зависимых издольщиков со стороны его собственников⁸⁹.

Л. И. Надирадзе, не отрицая возможного слияния функции власти и собственности, имеющего место в определенных типах феодальных обществ или на разных стадиях одного и того же общества, считает, что оно не было определяющим признаком феодализма как общественно-экономической формации вообще, определяющим признаком социального характера господствующего класса в частности.

Сложная система поземельных отношений стран Востока, в частности стран распространения ислама, допускала и расчлененность этих функций. Эксплуатация непосредственного производителя откупщиком, наделенным властью, но не правом собственности на входившую в сферу его откупа землю, была одной из форм феодальной эксплуатации. В противоположность откупщику, крестьянин-налогоплательщик выступал собственником земли как сферы приложения своего труда до тех пор, пока его права не были экспропрированы.

Было бы неоправданной натяжкой отнести откупщика или мукта времен Буидов и ранних Сельджукидов к собственникам земли, с которой они взимали налог, покуда они не стали таковыми, но было бы такой же натяжкой отнести эту форму эксплуатации к нефеодалной, до тех пор пока они не стали такими собственниками.

Но страны распространения ислама, да не одни они, знали и другую форму феодальной эксплуатации, а именно эксплуатацию, в основе которой лежала частная феодальная собственность на землю, обрабатываемую издольщиком.

Эта форма частной феодальной собственности не была обусловлена военной или административной службой земельного собственника в пользу государства, осуществляющего всю полноту политической власти, не имела иерархической структуры и иммунитетов и была характерна для централизованных феодальных государств. Одной из типичных форм такой феодальной собственности были икта времен халифата до его распада и создания отдельных феодальных государственных образований.

Проблема рабства. В работах советских историков-востоковедов рассматривается проблема рабства в халифате в ходе и после за-

⁸⁸ См. Каэн, стр. 37; его же. *Reflexions*, стр. 8.

⁸⁹ См. Л. И. Надирадзе. *Проблемы икта...*, стр. 222—227.

воевания арабскими войсками соседних стран, его роли в системе общественного производства этих стран.

При завоевании соседних стран арабская аристократия, по утверждению Е. А. Беляева, выступала в качестве носительницы рабовладельческих производственных отношений и «в условиях резкого увеличения числа рабов в правление «праведных» халифов (632—661. — Л. Н.) и Суфианидов (661—683 — Л. Н.) развитие феодальных отношений в завоеванных арабами странах временно прекратилось».

В результате такой политики после арабских завоеваний рабовладельческий уклад у арабов «не только сохранился, но и получил значительное развитие»⁹⁰.

Завоевания арабов в Иране и других странах, и по мнению А. Ю. Якубовского, привели к превращению в рабство огромного количества мирного населения обоого пола, труд которого «в качестве рабского применялся в сельском хозяйстве, на оросительных работах, на пастьбе скота, в ремесле, в государственных рудниках»⁹¹.

Однако после арабских завоеваний процесс феодализации в завоеванных странах, по мнению А. Ю. Якубовского, не прекратился. «Под владычеством Арабского халифата процесс дальнейшего развития феодализма в Иране происходил замедленными темпами, поскольку арабское завоевание поддержало и вновь укрепило на известное время падавший рабовладельческий уклад»⁹².

В своих ранних работах А. Ю. Якубовский считал Ирак на рубеже VIII—IX вв. зрелым феодальным обществом⁹³.

Однако, как он дальше пишет, внимательное изучение источников показало, что «рабство и рабский труд в социально-экономической жизни халифата играли огромную роль» и в Ираке на грани VIII—IX вв. «государство возглавляло класс крупных земельных собственников, не порвавших еще с рабовладельческой формой эксплуатации»⁹⁴.

А. Ю. Якубовский вплотную подошел к вопросу о роли рабского труда на частновладельческих землях арабской знати в работе «Ирак на грани VIII—IX вв.».

В связи с этим он ставит вопрос: «Кто же обрабатывал эти крупные, средние и мелкие частновладельческие земли? Принимали в их обработке участие рабы?»⁹⁵.

На поставленный им самим вопрос А. Ю. Якубовский отвечает: «К сожалению, факты этого рода еще недостаточно приведены

⁹⁰ Е. А. Беляев. Арабы..., стр. 259.

⁹¹ История Ирана..., стр. 93.

⁹² Там же, стр. 76.

⁹³ А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах..., стр. 178.

⁹⁴ Там же, стр. 178—179.

⁹⁵ А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв. — Тр. Первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г. М.—Л., 1937, стр. 47.

в известность. Что рабы вели тяжелую работу по искусственному орошению, сомневаться не приходится, и об этом я выше упоминал. Однако занимались ли они обработкой самой земли? Факты этого рода имеются⁹⁶, но мне не приходилось нигде встречать, чтобы это делалось в большом масштабе на манер римских плантаций, основанных на рабском труде»⁹⁷.

Очевидно, эти слова А. Ю. Якубовского не говорят в пользу им же выдвинутой точки зрения о захватах во время арабских завоеваний в плен и превращении в рабство огромного числа мирного населения, труд которого в качестве рабского труда применяли в общественном производстве халифата.

Проблему рабского труда в халифате VIII—IX вв. А. Ю. Якубовский затронул и в работе «Об исполных арендах в Ираке» в связи с открытыми им формами роста феодальных отношений. Одной из этих форм, по его мнению, был перевод рабов в колонны, в положение как исполщиков, так, по-видимому, и барщинно-обязанных земледельцев.

Последний путь развития феодального способа производства, характерный для рабовладельческого общества на этапе его разложения, соответствует принятой А. Ю. Якубовским концепции об огромной роли рабского труда в системе общественно-производственных отношений халифата и переходного характера этого общества на рубеже VIII—IX вв. Но и эта точка зрения не находит фактического подтверждения: «К сожалению, последний вопрос (вопрос о переводе рабов в колонны, — Л. Н.) пока мало изучен, и в нашем распоряжении нет даже самого малого количества фактов»⁹⁸.

Точка зрения упомянутых авторов о рабстве в халифате VII—VIII вв. не нашла поддержки в статьях Л. И. Надирадзе.

На основе данных арабских нарративных источников автор в этих статьях приходит к следующим выводам.

В ходе завоеваний (при первых четырех халифах) соседних стран, преимущественно земледельческих, арабы не насаждали рабства. Они не разрушали общественно-экономическую структуру завоеванных стран, между прочим и института рабства, существующего и у завоеванных народов, возможно с некоторыми исключениями, в виде уклада⁹⁹.

Согласно юридическим и историческим источникам, часть территории была завоевана посредством оружия, часть — на основе договора.

⁹⁶ Тут А. Ю. Якубовский ссылается на факт обращения арабским военачальником Са'идом ибн-Усманом пленных из числа бухарской знати в рабство и применения их труда по одной версии — по орошению, а по другой — в земледелии (см. А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв., стр. 47).

⁹⁷ А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв., стр. 47.

⁹⁸ А. Ю. Якубовский. Об исполных арендах..., стр. 180.

⁹⁹ «Народы Азии и Африки», 1968, № 5 (в дальнейшем — Л. И. Надирадзе. Вопрос о рабстве).

Перевод покоренного посредством оружия населения на статус зиммья, платившего в пользу государства налоги, отказ от непосредственного раздела земли между завоевателями означали отказ от рабства как способа производства в главной отрасли общественного производства завоеванных стран — в земледелии.

Территорию, завоеванную на основе договора, государство облагало фиксированным налогом — данью, не затрагивая общественно-экономическую структуру ее населения, существовавшую до арабского завоевания.

Рабство существовало и у арабов, и у покоренных ими народов, переживавших эпоху раннего феодализма, как уклад, но оно не лежало в основе экономического строя халифата¹⁰⁰.

В 1971 г. в дискуссию о роли рабского труда и рабства в халифате вступил И. П. Петрушевский, опубликовав специальную статью на эту тему¹⁰¹.

И. П. Петрушевский признал лишь отчасти справедливость вывода Л. И. Надирадзе о том, что в халифате при господстве издольной системы эксплуатации, относительно малоземелье и густом населении не могло быть заинтересованности у феодалов в применении рабского труда в сельском хозяйстве. С точки зрения Петрушевского верно только относительно зернового хозяйства, а в крупных садоводческих и скотоводческих хозяйствах, равно как и на оросительных работах и обработке заброшенных земель применяли дешевый рабский труд¹⁰².

И. П. Петрушевский не объясняет, почему рабский труд находил применение на территории халифата только в садоводческом и скотоводческом хозяйствах, в то время как на территории Ирана XIII—XV вв. его применяли одинаково и при пахоте, и при пастьбе скота, и при садовых работах¹⁰³. Этот тезис особенно уязвим, если учесть тот факт, что издольная форма эксплуатации, в наличии которой Л. И. Надирадзе видит один из факторов незаинтересованности феодалов в применении рабского труда в сельском хозяйстве, а И. П. Петрушевский этого не оспаривает относительно зернового хозяйства, по показаниям источников, существовала не только в зерновом, но и садоводческом хозяйстве, соответственно обозначаемая в этих источниках термином ал-музара-а и ал-мусака¹⁰⁴.

В дискуссии Л. И. Надирадзе с А. Ю. Якубовским И. П. Петрушевский занял промежуточную позицию, признавая, что точка зрения второго автора об огромном значении рабовладельческого

¹⁰⁰ См. Л. И. Надирадзе. Вопрос о рабстве, стр. 84.

¹⁰¹ См. И. П. Петрушевский. К истории рабства в халифате в VII—X веках. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 3 (в дальнейшем — И. П. Петрушевский. К истории рабства...).

¹⁰² Там же, стр. 67.

¹⁰³ См. И. П. Петрушевский. Земледелие..., стр. 315.

¹⁰⁴ Хрестоматия по истории халифата. Сост. и пер. Л. И. Надирадзе. М., 1968, стр. 70.

уклада, т. е. о участии рабов в производстве, для социально-политической и культурной жизни арабского государства преувеличена, но место этого уклада далеко не было таким незначительным, каким это представляется Л. И. Надирадзе.

И. П. Петрушевский отчасти прав, утверждая, что экономика халифата сейчас не настолько хорошо изучена, чтобы мы могли ясно определить место рабовладельческого уклада в этой экономике¹⁰⁵, но несмотря на это рабовладельческий уклад (а Л. И. Надирадзе в этом и видит его незначительность) в противоположность феодальному способу производства не был признаком, определяющим характер общественного строя халифата, не лежал в основе общественного производства, а потому и не был значительным¹⁰⁶.

При спорности ряда положений, выдвинутых И. П. Петрушевским, статья в целом представляет значительный шаг по пути решения одной из важных проблем социально-экономической жизни халифата.

Проблема издольщины. А. Ю. Якубовский, не находя фактов применения рабского труда в большом масштабе на частновладельческих землях арабской знати, пишет: «Зато мы не раз встречаем указание, что частновладельческие земли дробились на мелкие участки и передавались в обработку на основе испольных аренд»¹⁰⁷. По его же словам, «крупные земельные владения, так называемые ката'и и дийа, обрабатываются главным образом испольщиками»¹⁰⁸.

Словом, на крупных земельных владениях арабской знати основная рабочая сила, по мнению и А. Ю. Якубовского, не раб, а испольщик. Но кто такой испольщик с социальной точки зрения?

В советской историографии термин испольщик употребляют как равнозначный термину издольщик¹⁰⁹.

Труд издольщика и издольная система эксплуатации в странах распространения ислама были предметом изучения ряда историков-востоковедов.

В одной из фундаментальных работ И. П. Петрушевского — «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.» — издольщина рассмотрена как господствующая форма феодальной эксплуатации непосредственного производителя в Иране, Азербайджане, арабских и других странах распространения ислама.

Какова точка зрения И. П. Петрушевского относительно издольщины как формы феодальной эксплуатации в предшествующую эпоху, в частности, в эпоху арабского халифата?

Отвечая на поставленный вопрос, И. П. Петрушевский пишет: «Об издольной системе эксплуатации крестьян в Ираке, Иране,

¹⁰⁵ См. И. П. Петрушевский. К истории рабства..., стр. 71.

¹⁰⁶ См. Л. И. Надирадзе. Вопрос о рабстве, стр. стр. 78—81, 83—84.

¹⁰⁷ А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв., стр. 47.

¹⁰⁸ А. Ю. Якубовский. Об испольных арендах..., стр. 178.

¹⁰⁹ См. об этом: Л. И. Надирадзе. Вопросы..., стр. 9—10, прим. 8.

Средней Азии, Азербайджане в средние века трактовалось немало в советской исторической литературе. А. Ю. Якубовский справедливо заметил, что социальное содержание издольной системы на разных этапах феодальной формации изменяется»¹¹⁰.

Однако точка зрения об изменении социального содержания издольной системы эксплуатации на разных этапах феодальной формации противоречит как общепринятым положениям советской исторической науки, так и концепции автора, А. Ю. Якубовского.

А. Ю. Якубовский увязывает факт изменения социального содержания издольной системы эксплуатации со способом производства и, исходя из этого, противопоставляет исполщиков двух различных, а не одного и того же способов производства — исполщика рабовладельческого общества на этапе его разложения и исполщика феодализма также эпохи его разложения.

Исполщик в условиях Ирака на рубеже VIII—IX вв., проанализированный А. Ю. Якубовским по данным арабского законоведа Абу Йусуфа (731—798), действует в рабовладельческом обществе на этапе его разложения. Он не был характерной фигурой феодального общества, ибо «между исполщиком разлагающегося рабовладельческого общества и исполщиком феодализма эпохи его разложения то коренное различие, что ближайшей перспективой первого является превращение в крепостного, а второго — в наемного сельского рабочего»¹¹¹.

Значит, до тех пор, пока исполщик рабовладельческого общества эпохи его разложения не переходит в крепостного, он представляет потенциально непосредственного производителя феодального общества. До того как исполщик стал крепостным, А. Ю. Якубовский относит этот процесс к переходному периоду от рабовладельческого к феодальному обществу и на территории других стран, вошедших в состав халифата.

В 1950 г. вышла в свет коллективная работа «История народов Узбекистана» (одним из авторов которой был и А. Ю. Якубовский). IV—X вв. на территории Мавераннахра были периодом перехода от рабовладельческого к феодальному строю, XI—XII вв. — периодом раннефеодального общества, а XIV—XV вв. — периодом роста и развития феодализма, утверждают авторы.

Таким образом, в начале VIII в., когда Мавераннах вошел в состав халифата, страна переживала переходный от рабовладельческого способа производства к феодальному, который продолжался до X в. включительно.

Характерной особенностью крупного землевладения на территории Мавераннахра, и Ирана в эту эпоху, по утверждению А. Ю. Якубовского, было то, что землевладельцы не вели на своих землях крупного хозяйства и не обрабатывали их трудом кре-

¹¹⁰ И. П. Петрушевский. Земледелие..., стр. 286.

¹¹¹ А. Ю. Якубовский. Об исполных арендах..., стр. 171.

постных крестьян. Они «имели обыкновение дробить свои земли на мелкие участки и сдавать их на началах издольной аренды всем, кто в этом нуждался. Издольщиками-барзигарами были большей частью малоземельные крестьяне близлежащих селений (сельских общин). Для них обработка земли на основе издольных аренд служила дополнительным источником дохода. Наряду с этим видом арендаторов имелись еще издольщики из числа безземельных (обезземеленных) крестьян. Стоит ли специально доказывать, как много гнездилось в кабальных формах издольной аренды возможностей для потери земледельцами своей независимости и для установления крепостнических отношений»¹¹².

Перед издольщиком Мавераннахра переходного периода (IV—X вв.) таким образом стояла та же перспектива, что и перед издольщиком Ирака VIII—IX вв., а именно перспектива превращения его в крепостного и тем самым изменения социального положения издольщика и социального содержания самой издольной системы эксплуатации.

Этот переход означает победу нового, хотя и раннего феодального общества, победу нового качества издольщика.

Однако во втором издании «Истории народов Узбекистана» издольная форма эксплуатации отнесена уже не к переходному периоду, даже не к раннефеодальному, а к периоду развитого феодализма (IX—XIX вв. по новой периодизации).

Но и в период развитого феодализма землевладельцы, по утверждению А. Ю. Якубовского, не обрабатывали своих земель трудом крепостных крестьян, и в кабальных условиях издольных аренд были заложены возможности «для потери земледельцами своей независимости и для установления крепостнических отношений»¹¹³.

Следовательно, издольщик на территории Мавераннахра из переходного периода вступил в эпоху развитого феодализма без превращения в крепостного и без дальнейшего изменения социального содержания издольной формы эксплуатации, а возможность его превращения в крепостного осталась только возможностью. Значит, во всех провинциях халифата и на всех этапах существования издольной формы эксплуатации процесс феодализации не вел в конечном счете к качественному изменению социального содержания издольной формы эксплуатации и превращения издольщика в крепостного. Издольная форма эксплуатации росла: количественно в нее вовлекались новые и новые массы крестьян.

Таким образом, крепостничество — не обязательный признак существования феодального способа производства.

Проблема прикрепления крестьян к земле. Вопрос о юридическом прикреплении крестьян к земле в странах ислама имеет свою историю.

¹¹² История народов Узбекистана, стр. 235.

¹¹³ История Узбекской ССР, т. I, кн. I. Ташкент, 1955, стр. 207.

В. В. Бартольд одно время полагал, что «в XIII—XIV вв. — в эпоху монгольского господства — крестьяне Ирана были прикреплены к земле»¹¹⁴. Однако впоследствии он придерживался другого взгляда: «В мусульманском мире нет крепостного права»¹¹⁵. Что В. В. Бартольд подразумевал под крепостным правом, видно из его же утверждения о том, что «крестьяне не прикреплены к земле, они могут свободно передвигаться»¹¹⁶.

Ряд советских историков-востоковедов: Б. Н. Заходер, А. А. Али-Заде, А. Ю. Якубовский, развив первоначальный взгляд В. В. Бартольда, пишут о наличии юридического прикрепления крестьян к земле в странах Ближнего Востока еще до монгольского завоевания.

Б. Н. Заходер полагает, что в Иране к XI в. было уже налицо «если не крепостное, то полукрепостное положение крестьянства»¹¹⁷.

А. Ю. Якубовский довольно определенно говорит о прикреплении крестьян к земле до монгольского завоевания¹¹⁸.

Но И. П. Петрушевский на вопрос о юридическом прикреплении крестьянина к земле в странах ислама отвечает: «Вплоть до XIII в., до эпохи монгольского владычества, источники не сообщают каких-либо данных о существовании юридического закрепощения крестьян и запрещения права перехода»¹¹⁹.

Такую же точку зрения относительно крепостничества высказал А. М. Беленицкий¹²⁰.

И. П. Петрушевский, говоря об отсутствии юридического прикрепления крестьян к земле в странах ислама до монгольского завоевания, говорит и о причинах такого положения: «Как кажется, до монгольского завоевания феодальная государственность и не была заинтересована в прикрепительных законах и насильственных мерах. При отсутствии крупного барщинного собственного хозяйства феодалов, в условиях оазисного орошаемого земледелия с мелкими, часто карликовыми земельными участками, при относительно малоземелье и в то же время при густом населении страны в деревне не было недостатка в рабочих руках и издольщиках»¹²¹.

---

¹¹⁴ В. В. Бартольд. К истории крестьянских движений в Персии. — В сб.: Из далекого и близкого прошлого. Пг.—М., 1923, стр. 58—60.

¹¹⁵ В. В. Бартольд. К вопросу о феодализме в Иране. — «Новый Восток», 1930, № 28, стр. 119.

¹¹⁶ Там же, стр. 1.

¹¹⁷ Б. Н. Заходер. История..., стр. 76, 93.

¹¹⁸ См. А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии, стр. 49.

¹¹⁹ И. П. Петрушевский. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. — «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 61.

¹²⁰ См. А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране. — «Советское востоковедение», 1948, № 4, стр. 120—121.

¹²¹ И. П. Петрушевский. Земледелие..., стр. 327.

Проблема государственной собственности на землю.

Советские историки не отрицают наличия соседской общины на территории халифата.

Однако в вопросах юридического статуса ее членов, взаимоотношения общины и государства, роли общины в процессе дальнейшего развития феодального способа производства и многих других пока много спорного и нерешенного.

Б. Н. Заходер первый из советских историков упомянул о наличии крестьянской частной земельной собственности в халифате IX—X вв. Однако эта проблема не была им разработана¹²².

И. П. Петрушевский развил и уточнив идею Б. Н. Заходера, пишет о существовании на территории ряда провинций Ирана, в частности, Хорасана, в X в. свободных крестьян, членов сельских общин, оставшихся свободными, и выделившихся из общин крестьян — собственников своих земельных участков. «Земли свободных общин и крестьян — мелких собственников — именовались мульками, как и безусловная наследственная земельная собственность, принадлежавшая феодалам»¹²³.

А. Ю. Якубовский, отмечая факт существования общины на территории Ирана и после завоевания его арабскими войсками, пишет: «Соседская сельская община в Иране, сменившая больше-семейную, не исчезла после арабского завоевания, но общинные земли были признаны собственностью государства. Крестьяне считались только держателями государственной земли и были обложены хараджем»¹²⁴.

Государственная собственность на большую часть земли, установленная в результате арабского завоевания, в трактовке И. П. Петрушевского и А. Ю. Якубовского, не допускает никакой частной земельной собственности и низводит крестьянина-общинника до простого держателя государственной земли. На этих землях государство через свой чиновничий аппарат само эксплуатировало крестьян, взимая с них налог-ренту, большую часть которой в виде жалованья, пенсий, субсидий и подарков получали служилые люди и верхушка арабов¹²⁵.

Концепция государственной собственности на землю в странах ислама, в частности в странах халифата, при наличии и частной земельной собственности — мулька была подвергнута критике Л. И. Надирадзе, который усматривал в этом смешение двух функций государства: функции суверена территории и функции собственника земли¹²⁶. Л. И. Надирадзе показал, что с юридиче-

¹²² См. Б. Н. Заходер. История..., стр. 76.

¹²³ История Ирана..., стр. 137.

¹²⁴ Там же, стр. 93.

¹²⁵ История Ирана..., стр. 93; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране, стр. 160; его же. Земледелие..., стр. 236.

¹²⁶ См. Л. И. Надирадзе. Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII—VIII вв. — В сб.: Арабские страны. История. Экономика. М., 1970, стр. 151—205.

ской точки зрения частная земельная собственность — мультк и государственная совпадают. Следовательно, или не было частной земельной собственности — мультка и вся земля принадлежала государству, как это имеет место в исследовательской литературе, или не было государственной собственности на землю, не считая собственного государственного земельного фонда, резко отличного от остальной земли, и, следовательно, вся земля была мультком.

Л. И. Надирадзе, анализируя источники, примыкает к последнему из двух альтернативных решений этой проблемы собственности в халифате и по-новому ставит проблему сельской общины¹²⁷.

Автор приходит к следующим выводам. Признанный большинством историков процесс складывания феодально-зависимого крестьянства через колонат и формирования в недрах рабовладельческого имения самостоятельного хозяйства непосредственно производителя феодального типа — один из способов перехода к феодальным производственным отношениям и феодальным формам эксплуатации в странах, впоследствии вошедших в состав халифата.

Феодализм как способ производства в этих странах вызревал и в сельских общинах, члены которых, попадая в зависимость от разбогатевших общинников и передавая принадлежавшую им землю в собственность, в силу вынужденного дарения, продажи и других гражданских сделок стали формироваться в класс феодально-зависимого крестьянства¹²⁸. Ко времени арабского завоевания эти страны, изжив рабство как господствующий, прогрессирующий способ производства, переживали эпоху раннего феодализма при сохранении пережитков предшествующих формаций — общинного и рабовладельческого укладов.

Соотношения между основным, господствующим феодальным способом производства и пережитками предшествующих формаций, так же как и соотношения между этими последними, в различных странах и даже в различных областях одних и тех же стран были различны. Арабы в завоеванных странах не низвели члена свободной общины до положения простого держателя государственной земли. Крестьянин-общинник владел обрабатываемым им земельным участком на правах мультка: купли-продажи, передачи по наследству, завещанию и закладу¹²⁹.

Наряду с мультками крестьян-общинников после арабского завоевания существовали и мультки феодалов местного происхождения и не только на территории, завоеванной на основе договора, но и на территории, завоеванной посредством оружия. Феодал,

---

¹²⁷ См. Л. И. Надирадзе. Община на территории восточного халифата в VII—VIII вв. — В сб.: Арабские страны. История. Экономика. М., 1966 (в дальнейшем — Л. И. Надирадзе. Община...); его же. Вопросы...

¹²⁸ См. Л. И. Надирадзе. Община..., стр. 217—218, 232—241; его же. Вопросы..., стр. 23—33.

¹²⁹ См. Л. И. Надирадзе. Вопросы..., стр. 49; Община..., стр. 232—240.

собственник мультка, располагал тем же объемом юридических прав, что и крестьянин-общинник, а именно: правом его отчуждения, передачи по наследству, закладу и завещанию.

Средневековая феодальная юриспруденция не проводила отличительной грани между этими двумя принципиально противоположными типами частной земельной собственности, из коих один основан на собственном труде непосредственного производителя, другой — на эксплуатации чужого труда¹³⁰.

Причина отождествления феодальной частной земельной собственности с трудовой частной собственностью мелкого производителя, несмотря на их социальную противоположность, лежит в одинаковом легальном правомочии их собственников — крестьян-общинников и феодалов.

Завоеватели-арабы в завоеванных ими странах не экспроприовали и общинную собственность на определенный массив земли: места заготовки топлива, выгона и выпаса скота. Этот вид общинной собственности на территории раннего халифата был в стадии разложения и служил объектом присвоения не только, а возможно не столько рядовыми общинниками, но и феодалами — местными и пришлыми¹³¹.

С ростом факторов, ускоряющих феодализацию, незавершенный и в халифате процесс разложения общинной собственности слился с процессом перехода пахотного надела — мультка крестьянина-общинника в собственность частного феодала.

В результате потери крестьянами-общинниками права собственности на землю произошла существенная перемена в его социальной природе. Собственность крестьянина-общинника на его землю — основа его трудового неэксплуаторского хозяйства — становилась собственностью феодала — основой феодального, эксплуататорского хозяйства.

Это — одна сторона процесса феодализации; другая сторона — переход крестьян-общинников в категорию феодально-зависимых крестьян-издольщиков, сохраняющих право наследственного пользования обрабатываемым ими на издольных началах земельным участком¹³².

Издольная форма эксплуатации, существовавшая в странах, входивших в состав халифата, до завоевания их арабскими войсками, так же как и на территории собственно Аравийского полуострова до начала арабами внешних завоеваний, на всех этапах существования халифата была формой феодальной эксплуатации, подверженной количественным, а не качественным изменениям¹³³.

Таким образом, на смену крестьянскому мультку приходил мультк феодала, характерный для завоеванных арабами стран,

¹³⁰ См. Л. И. Надирадзе. Вопросы., стр. 49—66. 72.

¹³¹ См. Л. И. Надирадзе. Община., стр. 219—230.

¹³² Там же, стр. 233—234, 241.

¹³³ См. Л. И. Надирадзе. Вопросы., стр. 7—49.

свободно отчуждаемый и передаваемый по наследству, не обусловленный службой — гражданской или военной¹³⁴.

Вопрос о том, дошел ли этот процесс на территории халифата до окончательного размытия крестьянского мультка и абсолютного господства феодального мультка, советская историография пока еще не ставила, и он ждет своего решения.

---

¹³⁴ См. Л. И. Надирадзе. К вопросу о феодализме в завоеванных арабами странах. — В сб.: *Современная историография стран зарубежного Востока. Роль традиционных институтов в историческом развитии народов Востока*. М., 1975, стр. 32—64.

М. С. МЕЙЕР

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Научная разработка аграрных отношений в Османской империи начата уже давно. Интерес к подобной тематике вполне объясним. Земельные отношения лежали в основе всей социально-экономической и политической структуры Османского государства. Поэтому любая работа, касающаяся более или менее общих проблем истории средневековой Турции, должна была включать анализ аграрного строя. Разумеется, в пределах одной небольшой статьи невозможно проанализировать все взгляды, высказывания по данному вопросу. Поэтому основное внимание будет уделено той трактовке проблем османского аграрного строя, которая дается в современной историографии, т. е. в работах, опубликованных за двадцать последних лет (1945—1965).

Еще в середине XIX в. аграрные отношения в Турции привлекали к себе внимание ряда европейских буржуазных историков. Работы Хаммера, Белена, Тишендорфа, а также русского османиста В. Д. Смирнова, основанные на изучении турецких рукописей, в течение долгого времени считались классическими в этой области и их выводы не подвергались сомнению. Многие европейские авторы конца XIX—начала XX в. в своих сочинениях лишь пересказывали и упрощали то, что было сказано этими историками. Современные западные исследователи также ссылаются на труды знаменитых ориенталистов XIX в., хотя к настоящему времени эти работы решительно устарели прежде всего из-за ограниченности фактического материала, некритического восприятия источников, формально-юридического метода исследований.

Турецкие историки, от которых следовало бы ожидать наибольшего вклада в изучение основных проблем истории своей страны, обратились к изучению аграрной истории Турции по существу лишь в 30-е годы XX в. Этот период отмечен важными сдвигами во всей турецкой историографии¹. Если раньше в тру-

¹ Краткую оценку развития турецкой исторической науки и новых тенденций в турецкой историографии см.: S. Mardin. Recent Trends in Turkish Historical Writing. — «Middle East Journal». Wash., 1950; K. Key. Trends in Turkish Historiography. — «Report on Current Research. Survey of Current Research on the Middle East». Wash., 1957.

дах турецких историков основное место отводилось описаниям войн и мирских утех султанов, везиров и прочих видных деятелей Османской империи, то после создания Турецкой республики на первое место в их работах постепенно выдвигается «национальная концепция». Было провозглашено, что главной задачей ученых страны является разработка истории собственно Турции с целью разоблачения традиционных и неверных взглядов европейских историков на турок как на второстепенную нацию. Наиболее полное выражение подобная концепция получила в выпущенной в 1931—1934 гг. 4-томной официозной истории Турции — «Тарих». Наметился в те годы и определенный интерес к социально-экономической проблематике, в частности к изучению аграрных отношений в средневековой Турции. Такие исследователи, как М. Ф. Кепрюлю, О. Л. Баркан, И. Х. Узунчаршылы, выступили с рядом работ, в которых по-новому освещали многие аспекты аграрной истории. Положительной стороной нового направления в турецкой историографии явились отказ от прежних европоцентристских теорий и значительное расширение источниковедческой базы, в первую очередь за счет публикации архивных материалов. Среди них видное место заняли документы, связанные с поземельными отношениями: законодательные акты (кануны), жалованные грамоты (бераты) и, наконец, писцовые книги (дефтеры), содержащие переписи земель и доходов в каждой провинции, округе и деревне, а также перечень всех феодальных владений в данной местности. Введенный в научный оборот обширный фактический материал позволил турецким историкам более глубоко и полно разработать систему поземельных отношений и подробно описать ряд аграрных институтов в Османской империи. В частности, были значительно уточнены характеристики различных типов земельных владений, выявлены серьезные правовые различия между «свободными» и «несвободными» пожалованиями.

Турецкие историки подробно изучили различия в правовом статусе различных категорий сельского населения (реайи), виды крестьянских повинностей, взаимоотношения крестьян с государством и военными ленниками. Однако значимость работ турецких исследователей обесценивается их буржуазно-националистическим подходом к изучению истории.

Стремясь доказать превосходство турок над другими народами, населявшими Малую Азию и Балканский полуостров, и представить турецкое завоевание как «освобождение» покоренных народов от феодального гнета, они встали на неверные антиисторические позиции, прибегая даже к прямому искажению фактов. Явно несостоятельную теорию «гармонии классовых интересов» в турецком обществе XV—XVI вв. попытался доказать О. Л. Баркан в серии статей, вышедших в конце 30-х — начале 40-х годов².

² O. L. B a r k a n, Osmanlı İmparatorluğunda çiftçi sınıflarını hukukî statüsü.— «Ülkü», N 49, 50, 53, 56, 58, 59; XV ve XVI asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda

Отмечая огромное значение централизма в жизни Османского государства, он характеризовал вновь созданную империю как «один большой султанский чифтлик», как общность, где роль и место каждого подданного определялись волей султана. При этом государство представлялось не как аппарат насилия в руках феодалов, но как организация, выражавшая лишь волю монарха, стоявшая над обществом и стремившаяся к «гармоничному сочетанию интересов всех подданных султана, в интересах общей войны против неверных». Эта специфически турецкая система управления, разумеется, представляла более высокие и совершенные формы государственной жизни, чем те, что существовали у покоренных народов. Утверждая на завоеванных землях свои «традиционные, национальные» принципы управления, турки, по мнению Баркана, содействовали значительному улучшению жизни народов Византии и Балкан, поскольку не только ликвидировали «анархию», но «освободили» их от феодализма. Средневековое турецкое общество, как утверждал турецкий историк, состояло из двух основных групп: 1 — «военный класс, ведущий войну, командующий и управляющий», 2 — реайи — «не принадлежащие к военным народным массам». При этом класс «военных» не был классом феодалов и местных богачей; составлявшие его основную массу владельцы условных пожалований (сипахи) были якобы лишь «администраторами и военными людьми». Крестьяне же и другие представители «производственных классов» охотно сотрудничали в государственных и военных вопросах с классом военных. Сущность производственных отношений между землевладельцами и крестьянами Баркан сводил к различным формам аренды, поскольку турецкие крестьяне, по его мнению, находились в положении вечных арендаторов.

Ошибочность подобных взглядов хорошо показана в ряде работ советских и балканских историков³ и в рамках данной статьи нет необходимости повторять все их аргументы. Обратим внимание лишь на метод, с помощью которого Баркан пытается доказать, что турецкие завоевания принесли освобождение крестьянству. Сопоставляя условия жизни райятов с положением крепостных в странах Западной и Восточной Европы, он справедливо отмечает существенные различия в их статусе. Однако из факта о незна-

---

toprak işçiliğinin organizasyonu alinan şekilleri. — «Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası», 1940, с. 1; Türk-İslâm toprak hukuku tatbikatının Osmanlı İmparatorluğunda aldığı şekilleri. — «Türk hukuku ve iktisat tarihi mecmuası», с. 2. İstanbul, 1939; Türk toprak hukuku tarihinde tanzimatı. — «Tanzimat», İstanbul, 1940.

³ См. А. С. Тверитинова. Фальсификация истории Турции в кемалистской историографии. — «Византийский временник VII». М., 1953; И. С. Достян. Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв. М., 1960; Б. Цветкова. Принос към изучаването на турския феодализъм в българските земи през XV—XVI в. — «Известия на Института за българската история». София, 1955, т. 5 (ч. I); 1956, т. 6 (ч. II).

чительном распространении в Турции такой крайней формы внеэкономического принуждения, как крепостничество, он делает явно неверный вывод о том, что «турецкий крестьянин формально и юридически никогда не переставал быть свободным». Между тем известно, что в феодальном обществе «формы и степени этого принуждения могут быть самые разные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»⁴. Указанное положение В. И. Ленина подтверждается не только работами по истории России, но и исследованиями западноевропейских медиевистов, что следует учитывать и в данном случае. Стремясь доказать свободный статус турецкого райята, Баркан смешивает две различные сферы взаимоотношений крестьян с феодальным государством и с местными сипахи. В Османской империи зависимость райята выражалась прежде всего в его обязанностях перед центральной властью, во взаимоотношениях же с сипахи крестьянин располагал относительной личной независимостью, поскольку в отношении его не действовал ряд ограничений, характерных для других феодальных обществ. Однако свобода его была далеко не полной. Об этом свидетельствует и факт записи крестьянина за сипахи и право последнего 10—15 лет разыскивать и возвращать беглеца. Если крестьянин оставлял свой надел (чифтлик) и брался за другое занятие, то обязан был выплатить «чифт-бозан». Эта выплата, с точки зрения сипахи, может рассматриваться как возмещение его убытков, но с точки зрения крестьянина уплата «чифт-бозана» несомненно представляла и акт выкупа своей свободы.

Изложенные выше концепции и в настоящее время имеют широкое распространение среди турецких историков. Достаточно сослаться на многотомный обобщающий труд по истории Османской империи, авторами которого являются видные турецкие ученые И. Х. Узунчаршылы и Э. З. Карал⁵. В сравнении с «Тарихом» 30-х годов новая работа во многих отношениях находится на более высоком уровне. Она выгодно отличается обилием нового фактического материала, большим количеством впервые использованных турецких нарративных источников и архивных документов. Читатель почерпнет из нее много интересных сведений по политической и военной истории, о развитии культуры и теософской мысли, узнает немало деталей о жизни важнейших государственных деятелей и крупнейших феодальных семей. Вместе с тем в указанной работе, и особенно в тех томах, которые были написаны И. Х. Узунчаршылы, бросается в глаза поверхностное и беглое освещение важнейших проблем социальной и экономической истории Турции. Мало внимания уделено аграрным отношениям, в частности военно-ленной системе. Автор предпочел повторить утвер-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

⁵ I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi, c. I—IV. Ankara, 1947—1959; E. Z. Karal. Osmanlı tarihi, c. V—VII. Ankara, 1949—1956.

ждения, будто Османское государство создало своим разумным управлением «гармонию» на завоеванных землях. Отношения между сипахи и реайей показаны Узунчаршылы как вполне равноправные, ибо закон, по его мнению, в равной степени карает как сипахи за их попытки превышения власти и произвол, так и крестьян за их нерадение и попытки уйти от выполнения своих обязанностей. В тех случаях, когда автору, рассказывая о крестьянских восстаниях, приходится признавать факты феодального гнета, он оценивает действия сипахи как грубое нарушение уставовленного законом порядка⁶.

С другой стороны, целый ряд работ турецких историков, опубликованных после окончания второй мировой войны и особенно в 50—60-е годы, свидетельствуют об определенном подъеме в турецкой историографии. Если работы, написанные в 30-е годы, как правило, отличались пренебрежением к конкретной исследовательской работе, слабым знакомством с трудами иностранных ученых, то, судя по изданиям последних лет⁷, некоторые турецкие историки достигли уровня современной буржуазной исторической науки. Значительно изменились как проблематика, так и методы исследований. Ведущее место среди нынешних историков занимают ученые, работающие над проблемами общественно-экономического развития: О. Л. Баркан, Х. Иналджик, Т. Гекбильгин, М. Акдаг и другие. Большинство их работ связано с аграрной тематикой. Традиционно основное внимание турецких авторов обращено на вопросы аграрной истории XV—XVI вв. Это вполне понятно. Столетие, прошедшее со взятия Константинополя войсками Мехмеда Фатиха до смерти Сулеймана Кануни, представляет наиболее яркую страницу османской истории — время высшего военного и политического могущества державы османов и вместе с тем период окончательного утверждения военно-ленной системы. Более поздние периоды турецкой истории, связанные с кризисом военно-ленной системы, ослабления и разложения Османского государства, пока еще мало разрабатываются турецкими учеными.

В настоящее время турецкие историки-османисты более известны своими публикациями источниковедческого характера. Теоре-

---

⁶ См. также рецензии: В. Мутафчиева, С. Димитров. Некоторые замечания по новому общему курсу османской истории. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 3; А. Д. Новичев. Средневековая история Турции в современной турецкой историографии. — «Источниковедение и историографии стран Азии», I. Л., 1965.

⁷ O. L. Barkan. XV—XVI asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda ziraî ekonominin hukukî ve malî esasları. t. I. Kanunlar. İstanbul, 1945. Об этой работе см.: А. С. Тверитинова. Законоположение о провинциях Османской империи в XV—XVI вв. — «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. XXVI, М., 1958; Н. İnalçık. Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalar, t. I. Ankara, 1954; Osmanlılarda raiyyet rûsûmu. — «Belleten», с. XXII, N 92. Ankara, 1959; T. Gökbilgin. XV ve XVI asırlarda Edirne ve Pasa livâsındaki vakıflar-mülkler-mukataalar. İstanbul, 1952; M. Akdağ. Türkiye'nin iktisadî ve içtimai tarihi, с. I, 1243—1453. Ankara, 1959

тическая интерпретация источников пока далеко не всегда на должной высоте. Так, в работе, посвященной земельному вопросу в турецкой истории, Х. Иналджик, правильно связывая возникновение и развитие государственной собственности на землю с военным характером Османского государства, вместе с тем бездоказательно утверждал, что «османская земельная система счастливо сочетала удовлетворение военных нужд государства с обеспечением социальной справедливости для крестьян»⁸. Сущность отношений двух основных классов в османском обществе — «военных людей» и реайи—Х. Иналджик, как и Баркан, видит в разумном «разделении труда» между ними: в то время как первые, согласно указаниям султана, несут государственную службу и поэтому не участвуют в материальном производстве и не платят налогов, вторые занимаются хозяйством и платят налоги, поскольку освобождены от военной и прочей государственной службы. Выдвинутый марксистскими исследователями взгляд на Османское государство, как на феодальное, которое эксплуатирует своих подданных посредством взимания налогов и сборов, Х. Иналджик полностью отвергает, считая его «пристрастным и односторонним». Характерно, однако, что турецкий историк предпочел воздержаться от конкретного анализа «ошибочной» точки зрения, заявив, что ему пришлось бы повторить «всю ту критику, которая была высказана по поводу исторического материализма»⁹. Среди причин упадка военно-ленной системы в Турции автор на первое место выдвинул такой внешний фактор, как воздействие «революции цен» в конце XVI в., и в то же время явно недооценивал внутреннюю причину — массовое обнищание крестьянства в результате непрекращающихся войн. Подобные же взгляды на события конца XVI — начала XVII в. изложены в книге М. Акдага о «джейлайской смуте», представляющей фактически продолжение его «Общественно-экономической истории Турции»¹⁰. В свою очередь, Т. Гекбилгин, полемизируя с авторами представленного на XII Международном конгрессе историков (1964) доклада о крестьянских движениях в центральной и юго-восточной Европе в XV—XX вв., пытался опровергнуть их тезис о том, что крестьянские выступления на территории европейских провинций Османской империи в XIV—XV вв. носили антифеодальный и антитурецкий характер¹¹. С одной стороны, по мнению Гекбилгина, выступления не могли быть антифеодальными, поскольку в Османской империи «никогда не было феодализма в собственном смысле этого слова».

⁸ H. Inalcik. Lands problems in Turkish history. — «Muslim world», 1955, vol. XLV, N 3.

⁹ H. Inalcik. L'Empire Ottoman. — «Actes du premier Congrès International des études balkaniques et Sud-Est européennes», vol. III. Sofia, 1969, pp. 98—99.

¹⁰ M. Akdağ. Celâli isyanları (1550—1603). Ankara, 1963.

¹¹ T. Gökbilgin. XV—XX yüzyıllarda Merkezi ve Güney-Dogu Avrupa köylü hareketleri konusu hakkında. — «Belleten», 1963, c. XXX, N 117.

С другой — «османская аграрная система была полностью построена на принципах социальной справедливости относительно, разумеется, своей эпохи, и никогда не давала повода... к возникновению трений между правителями и управляемыми». Интересно и другое обстоятельство. Отмеченные выше историки отстаивают «классовую гармонию» лишь для раннего периода османской истории XIV—XVI вв. В дальнейшем, утверждают они, по мере разложения военно-ленной системы, с постепенным изменением системы землевладения от условных пожалований к безусловным владениям, происходит процесс феодализации османского общества. Наиболее явно он проявился в XVIII в., когда сипахи были оттеснены провинциальными нотаблями (аянами), аккумулировавшими в своих руках земельные богатства, административную и финансовую власть на местах. Турецкие авторы несомненно верно характеризуют новые моменты в развитии аграрных отношений в XVII—XVIII вв., но нельзя согласиться с их конечным выводом о феодализации османского общества в этот период. Подобная концепция демонстрирует явно ограниченное понимание сути феодализма. Ратуя за отказ от европоцентризма, за признание национальной самостоятельности турок, они вместе с тем, по давно устаревшей традиции, принимают за классические те формы феодального строя, которые были присущи отдельным этапам развития феодализма в ряде районов Западной Европы.

На фоне высказываний о «социальной гармонии» внутри османского общества последние работы Баркана представляются несомненным шагом вперед в научной разработке аграрных отношений средневековой Турции. В своем выступлении на X Международном конгрессе историков в Риме 1956 г. Баркан вновь вернулся к проблеме крепостничества и убедительно показал незначительность распространения крепостнических отношений в османском обществе XV—XVI вв. Вместе с тем он признал неверность утверждений, будто в Османской империи реаяя состояла из полностью свободных людей. По его мнению, турецкие крестьяне, являясь лично свободными, в то же время были определенным образом прикреплены к земле¹². В дальнейшем Баркан был вынужден признать, что социальный и политический режим, существовавший в Османском государстве, имел феодальный характер, хотя и сопровождал это признание множеством оговорок¹³. Важное значение для характеристики наиболее многочисленной прослойки феодального класса — военных ленников — имеет и недавняя публикация Барканом реестров, содержащих подробные описи оставленного в наследство имущества лицами, которые состояли на государственной и военной службе в XVI—XVII вв. Сведения,

¹² Ö. L. Barkan. Türkiye'de servaj var mı di? — «Belleten», с. XX, N 73.

¹³ Ö. L. Barkan. Le régime féodal et l'Empire Ottoman. — «XI Congrès International des sciences historiques. Stockholm, 1960, Resumés des communications». Göteborg, 1960.

содержащиеся в этих реестрах, показывают довольно активную хозяйственную деятельность ленников уже в середине XVI в., что коренным образом меняет существующее в исторической литературе представление о полной незаинтересованности сипахи в ведении собственного хозяйства.

После второй мировой войны пробуждается интерес к османской истории и среди буржуазных ученых Западной Европы и Америки. Для работ таких исследователей, как В. Льюис¹⁴, Ст. Шоу¹⁵, Р. Мантран¹⁶, Р. Анхеггер¹⁷, Н. Белдичиану¹⁸, характерен большой интерес к проблемам социально-экономической истории Турции, чрезвычайно широкая источниковедческая база, включающая как материалы европейских, так и турецких архивов. И хотя в ряде трудов западных авторов по-прежнему повторяются утверждения об отсутствии глубоких социальных различий между господами и слугами, о некоем единстве османского общества¹⁹, в целом современным исследованиям присущ более объективный подход к разработке таких проблем, как эволюция военно-ленной системы, характер Османского государства и причины его упадка, положение крестьян и т. п. Аграрные отношения в средневековой Турции пока не стали предметом специального монографического исследования, хотя за последние годы европейские и американские тюркологи издали целый ряд источников по аграрной истории, представляющих несомненную ценность и свидетельствующих о серьезном интересе к аграрной тематике.

Среди нескольких работ, где поземельные отношения являются предметом исследования, следует отметить труд английских ориенталистов Гамилтона Гибба и Гарольда Боуэна «Исламское общество и Запад». Первые две книги этого издания посвящены Османской империи в XVIII в.²⁰. Отдельная глава работы отведена описанию аграрного строя в малоазиатских и балканских провинциях империи. В ней авторы подробно характеризуют основные формы землевладения и землепользования, взаимоотношения

---

¹⁴ В. Lewis. Notes and Documents from the Turkish Archives. Jerusalem, 1952; его же. «The Emergence of Modern Turkey». L., 1961.

¹⁵ St. Shaw. The Financial and Administrative Organisation and Development of Ottoman Egypt, 1517—1798. Princeton, 1962.

¹⁶ R. Mantran, J. Sauvaget. Règlements fiscaux ottomans. Beyrouth, 1951.

¹⁷ R. Anhegger, H. Inalcik. Kanunnâme-i sultanî ber müceb-i orf-i osmani. Ankara, 1956.

¹⁸ N. Beldiceanu. Les actes des premiers sultans conservés dans les manuscrits turcs de la Bibliothèque Nationale à Paris. T. I. Actes de Mehmet II et de Bayezid II. P., 1960. T. II. Règlements miniers. 1390—1512. P., 1964; N. Beldiceanu, I. Beldiceanu-Steinherr. Recherches sur la province de Qaraman du XVI siècle. Leiden, 1968.

¹⁹ F. Babinger. Mahomet II le Conquérant et son temps. P., 1954.

²⁰ H. A. Gibb, H. Bowen. Islamic Society and the West, vol. I. Islamic Society in the eighteenth century, part I. L., 1950.

крестьян с государством и военными ленниками, прослеживают эволюцию военно-ленной системы и отмечают причины ее упадка. Вопреки широко распространенным среди буржуазных историков взглядам, согласно которым Османское общество не знало феодализма, Гибб и Боуэн вполне обоснованно определяют аграрные отношения в Османском государстве как феодальные, характеризуют сипахи, как категорию феодалов-землевладельцев, а реайю как зависимый и эксплуатируемый класс. «Нет сомнений, — отмечают они, — что крестьянство было по существу на милости землевладельцев, хотя различные установления имели тенденцию к ограничению их власти». Основываясь на введенном в свод законов праве сипахи разыскивать и насильно возвращать на землю беглых крестьян и справедливо полагая, что в действительности у землевладельцев было еще больше возможностей для произвола над райятами, Гибб и Боуэн приходят к выводу: «Таким образом, крестьяне были обязаны работать и обеспечивать доходы землевладельцев, если не хотели умирать с голоду, и не только фактически, но и по закону они были настоящими крепостными». Вместе с тем английские историки полагают, что положение реайи на землях сипахи было несколько лучшим, чем на казенных или вакуфных, не только из-за существовавших ограничений владельческих прав сипахи, но и в силу большой близости военных ленников к крестьянам. По их мнению, сипахи «в известном смысле сами были не более, чем высшей категорией крестьян». Этот вывод делается авторами на основании анализа османского законодательства, которое, как они полагают, допускало превращение сипахи в реайю через запись в дефтеры и превращение райятов в ленников посредством жалованных грамот о тимаре. Хотя подобные факты несомненно имели место, особенно на ранней стадии развития феодальных отношений, английские историки преувеличивают их значение и явно идеализируют отношения между реайей и сипахи, не замечая, что они противоречат своим же заключениям о крайне тяжелом правовом положении сельского населения на ленных землях.

Подобная же идеализация характерна и для другого английского историка Б. Льюиса. Признавая феодальный характер военно-ленной системы и большое воздействие норм византийского феодального права на оформление поземельных отношений в Османском государстве, он одновременно утверждает, что лишь вытеснение сипахи откупщиками налогов и другими лицами, «заинтересованными не в благосостоянии крестьян или сохранении земельного фонда, а в немедленном получении процентов с налоговых сборов», привело к разорению крестьян и упадку земледелия²¹.

Ведущая роль в разработке проблем аграрной истории Турции в настоящее время принадлежит представителям марксистской

²¹ B. Lewis. The Emergence., p. 32.

исторической школы. Советские историки А. Ф. Миллер, А. С. Тверитинова, А. Д. Новичев и другие, а вслед за ними и ученые других социалистических стран дали в своих работах принципиально новую характеристику аграрных отношений в Османской империи, обратив особое внимание на специфику развития турецкого феодального строя, изменения в положении зависимого крестьянства, эволюцию феодальной ренты, формы и методы антифеодальной борьбы народных масс. Их работы показали явную несостоятельность теории о бесклассовом характере османского общества и о царившем в нем «единстве между народом и правителями». Разработка столь сложных проблем возможна лишь при наличии достаточно широкой источниковедческой базы. Не случайно поэтому как советские историки, так и ученые других социалистических стран уделяют особое внимание публикациям источников, в первую очередь турецких архивных материалов. Наибольшего размаха источниковедческая работа достигла в Болгарии²² и Югославии²³, где сохранились обширные турецкие архивы.

Среди подобных изданий в СССР прежде всего следует отметить публикацию С. Джикия дефтер-и-муфассал (подробного реестра) вилайета Гюрджистан²⁴ и публикации А. С. Тверитиновой ранее неизвестного текста кануна Селима I и сборника материалов по аграрным отношениям в Османской империи в XV—XVI вв., куда вошли переводы из кануна Мехмеда II и Сулеймана Кануни, образцы подробных и кратких реестров, жалованные и вакуфные грамоты²⁵.

Марксистская концепция аграрных отношений в Османской империи²⁶ исходит из наличия ряда общих закономерностей в развитии турецкого народа и народов других стран Старого Света в эпоху средневековья. Наиболее важным моментом среди них является то, что для османского, как и для других средневековых обществ были характерны однотипные производственные отношения, в основе которых лежала монопольная собственность господ-

---

²² См. в частности: Извори за българска история. Турски извори за българска история. Серия XV—XVI вв., т. I. Съст. и ред. Б. Цветкова, В. Мутафчиева. София, 1964; Т. II. Съст. и ред. Н. Тодоров, Б. Недков. София, 1966. Турски извори за историята на право в българските земи, т. I. Съст. Г. Гълъбов. София, 1961.

²³ См. в частности: Monumenta Turcica. Serija I, Zakonski spomenici sv. I. Kanuni i kanunname. Sarajevo, 1957; Serija II, Defteri. Kn. I. Krajiste Isa-beja Ishakovića. Sarajevo, 1964.

²⁴ См. С. Джикия. Пространний реестр Гюрджистанского вилайета. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).

²⁵ Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы. Сост., перевод и комм. А. С. Тверитиновой. М., 1963.

²⁶ См., например, соответствующие разделы по истории Турции во «Всемирной истории», тт. IV—V. М., 1960; А. Д. Новичев. История Турции, т. I. Эпоха феодализма. Л., 1963; В. Мутафчиева. Аграрните отношения в Османската империя през XV—XVI вв. София, 1962.

ствующего класса на землю, неполная собственность непосредственных производителей на средства производства и извлечение прибавочного продукта правящим классом с помощью внеэкономического принуждения. Это обстоятельство убедительно свидетельствует о том, что и средневековая Турция была феодальным государством. Османскому феодализму был присущ ряд особенностей, обусловленных конкретно-историческими условиями его возникновения и развития. Одной из отличительных черт османского феодального общества (характерных также ряду других государств Востока в период средневековья) является наличие сильной центральной власти. В сфере аграрных отношений это обстоятельство отразилось в существовании верховной собственности государства на землю. Другой особенностью является особая агрессивность и воинственность Османского государства, что позволило К. Марксу отметить его как «единственную подлинно военную державу средневековья»²⁷. В связи с этим для средневековой Турции характерно очень широкое распространение условных (обычно военных) пожалований и ведущая роль военных ленников внутри класса феодалов. Советские историки считают, что военно-ленная система лежала в основе всей политической и военной организации Османской империи и была прочной базой абсолютной власти турецких султанов. Вместе с тем они отмечают существование наряду со служебным землевладением и форм неслужебного, иными словами, безусловного землевладения (вакф, мюльк). По мере развития феодализма в Турции происходило увеличение роли безусловного землевладения, которое расширялось за счет владений сипахи и казенных земель.

Подчеркивая важное значение завоеваний для ускорения вызревания феодальных отношений в Османском государстве, историки-марксисты убедительно показали пагубные последствия турецкой агрессии для народов покоренных стран и, в частности, для населения Балкан и Закавказья. Завоеватели нанесли не только тяжелый урон хозяйственной жизни пораженных народов, их внешней и внутренней торговле, их культурному развитию. Установление османского господства на Балканах и Закавказье привело к консервации феодальных отношений и по существу представляло собой значительный шаг назад в историческом развитии завоеванных народов.

Отмечая успешную марксистскую разработку наиболее общих и принципиально важных проблем аграрного строя средневековой Турции, следует признать, что до сих пор многие вопросы земельных отношений изучены еще слабо и остаются до сих пор еще спорными и нерешенными.

Одним из таких вопросов является сущность тимара — наиболее распространенной формы условных пожалований. Многие тюркологи рассматривали тимар как лен, т. е. как землю, часть

²⁷ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, стр. 189.

доходов с которой уступалась государством леннику за службу. Подобную точку зрения высказывают и советские историки²⁸, правда, А. Д. Новичев несколько уточняет ее, заявляя, что первоначально тимар был бенефицием, а затем превратился в лен. Болгарская османистка В. Мутафчиева выступила с новой теорией происхождения тимара²⁹. Она считает взгляд на тимар, как на лен, ошибочным. Такая трактовка, по ее мнению, есть результат механического перенесения западноевропейских аграрных институтов на Восток. Проанализировав большое число документов о составе тимаров, В. Мутафчиева пришла к выводу, что в XV в. тимар представлял собой «отчисление от централизованной феодальной ренты», причем, как правило, получение тимариотом этого отчисления не было связано с владением какой-либо территорией. Первоначально тимар состоял из сборов с определенного числа крестьянских хозяйств или иных поступлений фиска и лишь в XVI в., особенно в период правления султана Сулеймана, тимар начинает приобретать характер земельного владения. Указанная теория вызвала живой интерес среди тюркологов, однако А. С. Тверитинова в своих последних статьях вновь отстаивала земельный характер тимара³⁰.

В исследованиях советских и балканских историков много внимания уделяется анализу социального состава сипахийства, доходов сипахи и их прав в отношении крестьян. Уже упомянутая В. Мутафчиева, исходя из факта существования феодальной иерархии в османской военно-ленной системе, характеризует тимариотов как представителей низшей, широкой прослойки класса феодалов, не принимавших никакого участия в организации сельскохозяйственного производства и живших главным образом за счет военной добычи. Такие историки, как Б. Джурджев и А. С. Тверитинова, отмечают, что в XV—XVI вв. у определенной части ленников заметно усиление хозяйственной активности, что выражается в развитии и укреплении личного хозяйства сипахи. Опираясь на публикации Баркана, о которых уже говорилось выше, А. С. Тверитинова считала возможным пересмотреть и общую оценку тимариотов.

Большие расхождения существуют и в характеристике форм зависимости крестьян. Первоначально среди советских историков было широко распространено убеждение, нашедшее отражение,

---

²⁸ См. А. С. Тверитинова. К вопросу о доменальном землевладении феодалов-ленников в Османской империи XV—XVI вв. — «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. XXXVIII, 1963; А. Д. Новичев. К вопросу о феодальных отношениях и положении крестьян в Турции во второй половине XV в. — «Уч. зап. Ленингр. ун-та», 1964, № 49, сер. востоковедческих наук, вып. 12.

²⁹ См. В. Мутафчиева. Указ. соч., 44.

³⁰ См. А. С. Тверитинова. Некоторые нерешенные проблемы в характеристике турецкого феодализма. — В сб.: Ближний и Средний Восток. История, культура, источниковедение. М., 1968.

в частности, в работе Г. И. Ибрагимова³¹, что крестьяне в Османской империи находились в крепостной зависимости и турецкие феодалы могли покупать и продавать их, творить над ними суд и расправу. Изучение прав тимариотов в отношении приписанных к ним крестьян, условий ухода реаи от сипахи и практики возвращения беглых позволило А. Д. Новичеву впоследствии высказать мысль о том, что «даже в пору самого сильного феодального угнетения подавляющее большинство крестьян Османской империи, будучи зависимыми по земле, лично были юридически свободными»³². Эта точка зрения, близкая ко взглядам Баркана, разделяется и В. Мутафчиевой. По мнению автора данной статьи, анализ взаимоотношений сипахи и райята показывает, что в XV—XVI вв. существовали не только поземельная, но и определенная личная зависимость райята, доказательства чему были приведены выше. Относительная личная независимость реаи объясняется ее весьма значительными правами в отношении своих чифтликеров. Отношение турецких крестьян к земле в указанный период можно охарактеризовать как длительное наследственное владение, которое во многом напоминает французскую цензиву позднего средневековья.

В то время, как многие историки, в том числе Б. Недков, Х. Филипович, Ал. Стояновски, А. Д. Новичев и другие, отмечая натуральный характер экономики страны, считают, что в это время должна была преобладать натуральная форма ренты, В. Мутафчиева высказывает мысль, что в XV в. натуральные поставки и денежные платежи почти выравнялись, а в XVI в. уже преобладала денежная рента³³. Она полагает, что замена продуктовой ренты денежной определялась не только и не столько развитием товарно-денежных отношений, но административными мерами правительства. Это косвенно подтверждается теми изменениями, которые произошли в XVI в. в распределении феодальной ренты. По подсчетам В. Мутафчиевой, доля фиска, составлявшая в конце XV в. 30—50% всего дохода от феодальной эксплуатации, увеличивается в конце XVI в. до 70—80%. Переход к денежным платежам при недостаточном развитии товарно-денежных отношений и крайней узости рынка усиливал разорение непосредственных производителей и вел к сокращению объема производства. Это предположение подтверждается тем, что массовое обнищание крестьян, запустение полей и падение урожайности, отмечаемое со второй половины XVI в. в Османской империи, совпадает с периодом наибольшего развития денежной ренты.

Сравнительно слабо изучены формы и методы борьбы народных масс против османского гнета. Внимание советских и других исследователей привлекали главным образом вооруженные вы-

³¹ См. Г. И. Ибрагимов. Крестьянские восстания в Турции XV—XVI вв. — «Византийский временник VII». М., 1953.

³² А. Д. Новичев. Указ. соч., стр. 131.

³³ См. В. Мутафчиева, Указ. соч., стр. 76.

ступления крестьян³⁴. В последние годы ученые стали интересоваться и другими формами народного протеста, как пассивными, так и активными. Несколько работ, посвященных анализу форм антифеодальной борьбы на болгарских землях в период турецкого господства, опубликовала болгарский историк Б. Цветкова³⁵. Югославский ученый А. Матковски посвятил свои работы такой специфической форме народных выступлений на Балканах, как гайдучество³⁶. В предисловии к первому тому публикаций турецких документов о гайдуках и в ряде статей он дает развернутую характеристику гайдуцкого движения на Балканах. По его мнению, это движение представляло собой общую форму сопротивления населения Балкан и Малой Азии при феодализме. Отмечая, что выступления гайдуков были направлены против представителей феодального класса, а также против богатых горожан, А. Матковски выдвигает на первый план социальный характер движения и подчеркивает, что в нем принимало участие как местное сельское население, так и турецкие крестьяне. Как полагает автор, почти все крестьянские восстания против Османского государства были связаны с движением гайдуков, оно оказало большое влияние на многих участников национально-освободительной борьбы. Вместе с тем он признает, что политическое и классовое сознание гайдуков было на весьма низком уровне, зачастую их действия сводились к обычным грабегам, из-за религиозно-национальной вражды гайдуки-христиане и гайдуки-мусульмане не могли объединить своих усилий в борьбе против общего угнетения.

Выступая по поводу работ А. Матковски, В. Мутафчиева поддержала многие положения, выдвинутые югославским ученым, но не согласилась с его подходом к вопросу о национальном составе гайдуков³⁷. В исторической литературе под названием гайдуцкое движение принято понимать локальную и спонтанную форму сопротивления балканских народов и, в частности, южных славян, форму, которая одновременно представляет и классовую и национальную борьбу. Нельзя отрицать того, что в этот период турецкие крестьяне также выступали против класса феодалов, но их движение было лишено национального стимула. Поэтому, по мне-

³⁴ См. А. С. Тверитинова. Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. М.—Л., 1946.

³⁵ В. Цветкова. *Mouvements antiféodaux dans les terres bulgares sous domination ottomans du XVI au XVIII siècles.* — «Etudes historiques», t. II. Sofia, 1965; Б. Цветкова. За някои форми на съпротиве срещу турския феодален строй през XVIII в. — В сб.: Паисий Хилендарский и неговата епоха. София, 1962.

³⁶ Турски извори иза ајдутството и арамистово в Македонија, т. 1 (1620—1650); т. 2 (1650—1700). Перев., ред. и комм. А. Матковски. Скопје, 1961; А. Матковски. Хайдути в Македонија през првата половина на XVII в. — «Известия за институт на историја», тт. 14—15. София, 1965.

³⁷ См. рецензию В. Мутафчиевой на публикации А. Матковски в «Etudes Balkaniques», 1960, N 1.

нию Мутафчиевой, борьбу балканских и турецких крестьян нельзя объединить под одним названием «гайдучества».

Настоящая статья не может претендовать на исчерпывающее изложение всех взглядов по вопросу об аграрных отношениях, высказанных в современной литературе по османской истории. Однако и рассмотренные нами работы показывают, что в изучении аграрных отношений в Османской империи за последние десятилетия произошли существенные сдвиги. Они связаны со значительным расширением источниковедческой базы исследований, но в еще большей мере определяются широким распространением и растущим влиянием марксистского метода исторических исследований.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Симоновская Л. В. Аграрные отношения в феодальном Китае	7
Симоновская Л. В. Крестьянские восстания в средневековом Китае	28
Стужина Э. П. , Смолни Г. Я. История изучения китайских городов, ремесла и торговли	41
Лапина З. Г., Симоновская Л. В. Политическая борьба в средневековом Китае	60
Пак М. Н. К периодизации ранней истории Кореи	77
Ванин Ю. В. О разложении феодализма в Корее	120
Деопик Д. В. Феодальное общество Вьетнама	140
Поздняков И. Г. Проблемы японского феодализма в трактовках прогрессивных японских историков	156
Сырницын И. М. Современная историография генезиса японского феодализма	170
Хруслов Г. В. Советская и западная историографии периода феодализма и генезиса капитализма в Японии	187
Алаев Л. Б. Индийское средневековье	200
Белова Н. К. Зарождение и формирование феодализма в Иране	225
Ацамба Ф. М., Надирадзе Л. И. Развитие феодализма в Арабском халифате	249
Мейер М. С. Некоторые черты аграрных отношений в Османской империи	279

Историография стран Востока (проблемы феодализма).
М., Изд-во Моск. ун-та, 1977.

с. 296.

Настоящая работа является коллективной монографией по актуальным проблемам историографии феодализма стран Востока.

В книге рассматриваются вопросы, связанные со спецификой становления и развития феодализма в Китае, Японии, Корее, Вьетнаме, Османской империи и других странах. Основное внимание обращено на выявление общих закономерностей феодального строя. Наиболее полно дана характеристика феодального общества Китая: политический строй, ремесло, торговля. Отдельные аспекты аграрных отношений освещаются на примере Индии, Ирана, Арабского халифата.

И $\frac{10601-128}{077(02)-76}$ БЗ 27—32—1976

© Издательство Московского университета, 1977 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН ВОСТОКА
(проблемы феодализма)

Заведующая редакцией
Н. М. Сидорова
Редактор *В. В. Белугина*
Младший редактор
Е. А. Капустина
Художественный редактор
Н. Ф. Зыков
Переплет художника
О. В. Камаева
Технический редактор
К. С. Чистякова
Корректоры *В. П. Кададинская,*
Л. С. Клочкова
Б.З. 27—32—1976

И.Б. № 336

Сдано в набор 21/V 1976 г. Подпи-
сано к печати 27/V 1977 г. Л-86 326
Формат 60×90/16 Бумага тип. № 1
Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 21,7
Изд. № 1316 Зак. 488 Тир. 4380 экз.
Цена 1 р. 89 к.

Издательство
Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
2	6	Редакционная коллегия: <i>Ф. М. Ацамба, М. С. Иванов, З. Г. Лапина, В. И. Павлов, М. Н. Пак, М. Ф. Юрьев</i>	Редакционная коллегия: <i>Ф. М. Ацамба, М. С. Иванов, З. Г. Лапина, В. И. Павлов, М. Н. Пак, Л. В. Симоновская, М. Ф. Юрьев</i>

Зак. 488

Цена 1 р. 89 к.

